МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

РОСТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (РИНХ)
№ 2 (70), ИЮНЬ, 2020

V E S T N I K

OF ROSTOV STATE UNIVERSITY OF ECONOMICS (RINH)
№ 2 (70), JUNE, 2020

РОСТОВ-НА-ДОНУ
2020

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

РОСТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (РИНХ)

№ 2 (70), ИЮНЬ, 2020

Научно-практический журнал.
Издается с 1996 года.
Периодичность — 4 номера в год.
№ 2 (70), 2020

Журнал «Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)» включен в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» (http://vak.ed.gov.ru/ru/help_desk/list).

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 02.08.2019 ПИ № ФС77–76371.

Подписной индекс 94061 (на год)
в каталоге «Пресса России»
или на сайте www.arpk.org

Международный стандартный номер сериального издания:
ISSN 1991–0533

Адрес редакции журнала:
344002, Ростов-на-Дону,
ул. Б. Садовая, 69, к. 337.
Тел. (863) 237–02–75.
E-mail: vestnik.rsue@mail.ru

© Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), 2020

Главный редактор
Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор экономических наук, профессор

Альбеков Адам Умарович

Заместитель главного редактора
доктор экономических наук, профессор

Вовченко Наталья Геннадьевна

Ответственный секретарь
доктор экономических наук, доцент

Пархоменко Татьяна Валерьевна

Рукописи представляются в редакцию в электронном виде (на диске или по электронной почте vestnik.rsue@mail.ru). Редакция в обязательном порядке осуществляет экспертную оценку (рецензирование, научное и стилистическое редактирование) всех материалов, публикуемых в журнале.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: http://rsue.ru/podrazdelenie.aspx?id=702.

Мнение редакции и членов редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикации.

Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов.

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGH EDUCATION OF RUSSIAN FEDERATION

VESTNIK

OF ROSTOV STATE UNIVERSITY OF ECONOMICS (RINH)

№ 2 (70), JUNE, 2020

Scientifically-practical journal.
First published in 1996.
Periodical — 4 issues per year.
№ 2 (70), 2020

Journal «Vestnik of Rostov State University of Economics (RINH)» is included in «List of Russian peer-reviewed scientific journals, which should be published by major scientific results of theses for degree of doctor and candidate of sciences» (http://vak.ed.gov.ru/ru/help_desk/list).

Edition is registered in Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media since the 02.08.2019 ПИ № ФС77–76371.

Index 94061 (for one year)
in catalog «The Russian Press»
or online at www.arpk.org

International Standard Serial Number:
ISSN 1991–0533

Publishing address of the journal:
344002, Rostov-on-Don,
B. Sadovaya st., 69, room 337.
Tel. (863) 237–02–75.
E-mail: vestnik.rsue@mail.ru

© Rostov State University of Economics (RINH), 2020

Editor-in-Chief
Honored Worker of Science of Russian Federation,
Ph. D. in Economics, professor
Albekov Adam Umarovich

Deputy Editor-in-Chief
Ph. D. in Economics, professor
Vovchenko Natalia Gennadievna

Executive Secretary
Ph. D. in Economics, associate professor
Parkhomenko Tatiana Valerievna

Received manuscripts available in electronic form (on disk or by e-mail: vestnik.rsue@mail.ru). Editorial compulsorily provides expert assessment (peer review, scientific and stylistic editing) of all materials published in journal.

Review the requirements for materials on site of journal: http://rsue.ru/podrazdelenie.aspx?id=702.

Opinion of editorial and board members do not necessarily reflect the views of the authors of the publication.

Responsibility for content of publications and reliability of facts carried by authors of materials.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Де Ла Роберти Катерин Сарландин — ректор, руководитель набора S2IE «Международная стратегия и экономическая безопасность», директор лаборатории SEE, профессор факультета управления и экономики предприятия Парижского университета Сорбонны Пантеона I, г. Париж, Франция.

Ханаппи Харди — д. э. н., профессор экономического факультета Венского технического университета, г. Вена, Австрия.

Глушек Ярослав — кандидат наук, почетный доктор, профессор, ректор Университета имени Грегора Менделя, г. Брно, Чешская Республика.

Таше Иллеана — д. э. н., профессор факультета экономических наук Трансильванского университета, г. Брашов, Румыния.

Рупейка-Апога Рамона — д. э. н., профессор кафедры финансов и бухгалтерского учета факультета бизнеса, управления и экономики Университета Латвии, г. Рига, Латвия.

Талассинос Элифтериос Яннис — д. э. н., ученая степень Университета Иллинойса, профессор экономического факультета Университета Пирея, Президент международной ассоциации стратегического управления, редактор журнала ERSJ, IJEBA & IJMTEI, г. Пирей, Греция.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Боев Василий Юрьевич — к. э. н., доцент, проректор по учебной работе, зав. кафедрой экономики региона, отраслей и предприятий Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), г. Ростов-на-Дону.

Бондаренко Виктория Андреевна — д. э. н., доцент, зав. кафедрой маркетинга и рекламы Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), г. Ростов-на-Дону.

Кузнецов Николай Геннадьевич — д. э. н., профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, зав. кафедрой экономической теории Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), г. Ростов-на-Дону.

Механцева Карина Феликсовна — д. э. н., профессор, зав. кафедрой товароведения и управления качеством Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), г. Ростов-на-Дону.

Морковина Светлана Сергеевна — д. э. н., профессор, эксперт Агентства инноваций и развития экономических и социальных проектов, проректор по науке и инновациям, зав. кафедрой менеджмента и экономики предпринимательства Воронежского государственного лесотехнического университета имени Г. Ф. Морозова, г. Воронеж.

Ниворожкина Людмила Ивановна — д. э. н., профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, зав. кафедрой математической статистики, эконометрики и актуарных расчетов Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), г. Ростов-на-Дону.

Максимцев Игорь Анатольевич — д. э. н., профессор, академик Российской академии естественных наук, академик Международной академии наук высшей школы, почетный доктор Бухарестской экономической академии, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, г. Санкт-Петербург.

Полуботко Анна Александровна — д. э. н., профессор, зав. кафедрой коммерции и логистики Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), г. Ростов-на-Дону.

Эскиндаров Михаил Абдурахманович — д. э. н., ректор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, профессор, член-корреспондент Российской академии образования.

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

De La Robertie Catherine Sarlandie — Rector, Director master of S2IE International strategy and intelligence economic, Director laboratories of SEE, Professor of Universities management and Economy of enterprise Parisian Pantheon Sorbonne University I, Paris, France.

Hanappi Hardy — Dr., Univ. Prof., Vienna University of Technology, Economics Department, Faculty Member, Austria.

Hlušek Jaroslav — Prof. Ing., CSc., dr. h. c., Mendel University in Brno, Czech Republic.

Tache Ileana — Professor, Ph. D., Transylvania University of Brasov, Faculty of Economic Sciences, Romania.

Rupeika-Apoga Ramona — Professor, Dr. Chair, Department of Finance and Accounting Faculty of Business, Management and Economics University of Latvia, Latvia.

Thalassinos Eleftherios Ioannis — Ph. D. University of Illinois, Professor, Department of Economics, University of Piraeus, President of International Strategic Management Association (ISMA), Director of Master of Science, Department of Maritime Studies, Editor ERSJ, IJEBA & IJMTEI, European Chair Jean Monnet in EMU, School of Maritime & Industry, Greece.

EDITORIAL COUNCIL

Boev Vasiliy Yuryevich — Ph. D. in Economics, associate professor, Vice-rector for academic affairs, head of department of regional, industrial and business economy of Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don.

Bondarenko Victoria Andreevna — Ph. D. in Economics, associate professor, head of marketing and advertising department of Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don.

Kuznetsov Nikolay Gennadyevich — Ph. D. in Economics, professor, honored worker of science of Russian Federation, head of department of economic theory of Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don.

Mekhantseva Karina Pheliksovna — Ph. D. in Economics, professor, head of merchandizing and quality management department of Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don.

Morkovina Svetlana Sergeyevna — Ph. D. in Economics, professor, expert of Agency of innovations and development of economic and social projects, vice-rector of science and innovations, manager of department of management and economy of an entrepreneurship of Voronezh State Timber University named by G. F. Morozov, Voronezh.

Nivorozhkina Lyudmila Ivanovna — Ph. D. in Economics, professor, honored worker of science of Russian Federation, head of department of mathematical statistics, econometrics and actuarial calculations of Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don.

Maksimtsev Igor Anatolyevich — Ph. D. in Economics, professor, academician of Russian Academy of Natural Sciences, academician of International academy of Sciences of higher school, honorable doctor of Bucharest Economic Academy, rector of St. Petersburg State Economic University.

Polubotko Anna Aleksandrovna — Ph. D. in Economics, associate professor, head of department of commerce and logistics of Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don.

Eskindarov Mikhail Abdurakhmanovich — Ph. D. in Economics, rector of Financial University under Government of Russian Federation, professor, corresponding member of Russian Academy of Education.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Батищева Галина Андреевна — д. э. н., доцент, профессор кафедры фундаментальной и прикладной математики Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), г. Ростов-на-Дону.

Боровская Марина Александровна — д. э. н., профессор, научный руководитель Центра научных исследований «Инструментальные, математические и интеллектуальные средства в экономике» Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону.

Брелик Агнешка — д. э. н., экономический факультет Западно-померанского технологического университета, г. Щецин, Польша.

Буркальцева Диана Дмитриевна — д. э. н., доцент, профессор кафедры финансов предприятий и страхования Института экономики и управления Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь.

Вертакова Юлия Владимировна — д. э. н., профессор, зав. кафедрой региональной экономики и менеджмента Юго-Западного государственного университета, г. Курск.

Гарнов Андрей Петрович — д. э. н., профессор, зав. кафедрой экономики и организации производства Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, г. Москва.

Димитриади Николай Ахиллесович — д. э. н., д. м. н., профессор кафедры общего и стратегического менеджмента Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), г. Ростов-на-Дону.

Золотарёв Владимир Семёнович — д. э. н., профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры финансового менеджмента Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), г. Ростов-на-Дону.

Усенко Людмила Николаевна — д. э. н., профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, зав. кафедрой анализа хозяйственной деятельности и прогнозирования Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), г. Ростов-на-Дону.

Халын Виктор Геннадьевич — к. э. н., депутат Законодательного Собрания Ростовской области VI созыва.

Шеховцов Роман Викторович — д. э. н., доцент, заместитель министра экономического развития Ростовской области Правительства Ростовской области, г. Ростов-на-Дону.

Шимов Владимир Николаевич — д. э. н., профессор, ректор Белорусского государственного экономического университета, г. Минск, Республика Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Batishcheva Galina Andreevna — Ph. D. in Economics, associate professor, professor of department of fundamental and applied mathematics of Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don.

Borovskaya Marina Aleksandrovna — Ph. D. in Economics, Professor, Scientific Director of Research Centre «Instrumental, mathematical and intellectual means in Economics» of Southern Federal University, Rostov-on-Don.

Brelik Agnieszka — Ph. D., Faculty of Economics, West Pomeranian University of Technology in Szczecin, Poland.

Burkaltseva Diana Dmitriyevna — Ph. D. in Economics, associate professor, professor of department of finance of enterprises and insurance of Institute of economy and management of Crimean federal university named by V. I. Vernadskiy, Simferopol.

Vertakova Yulia Vladimirovna — Ph. D. in Economics, professor of managing department of regional economy and management of Southwest State University, Kursk.

Garnov Andrey Petrovich — Ph. D. in Economics, professor, head of economy and production organization department of Plekhanov Russian University of Economics, Moscow.

Dimitriadi Nikolay Akhillesovich — Ph. D. in Economics, doctor of medical sciences, professor of department of general and strategic management of Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don.

Zolotariov Vladimir Semionovich — Ph. D. in Economics, professor, honored worker of science of Russian Federation, professor of financial management department of Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don.

Usenko Lyudmila Nikolaevna — Ph. D. in Economics, professor, honored worker of science of Russian Federation, head of department of analysis of business activities and forecasting of Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don.

Halyn Viktor Gennadyevich — Ph. D. in Economics, Deputy of Legislative Assembly of Rostov region of the VI convocation.

Shekhovtsov Roman Viktorovich — Ph. D. in Economics, associate professor, Deputy Minister of Economic Development of Governments of Rostov region, Rostov-on-Don.

Shimov Vladimir Nikolaevich — Ph. D. in Economics, professor, rector of Belarusian State Economic University, Minsk, Republic of Belarus.

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

РОСТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (РИНХ)

№ 2 (70), ИЮНЬ, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. Управление экономическими системами _____ 12

Аржанов И. А.
Современные проблемы определения экономического потенциала Арктики **12**

Афанасьева И. И., Воронкова О. Н.
Шоки современной мировой экономики и их последствия **17**

Батищева Г. А., Журавлёва М. И., Новожилов А. С., Рязанов И. О.
Анализ факторов развития национальной и региональной экономики **26**

Богданова Р. М., Миронова О. А.
Тенденции развития высшего образования в малых городах России: экономический аспект **33**

Бондаренко В. А., Полуянова Н. В.
Социальное предпринимательство в осуществлении региональной социально-экономической политики, ориентированной на территориальное развитие **38**

Борисова В. В.
Цифровая трансформация институционального обеспечения логистической инфраструктуры региона **45**

Кушнаренко Т. В., Макеев В. А., Дебесай М. Г.
Оценка уязвимости сельских домохозяйств к изменению климата **53**

Ларионова К. А., Пархоменко Т. В.
Внешнеэкономические наднациональные интересы в отраслях ЕАЭС: методика выбора приоритетного рынка **59**

Лопаткин Г. А.
Современное состояние логистических решений и пути их развития в условиях цифровизации экономики **65**

Пржедецкая Н. В., Борзенко К. В.
Цифровая медицина как механизм повышения качества жизни в России **75**

Череповская Н. А.
Анализ внедрения базовых технологий Индустрии 4.0 **79**

РАЗДЕЛ 2. Экономика и предпринимательство _____ 87

Бондаренко В. А., Гузенко Н. В.
Новое развитие старопромышленных регионов: зарубежный опыт и возможности его применения в России **87**

Будяков А. Н., Тасуева Т. С.
Особенности закупок средств производства в нефтегазовой отрасли России **95**
Денисов О. Е.
Рынок молока и молочных продуктов: изменения, тенденции, актуальные модели построения бренда **101**
Димитриади Н. А., Тяглов С. Г., Мелкумян А. С.
Стратегические аспекты развития системы непрерывного образования **107**
Ермоленко О. Д.
Цифровая трансформация сельского хозяйства России и проблема формирования человеческого капитала **116**
Иванова Е. А., Довлетмурзаева М. А.
Влияние российской системы образования на развитие институциональной предпринимательской среды **124**
Кузнецов Н. Г., Тяглов С. Г., Родионова Н. Д.
Развитие социально-экономических систем в условиях их экологизации **132**
Мартыненко О. В.
Роль маркетинга в развитии промышленности в условиях цифровизации экономики **139**
Миргородская О. Н., Иванченко О. В.
Развитие инструментария HR-маркетинга на основе цифровых технологий **147**
Морковина С. С., Степанова Ю. Н.
Инновационный потенциал предприятия: оценка и матрица возможностей **155**
Мухаммед Умар Инува
Роль транснациональных корпораций в экономике Нигерии **171**
Украинцева Д. В.
Развитие маркетинговых коммуникаций в условиях пост-пандемии **176**

РАЗДЕЛ 3. Финансово-кредитные отношения и бухгалтерский учет _____ 183

Бородина А. Г.
Оценка доступности жилья в современной социально-инвестиционной политике Российской Федерации **183**
Исраилова Э. А., Баланова М. М.
О роли государства в регулировании деятельности платформенных компаний на примере Китайской Народной Республики **191**
Лабынцев Н. Т., Чухрова О. В.
Развитие бухгалтерского учета в условиях цифровой экономики **199**
Петров В. Г.
Анализ гостиничной инфраструктуры Ульяновской области с учетом сегментирования средств размещения и потребителей по цели поездки **207**
Уразова С. А.
Банкинг, ориентированный на достижение целей устойчивого развития: мировой опыт и перспективы развития в Российской Федерации **214**

НАШИ АВТОРЫ _____ 221

**MINISTRY OF SCIENCE AND HIGH EDUCATION
OF RUSSIAN FEDERATION**

VESTNIK

OF ROSTOV STATE UNIVERSITY OF ECONOMICS (RINH)

№ 2 (70), JUNE, 2020

CONTENT

SECTION 1. Management of economic systems _____ **12**

Arzhanov I. A.
Modern problems of determining the economic potential of Arctic **12**

Afanasyeva I. I., Voronkova O. N.
Shocks of modern world economy and their consequences **17**

Batishcheva G. A., Zhuravliova M. I., Novozhilov A.S., Ryazanov I. O.
Analysis of national and regional economic development factors **26**

Bogdanova R. M., Mironova O. A.
Trends in development of higher education in small Russian cities: economic aspect **33**

Bondarenko V. A., Poluyanova N. V.
Social entrepreneurship in implementation of regional socio-economic policy focused on territorial development **38**

Borisova V. V.
Digital institutional transformation of region's logistics infrastructure **45**

Kushnarenko T. V., Makeev V. A., Debesai M. G.
Assessing the vulnerability of rural households to climate change **53**

Larionova K. A., Parkhomenko T. V.
Foreign economic supranational interests in EEU sectors: methodology of selection of priority market **59**

Lopatkin G. A.
Current state of logistics solutions and ways of their development in conditions of digitalization of economy **65**

Przhedetskaya N. V., Borzenko K. V.
Digital medicine as a mechanism to improve the quality of life in Russia **75**

Cherepovskaya N. A.
Analysis of implementation of basic technologies in Industry 4.0 **79**

SECTION 2. Economics and business _____ **87**

Bondarenko V. A., Guzenko N. V.
New development of old industrial regions: foreign experience and opportunities for its application in Russia **87**

Budyakov A. N., Tasueva T. S.
Features of purchases of production facilities in Russian oil and gas industry **95**

Denisov O. E.
Milk and dairy products market: changes, trends, current brand building models **101**
Dimitriadi N. A., Tyaglov S. G., Melkyumyan A. S.
Strategic aspects of life-long learning system development **107**
Ermolenko O. D.
Digital transformation of Russian agriculture and problem of human capital formation **116**
Ivanova E. A., Dovletmurzaeva M. A.
Influence of Russian education system on development of institutional entrepreneurial environment **124**
Kuznetsov N. G., Tyaglov S. G., Rodionova N. D.
Development of socio-economic systems in conditions of their greening **132**
Martynenko O. V.
Role of marketing in development of industry in conditions of digitalization of economy **139**
Mirgorodskaya O. N., Ivanchenko O. V.
Development of HR-marketing tools based on digital technologies **147**
Morkovina S. S., Stepanova Yu. N.
Innovative potential of enterprise: assessment and matrix of opportunities **155**
Muhammed Umar Inuwa
Role of transnational corporations in economy of Nigeria **171**
Ukraintseva D. V.
Development of marketing communications in post-pandemic environment **176**

SECTION 3. Financial-credit relations and accounting _____ 183

Borodina A. G.
Assessment of housing affordability in current social investment policy of Russian Federation **183**
Israilova E. A., Balanova M. M.
On the role of state in regulation of platform companies' activities by example of Public Republic of China **191**
Labyntsev N. T., Chukhrova O. V.
Development of accounting in digital economy **199**
Petrov V. G.
Analysis of hotel infrastructure of Ulyanovsk region, taking into account the segmentation of accommodation facilities and consumers for purpose of trip **207**
Urazova S. A.
Banking oriented to achieve sustainable development goals: world experience and prospects for development in Russian Federation **214**

OUR AUTHORS _____ 221

РАЗДЕЛ 1. УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИМИ СИСТЕМАМИ

И. А. Аржанов

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА АРКТИКИ

Аннотация

Статья направлена на исследование комплекса факторов, которые влияют на экономические возможности использования ресурсов Арктики в условиях глобального изменения климата. С целью определения перспектив развития экономических возможностей Арктического региона, представляется необходимым: во-первых, исследовать международный режим Арктики; во-вторых, определить масштабы влияния глобального изменения климата на транспортный потенциал региона; в-третьих, исследовать его энергетические возможности; в-четвёртых, оценить использование биологических ресурсов региона, и, наконец, выявить проблемы, которые влияют на эффективное экономическое освоение региона.

Основу методического аппарата данного исследования составляет системный подход к изучению экономических особенностей и перспектив развития Арктического региона, а также комплекс общенаучных методов. Проведенный анализ показал, что географические, биологические, экологические, геополитические и стратегические факторы в их органической взаимосвязи обусловливают широкие возможности для использования экономического потенциала Арктического региона, однако, комплекс негативных факторов, таких так ограниченный географический доступ, экологические проблемы, сложная геополитическая ситуация, создают дополнительные проблемы для эффективного использования ресурсов Арктики. Выводы и обобщения исследования могут использоваться как основа для будущих исследований оценки регионального и глобального значения арктических изменений, включая как возможные выгоды, так и проблемы. Научная значимость заключается в теоретическом обобщении факторов, влияющих на экономический потенциал развития Арктики. Практическая значимость исследования состоит в том, что результаты могут быть использованы в учебном процессе при подготовке материалов о современной обстановке и возможностях арктического региона.

Ключевые слова

Арктика, изменение климата, транспортные ресурсы, экономический потенциал, международно-правовой статус, Конвенция ООН по международному праву 1982 г.

I. A. Arzhanov

MODERN PROBLEMS OF DETERMINING THE ECONOMIC POTENTIAL OF ARCTIC

Annotation

Article is aimed at studying a set of factors that influence on economic possibilities of using the resources of Arctic in context of global climate change. In order to determine the prospects for development of economic opportunities in Arctic region, it is necessary: firstly, to study the international regime of Arctic; secondly, to determine the extent of impact of

global climate change on transport potential of region; thirdly, to explore its energy capabilities; fourthly, to estimate the use of biological resources of region, and, finally, to identify problems that have an influence on effective economic development of region.

Systematic approach to the study of economic features and development prospects of Arctic region, as well as a set of general scientific methods are represent a methodological background of current article. Analysis showed that the geographical, biological, environmental, geopolitical and strategic factors in their complex relationship determine the wide possibilities for using the economic potential of Arctic region. However, a set of negative factors, for instance, limited geographical access, environmental problems, difficult geopolitical situation, create more problems for efficient use of Arctic resources. Conclusions and generalizations of study can be used as a basis for future studies with purpose to estimate the regional and global significance of Arctic changes, including both possible benefits and problems. Scientific significance lies in theoretical generalization of factors affecting the economic potential of development of Arctic. Practical significance of study is that the results can be used in educational process, preparing analytical papers, taking into account the current situation and capabilities of Arctic region.

Keywords

Arctic, climate change, transport resources, economic potential, international legal status, 1982 UN Convention on International Law.

Введение

За последние три десятилетия Арктика меняется беспрецедентными темпами, что обусловлено глобальным изменением климата, причем средняя скорость потепления в регионе в два раза выше, чем в среднем в мире. Эти изменения в Арктике проявляются таянием морского льда, вечной мерзлоты, ледников и Гренландского ледяного щита. Поскольку изменение климата влечет за собой значительные экономические последствия во всем мире, ожидается, что и в Арктике также может измениться ситуация с использованием возрастающих возможностей региона. Тем не менее исследования о влиянии изменений в Арктике на экономический потенциал региона ограничены превалированием учета исключительно экономических или политических аспектов, что обуславливает необходимость провести комплексный анализ, учитывая все факторы.

Материалы и методы

Выбор методологии и методов исследования экономического аспекта развития Арктического региона в значительной степени был обусловлен стандартами и апробированным инструментарием научного анализа, которые используются современной политической наукой для исследования системы современных международных отношений в целом. Главной методологической основой изучения проблемы вполне логично стал системный подход, поскольку он привлекает внимание многих ученых, которые опираются на него в разработке основных тенденций развития конкретного региона (в данном случае Арктического) и стремятся раскрыть на основе этого подхода общий смысл событий, которые возникают, чтобы прогнозировать их развитие в будущем. В целом, применение системного подхода к изучению экономических особенностей и перспектив развития Арктического региона достаточно эффективно раскрывает различные аспекты взаимосвязи внутренних и внешних факторов эволюции современного международно-политического статуса Арктики, ее места и роли в системе международных отношений. Вместе с тем также были использованы методы,

применяемые на теоретическом уровне исследования, и имеют преимущественно обобщенно-логический характер, в частности дедуктивный и индуктивный методы.

Результаты

Окружающая среда Арктики меняется быстро из-за изменения климата. Несмотря на продолжающееся сотрудничество между арктическими государствами и другими странами, риск превращения региона в площадку для конкуренции великих держав возрастает. Современные тенденции указывают на дальнейшую геополитизацию региона, помноженную на таяние льда, что негативно отражается на экономическом потенциале использования ресурсов региона. В целом, арктические ресурсы становятся все более доступными из-за таяния льда, однако их эксплуатация и развитие по-прежнему зависят от технологических инноваций, климатических изменений, динамики мирового спроса и предложения, рыночных цен и политических соглашений.

Обсуждение

На Арктику, которая расположена на северной «вершине» мира, приходится 15 % площади земной поверхности, при этом проживает всего 0,05 % населения планеты. Согласно оценке, проведенной Геологической службой Соединенных Штатов, в районе к северу от Северного полярного круга находится «около 30 % необнаруженного в мире газа и 13 % необнаруженной в мире нефти, расположенных в основном на расстоянии менее 500 метров от берега», в то время как одна только Гренландия содержит около 10 % мировых запасов пресной воды [11, с. 267]. По данным Метеорологического института Королевства Нидерланды (KNMI), Арктический регион прогревается в три раза быстрее, чем ранее за год [13, с. 34]. Повышение температуры уже привело к переходу от наличия постоянного к сезонному морскому льду и сокращению сезона снега. Поскольку более светлые поверхности (лед и снег) будут все больше заменяться более темными (вода и земля), которые поглощают не менее 80 % отраженного тепла, процесс глобального потепления в Арктике будет ускоряться, что также известно как полярное или «арктическое усиление». Толщина арктического льда в сентябре 2019 г. сократилась на 40 % по сравнению данными с 1980 г. Количество квадратных километров арктического морского льда сократилось с 7 млн в 1980 г. до 4,3 млн в 2019 г. [12, с. 44]

Целесообразным также считаем отметить, что в отличие от Антарктики, Арктика сегодня не имеет консолидированного правового режима. Международно-правовое регулирование юридического статуса Арктики осуществляется в соответствии с внутренними законами каждого арктического государства, а также регулируется двусторонними, региональными и международными соглашениями. Основным международным форумом регионального сотрудничества является Арктический совет. Всеобъемлющим правовым документом, который регулирует деятельность в Арктике, так же, как и во всех океанах мира, является Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. [10, с. 79]. Данный документ урегулировал ряд важных вопросов, связанных с использованием водных пространств Арктики и государственным суверенитетом. Среди них: установление права на свободу навигации; определение границы территориального моря в 12 милях от берега; установление исключительных экономических зон на расстоянии до 200 миль от берега; установление правила для расширения прав континентального шельфа до 350 миль от берега; создание Международного органа по морскому дну; формирование других механизмов разрешения конфликтов (например, Комиссии ООН по границам континентального шельфа) [7, с. 1027].

Конвенция ООН 1982 г. предоставила каждому прибрежному арктическому государству контроль над всеми живыми и неживыми природными ресурсами в пределах его исключительной экономической зоны, такими как рыбные запасы и углеводороды. Однако стоит принять во внимание тот факт, что изменение климата в Арктике действует как катализатор для различных локальных и глобальных вызовов безопасности, а международная геополитическая обстановка формирует структуру, в которой происходят эти события.

Можно выделить следующие современные глобальные тенденции, которые могут оказать влияние на перспективу освоения экономических ресурсов Арктики. Это усиливающаяся конкуренция между Китаем и США, продолжающиеся напряженные отношения между западными государствами и Россией, а также общее ослабление структуры международного порядка. Кроме того, необходимо упомянуть и трудности в американо-европейских отношениях после избрания Д. Трампа президентом США, разногласия внутри НАТО, выход США из ряда соглашений о контроле над вооружениями и мировой подъем Китая — вот несколько примеров, свидетельствующих об изменениях в мировом масштабе, последствия которых уже ощущаются в арктическом контексте [9, с. 40].

Вышеуказанные аспекты прямо влияют на экономические возможности Арктики и выражаются в следующем:

во-первых, из-за таяния морского льда большая площадь арктических вод станет судоходной. Это создаст новые морские пути между Азией, Европой и Северной Америкой: Северный морской путь (СМП) вдоль российского побережья Сибири, Северо-Западный проход (СЗП) через Канадский Арктический архипелаг и Трансполярный маршрут через Северный полюс. Последний является самым коротким путем для морского движения, но в ближайшее время он не судоходен. СМР и СЗП могут сократить время в пути и стоимость топлива между Северной Европой и Северо-Восточной Азией примерно на 40 %. Так как СМП работает, его пиковый сезон приходится на период с июля по октябрь и характеризуется значительным увеличением трафика в течение последнего десятилетия. Так, через СМП в 2018 г. было перевезено более 18 млн т грузов, что означает увеличение почти на 70 % по сравнению с предыдущим годом. А в 2019 г. через СМП было отправлено около 25 млн т грузов [8, с. 46].

В августе 2018 г. датская крупнейшая судоходная компания в мире Maersk отправила первый контейнеровоз через Северный морской путь России из Владивостока в Санкт-Петербург и тем самым сократила свое обычное расстояние для подобной перевозки на 40 %. В июне 2019 г. компания Maersk объявила, что будет сотрудничать с основным оператором ледоколов Атомфлот, что свидетельствует о возросшей готовности международного бизнеса использовать новые возможности Арктики [2, с. 53]. Китай в настоящее время проявляет большой интерес к новому потенциалу таяния морского льда Арктики. Так, в рамках своей стратегии «Полярный шелковый путь» он инвестировал в российский СПГ (сжиженный природный газ) и портовые сооружения в Арктике. Однако вследствие изменчивых погодных условий расходы, связанные с отсутствием надлежащей инфраструктуры, высокими страховыми взносами, ограниченными возможностями поиска и спасения, потребностью в ледоколах и предотвращением разливов нефти, а вместе с тем и рисками для окружающей среды, вероятно, останутся высокими для использования транспортных маршрутов Арктики в обозримом будущем.

Очередным последствием расширения возможностей Арктики вслед-

ствие изменения климата стало увеличение летнего туризма, который увеличился за последние два десятилетия и, как ожидается, будет продолжать увеличивать свои масштабы. В связи с этим можно назвать заметным событием спуск на воду тринадцати новых круизных судов, способных работать на льду, в 2019 г. различными операторами по всему миру, а к 2022 г. планируется ввести в эксплуатацию не менее 28 судов [5, с. 1027]. Однако из-за сезонных ограничений на этих маршрутах количество судоходных компаний, которые планируют отправить суды в Арктику, остается низким, и большинство действующих судов в данном регионе являются судами поддержки и обслуживания;

во-вторых, стратегическое расположение Арктики представляет ценность для глобальной связи, а тающий арктический лед создает новые возможности для технологической индустрии в этом направлении. Так, в июне 2019 г. финская компания Cinia и российский МегаФон договорились о прокладке оптоволоконного кабеля по дну Северного Ледовитого океана, что значительно сократит издержки [6, с. 84];

в-третьих, как уже было упомянуто, Арктика, как известно, содержит богатые энергетические ресурсы. Примерно 90% из них расположены на континентальных шельфах прибрежных к Северному Полюсу стран и, следовательно, уже находятся в пределах их исключительных экономических зон [1, с. 407]. Запасы нефти и газа преимущественно расположены на шельфе, что затрудняет добычу и требует дорогостоящих современных технологий, следовательно, добыча арктического газа остается экономически менее привлекательной, чем другие альтернативные способы. Помимо нефти и газа в Арктике можно найти различные полезные ископаемые и угольные ресурсы.

С точки зрения расположения ресурсов и проблем безопасности, которые связаны с добычей и экономическим потенциалом, Арктический регион является неоднородным: в норвежской и российской частях Баренцева моря, к примеру, нефть и газ уже эксплуатируются, в то время как в других областях региона продолжается борьба с ледяным покровом и инфраструктурными проблемами [4, с. 101–547];

в-четвертых, возможности для коммерческого рыболовства в международных водах Северного Ледовитого океана, вероятно, возрастут в ближайшие годы, потому что изменение климата заставляет основные рыбные запасы (например, треску и палтуса) мигрировать дальше на север, поскольку места их обитания, которые находятся в более южных широтах, становятся теплее. Однако, можем предположить, что экономическая конкуренция или значительный арктический рыбный промысел вряд ли будут развиваться, поскольку наиболее коммерчески важные субарктические виды рыбных ресурсов живут в пределах ИЭЗ прибрежных стран. Кроме того, в октябре 2018 г. Россия, Китай, США, ЕС и другие страны подписали Международное соглашение о предотвращении нерегулируемого промысла в открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана, запрещающее коммерческий промысел в регионе в течение следующих 16 лет [3, с. 1495].

Выводы

Таким образом, в результате проведенного исследования можно предположить, что крупномасштабные изменения, которые происходят в Арктике на сегодняшний день, связанные с глобальным изменением климата, вероятно, приведут к значительным инвестициям в новую инфраструктуру в Арктике. Тем не менее инвестиционные бизнес решения в Арктике являются особенно сложными из-за ограниченного географического доступа к источникам ресурсов, транспортным путям, из-за экологических проблем, контрастных

сезонов и ограниченных рынков, а также из-за того, что многие проекты имеют трансграничный характер, поскольку включают несколько арктических государств, что порождает определенные геополитические проблемы.

Библиографический список

1. *Alvarez, J.* Framework for assessing the economic impacts of Arctic change // Ambio. — 2020. — № 2. — С. 407–418.
2. *Baydukova, N. V. [and oth.].* Innovative transport and logistics schemes in Arctic zone of Russia as development drivers of world economy // International Conference on digital technologies in logistics and infrastructure. — Atlantis, 2019.
3. *Golubev, S. S. [and oth.].* Problems of Economic Security in Arctic Region // Journal of Environmental Management and Tourism. — 2020. — № 7. — Т. 10. — С. 1495–1508.
4. *Gritsenko, D., Efimova, E.* Is there Arctic resource curse? Evidence from the Russian Arctic regions // Resources Policy. — 2020. — Т. 65. — С. 101–547.
5. *Guzov, I. N. [and oth.].* Conditions for the Russian Federation Arctic zone innovative development // E3S Web of Conferences. — EDP Sciences, 2020. — Т. 161. — С. 1027.
6. *Hønneland, G.* Russia and Arctic: Environment, identity and foreign policy. — Bloomsbury Publishing, 2020.
7. *Nilsson, A. E., Larsen, J. N.* Making regional sense of global sustainable development indicators for Arctic // Sustainability. — 2020. — № 3. — Т. 12. — С. 1027.
8. *Pilyasov, A. N.* Arctic entrepreneurship development factors // Geography, Environment, Sustainability. — 2020. — № 1. — С. 46–56.
9. *Pincus, R.* Three-Way power dynamics in Arctic // Strategic Studies Quarterly. — 2020. — Т. 14. — № 1. — С. 40–63.
10. *Sergunin, A.* Arctic Regional Security // Handbook of Research on International Collaboration, Economic Development, and Sustainability in Arctic. — IGI Global, 2019. — С. 79–98.
11. *Suter, L., Streletskiy, D., Shiklomanov, N.* Assessment of cost of climate change impacts on critical infrastructure in circumpolar Arctic // Polar Geography. — 2019. — № 4. — Т. 42. — С. 267–286.
12. Palgrave Handbook of Arctic Policy and Politics / ed. by K. S. Coates. — Palgrave Macmillan, Cham, 2020.
13. *Zandee, D.* Future of Arctic security. Geopolitical pressure cooker and consequences for Netherlands / Clingendael Report, 2020.

И. И. Афанасьева, О. Н. Воронкова

ШОКИ СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация

Участие большинства современных стран в системе мировой экономики является обязательным условием их прогрессивного функционирования и развития, заключающиеся в возможности расширять рынки сбыта и обеспечивать приток иностранной валюты, открывать доступ к инновационным технологиям для модернизации национальной экономики, повышать глобальную конкурентоспособность страны. Вместе с этим активное участие в мировых процессах влечет за собой наступление определенной группы рисков и развитие кризисных явлений. В настоящих условиях, когда мировая экономика и ее субъекты столкнулись с рядом глобальных рисков в экономической, политической, социальной и других сферах актуальным является необходимость в изу-

чении и оценке их последствий для дальнейшей проработки возможных сценариев противодействия возникшим рисковым ситуациям.

Актуализируя представленную позицию, авторы статьи проводят комплексную оценку современного «шокового» состояния мировой экономики, выявляют шок-факторы, оказывающие неоднозначное влияние на особенности ее развития и анализируют последствия их воздействия на установление нового мирового порядка не только на уровне мировой экономики, но и национальных экономик, предприятий, человека.

Ключевые слова

Мировая экономика, VUCA-модель, стратегическая неопределенность, шок-факторы, глобальный кризис, ситуация флуктуации, рисковые условия.

I. I. Afanasyeva, O. N. Voronkova

SHOCKS OF MODERN WORLD ECONOMY AND THEIR CONSEQUENCES

Annotation

Participation of most modern countries in world economic system is condition for their progressive operation and development, lie the ability to expand markets and provide foreign exchange, open access to innovative technologies for modernization of national economy, improve the country's global competitiveness. At the same time, active participation in global processes entails the onset of a certain group of risks and development of crisis phenomena. In modern conditions, when the world economy and its subjects are faced with number of global risks in economic, political, social and other spheres, it is important to study and assess their consequences for further development of possible scenarios for countering the emerging risk situations.

Updating the presented position, authors of article conduct a comprehensive assessment of current shock state of world economy, identify shock factors that have an ambiguous impact on features of its development, and analyze the consequences of their impact on establishment of a new world order, not only on level of world economy, but also national economies, enterprises and people.

Keywords

World economy, VUCA-model, strategic uncertainty, shock factors, global crisis, fluctuation situation, risk conditions.

Введение

Современная мировая экономика развивается в рамках VUCA-модели (volatility, uncertainty, complexity, ambiguity — нестабильность, неопределенность, сложность, неоднозначность)» [1], формирующей для всех участников глобальной общности в условиях взаимосвязи и взаимозависимости ситуацию «стратегической неопределенности». В условиях стратегической неопределенности развиваются все процессы, как рыночные, так и политические, т. к. глобальные риски социальной, естественно-природной, экономической, политической среды накладываются друг на друга, формируя «шлейф» рисковых ситуаций и их последствий. Как результат, развитие может протекать по разным сценариям: пессимистическому, нейтральному и оптимистичному. Такая позиция является общепризнанной и фигурирует в рамках стратегического планирования и исследований всех современных ученых, политиков, предпринимателей.

Материалы и методы

Другая концепция в ситуации стратегической неопределенности — «доктрина шока», суть которой — в изменении мирового порядка ведущими акторами под эгидой кризиса. Ее автор — канадская журналистка Наоми Кляйн, которая таким образом интерпретирует теорию профессора Чикагского университета Милтона Фридмана: «только кризис — подлинный или воображаемый — ведет к реальным переменам. Когда такой кризис возникает, действия людей зависят от их представлений. И в этом, полагаю, заключается наша главная функция: создавать альтернативы существующим стратегиям, поддерживать их жизнеспособность и доступность до тех пор, пока политически невозможное не станет политически неизбежным» [2].

Фридман утверждает, что «у новой власти есть от шести до девяти месяцев, когда можно добиться основных перемен; если она не использует этот шанс и не предпримет решительных действий в этот период, ей не будут даны другие столь же богатые возможности» [2]. А Дэвид Рокфеллер еще в 1994 г. утверждал, что «мы находимся на заре глобальных преобразований. Нам нужен хорошо управляемый крупный кризис, и народы примут новый мировой порядок», так как «человек в случае шокового столкновения с неизвестным, склонен впадать в максимальную доверчивость» [7]. Одновременно, противостоит «доктрине шока» теория Нассима Талеба, который выделил в своих работах такое свойство живых систем, как «способность становиться сильнее и выносливее, проходя через потрясения, что достигается за счет очень пристального внимания к происходящему, оперативной обратной связи и «прилаживающего» взаимодействия с окружающим миром» [9].

Результаты

Глубокий разбор представленной проблематики на уровне теории и практики показал, что современный мир переживает кризис, вызванный рядом шок-факторов, и ситуация флуктуации ставит нас перед выбором дальнейшего пути развития.

Первым шок-фактором, триггером, стало быстрое распространение коронавируса, объявленного Всемирной организацией здравоохранения пандемией вследствие очень быстрого распространения (рис 1).

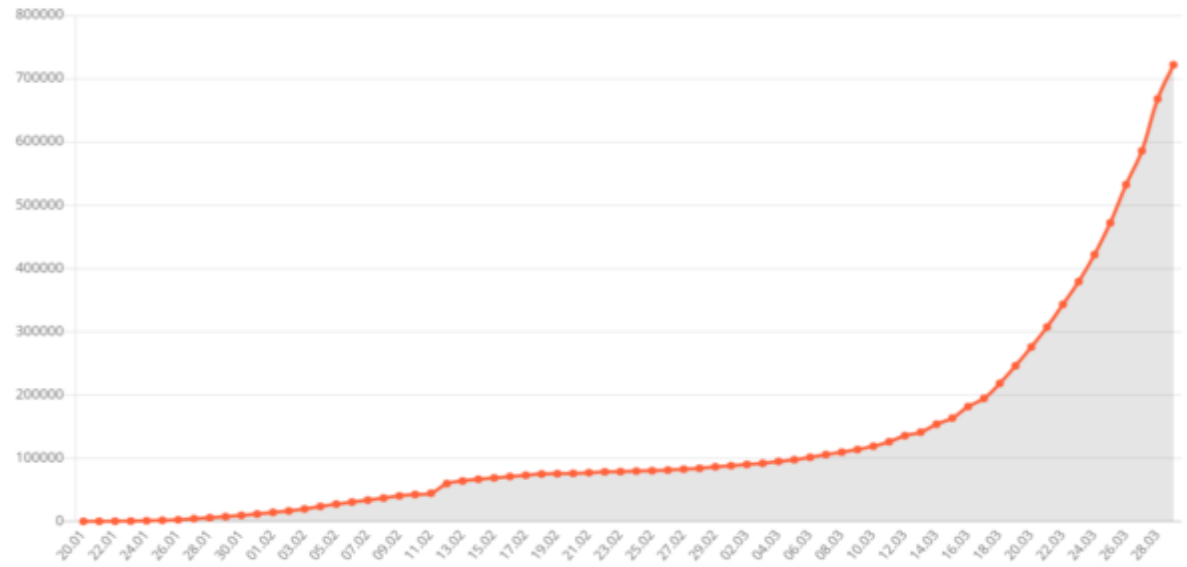


Рисунок 1 — **График распространения коронавируса в мире с 20.01.2020 по 30.03.2020** [4]

Усугубляет ситуацию неопределенность, связанная с тем, что:

– «свойства вируса не до конца изучены и могут меняться;

– роль бессимптомных носителей не до конца ясна;

– точных данных о распространении инфекции и формировании иммунитета по этим причинам нет (особенно это касается стран с ограниченным доступом к тестам);

– реакция политиков будет неравномерной, зачастую запоздалой, без упущений не обойдется;

– реакция компаний и населения не вполне предсказуема» [6].

Указанное формирует «вирус страха», делая членов социума легко управляемыми с использованием мягкой военной силы.

Вторым шок-фактором и одновременно реакцией на пандемию коронавируса стало изменение конфигурации международного бизнеса и системы международных экономических отношений. В частности, на фоне резкого сокращения совокупного спроса, ограничения транспортного сообщения между странами, глобальные корпорации приступили к сжатию своих глобальных цепей поставок, полностью изменяются воспроизводственные процессы. Указанное отразилось на авиатрафике, который сократился более чем в два раза по количеству полетов самолетов и в 10 раз по пассажиропотоку (рис. 2).

Аналогично наблюдалось снижение автомобильного трафика в разных странах по-разному (по главным городам: в Москве в 8 раз, в Нью-Йорке — в 9 раз, в Лондоне — в 4 раза, в Риме в 3 раза, в Берлине в 2 раза и т. д.).

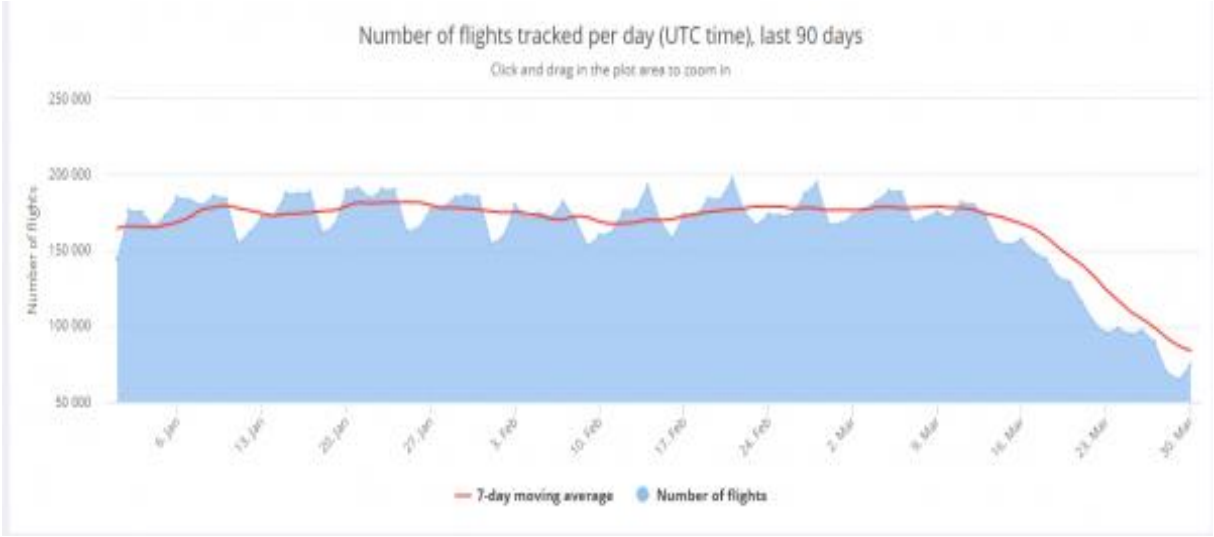


Рисунок 2 — **Авиатрафик за I квартал 2020 г.**

Также разрываются налаженные ранее связи в рамках глобальных цепочек создания добавленной стоимости, производства и поставок. Например, американские заказчики в сегменте «одежда и обувь» отказались от выполнения заказов в текстильной и швейной отрасли Бангладеш на сумму более 4 млрд долл. [11]

Распространение экономического «вируса» идет не менее быстрыми темпами, чем медицинского, что усиливает и проблемы социально-экономического характера. Например, «по согласованным прогнозам, на последней неделе марта 2020 г. в США должно было поступить 1,6 млн заявок на пособие по безработице, а их поступило 3,28 млн,

т. е. примерно в пять раз больше самого большого недельного прироста безработных, отмеченного во время мирового финансового кризиса» 2007–2008 гг. [6].

Третьим, усиливающим первые два, шок-фактором стал кризис на мировом рынке нефти. 1 апреля 2020 г. завершилось действие соглашения ОПЕК+, подписанного и поддерживаемого с 2016 г. В рамках данного соглашения стороны регулировали цены на мировом рынке нефти на уровне 50 долл. за баррель и выше за счет ограничения поставок. Когда 6 марта 2020 г. стороны сделки так и не договорились о его продлении в условиях повышенного предложения и демпинга со стороны саудовской компании Saidi Aramco на фоне снижения совокупного спроса на нефть, на рынке начался ценовой шок. Цена упала на нефть марки Brent до 23 долл. (рис. 3). На «бумажном» рынке нефти отрыв был выше, чем на рынке физической нефти. Так, «майский контракт Brent на бирже торговался 31 марта на уровне 22,6 долл. за баррель, июньский — 26,1. Ценовое агентство Platts 30 марта 2020 г. оценивало свой физический эталон Dated Brent (смесь североморских марок) в 17,8 долл. за баррель — почти на 5 долл. дешевле биржевых фьючерсов Brent. А российская Urals имела дисконт более чем в 4,5 долл. от цены Brent (дисконт находится на максимальном уровне с 2008 г.)» [5].

Рисунок 3 — **Динамика цен на нефть и курс национальной валюты в феврале-марте 2020 г.** [5]

Сложилась ситуация lose-lose как для стран ОПЕК, так и Российской Федерации как нефтеэкспортера, а также для США. Для США и РФ некоторые поставки с 1 апреля 2020 г. уже вошли в зону отрицательной прибыли, т.е. были убыточны, когда стоимость самой нефти, логистики, экспортной пошлины и прочих затрат превышали цену продажи (на 1200 рублей для российской нефти) [8]. Как результат, российская экономика отреагировала волатильностью национальной валюты — российский рубль «потерял» 20 % стоимости. При этом спровоцировало ускорение развертывания кризисных тенденций объявление ВОЗ коронавируса пандемией и пакет мероприятий по противодействия ей российского правительства, основанный на выделении сотен миллионов рублей на борьбу с пандемией. Два фактора сразу наносят удар по россий-

скому бюджету — самоизоляция при увеличении субсидирования социально незащищенных граждан, остановка большинства производств, предприятий индустрии сервиса и т. п., и ценовое падение на рынке нефти — через сокращение доходов в бюджет (обнуления экспортных пошлин и сокращения поступлений НДПИ). Так, по оценкам Министерства финансов РФ «при ценах Urals на уровне 13 долл. недополученный объем базовых нефтегазовых доходов федерального бюджета (относительно доходов при заложенной цене 42 долл.) в части экспортных пошлин и НДПИ на нефть, газовый конденсат, нефтепродукты достигает как минимум 5 млрд долл. в месяц, или почти 400 млрд руб. при текущем курсе рубля. С учетом демпфирующего механизма, который обязывает нефтяные компании доплачивать в бюджет при низких ценах на нефть, потери должны быть меньше — 3,7–3,8 млрд долл. (300 млрд руб.) в месяц» [5]. В свою очередь, волатильность рубля потребовала дополнительных валютных интервенций ЦБ России ежедневные продажи валюты составляют около 13,5 млрд руб. (170 млн долл.). Около половины этого объема приходится на дополнительные продажи, которые ЦБ осуществляет при ценах Urals ниже 25 долл. за баррель.

Российский рынок сразу отреагировал на шоки мировой экономикой сначала ажиотажным спросом, а затем падением спроса во всех сферах обслуживания и торговли (рис. 4).

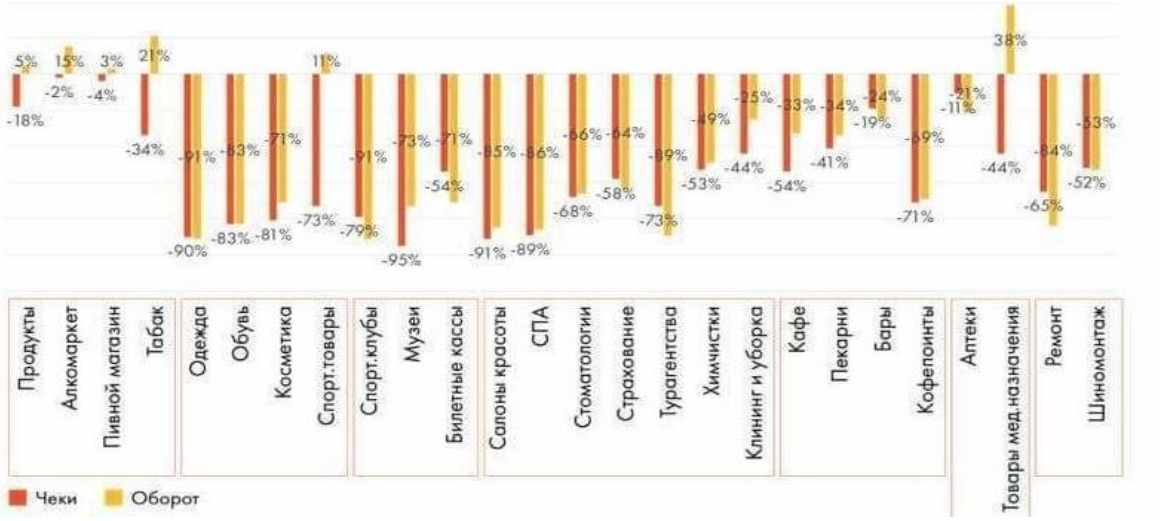


Рисунок 4 — **Динамика среднего чека и оборота в секторах торговли и обслуживания в РФ в течение марта 2020 г.** [3]

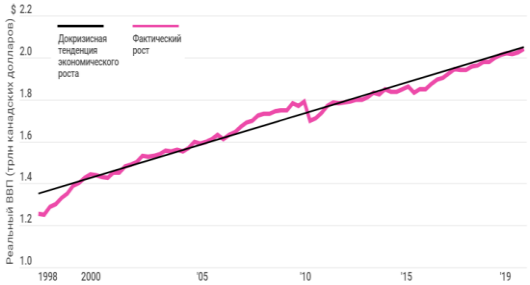
Обсуждения

Итак, последствия для экономик всех стран весьма плачевные — рецессия и погружение в кризис с развитием ситуации по разным сценариям, апробированным в кризис 2007–2008 гг. В момент прошлого мирового кризиса было четыре сценария: V-образный, U, L и W-образный (табл. 1). При этом «геометрия шока» зависит от изменений параметров экономического развития со стороны предложения, в первую очередь, капитала. Когда сфера кредитного посредничества страдает и основной капитал не растет, восстановление идет медленно, сотрудники уходят с рынка, навыки теряются, продуктивность падает. Шок становится структурным. Последствием может быть разная интенсивность кризиса при разных сценариях как его важнейшая характеристика — либо глубокий, либо неглубокий, а также расхождение в параметрах новой и прежней траектории развития (рис. 5).

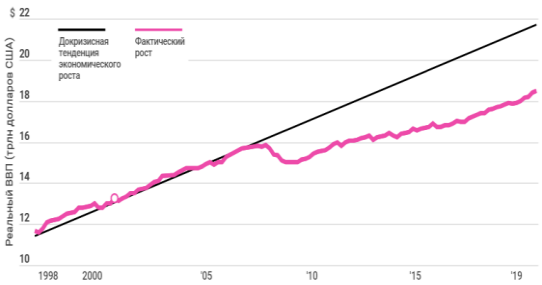
Таблица 1 — **Сценарии развития мирового кризиса в 2008 г. (примеры)***

Сценарий	V-образный	U-образный	L-образный	W-образный
Характеристика	Производительность падает, но экономический рост в конечном итоге возвращается на прежнюю траекторию	Затяжная рецессия с восстановлением, но на более низком уровне траектории развития	Отсутствие возврата к траектории роста, медленный рост. Структурный кризис (стагнация)	Падение роста ВВП, преодоление через бюджетно-налоговую политику кризиса, и новое падение из траектории наметившегося роста без возврата к предыдущей траектории
Пример страны	**Канада**	**США**	**Греция**	**Россия**
Проявление кризиса	Избегание банковского кризиса, что сформировало ситуацию наличия кредитных денег. Производство сокращалось, но не закрывалось что позволило избежать утраты кадров. ВВП снизился, но фактически вернулся на докризисную траекторию роста	– замедление темпа роста экономики - глубокий банковский кризис; – низкая доступность капитала и удар по производительности, потеря ценных трудовых ресурсов; – затягивание во времени	– снижение производительности, потери постоянно увеличиваются, что ведет к потере трудовых ресурсов, сокращению капиталовложений и усугубляет ситуацию; – кризис нанес стойкие структурные повреждения экономике страны со стороны предложения	– снижение предложения денег, в том числе и от иностранных инвесторов; – снижение профицита бюджета из-за падения цен на нефть при бюджетно-налоговой поддержке сокращающегося реального производства; – сокращение ВВП, с выходом на отдаленную траекторию роста в 2010 г. С 2013 г. новое снижение, усугубленное ситуацией по аннексии Крыма, девальвации национальной валюты, введению санкционного режима в 2014–2015 гг.

* *Составлена с использованием изданий Harward Business Review.*



V-кризис в Канаде



U-кризис в США

L-кризис в Греции

Рисунок 5 — **Графические траектории кризиса 2008 г.** [6]

Влияние глобальных шок-факторов на национальном уровне вызывает локальные шоки — предложения и спроса сразу. Так, шок предложения в РФ может привести к глубокому спаду, но за ним быстро последует компенсирующий подъем экономики на фоне восстановления и компенсирующих потери предпринимателей механизмов государственной поддержки. Однако взаимное наложение шоков предложения и спроса из-за снижения доходов населения в условиях неопределенности будущей занятости в режиме самоизоляции формирует неопределенность относительно траектории восстановления в целом. На этом фоне вводимый пакет мер противодействия (режим самоизоляции с тотальным контролем за перемещением граждан, введение штрафов за нарушение этого режима, выделение финансовых средств государствами на компенсацию потерь от остановки производств, увольнений и т. п., при значительном государственном долге стран) формирует высокую зависимость каждого гражданина от государственных структур, а траекторию восстановления делает практически невозможной.

Выводы

Возвращаясь к доктрине шока с учетом вышесказанного, можно констатировать ряд специфических моментов переоформления и установления нового мирового порядка на разных уровнях — мировой экономики, национальных экономик, предприятий, человека:

1) уровень координации мировых усилий крайне низок и продолжит снижаться. Так, **глобальные шоки и «эпидемия «избавляют» любое государство от необходимости искать удобный предлог для разрешения торговых споров вне рамок ведущих международных организаций, в первую очередь ВТО**» [10];

2) усиление концепции национального суверенитета с точки зрения продовольственной, медицинской, экономической и т. п. обеспеченности, национального «эгоизма и протекционизма»;

3) замыкание развитых стран на себя разрушает глобальные цепи поставок, в которые активно включены развивающиеся страны, что приводит к усилению неравенства в мире на фоне растущей безработицы в эти странах и к увеличению международных и национальных конфликтов, к кризису доверия власти;

4) на уровне глобальных компаний происходит переориентация с экономической эффективности на стабильность и устойчивость снабжения и поставок через приближение производств к головным компаниям и местам продаж;

5) на национальном уровне появление, а точнее насаждение, новых институтов тотального цифрового контроля за человеком, его трансакциями, передвижением, рождаемостью, повышения платежных обязательств бизнеса и домашних хозяйств;

6) при этом в условиях рецессии растет армия безработных, изменяются условия труда — при возможности перевода офлайн-труда в онлайн-режим с изменением фонда оплаты труда предприятиями, что еще в большей степени усиливает сокращение доходов населения, нагрузку на бюджеты стран, сокращение совокупного спроса.

Круг замыкается, воспроизводя кризисную траекторию.

Библиографический список

1. Мир VUCA и подходы выживания в нем [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://becmology.ru.

2. *Кляйн, Н.* Доктрина шока. Становление капитализма катастроф [Электронная книга]. — Режим доступа : https://royallib.com.

3. Отчетность Эвотор [Электронные ресурс]. — Режим доступа : https://vc.ru/finance.

4. Распространение коронавируса. Статистика [Электронные ресурс] — Режим доступа : https://vc.ru/flood.

5. Сделка ОПЕК+ по сокращению поставок нефти прекратила действие [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://worldcrisis.ru.

6. *Карлссон-Шлезак, Ф., Ривз, М., Шварц, П.* В шоке: три сценария кризиса, вызванного Covid-2019 [Электронные ресурс] // Harward Business Review. — 30.03.2020. — Режим доступа : https://hbr-russia.ru.

7. *Хардт, М., Негри, А.* Империя / под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. — М. : Праксис, 2004.

8. Цена российской нефти стала отрицательной [Электронный ресурс] // Газета.ru. — 01.04.2020. — Режим доступа : https://www.gazeta.ru.

9. *Чухно, Ю.* Управление изменениями в VUCA-мире: как вовлечь людей и помочь им стать лидерами новых решений [Электронный ресурс] // Business Excellence. — 2016. — № 8. — Режим доступа : http://novaterracoaching.su.

10. Foreign Policy: Каким будет мир после коронавирусной пандемии. Опрос [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://eadaily.com.

11. *Helfenbein, R.* Apparel Industry in crisis — Why we need to work as a team. Just Apparel by 30.03.2020 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.just-style.com.

Bibliographic list

1. World of VUCA and approaches to survival in it [Electronic resource]. — Mode of access : http://becmology.ru.

2. *Klein, N.* The Shock Doctrine. Emergence of disaster capitalism [Electronic resource]. — Mode of access : https://royallib.com.

3. Reporting Evotor [Electronic resource]. — Mode of access : https://vc.ru/finance.

4. Spread of coronavirus. Statistics [Electronic resource]. — Mode of access : https://vc.ru/flood.

5. OPEC+ deal to cut oil supplies has ended [Electronic resource]. — Mode of access : http://worldcrisis.ru.

6. *Karlsson-Schlesak, Ph., Reeves, M., Schwartz, P.* In shock: three crisis scenarios, Covid-2019 [Electronic resources] // Harvard Business Review. — 30.03.2020. — Mode of access : https://hbr-russia.ru.

7. *Hardt, M., Negri, A.* Imperia / ed. by G. V. Kamenskaya, M. S. Fetisova. — M. : Praxis, 2004.

8. Price of Russian oil was negative [Electronic resource] // Gazeta.ru. — 01.04.2020. — Mode of access : https://www.gazeta.ru.

9. *Chukhno, Yu.* VUCA-Mir: how to engage people and help them become leaders of new solutions [Electronic resource] // Business excellence. — 2016. — № 8. — Mode of access : http://novaterracoaching.su.

10. Foreign policy: What will the world be like after coronavirus pandemic? Survey [Electronic resource]. — Mode of access : https://eadaily.com.

11. *Helfenbein, R.* Apparel Industry in crisis — Why we need to work as a team. Just Apparel by 30.03.2020 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.just-style.com.

Г. А. Батищева, М. И. Журавлёва,
А. С. Новожилов, И. О. Рязанов

АНАЛИЗ ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация

Стратегическая цель экономической политики России на современном этапе состоит в повышении жизненного уровня населения страны, которое невозможно без обеспечения устойчивого экономического роста. В статье представлены результаты исследования влияния показателей реального и банковского секторов на развитие национальной и региональной экономики. На основе эконометрического моделирования выявлены ключевые факторы развития экономики России и Ростовской области.

Ключевые слова

Экономическое развитие, производственный потенциал, эффективность производства, инновационное развитие, экономический и социальный риски, эконометрическая модель.

G. A. Batishcheva, M. I. Zhuravliova,
A. S. Novozhilov, I. O. Ryazanov

ANALYSIS OF NATIONAL AND REGIONAL ECONOMIC DEVELOPMENT FACTORS

Annotation

Strategic goal of Russia's economic policy at the present stage is to improve the living standards of country's population, which is impossible without ensuring sustainable economic growth . Article presents the results of research on impact of indicators of real and banking sectors on development of national and regional economy. On basis of econometric modeling, the key factors of economic development in Russia and Rostov region are identified.

Keywords

Economic development, production potential, production efficiency, innovative development, economic and social risks, econometric model.

Введение

Сложившаяся к настоящему времени в России социально-экономическая ситуация требует проведения грамотной социально-экономической политики на государственном и региональном уровнях. В Послании Президента Федеральному Собранию 15 января 2020 г. указано на необходимость решения в стране социальных, экономических, технологических задач, для решения которых необходимы структурные изменения национальной экономики, увеличение ее эффективности, обеспечение темпов экономического роста выше мировых уже в 2021 г. [1].

Материалы и методы

Для решения задач повышения темпов роста экономики использованы математические модели, основанные на теории факторов экономического роста. Построение моделей осуществлялось методами эконометрического моделирования. Для выявления резервов экономического роста применялись методы количественного и качественного анализа построенных эконометрических моделей.

Результаты и обсуждение

Важнейшим показателем развития национальной экономики является валовой внутренний продукт (ВВП), а развития региональной экономики — валовой региональный продукт (ВРП). Авторами построены шесть групп моделей влияния показателей реального и банковского секторов на развитие экономики РФ и экономики Ростовской области (табл. 1−6). Для оценивания влияния реального сектора на развитие экономики рассмотрены группы факторов производственного потенциала, эффективности производства, инновационного развития, экономического и социального риска, качества жизни населения [2, 3].

Для оценивания влияния банковского сектора на развитие экономики рассмотрены показатели прибыли, привлеченных и размещенных средств кредитных организаций [4]. Исходной информацией по отобранным показателям послужили данные Росстат за 2000−2018 гг. [5]. Расчеты проводились с использованием пакета EVIEWS. Все построенные уравнения регрессии статистически значимы [6]. Для проведения экономического анализа рассчитаны коэффициенты детерминации − R^2, коэффициенты эластичности – E (табл. 1−6).

Модели первой группы представлены в таблице 1.

Таблица 1 − **Модели влияния факторов производственного потенциала на ВВП (ВРП)**

	Уравнение регрессии	R^2	E
1.1	1. Модель влияния основных фондов для РФ : $\ln(Y) = — 1{,}877+1{,}064 \cdot K$	0,993	1,064
1.2	Модель для Ростовской области: $\ln(Y) = — 4{,}988+1{,}292 \cdot K$	0,991	1,292
2.1	2. Модель влияния инвестиций в основной капитал для РФ : $\ln(Y) = 2{,}699 + 0{,}937 \cdot \ln(I)$	0,995	0,937
2.2	Модель для Ростовской области: $\ln(Y) = 2{,}284 + 0{,}923 \cdot \ln(I)$	0,991	0,923
3.1	3. Модель влияния развитости транспортной инфраструктуры для РФ: $\ln(Y)=8{,}423+2{,}403 \cdot \ln(RD)$	0,939	2,403
3.2	Модель для Ростовской области: $\ln(Y) = 5{,}140 + 1{,}570 \cdot \ln(RD)$	0,853	1,570
4.1	4. Модель влияния оборота розничной торговли для РФ: $\ln(Y) = 8{,}065 + 0{,}992 \cdot \ln(TR)$	0,997	0,992
4.2	Модель для Ростовской области: $\ln(Y) = 0{,}277 + 1{,}005 \cdot \ln(TR)$	0,999	1,005
5.1	5. Модель влияния экспорта для РФ: $\ln(Y) = 17{,}388 + 0{,}201 \cdot \ln(EX)$	0,990	0,201
5.2	Модель для Ростовской области: $\ln(Y) = 13{,}085 + 0{,}222 \cdot \ln(EX)$	0,996	0,222
6.1	6. Модель влияния импорта для РФ: $\ln(Y) = 17{,}573 + 0{,}200 \cdot \ln(IMP)$	0,990	0,200
6.2	Модель для Ростовской области: $\ln(Y) = 14{,}685 + 0{,}143 \cdot \ln(IMP)$	0,996	0,143

Анализ моделей влияния факторов производственного потенциала на ВВП (ВРП), представленных в таблице 1, позволил сделать следующе выводы:

– из факторов производственного потенциала наиболее сильное влияние на ВВП оказывают: развитость транспортной инфраструктуры (модель 3.1),

основные фонды (модель 1.1); оборот розничной торговли (модель 4.1) и инвестиции в основной капитал (модель 2.1). Для Ростовской области распределение факторов по силе влияния на ВРП — аналогичное;

– если сравнивать (по силе влияния факторов производственного потенциала на развитие экономики) модели, построенные для РФ и модели для Ростовской области, то следующие факторы — инвестиции в основной капитал, развитость транспортной инфраструктуры, импорт — оказывают более сильное влияние на развитие экономики в РФ, а факторы — основные фонды, оборот розничной торговли, экспорт — оказывают более сильное влияние на развитие экономики в Ростовской области.

Модели второй группы представлены в таблице 2.

Таблица 2 — **Модели влияния факторов эффективности производства на ВВП (ВРП)**

	Уравнение регрессии	R^2	E
7.1	1. Модель влияния производительности труда для РФ: $\ln(Y) = 11{,}062 + 1{,}026 \cdot \ln(Y/L)$	0,999	1,026
7.2	Модель для Ростовской области: $\ln(Y) = 7{,}578 + 1{,}017 \cdot \ln(Y/L)$	0,999	1,017
8.1	2. Модель влияния фондовооруженности труда для РФ : $\ln(Y) = 9{,}879 + 1{,}091 \cdot \ln(K/L)$	0,990	1,091
8.2	Модель для Ростовской области: $\ln(Y) = 4{,}771 + 1{,}317 \cdot \ln(K/L)$	0,987	1,317
9.1	3. Модель влияния фондоотдачи для РФ: $\ln(Y) = 20{,}395 + 0{,}841 \cdot \ln(Y/K)$	0,997	0,841
9.2	Модель для Ростовской области: $\ln(Y) = 16{,}609 + 3{,}925 \cdot \ln(Y/K)$	0,914	3,925

Анализ моделей влияния факторов эффективности производства на ВВП (ВРП), представленных в таблице 2, позволил сделать следующе выводы:

– из факторов эффективности производства наиболее сильное влияние на ВВП РФ оказывают: фондовооруженность труда (модель 8.1), производительность труда (модель 7.1); фондоотдача (модель 9.1). Для Ростовской области распределение факторов эффективности производства по силе влияния на ВРП другое: 1-е место — фондоотдача (модель 9.2), 2-е место — фондовооруженность труда (модель 8.2), 3-е место — производительность труда (модель 7.2);

– если сравнивать (по силе влияния факторов эффективности производства на развитие экономики) модели, построенные для РФ и модели для Ростовской области, то можно сделать вывод, что фактор «производительность труда» оказывает более сильное влияние на развитие экономики в РФ, а факторы «фондоотдача» и «фондовооруженность труда» оказывают более сильное влияние на развитие экономики в Ростовской области;

– если сравнивать по силе влияния на ВВП РФ факторы производственного потенциала и эффективности производства, то первые три места занимают развитость транспортной инфраструктуры, фондовооруженность труда и основные фонды. Для Ростовской области распределение показателей другое: 1-е место — фондоотдача, 2-е место — развитость транспортной инфраструктуры, 3-е место — основные фонды.

Модели третьей группы представлены в таблице 3.

Таблица 3 — **Модели влияния факторов инновационного развития на ВВП (ВРП)**

	Уравнение регрессии	R^2	E
10.1	1. Модель влияния числа используемых передовых технологий для РФ: $\ln(Y) = -8{,}287 + 2{,}140 \cdot \ln(INTI)$	0,972	2,140
11.1	2. Модель влияния внутренних затрат на научные исследования и разработки для РФ: $\ln(Y) = 4{,}266 + 1{,}017 \cdot \ln(INZ)$	0,994	1,017
11.2	Модель для Ростовской области: $\ln(Y) = 4{,}037 + 1{,}048 \cdot \ln(INZ)$	0,974	1,048
12.1	3. Модель влияния затрат на технологические инновации для РФ: $\ln(Y) = 8{,}456 + 0{,}696 \cdot \ln(INTZ)$	0,980	0,696
12.2	Модель для Ростовской области: $\ln(Y) = 9{,}256 + 0{,}455 \cdot \ln(INTZ)$	0,938	0,455

Анализ моделей влияния факторов инновационного развития на ВВП (ВРП), представленных в таблице 3, позволил сделать следующе выводы:

– из факторов инновационного развития наиболее сильное влияние на ВВП РФ оказывают число используемых передовых технологий (модель 10.1) и внутренние затраты на научные исследования и разработки (модель 11.1). Заметим, что для Ростовской области распределение факторов инновационного развития по силе влияния на ВРП — аналогичное;

– если сравнивать (по силе влияния факторов инновационного развития на развитие экономики) модели, построенные для РФ и модели для Ростовской области, то отметим, что фактор «внутренние затраты на научные исследования и разработки» оказывает более сильное влияние на развитие экономики Ростовской области (модели 11.1 и 11.2), а фактор «затраты на технологические инновации» оказывает более сильное влияние на развитие экономики РФ (модели 12.1 и 12.2).

Модели четвертой группы представлены в таблице 4.

Таблица 4 — **Модели влияния факторов экономического риска на ВВП (ВРП)**

	Уравнение регрессии	R^2	E
13.1	1. Модель влияния удельного веса убыточных предприятий для РФ: $\ln(Y) = 21{,}299 - 0{,}540 \cdot \ln(DO)$	0,994	-0,540
14.1	2. Модель влияния уровня инфляции для РФ: $\ln(Y) = 46{,}506 - 6{,}184 \cdot \ln(PC)$	0,771	-6,184
14.2	Модель для Ростовской области: $\ln(Y) = 85{,}110 - 15{,}306 \cdot \ln(PC)$	0,626	-15,306

Анализ моделей влияния факторов экономического риска на ВВП (ВРП), представленных в таблице 4, позволил сделать следующе выводы:

– из факторов экономического риска наиболее сильное негативное влияние на ВВП РФ оказывает уровень инфляции (модель 14.1);

– если сравнивать (по силе влияния факторов экономического риска на развитие экономики) модели, построенные для РФ и модели для Ростовской области, то фактор «уровень инфляции» оказывают более сильное влияние на развитие экономики в Ростовской области (модель 14.2).

Модели пятой группы представлены в таблице 5.

Таблица 5 — **Модели влияния факторов социального риска и качества жизни населения на ВВП (ВРП)**

	Уравнение регрессии	R^2	E
15.1	1. Модель влияния уровня безработицы для РФ: $\ln(Y) = 25{,}0669 - 3{,}523 \cdot \ln(U)$	0,801	-3,523
15.2	Модель для Ростовской области: $\ln(Y) = 17{,}714 - 2{,}244 \cdot \ln(HPR)$	0,949	-2,244
16.1	2. Модель влияния численности населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума для РФ: $\ln(Y) = 23{,}627 - 2{,}304 \cdot \ln(HPR)$	0,909	-2,304
16.2	Модель для Ростовской области: $\ln(Y) = 20{,}504 - 2{,}618 \cdot \ln(HPR) + \varepsilon$	0,941	-2,618
17.1	3. Модель влияния среднедушевых доходов населения для РФ: $\ln(Y) = 8{,}177 + 0{,}971 \cdot \ln(DH)$	0,993	0,971
17.2	Модель для Ростовской области: $\ln(Y) = 4{,}054 + 0{,}975 \cdot \ln(DH)$	0,996	0,975

Анализ моделей влияния факторов социального риска и качества жизни населения на ВВП (ВРП), представленных в таблице 5, позволил сделать следующе выводы:

– из факторов социального риска и качества жизни населения наиболее сильное негативное влияние на ВВП РФ оказывает уровень безработицы (модель 15.1), 2-е место занимает численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума (модель 16.1). Для Ростовской области на первом месте по силе влияния на ВРП — численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума (модель 16.2), на втором месте — уровень безработицы (модель (15.2);

– если сравнивать (по силе влияния факторов социального риска и качества жизни населения на развитие экономики) модели, построенные для РФ и модели для Ростовской области, то фактор «уровень безработицы» оказывают более сильное влияние на развитие экономики в РФ, а факторы «численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума», «среднедушевые доходы населения» оказывают более сильное влияние на развитие экономики в Ростовской области.

Модели шестой группы представлены в таблице 6.

Таблица 6 — **Модели влияния показателей банковского сектора на ВВП (ВРП)***

№	**Уравнение регрессии**	R^2	E
	Модели для РФ		
18.1	1. Модель влияния прибыли кредитных организаций для РФ: $\ln(Y) = 9{,}157 + 0{,}647 \ln(PROF)$	0,746	0,647
19.1	2. Модель влияния размещенных средств для РФ: $\ln(Y) = 7{,}042 + 0{,}637 \cdot \ln(ZOZ)$	0,992	0,637
19.2	Модель для Ростовской области: $\ln(Y) = 4{,}301 + 0{,}710 \cdot \ln(ZOZ)$	0,992	0,710
20.1	3. Модель влияния привлеченных средств для РФ: $\ln(Y) = 7{,}144 + 0{,}640 \ln(V)$	0,991	0,640
20.2	Модель для Ростовской области: $\ln(Y) = 5{,}122 + 0{,}682 \ln(V)$	0,991	0,682

Анализ моделей влияния показателей банковского сектора на ВВП (ВРП), представленных в таблице 6, позволил сделать следующе выводы:

– степень влияния прибыли, привлеченных и размещенных средств на развитие экономики РФ различается несущественно (модели 18.1, 19.1, 20.1). Аналогичный вывод можно сделать и для Ростовской области (модели 19.2, 20.2);

– из факторов банковского сектора наиболее сильное влияние на ВВП РФ оказывает прибыль кредитных организаций (модель 18.1), 2-е место занимают привлеченные средства — вклады физических и юридических лиц (модель20.1); 3-е место — задолженность по кредитам юридических и физических лиц (модель 19.1). Для Ростовской области распределение факторов банковского сектора по силе влияния на ВРП другое: 1-е место — размещенные средства (модель 19.2), 2-е место — привлеченные средства (модель 20.2);

– если сравнивать (по силе влияния факторов банковского сектора на развитие экономики) модели, построенные для РФ, и модели для Ростовской области, то можно сделать вывод, что факторы банковского сектора оказывают более сильное влияние на развитие экономики в Ростовской области;

– если сравнивать модели влияния реального сектора и модели влияния банковского сектора на развитие экономики РФ и Ростовской области, то можно сделать вывод, что большинство рассмотренных факторов реального сектора экономики оказывает более сильное влияние на рост ВВП (ВРП).

Выводы

Анализ моделей влияния показателей реального и банковского секторов на развитие экономики РФ и экономики Ростовской области позволил выявить ключевые факторы развития экономики РФ и Ростовской области (ниже в скобках по каждому фактору указаны коэффициенты эластичности соответственно для РФ и для Ростовской области):

1) развитость транспортной инфраструктуры (2,403; 1,570);

2) число используемых передовых технологий (2,140);

3) фондовооруженность труда (1,091; 1,317);

4) стоимость основных фондов (1,064; 1,292);

5) производительность труда (1,026; 1,017);

6) внутренние затраты на научные исследования и разработки (1,017; 1,048);

7) оборот розничной торговли (0,992; 1,005);

8) среднедушевые доходы населения (0,971; 0,975);

9) фондоотдача (0,841; 3,925).

Отметим, что негативное влияние на развитие экономики оказывают факторы: уровень инфляции (-6,184; -15,306); уровень безработицы (-3,523; -2,244); численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума (-2,304; -2,618).

На основании анализа показателей эластичности можно заключить, что наибольшие резервы развития экономики РФ заключены в: развитии транспортной инфраструктуры (для сравнения, в России в 2017 г. густота автомобильных дорог на 1000 кв. км составляла 61 км, в США — 701 км, а в Германии — 2105 км); увеличении числа используемых передовых технологий; повышении фондовооруженности труда, обновлении основных фондов, повышении производительности труда; увеличении внутренних затрат на научные исследования и разработки; увеличении оборота розничной торговли; повышении среднедушевых доходов населения.

Отметим, что распределение ключевых факторов реального сектора по силе воздействия на развитие экономики Ростовской области несколько иное.

Анализ моделей влияния показателей банковского сектора на развитие экономики РФ и Ростовской области позволил заключить:

– факторы банковского сектора оказывают более сильное влияние на развитие экономики в Ростовской области;

– если сравнивать по силе влияния факторы реального и банковского секторов на развитие национальной и региональной экономики, то можно заключить, что большинство рассмотренных факторов реального сектора оказывает более сильное влияние на рост ВВП и ВРП.

Анализ построенных моделей позволяет определить, на проведение каких мероприятий следует ориентировать экономическую политику страны (региона), чтобы ускорить ее экономическое развитие.

Библиографический список

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www. kremlin.ru.

2. *Батищева, Г. А., Журавлёва, М. И., Стуженко, Д. Н., Трофименко, Е. А.* Эконометрический анализ факторов развития реального сектора экономики // Вестник РГЭУ (РИНХ). — 2019. — № 1 (65). — С. 12–18.

3. *Батищева, Г. А., Маслова, Н. П., Батищева, Е. А.* Статистический анализ и моделирование взаимосвязей инвестиций и экономического роста // Учет и статистика. — 2015. — № 4 (40). — С. 84–92.

4. *Батищева, Г. А., Журавлёва, М. И., Куликова, Е. В., Лаус, С. А.* Роль финансовых инструментов в обеспечении развития реального сектора экономики // Вестник РГЭУ (РИНХ). — 2018. — № 1 (61). — С. 18–25.

5. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.gks.ru.

6. Эконометрика : учебник для бакалавриата и магистратуры / И. И. Елисеева [и др.] ; под ред. И. И. Елисеевой. — М. : Юрайт-издат, 2015.

Bibliographic list

1. Message of President of Russian Federation to Federal Assembly from 15.01.2020 [Electronic resource]. — Mode of access : http://www.kremlin.ru.

2. *Batishcheva, G. A., Zhuravliova, M. I., Stuzhenko, D. N., Trofimenko, E. A.* Econometric analysis of factors of development of real sector of economic // Vestnik of RSUE (RINH). — 2019. — № 1 (65). — P. 12–18.

3. *Batishcheva, G. A., Maslova, N. P., Batischeva, E. A.* Statistical analysis and modeling of investment and economic growth relationships // Accounting and statistics. — 2015. — № 4 (40). — P. 84–92.

4. *Batishcheva, G. A., Zhuravliova, M. I., Kulikova, E. V., Laus, S. A.* Role of financial instruments in ensuring the development of real sector of economic // Vestnik of RSUE (RINH). — 2018. — № 1 (61). — P. 18–25.

5. Official website of Federal state statistics service of Russian Federation [Electronic resource]. — Mode of access : http://www.gks.ru.

6. Econometrics : textbook for undergraduate and graduate studies / I. I. Eliseeva [and oth.] : ed. by I. I. Eliseeva. — M. : Yurayt-Izdat, 2015.

Р. М. Богданова, О. А. Миронова

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В МАЛЫХ ГОРОДАХ РОССИИ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация

В статье рассматривается роль высшего образования в современных условиях развития общества и экономики. Обеспечивая подготовку высококвалифицированных специалистов, в том числе в современных областях экономических знаний, цифровых технологий, ИКТ, высшее образование выступает в качестве фактора экономического роста, высокий уровень его развития может рассматриваться как конкурентное преимущество страны. Подчеркивается, что функционирование вузов во многих случаях выступает условием обеспечения социально-экономического развития малых городов России и прилежащих к ним территорий. Обосновывается необходимость государственной поддержки высшего образования в малых и средних городах России.

Ключевые слова

Экономика города и региона, экономический рост, экономика малых городов.

R. M. Bogdanova, O. A. Mironova

TRENDS IN DEVELOPMENT OF HIGHER EDUCATION IN SMALL RUSSIAN CITIES: ECONOMIC ASPECT

Annotation

Article considers the role of higher education in modern conditions of development of society and economy. Providing training of highly qualified specialists, including in modern fields of economic knowledge, digital technologies, and ICT, higher education acts as a factor of economic growth, and its high level of development can be considered as a competitive advantage of country. It is emphasized that functioning of universities in many cases is a condition for ensuring the socio-economic development of small cities in Russia and adjacent territories. In this regard, the need for state support of higher education in small and medium-sized cities of Russia is justified.

Keywords

Economy of city and region, economic growth, economy of small cities.

Введение

В современных условиях прогресс общества и экономики, развитие науки, техники, технологий и человеческих ресурсов напрямую определяются качеством образования. Превращение науки, информации и знания в важнейшие факторы развития производства, развитие ИКТ, цифровизация различных сфер человеческой деятельности, появление новых видов производств и даже отраслей экономики, интеллектуализация производства и другие процессы, характеризующие современную экономическую жизнь общества, предъявляют все более высокие требования не только к уровню подготовки выпускников университетов и колледжей, но и к базовым знаниям, умениям, навыкам, закладывающимся при получении общего среднего образования. Немаловажную роль играют способность и умение применять теоретические знания на практике, опыт, личностные качества человека,

его способности, таланты, которые, соединяясь с профессиональными компетенциями, превращают работника в носителя человеческого и интеллектуального капитала, делают его уникальным, повышают его ценность на рынке труда.

В большинстве развитых стран, являющихся сегодня локомотивами мировой экономики, наиболее эффективными инвестициями в настоящее время являются инвестиции именно в человеческий капитал, в развитие способностей работников, повышение уровня их образования. Задачи повышения национальной конкурентоспособности и обеспечения социально-экономического прорыва, стоящие в настоящее время перед российской экономикой, предопределяют необходимость учета мировых тенденций и определения в качестве национального приоритета развитие системы образования, что предусматривает рассмотрение государственных расходов на образование как важнейших инвестиций, обеспечивающих национальную и экономическую безопасность страны и ее регионов. Следовательно, следует подчеркнуть необходимость обеспечения высокого уровня развития образования на всей территории страны, в частности, в малых и средних городах, где в настоящее время проживает более 25 % населения Российской Федерации.

Материалы и методы

В настоящее время в Градостроительном кодексе РФ к малым городам относятся поселки городского типа, города или районные центры республиканского, краевого или областного подчинения численностью до 50 тысяч жителей, к средним городам — от 50 до 100 тысяч жителей. В большинстве случаев это города одной отрасли, характеризующиеся моноукладным производством, либо административные центры сельских территорий [1].

Особое место занимают образованные в большинстве своем в советский период малые города оборонного значения, имеющие федеральное подчинение, не являющиеся районными центрами, носящие в настоящее время статус наукоградов. Такие города обладают солидной научно-технической базой и передовым кадровым потенциалом и имеют благоприятные перспективы для развития всех учреждений системы образования, включая вузы [2].

Наиболее многочисленной категорией в структуре малых городов РФ являются районные центры, а также поселки городского типа с количеством проживающих от 10 до12 тыс. человек, не обладающие всеми необходимыми атрибутами городской среды. Как правило, ядром их социально-экономического развития выступает некое монопрофильное производство. В условиях либерализации экономических отношений эпохи 90-х гг. XX в. в России большинство моногородов столкнулось с проблемами деградации градообразующих производств, ростом безработицы, резким падением уровня жизни населения, что обусловило рост трудовой миграции из этих городов, снижением рождаемости и ростом смертности, упадком объектов социальной сферы, в том числе организаций, работающих в области образования и культуры. Сегодня бюджеты более 90 % таких городов убыточны, а величина дотаций, получаемых ими из региональных бюджетов, превышает 50 %.

Проблема обеспечения достойного социально-экономического развития малых городов до сих пор остается в России на повестке дня. На текущий момент в РФ насчитывается около 3000 малых городов, их совокупное население превышает 40 млн человек [3]. Огромный потенциал, которым обладают малые и средние города, не только природно-ресурсный (в большинстве случаев такие города являются центрами сельских территорий или связаны с добычей сырья, как, например, малые шахтерские горо-

да), но и человеческий, практически не использован или используется с недостаточной степенью эффективности.

Альтернативные направления развития малых городов России предполагают их позиционирование как центров самобытной культуры, уникальных традиций и народных промыслов, туризма. Необходимо повышение значимости наукоградов как деловых и научно-образовательных центров. Поэтому принципиально важное значение сегодня должна иметь разработка программ развития сферы образования в малых и средних городах, формирования в них образовательного комплекса как одного из системообразующих для данного города, в том числе создания внутри малых городов университетских городков [4].

Вышеизложенное обусловливает важность развития системы образования для малых городов РФ и совершенствования системы его финансирования.

Результаты

В настоящее время динамика численности вузов в малых и средних городах России демонстрирует понижательный тренд. Если с середины 30-х гг. XX в. данный показатель неуклонно повышался, то на рубеже столетий ситуация изменилась до прямо противоположной и продолжает оставаться негативной по сей день. Одной из наиболее очевидных причин сложившегося положения является несоответствие материально-технической, библиотечной и информационной базы небольших вузов и филиалов университетов, расположенных в малых и средних городах, лицензионным критериям и требованиям Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования, что привело к их массовому закрытию в минувшее десятилетие.

Проблема слабой материально-технической базы сохраняет свою актуальность и для действующих в настоящее время в малых и средних городах филиалов более крупных вузов. Недостаточная обеспеченность современным учебным и лабораторным оборудованием, мультимедийными техническими средствами и т. д. затрудняет выполнение требований образовательных программ, реализуемых филиалом, вследствие чего студенты переводятся в другие университеты или завершают обучение в головном вузе, зачастую потом не возвращаясь в родной город. Не менее проблематичным для данных вузов становится и обеспечение доступа обучающихся к необходимым информационным и библиотечным ресурсам. Фонды библиотек таких вузов во многих случаях не обладают необходимым для обеспечения образовательного процесса количеством учебников и учебных пособий. Решением данной проблемы является подключение электронных библиотечных систем (ЭБС), что также не всегда доступно для небольших городов. При этом крупные научные библиотеки с обеспечением доступа к ЭБС с широким спектром книжных коллекций в малых и средних городах в большинстве случаев отсутствуют.

Сложившаяся ситуация ставит на повестку дня вопросы о необходимости и возможности развития высшего образования в малых городах. Анализ сложившихся тенденций позволяет представить три сценария дальнейшего развития событий (рис. 1).

Условно обозначим их как оптимистический (линия А на графике), умеренный (линия В) и кризисный (линия С). Следует отметить, что даже оптимистический сценарий предполагает сохранение тенденции снижения численности вузов в малых городах, хотя и в меньшем количестве и более медленными темпами.

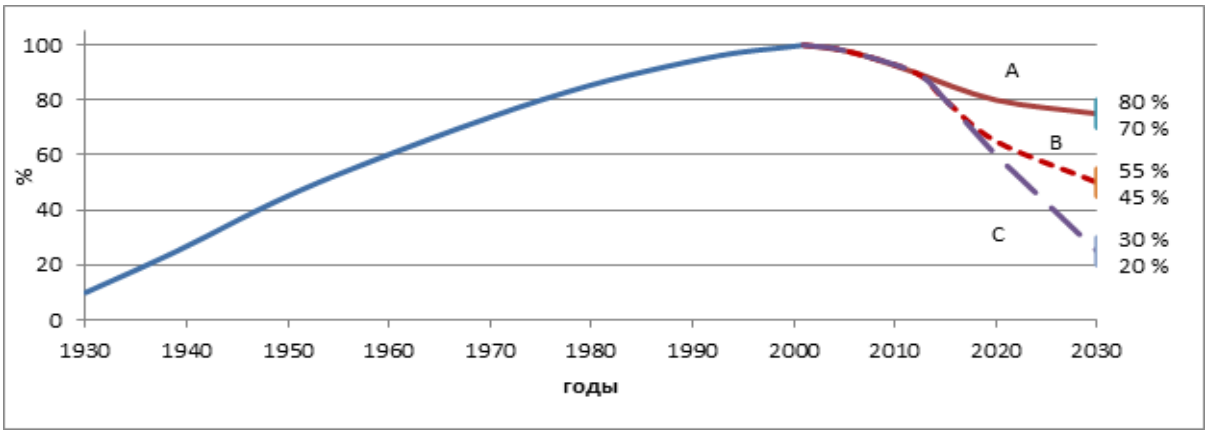


Рисунок 1 — **Сценарии изменения динамики численности вузов в малых городах России**

Реализация сценария А, исходящего из ситуации устойчивого экономического роста в стране, будет способствовать росту малых городов и изменению их статуса, позволит к 2030 г. сохранить в этих городах 70–80 % вузов от уровня 2001 г., в основном за счет их интеграции или изменения статуса.

Умеренный сценарий В, соответствующий сохранению существующих на данный момент тенденций развития экономики и образования на десятилетний период, позволяет предположить сохранение 45–55 % вузов. Наконец, согласно кризисному сценарию С, таких вузов останется лишь 20–30 % от числа действовавших на начало нового столетия. Таким образом, при всех возможных вариантах развития событий в целом по стране, на текущий момент в ее малых и средних городах достигнут предел роста числа вузов [5].

Обсуждение

Процессы развития социально-экономического и гуманитарного пространства малых городов России, на наш взгляд, тесно связаны с функционированием на их территории образовательных учреждений, в первую очередь системы высшего образования, развитие которой, в свою очередь, определяется возможностями экономического развития страны в целом. Как отмечалось выше, экономический рост на макро- и мезоуровне в современных условиях во многом определяется количеством и качеством специалистов, работающих в отраслях экономики, определяющих важнейшие векторы социально-экономического развития. Большинство таких специалистов являются выпускниками высших учебных заведений. Таким образом, обозначенные процессы носят взаимосвязанный и взаимообусловленный характер.

В послании Президента РФ Федеральному Собранию страны, прозвучавшему в начале 2020 г., в числе важнейших задач было обозначено развитие региональных вузов как своеобразных катализаторов процессов экономического роста, социального и культурного развития субъектов Федерации. На наш взгляд, необходима государственная поддержка сохранившихся на сегодняшний день вузов и филиалов вузов в малых и средних городах, поскольку для них деятельность образовательных учреждений носит системообразующий характер, что выражается в обеспечении хозяйственного, технологического, информационного, градостроительного, демографического, этнокультурного, экологического и иных аспектов социально-экономического развития муниципального образования и прилегающих к нему территорий. Поэтому в условиях объективно достигнутого предела роста численности вузов в малых городах необходимо рассматривать вузы и фили-

алы, расположенные в них, как фактор сохранения и обеспечения дальнейшего развития таких населенных пунктов, в том числе за счет предотвращения оттока молодежи в более крупные города. Это означает целесообразность сохранения в малых и средних городах России действующих в них на текущий момент вузов и филиалов при одновременном повышении качества подготовки их выпускников. Наряду с задачами контроля качества знаний не менее важно стимулирование развития высшего образования в провинции, что выводит на повестку дня вопросы финансирования не только соответствующих учебных заведений, но и всей системы российского высшего образования.

Выводы

Советская система образования была одной из наиболее передовых и качественных в мире, однако по ряду причин многие ее составляющие были утрачены и, по всей вероятности, уже не могут быть восстановлены в настоящее время в силу изменившихся тенденций развития науки, техники, экономики и социума.

Тем не менее частично сохранившая унаследованный от нее потенциал российская система образования при наличии необходимой поддержки со стороны государства и частного сектора все еще способна вернуться на конкурентоспособные позиции. Для этого необходимо проведение адекватной современным требованиям и вызовам постиндустриального общества образовательной политики, поддерживаемой обществом, восстановление ответственности государства за развитие в стране образования и науки, а также глубокая и всесторонняя модернизация данных отраслей с выделением необходимого и достаточного для поставленной цели количества ресурсов и созданием механизмов их функционирования и системы контроля их эффективного использования.

Библиографический список

1. *Сивоконь, А. В.* Развитие малых городов России: проблема взаимопонимания власти и общества // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. — 2011. — № 2. — С. 133–135.

2. Проблемы и перспективы развития регионов и предприятий в условиях глобализации экономики. — Уфа, 2014. — С. 27.

3. *Синицкая, Н. Я.* Образование как фактор качества человеческого потенциала региона // Экономика образования. — 2004. — № 1 (20). — С. 49–58.

4. *Чекалина, Н. А.* Региональные аспекты финансирования высшей школы // Регионология. — 2009. — № 4 (69). — С. 114–121.

5. *Слинкин, С. В., Бельская, Н. Л.* Вуз в малом городе: исторические аспекты и тенденции развития // Современные проблемы науки и образования. — 2013. — № 2.

Bibliographic list

1. *Sivokon, A. V.* Development of small towns of Russia: problem of understanding of government and society // Bulletin of Ivanovo State Energy University. — 2011. — № 2. — P. 133–135.

2. Problems and prospects of development of regions and enterprises in context of economic globalization. — Ufa, 2014. — P. 27.

3. *Sinitskaya, N. Ya.* Education as factor of quality of human potential of region // Economics of education. — 2004. — № 1 (20). — P. 49–58.

4. *Chekalina, N. A.* Regional aspects of higher school funding // Regionology. — 2009. — № 4 (69). — P. 114–121.

5. *Slinkin, S. V., Belskaya, N. L.* University in a small city: historical aspects and development trends // Modern problems of science and education. — 2013. — № 2.

В. А. Бондаренко, Н. В. Полуянова

СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ, ОРИЕНТИРОВАННОЙ НА ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

Аннотация

В статье рассматривается сохраняющаяся ситуация неравномерного развития российских регионов, актуализирующая интерес к региональной социально-экономической политике, в рамках которой, в свою очередь, целесообразно, с учетом зарубежного опыта, использование потенциала социального предпринимательства. Сделаны выводы о том, что социальное предпринимательство, как практическая мера, должно стать частью социально-экономической региональной политики на местах, предполагающей вовлеченность различных слоев населения и предпринимательского сообщества в качественное эволюционирование экономики в регионах.

Ключевые слова

Развитие, региональная социально-экономическая политика, социальное предпринимательство, социальное инвестирование.

V. A. Bondarenko, N. V. Poluyanova

SOCIAL ENTREPRENEURSHIP IN IMPLEMENTATION OF REGIONAL SOCIO-ECONOMIC POLICY FOCUSED ON TERRITORIAL DEVELOPMENT

Annotation

Article considers the continuing situation of uneven development of Russian regions, which actualizes interest in regional socio-economic policy, in which, in turn, it is advisable, taking into account foreign experience, to use the potential of social entrepreneurship. It is concluded that social entrepreneurship, as a practical measure, should become part of socio-economic regional policy at local level, assuming the involvement of various segments of population and business community in qualitative evolution of economy in regions.

Keywords

Development, regional socio-economic policy, social entrepreneurship, social investment.

Введение

В сложившихся условиях в России продолжает сохраняться неравномерное развитие территорий, которое исследователями именуется «диспропорциональным и асинхронным» [4], что предполагает поиск решений по преодолению сложившейся ситуации.

В настоящее время экспертами, на основании инвестиционной привлекательности региональных экономик и качества жизни квалифицированного персонала, определяемых посредством данных официальной статистики, рассчитывается интегральный индекс и определяется место региона в рейтинге. Таким образом формируется перечень регионов с высоким уровнем развития, регионов с уровнем выше среднего, ниже среднего уровня и так называемых аутсайдеров [12]. Дифференциация регионов России по интегральному индексу и место в соответствующем рейтинге приведены в таблице 1.

Таблица 1 — **Обобщенный рейтинг регионов России в 2017 г.** [12]

пп.	Субъект РФ	Значение интегрального индекса	пп.	Субъект РФ	Значение интегрального индекса
1	Сахалинская область	327,82	41	Ростовская область	68,09
2	Ямало-Ненецкий АО	318,36	42	Оренбургская область	67,58
3	Тюменская область	153,37	43	Республика Бурятия	67,26
4	Республика Саха (Якутия)	132,38	44	Нижегородская область	66,67
5	Ленинградская область	130,02	45	Костромская область	65,56
6	Ханты-Мансийский АО - Югра	125,99	46	Томская область	65,31
7	Амурская область	120,98	47	Ярославская область	64,97
8	Еврейская автономная область	117,01	48	Свердловская область	64,90
9	Липецкая область	110,84	49	Самарская область	62,05
10	Тамбовская область	108,87	50	Саратовская область	61,90
11	Красноярский край	108,04	51	Республика Ингушетия	61,82
12	Чеченская Республика	99,11	52	Камчатский край	61,74
13	Калужская область	94,90	53	Республика Адыгея	61,08
14	Республика Татарстан	94,43	54	Орловская область	60,42
15	Республика Дагестан	94,30	55	Вологодская область	59,55
16	Челябинская область	92,98	56	Ставропольский край	59,55
17	Архангельская область	92,33	57	Республика Алтай	59,01
18	Воронежская область	91,71	58	Смоленская область	58,99
19	Магаданская область	90,05	59	Рязанская область	58,26
20	Астраханская область	87,36	60	Карачаево-Черкесская Республика	57,92
21	Иркутская область	87,00	61	Республика Северная Осетия – Алания	57,53
22	Краснодарский край	84,88	62	Ивановская область	56,74
23	Республика Мордовия	82,41	63	Владимирская область	56,48
24	Калининградская область	81,75	64	Хабаровский край	55,00
25	Московская область	79,68	65	Чувашская Республика	54,99
26	Новгородская область	78,34	66	Приморский край	54,60
27	Кабардино-Балкарская Республика	75,91	67	Новосибирская область	54,54
28	Чукотский АО	75,83	68	Псковская область	52,27
29	Пермский край	74,74	69	Кировская область	49,90
30	Ульяновская область	74,19	70	Удмуртская Республика	48,55
31	Тульская область	72,63	71	Брянская область	48,25
32	Волгоградская область	70,94	72	Алтайский край	46,60
33	Белгородская область	70,93	73	Республика Марий Эл	46,38
34	Забайкальский край	70,73	74	Республика Калмыкия	46,20
35	Тверская область	70,31	75	Омская область	43,35
36	Пензенская область	69,08	76	Кемеровская область	39,33
37	Республика Башкортостан	69,04	77	Республика Хакасия	35,62
38	Республика Коми	68,82	78	Курганская область	35,13
39	Мурманская область	68,72	79	Республика Карелия	33,73
40	Курская область	68,64	80	Республика Тыва	27,51

Нацеленность на уменьшение асинхронности регионального развития актуализирует интерес к социально-экономической политике региона, определяемой специалистами в качестве «комплекса организационных мероприятий по разработке, контролю и координации выполнения управленческих решений по достижению целей социально-экономического устойчивого развития региона» [4]. Такое состояние дел вызывает интерес к инициативам, проявляемым в регионах на местах в части возможности оживления в них социально-экономической ситуации.

По нашему мнению, в сложившейся ситуации помимо осуществляемых в отдельных регионах управленческих решений целесообразно предпринимать своего рода универсальные действия, способствующие выравниванию ситуацию в стране в целом. Это предполагает вовлеченность в процессы социально-экономического развития помимо управленческих структур населения на местах и предпринимательского сообщества, заинтересованного в изменении ситуации к лучшему. Так, в рамках нацеленности общества на устойчивое развитие вопросы получения прибыли организациями остаются актуальными. Вместе с тем речь идет об ответственном ведении бизнеса, приносящем полезные эффекты не только владельцу определенного бизнеса и его учредителям, но и социуму в целом. Это подразумевает ситуацию, в которой предприниматель чувствует свою ответственность перед обществом и осуществляет деловую активность таким образом, чтобы как минимум не навредить окружающим, а в идеале — принести максимум пользы. Такие действия предполагают, например, внедрение технологий, сберегающих ресурсы, применение организационных решений, сберегающих время, оказание услуг социально незащищенным слоям общества и т. д. Подобная ответственная трансформация бизнеса стала идеологической основой формирования явления, именуемого социальным предпринимательством, которое дало толчок региональному развитию, развитию экономик территорий на местах по всему миру.

Материалы и методы

Исследование роли социального предпринимательства в осуществлении региональной социально-экономической политики, ориентированной на территориальное развитие, предполагает изучение сути самого явления — социального предпринимательства, его развития, восприятия российскими экспертами, сложившейся практики применения и возможных перспектив. В данном случае используемыми методами являются исторический, сравнительный, научного обобщения, анализа и синтеза данных.

Обсуждение

Исторически родиной социального предпринимательства считают Великобританию, где оно проявило себя еще в конце XIX в. Однако полноценно в качестве экономического явления социальное предпринимательство сложилось уже во второй половине XX в. в США [8].

В России интерес к социальному предпринимательству проявился сравнительно недавно. Сегодня к данному классу предпринимателей относят наиболее активную и нацеленную на прогрессивное развитие общества часть предпринимательского сообщества.

Получил законодательное подкрепление статус деятельности социального предприятия. Так, в «новой редакции закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», инициированной Минэкономразвития РФ, такой бизнес направлен на трудоустройство социально незащищенных групп (людей с ограниченными возможностями, сирот, пенсионеров, беженцев, переселенцев и т. п.), производство товаров (работ, услуг) для таких категорий граждан, достижение общественно полезных целей» [4].

Экспертное сообщество отмечает большое значение для общественного развития группы социальных предпринимателей, поскольку они «…видят проблемы в обществе и готовы проявить инициативу в их решении» [4]. В данном контексте, например, А. Московская подчеркивает креативный подход и выбор нестандартных решений в бизнесе, проявляющихся в рамках социального предпринимательства, при содействии интересам незащищенных слоев населения [7]. Социальное предпринимательство является логическим развитием социально ориентированной концепции

ведения бизнеса, когда не бизнес старается ориентироваться на социум, а изначально создается для содействия решению общественных проблем.

Отмеченная активность граждан, их самостоятельный поиск существующих проблем и стремление их решать делают такое явление, как социальное предпринимательство мощным ресурсом в социально-экономическом развитии регионов, полезным инструментом в рамках социально-экономической политики. В данном контексте И. Ю. Никулина рассматривает социальное предпринимательство именно в качестве инструмента, позволяющего на основе «самоорганизации местного населения» решать проблемы социально незащищенных и слабо защищенных слоев населения, что снижает остроту возможных к проявлению конфликтов и способствует развитию данной территории [8].

Е. А. Ветрова характеризует данное явление в качестве новационной деятельности, обеспечивающей устойчивое и бесконфликтное, но при этом окупаемое (выгодное) разрешение проявившихся в обществе проблем [3].

С. М. Сафаров акцентирует внимание на эффектах, которые получает современный социум на определенной территории от социального предпринимательства. Прежде всего, он относит к данным эффектам снижение количества безработных, создание рабочих и мест для социально незащищенных лиц и повышение уровня и качества жизни граждан на территории и, как следствие, улучшение статистических показателей, характеризующих данную территорию [9]. Важно подчеркнуть, что рабочие места в регионах создаются как для сотрудников, обсуживающих незащищенные слои населения, так и для самих представителей незащищенных слоев населения [9].

Представленные аргументы позволяют отметить весомую роль социального предпринимательства в социально-экономическом территориальном развитии в настоящее время, что во многом становится характерным для регионов России.

Развитие социального предпринимательства предполагает необходимость разработки механизма инвестирования в проекты, позволяющие сглаживать существующие противоречия и развивать территорию в рамках совместных усилий государственных и негосударственных организаций и фондов. Это предопределяет необходимость формирования модели социального инвестирования. В такой модели взаимодействуют государство, негосударственные организации и социум, который транслирует исполнителям (субъектам) потребности. Государство, в свою очередь, обеспечивает нормативно-правовые и институциональные возможности их удовлетворения, а социальные предприятия предлагают непосредственные пути решения проблем, на которые есть общественный запрос [6].

Результаты

В российских условиях исследователями предлагается выработать на государственном уровне единый механизм гарантий инвесторам, вкладывающим средства в социально ориентированные проекты, способствующие развитию региональных экономик «на местах», а также проводить в регионах информационную поддержку данных проектов, которая, с одной стороны, будет популяризировать социальное предпринимательство и социальных инвесторов, а, с другой стороны, способствовать формированию работоспособных пар «инвестор-предприниматель». Такая деятельность, наряду с популяризацией, должна сопровождаться обучением и поддержкой на базе инфраструктуры акселераторов малого и среднего бизнеса. По прошествии определенного периода целесообразно подводить итоги реализуемым проектам и принимать решение об их эффективности / неэффективности и, как следствие, трансформации системы вза-

имодействия, поддержки и сопровождения инвестиционных проектов в социальное предпринимательство [6]. Формирование работоспособных пар предполагает необходимость обучения социальных предпринимателей, активных и имеющих оригинальные идеи инноваторов, маркетинговым практикам рыночной аналитики и продвижения продуктов и услуг.

В мировой практике инвестирование в социальное предпринимательство принято именовать преобразующим — именно из-за его роли в преобразовании социально-экономической ситуации в регионах. Согласно данным Global Impact Investing Network, этот рынок уже составляет порядка 60 млрд долл. в год [11]. Социальное инвестирование является рентабельным сегментом, приносящим доход в объеме 5–6 % годовых, что сопоставимо с коммерческим сектором [11]. Социальное инвестирование и участие в проектах социального предпринимательства популярно в странах Европы и США и способствует благоприятному отношению в обществе к бизнесменам и компаниям, задействованным в данном сегменте. По сути, в сложившейся общественной парадигме это создает им дополнительные конкурентные преимущества, по сравнению с представителями бизнеса, не вовлеченными в решение общественных проблем. В отмеченном контексте считаем целесообразным привести данные по областям направления социальных инвестиций в России (рис. 1).

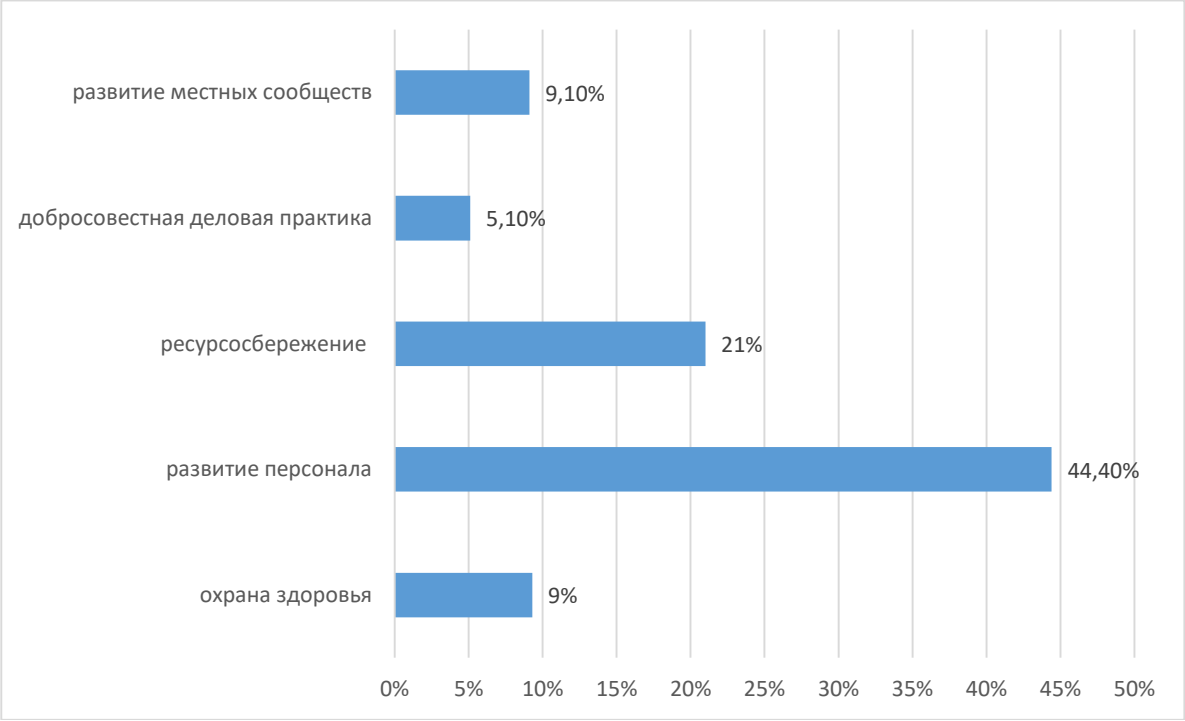


Рисунок 1 — **Области направления социальных инвестиций в России, характеризующие показатели работы социального предпринимательства в 2017 г., %** [2]

В России, как уже отмечалось, растет интерес к такому направлению, как социальное предпринимательство в части использования его потенциала в региональном развитии за счет вовлеченности неравнодушных к благосостоянию своей территории граждан и предпринимателей, инвесторов и самозанятого населения. Кроме того, так как социальные предприниматели — активные не-

равнодушные граждане, они также являются проводниками инноваций, находящими нестандартные решения различных проблем. В связи с этим понятно устремление создания условий для совместной работы, например, технологических стартапов и некоммерческих организаций в рамках направленности социального предпринимательства. Во многом по этой причине интерес к развитию социального предпринимательства в России проявляется в рамках нацеленности на кардинальную качественную трансформацию социально-экономического развития регионов, проявляющуюся в осуществлении Национальной Технологической Инициативы (НТИ), предопределяющей формат взаимодействия научно-образовательных учреждений, индустриальных партнеров в регионах, активизацию предпринимательства в части технологических стартапов и малых инвестиционных бизнесов, в том числе реализуемых в сегменте социального предпринимательства [13].

Активность в плане социально ориентированного бизнеса проявляют венчурные фонды, ориентированные на активизацию инноваций в региональном развитии. Особую роль в указанном процессе играет АО «Российская венчурная компания» (РВК). Ее деятельность сопряжена с поиском инвестиций в инновационно активные сегменты, имеющие ключевое значение для развития национальной экономики, при этом реализуемые в регионах, на местах. Осуществляемая поддержка уже охватила более 194 проектов, и при содействии и непосредственном участии РВК функционирует 21 инвестиционный фонд [14]. На государственном уровне проявилась инициатива создания условий для негосударственных организаций в оказании услуг в социальной сфере, о чем свидетельствует принятие соответствующей «дорожной карты», предлагающей рационализацию бюджетных расходов на социальные нужды за счет расширения спектра внебюджетных вливания с помощью преобразующего инвестирования [10]. Данная деятельность направлена на мероприятия по охране здоровья населения, популяризацию и проведение культурных и спортивных активностей для различных слоев населения, комфортную городскую среду [1], сотрудничество и рост качества интеллектуального капитала территорий. На площадках коворкингов в регионах проводятся обучающие мероприятия для социальных инвесторов в части маркетинговых и PR-компетенций, ставящие целью также их взаимодействие с инвесторами и целевыми рынками.

Выводы

Опираясь на зарубежный опыт, учитывая мнение научного и экспертного сообщества, а также анализ предпринимаемых в текущий период усилий со стороны управляющей элиты в России, очевидно, есть стойкое понимание ведущей роли социального предпринимательства и преобразующего инвестирования в качестве проводника положительных социально-экономических преобразований в региональном развитии. Социальное предпринимательство как практическая мера должна стать частью социально-экономической региональной политики на местах, предполагающей вовлеченность различных слоев населения и предпринимательского сообщества в качественное эволюционирование экономики в регионах.

Библиографический список

1. *Бондаренко, В. А.* Развитие комфортной городской среды // Комплексный анализ социально-экономического развития города Ростова-на-Дону: сравнительная динамика и ключевые тренды / А. У. Альбеков, Н. Г. Вовченко, С. В. Бердников [и др.]. — Ростов н/Д, 2019. — С. 492–513.

2. *Бугрова, В. Р., Макарова, А. И., Максимова, Е. В., Лыкасова, Л. Г.* Функ-

ции социального предпринимательства в условиях глобализации: теория и практика // Сервис plus. — 2017. — № 2. — Т. 11. — С. 77–86.

3. *Ветрова, Е. А., Бородина, М. И.* Социальное предпринимательство как фактор развития общества // Социально-экономические явления и процессы. — 2016. — № 12. — С. 18–22.

4. Выгода и общество: как развивается социальное предпринимательство. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://plus.rbc.ru.

5. *Дохолян, С. В.* Региональная социально-экономическая политика как составная часть экономической политики государства [Электронный ресурс] // Россия: тенденции и перспективы развития. — 2015. — № 10–3. — Режим доступа : https://cyberleninka.ru.

6. *Зверева, Н. И., Сурова, Н. Ю., Мельников, М. С.* Модель развития социального предпринимательства и социального инвестирования в России // Экономика: вчера, сегодня, завтра. — 2019. — № 2А. — Т. 9. — С. 66–75.

7. *Московская, А.* Зачем нужен закон о предпринимательстве // Социальное предпринимательство. — 2019. — № 10. — С. 5.

8. *Никулина, И. Ю.* Роль социального предпринимательства в социально-экономическом развитии территории // Вестник экспертного совета. — 2018. — № 4 (15). — С. 36–43.

9. *Сафаров, С. М.* Социальное предпринимательство как инструмент развития региональной экономики (социокультурный подход) // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики : сб. науч. тр. — 2017. — Вып. 12. — С. 133–145.

10. Распоряжение Правительства РФ № 1144-р от 08.06.2016 «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») «Поддержка доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере» // Собрание законодательства РФ. — 27.06.2016. — № 26 (Часть II). — Ст. 4074.

11. 10 фактов о преобразующем инвестировании [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://zen.yandex.com/media/social_biz.

12. Российские регионы — лидеры и аутсайдеры экономического рейтинга [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.finam.ru.

13. http://innovation360.ru.

14. http://www.rvc.ru.

Bibliographic list

1. *Bondarenko, V. A.* Development of comfortable urban environment // Complex analysis of socio-economic development of city of Rostov-on-Don: comparative dynamics and key trends / A. U. Albekov, N. G. Vovchenko, S. V. Berdnikov [and oth.]. — Rostov-on-Don, 2019. — P. 492–513.

2. *Bugrova, V. R., Makarova, A. I., Maksimova, E. V., Lykasova, L. G.* Functions of social entrepreneurship in conditions of globalization: theory and practice // Service plus. — 2017. — Vol. 11. — № 2. — P. 77–86.

3. *Vetrova, E. A., Borodina, M. I.* Social entrepreneurship as a factor in development of society // Socio-economic phenomena and processes. — 2016. — № 12. — P. 18–22.

4. Benefits and society: how social entrepreneurship develops [Electronic resource]. — Mode of access : https://plus.rbc.ru.

5. *Dokholyan, S. V.* Regional socio-economic policy as integral part of state's economic policy [Electronic resource] // Russia: trends and prospects for development. — 2015. — № 10–3. — Mode of access : https://cyberleninka.ru.

6. *Zvereva, N. I., Surova, N. Yu., Melnikov, M. S.* Model of development of social entrepreneurship and social investment in Russia // Economy: yesterday, today, tomorrow. — 2019. — № 2A. — Vol. 9. — P. 66–75.

7. *Moskovskaya, A.* Why the law on entrepreneurship is needed // Social entrepreneurship. — 2019. — № 10. — P. 5.

8. *Nikulina, I. Yu.* Role of social entrepreneurship in socio-economic development of territory // Bulletin of Expert Council. — 2018. — № 4 (15). — P. 36–43.

9. *Safarov, S. M.* Social entrepreneurship as a tool for regional economic development (sociocultural approach) // Tiered social reproduction: issues of theory and practice : coll. of scientific works. — 2017. — Vol. 12. — P. 133–145.

10. Decree of RF Government № 1144-R from 08.06.2016 «On approval of action plan (road map) "Support for access of non-governmental organizations to provide social services"» // Collection of legislation of Russian Federation. — 27.06.2016. — № 26 (P. II). — Art. 4074.

11. 10 facts about the transforming investment [Electronic resource]. — Mode of access : https://zen.yandex.com/media/social_biz.

12. Russian regions are leaders and outsiders in economic rating [Electronic resource]. — Mode of access : https://www.finam.ru.

13. http://innovation360.ru.

14. http://www.rvc.ru.

В. В. Борисова

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛОГИСТИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ РЕГИОНА[1]

Аннотация

Логистическая инфраструктура региона представлена в разрезе цифровых преобразований институциональной среды. Рассмотрены общетеоретические подходы к пониманию институциональной инфраструктуры и логистических институций в регионе. Внимание уделено доминирующим элементам логистической инфраструктуры и вопросам использования плановых и рыночных методов регулирования появления новых и преобразования действующих институтов в регионе.

Ключевые слова

Институциональная инфраструктура, логистика, регион, цифровая трансформация.

V. V. Borisova

DIGITAL INSTITUTIONAL TRANSFORMATION OF REGION'S LOGISTICS INFRASTRUCTURE

Annotation

Region's logistics infrastructure is represented in context of digital transformations of institutional environment. General theoretical approaches to understanding institutional infrastructure and logistics institutions in region are considered. Attention is paid to dominant elements of logistics infrastructure and use of planned and market-based methods to regulate the emergence of new and existing institutions in region.

Keywords

Institutional infrastructure, logistics, region, digital transformation.

[1] Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 20-010-00141 «Формирование институционального каркаса инфраструктуры региона в цифровой экономике»).

Введение

Вопросы цифровой трансформации институционального обеспечения логистической инфраструктуры региона являются актуальными, поскольку от вектора этих трансформаций зависит конкурентоспособность региона и его позиционирование в цифровой среде страны.

Рационализация взаимодействий между элементами логистической инфраструктуры в условиях цифровой экономики предопределяет необходимость оценки цифровой зрелости региональных институтов. В ряде случаев новые цифровые институты заменяют традиционные, бывает и так, что цифровые новшества опираются на старый институциональный базис. Практика опережает теорию.

В современном виртуально-реальном мире логистика как элемент институциональной среды региона выполняет интегрирующую роль в связке элементов хозяйства. В теоретическом плане мы выходим на проблему цифровой трансформации институционального обеспечения логистики региона. Для экономики региона эта проблема в большей степени связана с появлением новых рынков цифровых товаров, услуг и продуктов, использованием цифровых технологий и инновационных бизнес-моделей, позволяющих создавать ценности и наращивать доход.

Говоря о цифровой трансформации институционального обеспечения логистики конкретного региона, целесообразно исследовать уже сложившийся набор институтов и рассмотреть различные точки зрения на суть происходящих изменений. Мы выходим на понимание логистики как составной части институциональной инфраструктуры региона. Этому вопросу и посвящена данная статья.

Обсуждение

Зрелость цифровой трансформации на уровне региона часто измеряется на основе технологических параметров и исходя из состояния развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Сторонники такого подхода полагают, что цифровая трансформация — набор информационных технологий, характеризующих определенный скачок в социально-экономическом развитии региона: доступ и использование интернета населением и организациями; цифровые навыки населения (применение мобильных цифровых устройств для коммуникаций, заказа товаров, выполнения финансовых операций и др.).

Одни исследователи полагают, что цифровая трансформация базируется на оценке бизнес-показателей, обусловленных развитием электронного бизнеса, программных продуктов; применением информационных систем: MRP — Materials resource planning; DRP — Distribution reguirement planning; ERP — Enterprise resourse planning (планирование и распределение ресурсов в производстве, дистрибуции и комплексной системе управления); SCM — Supply-chain management (управление цепями поставок) и др.; наличием веб-сайтов в организациях; использованием интернета для закупок и продаж товаров [1, 2].

Ряд экспертов связывают цифровые преобразования с внедрением технологий третьей платформы, функционирующей на базе внедрения мобильных технологий, социальных сетей, облака, больших данных и др.) [3, 4]. С точки зрения последних, именно технологии третьей платформы позволили компаниям создать бизнес-модель на основе цифровых активов, стирая границы между поставщиками, посредниками, клиентами в системе поставок. В качестве примера приводят: «Skype — крупнейший сервис по передаче голосового трафика, который не имеет собственной сетевой инфраструктуры; Netflix — компания по продвижению ТВ-контента, не имеющая собственной кабельной инфраструктуры; Alibaba

Group — крупнейший мировой торговец, не имеющий своих складов; YouTube — крупнейшая сеть по расширению контента, не занимающаяся его производством; Uber — служба такси, не имеющая автомобилей; Airbnb — сервис для поиска и кратковременной аренды жилья по всему миру; Trip Advisor — компания по планированию путешествий, не владеющая недвижимостью» [5].

Несмотря на различие в подходах, взгляды и тех и других исследователей относительно зрелости цифровой трансформации конкретной территории тесно связаны с удельным весом сектора информационно-коммуникационных технологий в валовом региональном продукте и в валовой добавленной стоимости предпринимательского сектора экономики региона. Говоря о цифровых трансформациях в регионе, мы видим, что фокус цифровизации смещается в сторону организационной работы и готовности местных органов власти к использованию информационно-коммуникационных технологий. Не случайно во многих регионах стали появляться менеджеры и руководители цифровой трансформации (Chief Digital Transformation Officer, CDTO). Их деятельность связана с разработкой цифровой стратегии региона, развитием онлайн-сервисов для взаимодействия органов власти с населением и организациями при оказании им государственных услуг. Руководитель цифровой трансформации отвечает за внедрение цифровой стратегии в регионе, стимулирует цифровые стратегические обновления, применение прорывных технологий, направленных на создание новых бизнес-моделей, дополняющих или замещающих труд человека с помощью искусственного интеллекта, мобильных устройств, роботизации и др.

Цель цифровой трансформации экономики региона заключается в повышении конкурентоспособности и создании условий для поступательного социально-экономического развития в изменяющихся условиях. Успешное претворение в жизнь этой целевой установки приводит, как правило, к созданию новых бизнес-моделей, новых процессов, формированию цифровой культуры, что связано с развитием институциональной инфраструктуры региона и оценкой степени ее готовности к цифровой трансформации.

Обратимся к вопросу институциональной обеспеченности планируемых в регионе цифровых трансформаций. Нас интересует понятие «институт» как элемент социально-экономической структуры региона. В таком контексте институт выполняет организующую, регулирующую и администрирующую функции, взаимодействуя с субъектами в процессе осуществления этих функций. К ним могут относиться как частные, так и государственные организации, реализующие те или иные хозяйственные функции [6, с. 190].

И. Д. Афанасенко трактует понятие «общественный институт как совокупность норм и правил, определяющих взаимодействие людей в хозяйственной и социальной жизни» [7, с. 326]. Именно общественным институтам отведена ключевая роль в повышении конкурентоспособности региона и поддержании его сбалансированного развития. Столь же важна роль институтов и при осуществлении цифровых преобразований в логистической инфраструктуре региона.

Логистическая инфраструктура региона — кровеносная система территории. От ее состояния и насыщенности всецело зависит конкурентоспособность экономики современного региона.

Отметим, понятие «инфраструктура» многогранно и интерпретируется исследователями в разных контекстах. В хозяйстве региона инфраструктура объединяет в качестве своих элементов: отрасли оптовой и розничной торговли, материально-технического обеспечения, финансовые учреждения, сектор инфор-

мационного и правового обслуживания. Включая сферу производства, распределения, обращения и потребления в единую систему, инфраструктура обеспечивает оптимизацию оборота материальных, информационных и финансовых ресурсов хозяйства региона. И логистической инфраструктуре в этом процессе отведена не последняя роль. Реализация цифрового потенциала логистической инфраструктуры региона всецело зависит от институциональных условий.

Совокупность понятий «институт» и «инфраструктура» образует терминологическую конструкцию «институциональная инфраструктура». В данном случае мы имеем дело со сложной многоуровневой социально-экономической системой, регулятором макроэкономических параметров и сбалансированного развития хозяйства региона.

Ныне в социально-экономическом развитии региона происходит цифровая трансформация отраслей и сфер деятельности, что предопределяет необходимость уточнения ряда фундаментальных теоретических положений и понятийного аппарата институциональной инфраструктуры. Поэтому и цель функционирования институциональной инфраструктуры направлена на создание условий формирования и развития цифровой экономики региона.

С точки зрения содержания выполняемых в системе хозяйства функций, выделяют инфраструктуру разных уровней: национального хозяйства, региона, отрасли, отдельного производства, предприятия (организации) и др. То есть мы имеем дело со сложной и многоуровневой системой, объединяющей различные подсистемы и элементы. Все эти составляющие переплетены, взаимосвязаны и взаимозависимы друг от друга. Касаемо институциональной инфраструктуры конкретного региона мы имеем дело с подсистемой национальной экономики, реализующей регулирующие, поддерживающие и обеспечивающие функции и взаимодействие субъектов хозяйствования в рамках определенной территории.

Обратим внимание на то, что реальная хозяйственная деятельность осуществляется не через прямые задействования определенных институтов, а посредством управления субъектами отношений через определение норм и правил их поведения, составляющих некую структурную совокупность. В экономической теории для ее определения применяют термин «институциональное соглашение» как «результат эффективного функционирования институций инфраструктуры, направленный на развитие системы, снижение трансакционных издержек, минимизацию провалов рынка и взаимодействий субъектов хозяйствования с институциональной инфраструктурой» [8, с. 18].

По мысли Д. Норта, институты — «это “правила игры” в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми. Следовательно, они задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия — будь то в политике, социальной сфере или экономике» [8, с. 17]. Институциональные изменения определяют то, как общества развиваются во времени и таким образом являются ключом к пониманию исторических перемен.

«Институты уменьшают неопределенность, структурируя повседневную жизнь» [8, с. 18]. И этот тезис важно учитывать при проведении цифровых преобразований в регионе, поскольку внедрение цифровых инноваций в неблагоприятной институциональной среде сталкивается с целым рядом сдерживающих факторов и препятствий, что ведет к негативным последствиям и ослаблению конкурентных позиций региона. Эта проблема в полной мере относится и к логистике как составной части инфраструктуры региона.

Проведенный нами теоретический анализ трансформации логистических институтов [9, с. 137–163] привносит новое звучание теории «экономики замкнутого цикла». В ее арсенале: возобновление ресурсов; переработка вторичного сырья; создание новых видов сырья промышленным путем и формирование на этой основе ресурсного потенциала экономики. По сути, речь идет об изменении классического подхода к формированию содержания ресурсного потенциала, когда основной источник его пополнения составляют природные ресурсы. Таким образом, экономика замкнутого цикла концентрирует внимание на минимизации отходов и загрязнения окружающей среды при воспроизводстве ресурсного потенциала.

Общей мировой тенденцией стало принятие многими странами национальных стратегий ресурсосбережения (Германия, Швейцария, Китай, Южная Корея и др.) и реализация экологических программ, нацеленных на получение максимального объема вторичных ресурсов из переработки отходов и использование их взамен природных.

По Нортону, «фундаментальными детерминантами экономического поведения являются стимулы. Они в неявном виде содержатся в теориях *(авт.)*, которые мы использовали и от которых мы ожидаем определенных результатов» [8, с. 172]. К выработке стимулов к ресурсосбережению разворачиваются и некоторые современные модели маркетинга, которые смещают акцент своей коммуникационной политики от гонки потребительства в сторону ресурсосбережения. Мы полагаем, что разработанная нами теория маркетинга ресурсосбережения *(авт.)* сегодня актуальна как никогда [10, 11].

В логистическом знании внимание исследователей концентрируется на моделях концепции «логистики замкнутого цикла» [12]. Одна из таких моделей базируется на идее круговой цепочки добавленной стоимости, когда ограниченные природные ресурсы заменяются (полностью или частично) на возобновляемые источники сырья и материалов. В этой модели тенденция ресурсосбережения связана с «экологичными закупками», созданием условий для работы с «циркулярными поставщиками».

Мотивация ресурсосбережения связана с институциональными изменениями, с созданием институтов, стимулирующих восстановление ресурсов. В моделях таких институтов предусмотрены технологические инновации, индустрия восстановления и повторного использования ресурсов; заложен замкнутый цикл переработки отходов, стимулирующий их трансформацию в новые ресурсы.

Принципиально важно формировать институты, стимулирующие продление срока службы средств труда, увеличение их жизненного цикла, в том числе за счет восстановления, капитального ремонта, модернизации и ремаркетинга продукта. Ныне производители, например, автомобилей, бытовой техники, преднамеренно (и не без активного участия маркетологов) искусственно сокращают срок службы изделия, чтобы побудить покупателя досрочно обновлять технику. Получила широкую огласку практика сокращения производителями долговечности электронной техники. Таким образом, политика амортизации из действенного инструментария политики государства стала маркетинговым манипуляционным инструментарием транснациональных корпораций [13]. В сущности, это возвращает нас к насущной проблеме не только долговечности средств труда, но и к создания институтов, стимулирующих сохранение экономической выгоды продукта, способствующих внедрению модели коллаборативного (совместного) потребления ресурсов (товаров, активов). А это затрагивает проблему выбора направлений технического прогресса.

Институты создают базовые структуры и в логистической деятельности. В то же время масштабные цифровые преобразования логистических институтов реализуются не столь быстро, поскольку «институт — это результат исторических перемен» [9]. Трудности, с которыми нынешняя логистическая инфраструктура сталкивается, обусловлены институциональной нестабильностью. Институциональная неуверенность и нестабильность порождает высокие затраты по логистическим операциям, дополнительные трансакционные издержки.

Под «институционализацией логистической деятельности мы понимаем правовое и организационное закрепление определенных общественных отношений, приводящее к учреждению новых социальных институтов» [9, с. 138].

«Институт логистический» — понятие производное. Оно выражает разнопорядковые явления. Ими могут быть: определенная форма организации, регулирования и упорядочения логистической деятельности; форма взаимодействия участников товародвижения; группа взаимосвязанных однородных экономических или социальных отношений; специфические методы организации и управления экономическими потоками; элементы социальной структуры общества.

Сложившиеся за период реформ в России рыночные логистические институты реализуют функции и операции купли-продажи, перевозки, складирования, грузопереработки и др. Наиболее распространенные из них: товарные биржи; логистические центры; логистические системы различного уровня (макро-мезо и микросистемы); разной степени сложности конфигурации экономических потоков (цепи, сети, каналы, паутины, кластеры).

Цифровая трансформация экономики вносит свои коррективы в функционирование сложившихся логистических институтов, когда нужно, во-первых, осваивать цифровые трансформации; во-вторых, разрабатывать новые механизмы их внедрения; преодолевать риски и последствия перемен, и, наконец, сохранить положительное наследие прошлого.

Цифровую трансформацию логистических институтов мы рассматриваем в разрезе процессного, отраслевого, технологического подходов» [6].

«Цифровые преобразования на основе процессного подхода обеспечивают возможность: внедрения единых стандартов выполнения логистических операций; реализации единой технологии выполнения работ; выработки системы координат для оценки результатов; сокращения адаптационного периода цифровизации; они способствуют мотивации персонала.

Процессный подход в «чистом» виде встречается редко и, как правило, имеет отраслевой срез. Это связано с появлением новых цифровых рынков: цифрового производства и доставки продуктов питания (воды); цифровой добычи ресурсов; фабрик аддитивных технологий; распределительных энергетических систем; беспилотных автомобилей; беспилотных летательных аппаратов; цифровых железных дорог; телемедицины и персональной медицины; цифровых городов («умные» дома, «умные» дороги); цифровых финансовых технологий; цифровой безопасности (программного обеспечения безопасности); электронной торговли; электронного образования; цифровой культуры; цифровых средств массовой информации.

Технологический подход фокусирует внимание на применении широкополосного интернета (4G-5G), программного и аппаратного обеспечения цифровых технологий: интернета вещей; цифрового проектирования и моделирования; квантовых технологий;

технологий Big Data («большие данные»); элементарной базы (процессоры); робототехники; сенсоров и датчиков; аддитивных технологий (3D-печать); облачных технологий; суперкомпьютерных технологий. В этом случае архитектура систем поставок объединяет элементы-звенья в цифровые платформы, предоставляя всем ее участникам программные продукты, вычислительные ресурсы, услуги хранения информации в абстрактном информационном пуле» [14, с. 178–177].

Выводы

Цифровые трансформации институционального обеспечения логистической инфраструктуры региона побуждают к использованию новых способов взаимодействия науки, техники и производства. Такого рода трансформации возможны на основе учета положительного наследия прошлого, планомерности, реализуемой в виде планово-договорной системы.

Институциональное переустройство мы связываем с разработкой и внедрением механизма использования плановых и рыночных методов регулирования появления новых и преобразования действующих институтов в регионе; формированием институтов развития как основы для создания адекватной цифровой институциональной среды.

Принципиально важно исходить из преодоления негативных последствий разрушительных институциональных трансформаций экономики, используемых ранее в России при проведении экономических реформ, ориентированных исключительно на «рыночную эффективность». Такого рода институциональные трансформации оказались не адекватными социально-экономической эффективности. Последствия этих ошибок сказываются до сих пор и могут негативно отразиться на цифровых преобразованиях логистической инфраструктуры.

Библиографический список

1. *Афанасенко, И. Д.* Стратегии цифровых изменений в логистике // Развитие науки и научно-образовательного трансфера логистики. — СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2019. — С. 15–25.

2. *Коваленко, Б. Б., Геворкян, Т. М.* Цифровая культура: воплощение в новых бизнес-моделях // Экономика и предпринимательство. — 2018. — № 4 (93). — С. 91–93.

3. *Наумов, В. Н.* Управление товародвижением в цепи поставок с использованием интегрированной digital-платформы // Развитие науки и научно-образовательного трансфера логистики / под ред. В. В. Щербакова. — СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2019. — С. 102–117.

4. *Борисова, В. В., Кудряшова, П. А.* Виртуальные логистические операторы: зарубежный опыт и российская практика // Известия СПбГЭУ. — 2019. — № 2 (116). — С. 83–89.

5. *Прохоров, А., Коник, Л.* Цифровая трансформация: анализ, тренды, мировой опыт // Интеллектуальная издательская система Ridero. — М., 2018.

6. *Афанасенко, И. Д., Борисова, В. В.* Цифровая логистика : учебник для вузов. — СПб. : Питер, 2018. — С. 190.

7. *Афанасенко, И. Д.* Россия в изменяющемся мире. — СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2019. — С. 326.

8. *Норт, Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — М. : Начала, 1997. — С. 17, 18.

9. *Афанасенко, И. Д., Борисова, В. В.* Институциональные основы логистических систем // Логистика в системе совокупного знания. — СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2013. — С. 137–163.

10. *Борисова, В. В., Кононенко, Е. С.* Маркетинг и ресурсосбережение: общее и особенное. — М. : Экономическая газета, 2013.

11. *Кононенко, Е. С.* Маркетинг ресурсосбережения: теория, методоло-

гия, практика : моногр. — М. : Профессор, 2016.

12. *Борисова, В. В.* Проектирование логистических систем цифрового типа // Форсайт логистики: будущее логистики глазами молодых ученых / под ред. Т. Г. Шульженко. — СПб., 2018.

13. *Афанасенко, И. Д., Борисова, В. В.* Маркетинг влияния: сфера применения и способы использования // Вестник РГЭУ (РИНХ). — 2016. — № 3 (55). — С. 26–31.

14. *Борисова, В. В.* Менеджмент логистических систем цифрового типа // Развитие науки и научно-образовательного трансфера логистики : моногр. — СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2019. — С. 102–117.

Bibliographic list

1. *Afanasenko, I. D.* Strategies of digital changes in logistics // Development of science and scientific and educational transfer of logistics. — SPb. : Publishing house of SPbSUE, 2019. — P. 15–25.

2. *Kovalenko, B. B., Gevorkyan, T. M.* Digital culture: implementation in new business models // Economy and entrepreneurship. — 2018. — № 4 (93). — P. 91–93.

3. *Naumov, V. N.* Managing commodity movement in supply chain using an integrated digital platform // Development of science and scientific and educational transfer of logistics. — SPb. : Publishing house of SPbSUE, 2019. — P. 102–117.

4. *Borisova, V. V., Kudryashova, P. A.* Virtual logistics operators: foreign experience and Russian practice // Izvestiya of SPb SUE. — 2019. — № 2 (116). — P. 83–89.

5. *Prokhorov, A., Konik, L.* Digital transformation: analysis, trends, world experience // Intellectual publishing system Ridero. — M., 2018.

6. *Afanasenko, I. D., Borisova, V. V.* Digital logistics : textbook for universities. — SPb. : Piter, 2018. — P. 190.

7. *Afanasenko, I. D.* Russia in a changing world. — SPb. : Publishing house of SPbSUE, 2019. — P. 326.

8. *North, D.* Institutions, institutional changes and functioning of economy. — M. : Nachala, 1997. — P. 17, 18.

9. *Afanasenko, I. D., Borisova, V. V.* Institutional foundations of logistics systems // Logistics in the system of aggregate knowledge. — SPb. : Publishing house of SPbSUE, 2013. — P. 137–163.

10. *Borisova, V. V., Kononenko, E. S.* Marketing and resource saving: general and special. — M. : Ekonomicheskaya Gazeta, 2013.

11. *Kononenko, E. S.* Marketing of resource saving: theory, methodology, practice : monograph. — M. : Professor, 2016.

12. *Borisova, V. V.* Design of digital type logistics systems // Logistics foresight: future of logistics through the eyes of young scientists. — SPb, 2018.

13. *Afanasenko, I. D., Borisova, V. V.* Marketing of influence: scope and methods of use // Bulletin of RSUE (RINH). — 2016. — № 3 (55). — P. 26–31.

14. *Borisova, V. V.* Management of logistics systems of digital type // Development of science and scientific and educational transfer of logistics : monogr. — SPb. : Publishing house of SPbSUE, 2019. — P. 102–117.

Т. В. Кушнаренко, В. А. Макеев, М. Г. Дебесай

ОЦЕНКА УЯЗВИМОСТИ СЕЛЬСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ К ИЗМЕНЕНИЮ КЛИМАТА

Аннотация

Одной из особенностей мирового сельскохозяйственного сектора является его зависимость от изменения климата. Сельскохозяйственное производство становится неустойчивым и уязвимым. Наиболее уязвимы к климатическому стрессу сельские домохозяйства, увеличение которых планируется в России. Общая цель исследования заключается в определении уровней уязвимости домохозяйств в сельских районах в результате изменения климата, а также в понимании стратегии их адаптации, в рамках которой они смогли бы иметь доступ к новым источникам существования. Для преодоления ограничений в оценке уязвимости социально-экономического и биофизического подходов предложено их сочетание и оценка уязвимости на основе индекса средств к существованию (LVI). В результате исследования были установлены демографические, социально-экономические и институциональные факторы, влияющие на уязвимость и диверсификацию источников доходов сельских домохозяйств. Произведена индексная оценка уязвимости сельских домохозяйств и определены направления их адаптации к изменению климата.

Ключевые слова

Климатические изменения, уязвимость, чувствительность, адаптация, экономический ущерб, диверсификация.

T. V. Kushnarenko, V. A. Makeev, M. G. Debesai

ASSESSING THE VULNERABILITY OF RURAL HOUSEHOLDS TO CLIMATE CHANGE

Annotation

One of the features of global agricultural sector is its dependence on climate change. Agricultural production is becoming unstable and vulnerable. Rural households, which are planned to increase in Russia, are the most vulnerable to climate stress. Overall objective of study is to determine the levels of vulnerability of rural households as a result of climate change, as well as to understand their adaptation strategies, in which they could have access to new sources of livelihood. To overcome the limitations in assessing vulnerability of socio-economic and biophysical approaches, a combination of them and a vulnerability assessment based on the livelihood index (LVI) is proposed. Study identified demographic, socio-economic and institutional factors that affect the vulnerability and diversification of rural household income sources. Index assessment of vulnerability of rural households was made and directions of their adaptation to climate change were determined.

Keywords

Climate change, vulnerability, sensitivity, adaptation, economic damage, diversification.

Введение

Предложения оценить уязвимости сельского хозяйства страны, регионов и групп населения к неблагоприятным последствиям изменения климата с целью определения приоритетов действий

по адаптации к новым условиям даны во многих исследованиях. Хотя проведенные исследования привнесли понимание общей уязвимости хозяйства страны, региона или группы населения к изменению климата, они не раскрыли понятие и сущность уязвимости каждого домашнего хозяйства в отдельности. В России государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции на 2013–2020 гг. решено продлить до 2025 г. [1]. К 250 тыс. фермерских хозяйств России в этот период планируется привлечь 2 тыс. донских предпринимателей. В связи с этим необходима оценка уязвимости сельских домохозяйств к изменениям климата и на ее основе разработка дорожной карты, позволяющей уменьшить возможные экономические потери. Эти меры включают, кроме прочего, принятие стратегии адаптации сельского хозяйства различных стран, в том числе России, к глобальным климатическим изменениям. Данная стратегия должна сопровождаться оценкой рисков сельскохозяйственного производства при негативном воздействии климатических и погодных факторов.

Материалы и методы

В общей методике расчета климатических рисков понятие уязвимости связано с понятием климатического риска. Климатический риск определяется как «вероятность негативных последствий или ожидаемых потерь, вытекающую из взаимодействия между метеорологическими опасностями и уязвимостью реципиента» [2]. При этом экономическим эквивалентом уязвимости или ценой риска принята доля валового промышленного продукта (ВВП), приходящегося на одного жителя России. Модель уязвимости, согласно определению МГЭИК, совместимая с концепцией анализа главных компонентов (PCA), определяется следующим выражением (1) (индексная оценка):

$$\text{Уязвимость} = [\text{Адаптивность} - (\text{Чувствительность} + \text{Воздействие})]. \quad (1)$$

В данном случае уязвимость — это разница между адаптивным потенциалом домохозяйства и его чувствительностью и подверженностью опасностям, вызванным изменением климата. Когда адаптационный потенциал домохозяйства превышает уровень чувствительности и подверженности воздействию, домохозяйство становится менее уязвимо к воздействию изменения климата и наоборот [3]. Альтернативным подходом к анализу уязвимости фермерских домохозяйств к изменению климата является индекс уязвимости средств к существованию (*LVI*). Этот комплексный индексный метод включает семь основных компонент: социально-демографический профиль, стратегии обеспечения средствами к существованию, социальные сети, здравоохранение, продовольствие, водоснабжение, а также стихийные бедствия и изменчивость климата. Каждый из них состоит из нескольких показателей, или субкомпонент [4]. Субкомпоненты были разработаны на основе обследований домашних хозяйств. *LVI* использует сбалансированный подход взвешенного среднего, где каждый субкомпонент вносит равный вклад в общий индекс, хотя каждый основной компонент состоит из различного числа субкомпонент. Поскольку мы намеревались разработать инструмент оценки, доступный широкому кругу пользователей в условиях нехватки ресурсов, формула *LVI* использует простой подход, заключающийся в применении равных весовых коэффициентов ко всем основным компонентам.

Эта схема взвешивания может быть скорректирована будущими пользователями по мере необходимости. Поскольку каждый из субкомпонентов измеряется в разных масштабах, сначала было необходимо стандартизировать каждый, используя выражение (2):

$$index_{sd} = \frac{S_d - S_{\min}}{S_{\max} - S_{\min}}, \quad (2)$$

где *Sd* — значение исходного субкомпонента для района *d*;

*S*min и *S*max — минимальные и максимальные значения соответственно для каждого субкомпонента.

Минимальные и максимальные значения были использованы для преобразования этого показателя в стандартизированный индекс, с тем чтобы он мог быть интегрирован в водный компонент *LVI*. После того как каждый субкомпонент был стандартизирован, субкомпоненты были усреднены, вычисляется значение каждого основного компонента (3):

$$M_d = \frac{\sum_{i=1}^{n} index_{sdi}}{n}, \quad (3)$$

где *Md* — один из семи основных компонентов для домохозяйства, района (социально-демографический профиль (*SDP*), стратегии жизнеобеспечения (*LS*), социальные дотации (*SN*), здоровье (*H*), пищевой (*F*), вода (*W*), стихийные бедствия и изменчивость климата (*NDCV*));

n — число компонент в каждой из основных компонент.

После того как были рассчитаны значения для каждого из семи основных компонент для домохозяйства или района, они были усреднены для получения *LVI* регионального / районного уровня по формулам (4) или (5):

$$LVI_d = \frac{\sum_{i=1}^{7} wm_i M_d}{\sum_{i=1}^{7} wm_i}, \quad (4)$$

$$LVI_d = \frac{wsdpSDP_d + wlsLS_d + wsnSN_d + whH_d + wfF_d + wwW_d + wndcvNDCV_d}{wsdp + wsl + wsn + ww + wndc}, \quad (5)$$

где *LVId* — индекс уязвимости средств к существованию для домохозяйства или страны / региона / района *d*, равен средневзвешенному значению семи основных компонент. Веса каждого основного компонента, *wmi*, определяются количеством субкомпонент, составляющих каждый основной компонент, и включаются для обеспечения того, чтобы все субкомпоненты вносили равный вклад в общий *LVI*. В этом исследовании *LVI* масштабируется от 0 (наименее уязвимый уровень) до наиболее уязвимого уровня. Экспериментальные исследования проводились в различных агроэкологических (климатических) зонах Эритреи, в том числе в высокогорных районах, в средней полосе, в Западной и Восточной низменностях. Среди шести административных зон Эритреи были намеренно (без учета вероятности) отобраны три зоны: представляющие собой центральные высокогорья Южную и центральную административные зоны; срединные районы, включающие административную зону Ансеба; низменности, включающие административную зону Гаш-Барка. Затем из каждой агроэкологической зоны вновь целенаправленно были выбраны две подзоны. Из каждой подзоны были случайным образом отобраны два района, которые составили в общей сложности 12 деревень. Кроме того, из каждой деревни были случайным образом отобраны двадцать домашних хозяйств, которые составили общую выборку из 240 человек.

Результаты

Домохозяйства оказались наиболее уязвимы к изменчивости климата, набрав самый высокий балл (0,295853) из всех основных компонент. Для оценки изменчивости климата были рассмотрены максимальные и минимальные месячные температуры и среднемесячная температура, среднее стандартное отклонение (*SD*) среднемесячной средней температуры, среднее *SD* среднемесячных осадков и среднемесячные осадки за 25 лет. Высокая изменчивость осадков и температуры в течение дан-

ного периода времени привела к высокой оценке *LVI* и, следовательно, высокой степени воздействия.

Адаптационный потенциал состоял из трех основных компонент, а именно: социальной сети, стратегий обеспечения средств к существованию и социально-демографического профиля. Социальная сеть набрала самый высокий балл (0,251885) из всех трех основных компонентов адаптационного потенциала, что говорит о слабой адаптационной способности домохозяйств. Социальная сеть состояла из пяти субкомпонентов, включая соотношение расходов и доходов, домохозяйства, не имеющие доступа к услугам по распространению знаний, домохозяйства, не имеющие доступа к кредитам, домохозяйства, не имеющие доступа к рынку, и домохозяйства, не имеющие доступа к социальным учреждениям (кооперативам).

Соотношение расходов и доходов было высоким (0,697), что свидетельствует о том, что большинство домохозяйств тратили больше, чем могли заработать. Выяснилось, что около трех четвертей (74,0 %) расходов были потрачены на основные потребительские товары, такие как закупка зерновых продуктов питания, сахара, соли, керосина и др. Расходы на человеческий капитал (здравоохранение и образование) были ограничены — только 9,0 %. Малоимущие домохозяйства тратили большую часть своих доходов на покупку продовольствия и других основных потребительских товаров, что усугубляло их уязвимость. Слабый доступ домашних хозяйств к услугам по распространению знаний, к кредитам и рынку способствовал возникновению уязвимой социальной сети. Вторым важным компонентом адаптационного потенциала являются стратегии обеспечения средств к существованию домашних хозяйств. Результат показал значение 0,239184.

Для оценки стратегий обеспечения средств к существованию были рассмотрены четыре подкомпонента, включая процент домашних хозяйств, зависящих исключительно от сельского хозяйства как источника дохода (профессия или основной вид деятельности), средний индекс диверсификации животноводства, индекс разнообразия доходов и уровень бедности (основанный на доходах). Из числа опрошенных домохозяйств 39 %, 6 % и 55 % считали себя скотоводами, пастухами и земледельцами соответственно. Низкий процент сельскохозяйственных скотоводов (основа, объединяющая скотоводство и растениеводство) свидетельствует о низком уровне разнообразия с точки зрения профессии фермеров, что подразумевает высокую уязвимость.

Социально-демографический профиль был третьим основным компонентом адаптационного потенциала с оценкой 0,20849. Рассмотрено четыре подкомпонента для анализа социально-демографического профиля, включая соотношение иждивенцев, процент домохозяйств, возглавляемых женщинами, средний возраст домохозяйств, возглавляемых женщинами, и процент домохозяйств, не имеющих доступа к образованию. Средний коэффициент зависимости составил 0,72, что указывает на то, что в среднем более половины членов домохозяйств зависели от активных членов. Это сказалось на адаптационном потенциале и уязвимости. Члены семьи в возрасте 16 лет и моложе и старше 65 лет считались иждивенцами. Домашние хозяйства, возглавляемые женщинами, также уязвимы, поскольку они имеют меньший адаптационный потенциал средств к существованию. Образование делает людей более осведомленными и способными приспосабливаться к изменениям в окружающей среде. Более 34 % респондентов не имели формального образования, что дела-

ло их менее приспособленными и более уязвимыми.

Категория чувствительности состоит из трех основных компонентов, состоящих из здоровья, пищи и воды. Компонент чувствительности здоровья получил самый высокий балл (0,214339) из трех основных компонентов чувствительности, что указывает на то, что домохозяйства очень чувствительны к проблемам общественного здравоохранения. В компоненте здравоохранения были рассмотрены пять субкомпонентов, включая процент домохозяйств, не имеющих доступа к медицинскому учреждению, среднее время поездки в медицинское учреждение в минутах; процент домохозяйств, не имеющих доступа к ветеринарной клинике, среднее время поездки в ветеринарную клинику в минутах; процент домохозяйств, не имеющих доступа к труду. Наблюдалась умеренная или высокая вариабельность факторов общественного здравоохранения, которые влияли на уязвимость домашних хозяйств. Около 70 % респондентов не имели доступа к цивилизованному туалету, 15 % не имели доступа к медицинским учреждениям, а 48 % были вынуждены ехать более часа, чтобы получить медицинские услуги. Пища является одним из основных компонентов, способствующих чувствительности ЛВИ. Этот компонент состоит из шести субкомпонентов, а именно: среднее число месяцев, в течение которых домохозяйства борются за обеспечение себя пищей; процент хозяйств, которые не производят достаточного количества продовольствия; процент хозяйств, которые не спасают посевы (ощущают продовольственную незащищенность); процент хозяйств, которые не получают трехразового питания; процент хозяйств, которые большую часть времени зависят от помощи; процент хозяйств, которые не спасают семена. Результаты показали, что число домохозяйств, которые не получали трехразового питания в день, и число месяцев, в течение которых они боролись за получение пищи, получили самый высокий показатель, свидетельствующий о распространенности бедности. Третьим важным компонентом чувствительности была вода. Шесть субкомпонентов, включающих: процент домохозяйств, имеющих проблему нехватки воды; процент домохозяйств, использующих незащищенный общественный колодец; процент домохозяйств, не имеющих постоянного водоснабжения (наличие крана в доме); процент домохозяйств, использующих незащищенную частную колодезную воду; процент домохозяйств, использующих природный источник воды; процент домохозяйств, зависящих от воды пруда или плотины, составляют водный компонент. Результаты показали, что существуют различные ненадежные источники воды для внутреннего потребления, включая незащищенные общественные и частные колодцы, реки, ручьи и пруды, способствующие уязвимости.

Значения уязвимости всех семи компонентов колеблются от 0,130513 компонента воды до 0,295853 компонента изменчивости климата. Основные компоненты далее объединялись в три компонента уязвимости, включая воздействие, чувствительность и адаптивный потенциал. Подверженность домашних хозяйств изменчивости климата в целом превысила адаптационный потенциал, что приводит к высокой общей уязвимости к изменению климата. Таким образом, изменчивость климата, проявляющаяся в виде воздействия засухи, колебаний температур и осадков, в наибольшей степени способствует уязвимости домашних хозяйств Эритреи. Значения социально-демографического профиля, стратегий обеспечения средств к существованию, социальных сетей, продовольствия, здравоохранения и водоснабжения также влияют на уязвимость домашних хо-

зяйств в отрицательную сторону. Треугольник уязвимости можно построить из основных компонент, выделив экспозицию, адаптивную способность и чувствительность.

Обсуждение

Одной из проблем, с которыми приходится сталкиваться при анализе уязвимости с использованием этих показателей, является отсутствие стандартов для объединения различных переменных. Разные исследователи предлагают разные решения. Одни считают, что все показатели уязвимости имеют одинаковое значение и, следовательно, имеют одинаковый вес. Другой подход заключается в присвоении различных весов различным показателям, чтобы избежать неопределенности равного взвешивания с учетом разнообразия переменных. Несмотря на попытки присвоения весов, их уместность все еще остается неопределенной, поскольку не существует стандартного метода взвешивания, по которому каждый метод проверяется на точность. Для этой цели анализ главных компонент (PCA) предпочтительнее других методов.

Анализ и оценка уязвимости сельхозпроизводства под воздействием климата включает в себя различные подходы. Первый из них называется оценкой социально-экономической уязвимости, который фокусируется на социально-экономическом и политическом статусе отдельных лиц или социальных групп. Однако социально-экономический подход к анализу уязвимости не лишен ограничений. Он игнорирует наличие и воздействие природно- ресурсного потенциала, который противостоит негативным последствиям экологических потрясений. Второй подход называется биофизическим. Этот подход чрезмерно подчеркивает экстремальные события, игнорируя при этом коренные причины и повседневные социальные процессы, влияющие на дифференциальную уязвимость. Для преодоления ограничений, связанных с социально-экономическим и биофизическим подходами, в качестве комплексного подхода к оценке может быть применен третий подход, сочетающий оба подхода. Таким образом, уязвимость к изменению климата может быть в широком смысле определена как функция социально-экономических (адаптационный потенциал) и биофизических (чувствительность и воздействие) факторов в процессе обеспечения средств к существованию на уровне домохозяйства или отдельного человека. Следует отметить, что комплексный подход, несмотря на свои преимущества, все же имеет ограничения, поскольку не существует стандартного метода, объединяющего биофизические и социально-экономические показатели.

Выводы

Уязвимость на уровне домохозяйств может быть оценена путем применения семи основных компонентов уязвимости к каждому домохозяйству. Анализ на примере Эритреи показал, что уровень уязвимости можно масштабировать от -0,0102 (наименее уязвимый) до 0,013 (наиболее уязвимый). Соответственно, только 4,5 % респондентов были признаны менее уязвимыми к изменению климата из-за их относительно высокого адаптационного потенциала и низкой чувствительности. Остальные 25 % и 70,5 % были уязвимы и крайне уязвимы соответственно. Оценка чувствительности домохозяйств к изменению климата является основой для принятия мер по диверсификации развития сельхозпроизводства и может быть применена в различных странах. В России мероприятия по адаптации сельских домохозяйств предлагаются к применению в процессе дальнейшей реализации Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на период до 2025 г.

Библиографический список

1. В России продлили программу развития сельского хозяйства. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://sputnik.ru.

2. *Акентьева, Е. М.* Российский и международный опыт оценки и управления климатическими рисками [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://dokplayer.ru.

3. МГЭИК, изменение климата, 2007 г.: воздействие, адаптация и уязвимость: вклад рабочей группы II в 4-й доклад об оценке Межправительственной группы экспертов [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://ipcc-wg2.gov.

4. *Кришнан, В.* Построение индекса социально-экономического статуса на основе территории: подход к анализу основных компонент // Every day every W. Creat. Learn. Exp. every child. — 2010. — Май. — С. 2–26.

Bibliographic list

1. Russia has extended its agricultural development program [Electronic resource]. — Mode of access : http://sputnik.ru.

2. *Akentieva, E. M.* Russian and international experience in assessing and managing climate risks [Electronic resource]. — Mode of access : http://dokplayer.ru.

3. IPCC, climate change 2007: impact, adaptation and vulnerability: contribution of working group II to the fourth assessment report of intergovernmental panel of experts [Electronic resource]. — Mode of access : http://ipcc-wg2.gov.

4. *Krishnan, V.* Building a socio-economic status index based on territory: approach to analyzing the main components // Every day every W. Creat. Learn. Exp. every child. — 2010. — May. — P. 2–26.

К. А. Ларионова, Т. В. Пархоменко

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАДНАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ В ОТРАСЛЯХ ЕАЭС: МЕТОДИКА ВЫБОРА ПРИОРИТЕТНОГО РЫНКА

Аннотация

Реализация национальных и наднациональных интересов представляется актуальной в условиях перехода Евразийского экономического союза (ЕАЭС[1]) от организационной фазы к концепции создания единых условий функционирования отраслевых рынков. Приоритезация отраслевых рынков включает обоснование алгоритма и предложение набора критериев, по которым возможна оценка степени готовности и потенциала реализации интеграционных наднациональных интересов. В работе на данных 2010–2018 гг. доказано стратегическое значение агропродовольственного сектора государств-членов ЕАЭС на основе долей сектора в ВВП (по ППС) и занятых работников. Разработаны критерии оценки роли внешнеэкономического блока агропродовольственного сектора и установлена тенденция идентичности его внешнеэкономической роли, что является основой создания единой аграрной политики и согласования интересов производителей. Предложена реализация пилотного проекта ЕАЭС «совместно произведенная продукция» в аграрной сфере производства союзного государства.

Ключевые слова

Внешнеэкономические интересы, ЕАЭС, агропродовольственная сфера, отрасль, приоритетный рынок, экспорт и импорт продовольствия.

[1] Принятые сокращения: Республика Беларусь — РБ, Республика Казахстан — РК; Российская Федерация — РФ.

K. A. Larionova, T. V. Parkhomenko

FOREIGN ECONOMIC SUPRANATIONAL INTERESTS IN EEU SECTORS: METHODOLOGY OF SELECTION OF PRIORITY MARKET

Annotation

Realization of national and supranational interests seems to be relevant in context of Eurasian Economic Union (EAEU) transition from organizational phase to concept of uniform conditions for functioning of specified markets. Prioritization of industry markets includes the justification of algorithm and a set of criteria proposal by which readiness and potential of integration supranational interests can be assessed. Based on 2010–2018 data, strategic importance of agro-food sector of EAEU member states has been proved on basis of sector 's shares in GDP (PPP) and employed workers. Criteria for assessing the role of foreign economic unit of agro-food sector have been developed and trend towards the identity of its foreign economic role has been established, which is basis for creation of unified agrarian policy and producers' interests harmonization. Implementation of EAEU pilot project «joint produced products» in agrarian sphere of Union State is proposed.

Keywords

Foreign economic interests, EAEU, agro-food sector, industry, priority market, export and import of food.

Введение

Современный этап развития мировой экономики характеризуется волатильностью, структурными сдвигами, сложностью в прогнозировании и управлении экономическими процессами. Экономические системы государств переживают шоки, сравнимые с мировым экономическим кризисом в новой форме. Не случайно в условиях глобальных переломов формируется запрос на приоритетность антикризисного управления, концентрирующего внимание на экономической парадигме, критическом переосмыслении и адаптации к новым условиям и вызовам. В силу этого формулируется задача углубления и развития концепции национальных экономических интересов на основе использования международных факторов развития, к которым принадлежит членство РФ в ЕАЭС.

Включенность экономики РФ во внешнеэкономические отношения, зависимость доходов бюджета от цен на энергоносители, а предприятий и населения — от импорта товаров и услуг, актуализируют исследование ряда экономико-философских категорий, обосновывающих приоритеты национального целеполагания и механизмы их реализации. Категории «национальные интересы» и их производная — «национальные внешнеэкономические интересы» — принадлежат к одному из подобных междисциплинарных феноменов.

Научные исследования взаимовлияния национальных и наднациональных экономических и внешнеэкономических интересов приобретают особую актуальность в период замедления темпов развития мировой экономики. Управление данными процессами потребует адекватного стратегического инструментария, способного выявить приоритеты и механизмы использования преимуществ интеграционного объединения (ЕАЭС).

Универсальность, стратегическая направленность категорий национальных и наднациональных интересов позволяют соотнести их, с одной стороны, с теоретическим базисом стратегических решений, а с другой, с прикладны-

ми инструментами процесса мониторинга их реализации — нормативно-правовой базой, отражающей более детальный уровень реализации интеграционных интересов. Данным фактом обоснована актуальность проводимых исследований по предложению инструментария и механизмов, позволяющих формировать технологии, реализующие систему национальных интересов в отраслевых приоритетах.

Целью статьи выступает исследование интеграционных (наднациональных) внешнеэкономических интересов интеграционного объединения; о*бъектом* изучения являются наднациональные внешнеэкономические интересы на примере агропродовольственного сектора экономики государств — членов ЕАЭС, а предметом — разработка алгоритма выбора приоритетной отрасли для углубления интеграционных процессов и реализации внешнеэкономических интересов в ЕАЭС.

Обзор литературы

Введение в научный оборот категории «интеграционные (наднациональные) внешнеэкономические интересы» проведено автором в диссертационном исследовании, где теоретически обоснована объективность ее возникновения в результате межгосударственной интеграции: «Интеграционное объединение создает особые экономические и политические условия расширения системы национальных интересов, основанные на интеграционных императивах и реализующиеся в формах сотрудничества экономических субъектов. Императивом вхождения в интеграционное объединение представляется обеспечение роста степени полноты удовлетворения национальных интересов государств-партнеров» [14, с. 26].

Из категорий — «национальные интересы» и «наднациональные (внешнеэкономические) интересы» — первая занимает доминирующее положение в научных работах. Отечественные и зарубежные исследователи концентрируются на структуре, системе и иных аспектах формулирования и нормативного закрепления положений, которые возможно отнести именно к «национальным интересам», соотносимым с участием в ЕАЭС.

В целях анализа публикаций по проблематике «национальных интересов» применительно к объекту ЕАЭС предложено структурировать их по характеру фокуса использования национальных интересов применительно к целевому объекту, который выделяется автором:

1) система процедур и правил, закрепленная *в институтах и нормативно-правовых решениях* (договоры, законы, распоряжения, приказы), включая их институциональный законодательный каркас;

2) ориентиры для принятия *стратегических решений политической, региональной и экономической направленности*, особенно — применительно к структуре общего рынка интеграционного объединения;

3) *инструменты декомпозиции* (детализации) ключевых *элементов согласования интересов* для приоритетных отраслевых комплексов, где концентрируются как интеграционные, так и дезинтеграционные внешнеэкономические наднациональные интересы;

4) самостоятельного внимания заслуживает оценка национальных интересов *учеными из государств-членов ЕАЭС,* которые, в определенной мере, характеризуют позиции научной элиты партнерских государств по эффективности участия в ЕАЭС.

Рассмотрим выводы исследователей по указанным группам объектов:

1) национальные интересы в институтах и нормативно-правовых решениях представлены, в первую очередь, в Договоре о Евразийском экономическом союзе, подписанном в Астане 29 мая 2014 г.

В Договоре об учреждении ЕАЭС категория национальных интересов упоминается дважды: в Преамбуле «выражая убежденность в том, что дальнейшее развитие евразийской экономической интеграции отвечает национальным интересам Сторон», а в ст.3 в числе принципов функционирования Союза названо «обеспечение взаимовыгодного сотрудничества, равноправия и учета национальных интересов Сторон». Далее в тексте Договора упоминаются интересы субъектов (населения, граждан, государств-членов, производителей и потребителей товаров и услуг, участников ВЭД, потребителей, добросовестных субъектов рынка) и формы — общественные (государственные) интересы [1]. Договор подчеркивает базисный, фундаментальный, характер национальных интересов в учреждении ЕАЭС.

Нормативно-правовое наполнение функционирования ЕАЭС включает рассмотрение национальных интересов как основы отдельных блоков этапов интеграционного воспроизводственного процесса. В качестве примера предложений формирования правовой определенности инвестиционного процесса для наднациональных юридических лиц в ЕАЭС выделим исследование С. С. Дахненко и Е. Л. Венгеровского [5];

2) политические, экономические, региональные ориентиры для принятия стратегических решений.

Значительная часть исследователей рассматривают интеграционные процессы в рамках ЕАЭС как набор политических стратегий, реализующих национальные интересы. Данные «политические стратегии» могут быть *институциональными политиками* — правовая (антимонопольная), инфраструктурная, финансовая, а также *отраслевыми политиками* — промышленная, аграрная [6, 10, 12, 13]. Например, Малько А.В., Елистратова В.В. в качестве ключевой проблемы становления межгосударственного объединения ЕАЭС указывают на ключевую роль *правовой политики* в области интеграции государств-членов [10, с.20].

Подчеркнем, российские исследователи соотносят развитие ЕАЭС с опытом ЕС. Ю. К. Князев предлагает активнее использовать стратегическое планирование и крупные совместные проекты, опыт взаимодействия ЕС со странами ЦВЕ [8]. Анализируя наднациональный стратегический интерес, А. Караваев предлагает формировать образ будущего, разрабатывать и вводить символику ЕАЭС, преодолевать формальности объединения и расширять региональные интеграционные процессы [7]. Н. Е. Алексеев указывает на особую роль глобализационного процесса как института, формирующего наднациональный макроуровень экономики, включая образ экономических благ и технологий. Альтернативой данному институту, по мнению автора, выступают институты национального суверенитета [2];

3) инструменты декомпозиции решений по отраслевым комплексам.

Отраслевой аспект развития ЕАЭС пока недостаточно представлен научной литературе, но аграрный рынок привлекает внимание исследователей. Формирование общего аграрного рынка ЕАЭС авторами порой абсолютизируется до уровня целей интеграционного объединения. А. Г. Папцов, Н. А. Медведева полагают, что «формирование общего аграрного рынка и выработка эффективных механизмов его регулирования является основной целью деятельности ЕАЭС» [12, с. 3]. Но направления и механизмы регулирования данного процесса авторы относят к «согласованной агропромышленной политике, включающей государственную поддержку, разработку единых требований в сфере производства и обращения продукции, формирование системы ценообразования, единую систему прогнозирования, интегрированную информационную систему АПК» [12, с. 3]. Заметим, что пока противоречия между

национальными и наднациональными интересами выявляются именно в процессе формирования согласованной агропромышленной политики.

В целях создания единого аграрного рынка ЕАЭС А. А. Гибадуллин предлагает сельскохозяйственную доктрину, основанную на урожайности отдельных видов сельскохозяйственных культур в государствах и их специализации по данному критерию [4]. Как представляется, данный подход рискован, имеет существенно больше недостатков, чем достоинств, слабо реализуем;

4) мнения и оценки национальных интересов учеными из государств-членов ЕАЭС

В литературе представлено не так много работ ученых из государств-членов по проблематике ЕАЭС. Л. М. Байтенова, С. С. Тлеубердиева, А. А. Аргынгазинов (РК) подчеркивают, что реализация политических решений наднационального уровня демонстрирует экономический эффект от синергии при реализации интересов хозяйствующих субъектов [3], например, в результате унифицирования тарифа перевозок грузов, общего рынка нефти и нефтепродуктов, доступа к газотранспортной инфраструктуре, совместным поставкам продукции пищевой промышленности на рынок ЕАЭС [3, с. 11, 12].

Доминирование РФ в масштабах порождает сложности в выработке, согласовании и реализации наднациональных интересов в ЕАЭС. По мнению А. И. Лученка (РБ), «в российской интеграционной политике доминируют макрогруппы, заинтересованные в вытеснении конкурентов из дружественных стран» [9, с. 26], а единое институциональное пространство ЕАЭС сталкивается с конфликтом национальных интересов, ведь если «РФ заинтересована в повышении эффективности хозяйствования за счет снятия барьеров в движении товаров, услуг, рабочей силы и капиталов, в усилении своего политического влияния в рамках союза, то ряд других государств-членов ЕАЭС заинтересованы не только в устранении таможенных барьеров, но и в перераспределении ресурсов по льготному режиму» [9, с. 27]. Тем самым подчеркивается сложность как согласования национальных интересов, так и поиска их наднациональных форм.

Г. Н. Москалевич (РБ) считает, что государства ЕАЭС строят собственную национальную конкурентную политику и предлагает использовать в ЕАЭС *конкурентное взаимодействие* [11, с. 176]. К сожалению, автор не предлагает, как совершенствовать конкурентную политику на национальном и наднациональном уровнях [11, с. 178].

R. M. Turarbekava (РБ) критически оценивает эффективность проекта ЕАЭС, который напоминает реинтеграцию бывшего союза, с преобладанием вертикальных связей над горизонтальными, слабо представленным социальным измерением, элитностью и бюрократичностью. Автор считает ЕАЭС гибридным, средним между геополитическим проектом и реально возникающей экономической ассоциацией с большим количеством конфликтов интересов, наличием неформальных институтов и непрозрачными переговорными процессами [15, с. 16, 17].

Выводы

В настоящее время опубликовано незначительное число работ, посвященных политике согласования национальных интересов, приоритетам отраслевых рынков, алгоритму их выбора и реализации эффекта интеграции рынков.

Библиографический список

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 мая 2014 г.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.consultant.ru.

2. *Алексеев, Н. Е.* Глобализация как институт формирования потребно-

стей населения // Мировая политика. — 2018. — № 3. — С. 113 — 117.

3. *Байтенова, Л. М., Тлеубердиева, С. С., Аргынгазинов, А. А.* Роль эффективной экономической интеграции Республики Казахстан в ЕАЭС // Вестник университета Туран. — 2015. — № 4 (68). — С. 9–14.

4. *Гибадуллин, А. А.* Точки роста национальной экономики в рамках свободного рынка Евразийского экономического союза // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. — 2018. — № 1. — С. 49–56.

5. *Дахненко, С. С., Венгеровский, Е. Л.* Направления формирования наднационального уровня регулирования отношений в сфере реализации совместных инвестиционных проектов в рамках ЕАЭС с участием иностранных партнеров. // Теория и практика общественного развития. — 2019. — № 12 (142). — С. 86–90.

6. Евразийская интеграция в турбулентном мире / отв. ред. Л. Б. Вардомский. — СПб. : Алетейя, 2019.

7. *Караваев, А.* Будущее евразийской интеграции [Электронный ресурс] // Независимая газета. Карт-бланш. — 30.05.2019. — Режим доступа : http:// www.ng.ru.

8. *Князев, Ю. К.* О возможности использования опыта Европейского союза в евразийской интеграции // Этап: экономическая теория, анализ, практика. — 2019. — № 6. — С. 78–88.

9. *Лученок, А. И.* Влияние институциональной политики на интеграционные процессы республики Беларусь и ее регионов // Социально-экономическое развитие организаций и регионов Беларуси: эффективность и инновации : материалы докладов междунар. науч.-практ. конф. — Витебск, 2017. — С. 23–28.

10. *Малько, А. В., Елистратова, В. В.* Многосоставные государства: опыт и перспективы развития // Сб. науч. статей всерос. науч.-практ. конф. — Саратов, 2019. — С. 20–26.

11. *Москалевич, Г. Н.* Конкурентная политика Республики Беларусь в контексте евразийской интеграции // Беларусь в меняющемся мире: история и современность : материалы междунар. науч.-практ. конф. — Минск, 2019. — С. 173–178.

12. *Папцов, А. Г., Медведева, Н. А.* Особенности формирования и регулирование общего аграрного рынка ЕАЭС // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. — 2018. — № 9. — С. 3–14.

13. *Писенко, К. А.* Проблемные факторы в публично-правовом обеспечении баланса интересов в сфере антимонопольной политики в контексте евразийской интеграции // Юрист. — 2018. — № 3. — С. 40–48.

14. *Третьякова, К. А.* Внешнеэкономические интересы России как субъекта ВТО в сфере продовольственного обеспечения : автореф. дисс. д. э. н. — Ростов н/Д, 2019.

15. *Турарбекова, Р. М.* Евразийская интеграция: от постсоветских до новых региональных проектов // Журнал Белорусского государственного университета. Международные отношения. — 2019. — № 2. — С. 11–18.

Bibliographic list

1. Treaty on Eurasian Economic Union (Astana, May 29, 2014) [Electronic resource]. — Mode of access : http://www.consultant.ru.

2. *Alekseev, N. E.* Globalization as institution of forming the needs of population // World Politics. — 2018. — № 3. — P. 113–117.

3. *Baitenova, L. M., Tleuberdieva, S. S., Argyngazinov, A. A.* Role of effective economic integration of Republic of Kazakhstan in EAEU // Bulletin of University of Turan. — 2015. — № 4 (68). — P. 9–14.

4. *Gibadullin, A. A.* Growth points of national economy in framework of Eurasian Economic Union’s free market // Bulletin of Moscow Humanitarian and Economic Institute. — 2018. — № 1. — P. 49–56.

5. *Dakhnenko, S. S., Vengerovskiy, E. L.* Directions of formation a supranational level regulation of relations in sphere of joint investment projects implementation with participation of foreign partners in EAEU // Theory and practice of social development. — 2019. — № 12 (142). — P. 86–90.

6. Eurasian integration in turbulent world / ed. by L.B. Wardomskiy. — SPb. : Aletheia, 2019.

7. *Karavaev, A.* Future of Eurasian integration [Electronic resource] // Independent newspaper. Carte Blanche. — 30.05.2019. — Mode of access : http:// www.ng.ru.

8. *Knyazev, Yu. K.* On possibility of using the experience of European Union in Eurasian integration // Stage: economic theory, analysis, practice. — 2019. — № 6. — P. 78–88.

9. *Luchenok, A. I.* Influence of institutional policy on integration processes of Republic of Belarus and its regions // Socio-economic development of organizations and regions of Belarus: efficiency and innovation : materials of reports of International scient.-pract. conf. — Vitebsk, 2017. — P. 23–28.

10. *Malko, A. V., Elistratova, V. V.* Multiple States: experience and development prospects // Collection of scientific articles of All-Russian scient.-pract. conf. — Saratov, 2019. — P. 20–26.

11. *Moskalevich, G. N.* Competitive policy of Republic of Belarus in context of Eurasian integration // Belarus in changing world: history and modernity : materials of international scient.-pract. conf. — Minsk, 2019. — P. 173–178.

12. *Paptsov, A. G., Medvedeva, N. A.* Features of formation and regulation of EAEU common agrarian market // Economics, Labor, Management in Agriculture. — 2018. — № 9. — P. 3–14.

13. *Pisenko, K. A.* Problematic factors in public-legal balance of interests in sphere of antitrust policy in context of Eurasian integration // Lawyer. — 2018. — № 3. — P. 40–48.

14. *Tretyakova, K. A.* Foreign economic interests of Russia as subject of WTO in food-supply sphere : thesis. — Rostov-on-Don, 2019.

15. *Turarbekava, R. M.* Eurasian integration: from post-Soviet to new regional projects // Journal of Belarusian State University. International Relations. — 2019. — № 2. — P. 11–18.

Г. А. Лопаткин

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЛОГИСТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ И ПУТИ ИХ РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Аннотация

Статья посвящена анализу современного состояния логистических решений и определению направлений их развития. Автором предложен комплекс мер, направленный на цифровизацию логистической отрасли в целях создания полностью автоматизированных складских комплексов с применением роботов и искусственного интеллекта, что позволит значительно сократить издержки субъектов производственного, распределительного и перераспределительного процессов в экономике. Проанализированы преимущества применения технологии блокчейн в современной логистике, а также определены основные факторы, замедляющие процесс цифровизации рассматриваемой отрасли.

Ключевые слова

Логистика, цифровизация, технология блокчейн, смарт-контракт, искусственный интеллект.

G. A. Lopatkin

CURRENT STATE OF LOGISTICS SOLUTIONS AND WAYS OF THEIR DEVELOPMENT IN CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF ECONOMICS

Annotation

Article analyzes the current state of logistics solutions and determines the directions of their development. Author proposes a set of measures aimed at digitalization of logistics industry in order to create fully automated warehouse complexes using robots and artificial intelligence, which will significantly reduce the costs of subjects of production, distribution and redistributive processes in the economy. Advantages of using blockchain technology in modern logistics are analyzed, and the main factors that slow down the process of digitalization of industry in question are identified.

Keywords

Logistics, digitalization, technology, blockchain, smart contracts, and artificial intelligence.

Введение

Современное состояние логистических решений является одним из основополагающих вопросов развития как национальной экономики, так и мировой экономики. Базируется это утверждение на том, что требующееся ускорение развития экономики заключается в сокращении временных затрат на перевозку сырьевых ресурсов в том или ином виде и прочих компонентов металлургической, химической, металлообрабатывающей и машиностроительной отраслей. Используя опыт, накопленный развитыми странами, такими как Япония, Южная Корея, Сингапур, мы можем говорить о необходимости формирования кластерного подхода, заключающегося в размещении в непосредственной близости не только горно-обогатительных предприятий, но и металлургической промышленности, и последующих предприятий, производящих узлы и готовые изделия. Опыт, накопленный названными странами, отличается от выстроенной в настоящее время национальной экономики тем, что основной целью производителей данных стран является конечный высокотехнологичный продукт, готовый к реализации и последующему использованию в заданном направлении.

Формируемая национальная экономика пошла по пути наращивания производственных мощностей добычи и первичной обработки либо выпуска продукции, используемой для других добывающих отраслей. В качестве примера можно привести алюминиевую, металлургическую промышленности. Выпускаемый конечный продукт является сырьем для технологической цепочки производства тех же труб для нефтедобывающей отрасли либо сводится к продаже переработанного сырья, готового для конечной обработки и производства.

Выстроенная экономика показывает, что это образец сырьевой экономики, требующий значительных трудовых, энергетических, производственных ресурсов в сформированных сырьевых производственных кластерах, отгружающих свою продукцию в производственные центры, располагающиеся зачастую в других государствах на других континентах. Данные сырьевые кластеры располагаются в непосредственной близости с месторождениями добываемых природных ископаемых, сокраща-

ющими расходы на транспортировку сырья и последующую ее переработку. Таким образом мы можем утверждать, что выстроенная модель добывающей и перерабатывающей промышленности в корне отличается от образцов ведущих мировых экономик, порождая необходимость транспортировки сырьевых полуфабрикатов и материалов, прошедших начальную обработку, из центральных континентальных регионов Российской Федерации в соседние регионы, либо в направлении портовых терминалов для последующей транспортировки покупателю.

Материалы и методы

Данный сырьевой кластерный подход требует совершенствования, использования инновационных подходов в логистике. Логистические инновации базируются на трех парадигмах, формирующих гибкие логистические модели в различных областях.

Первая парадигма базируется на сокращении общих затрат на логистику в комплексном дифференцированном исчислении, включающей непрерывный расчет логистических затрат, последующий анализ, изменения состава общих затрат, входящих в себестоимость произведенного и реализуемого товара для сохранения конкурентоспособности на национальном и международном уровнях [1].

Вторая парадигма является базовой при формировании маркетингового поля, включающего в себя интегрированный рост качества обслуживания клиентов в рамках B2B, B2P, формировании процессингового непрерывного мониторинга спроса и предложения, формировании текущих маркетинговых отчетов в части логистики.

Третья парадигма заключается в полном перестроении существующей концепции логистики, формировании полного автоматизированного управления логистическими цепями поставок, построении интегрированного и согласованного процесса перемещения грузов от первоначального поставщика до конечного потребителя.

По мнению автора, логистические инновации заключаются во внедрении новых цифровых технологий, направленных на совершенствование технологического процесса хранения, сортировки, отгрузки, перевозки и приема грузов, нацеленных на увеличение грузопотока, сокращения времени перевозки и сокращения его стоимости на условную единицу грузопотока.

Разработка инновационных решений в логистическом комплексе предусматривает раскрытие «узких» мест, внедрение цифровых технологий, построение материальной базы, отвечающей современным требованиям, и построение автоматизированных комплексов, управляемых искусственным интеллектом с помощью внедряемых новых цифровых технологий.

Существующая логистическая экосфера состоит из следующих элементов [2]:

– национальные монотранспортные центры;

– национальные мультитранспортные центры;

– международные мультитранспортные центры;

– монотранспортные компании;

– мультитранспортные компании.

Посредством названной структуры на базе существующих элементов происходит формирование новых цифровых логистических технологий в существующих бизнес-процессах. Необходимость модернизации существующей логистической структуры и формирование новой обусловлена состоянием используемого оборудования и необходимостью совершенствования управления и инновационными технологиями. Согласно агрегированному рейтингу Всемирного банка по эффективности логистики за 2012–2018 гг., Россия занимает 85-е место среди 167 стран, включен-

ных в данный рейтинг (табл. 1). Уровень автоматизации чрезвычайно низок и составляет порядка 10 % от общего объема операций по комплектации, все остальные операции выполняются вручную.

Таблица 1 — **Агрегированный рейтинг стран по эффективности логистики в 2012–2018 гг.***

Страна	Место в рейтинге	Совокупный показатель	Инфраструктура		Международные перевозки		Качество логистики		Отслеживание		Своевременность	
			Место	Очки	Место	Очки	Место	Очки	Место	Очки	Место	Очки
Германия	1	4,19	1	4,38	4	3,83	1	4,26	1	4,22	1	40,4
Нидерланды	2	4,07	2	4,23	6	3,76	2	4,12	7	4,08	6	4,30
Швеция	3	4,07	3	4,22	2	3,88	5	4,04	11	4,02	4	4,32
Бельгия	4	4,05	10	4,03	1	3,97	3	4,10	4	4,11	2	4,40
Сингапур	5	4,05	5	4,14	8	3,72	4	4,08	8	4,05	3	4,34
Англия	6	4,01	7	4,09	10	3,69	7	4,04	5	4,10	5	4,32
Япония	7	3,99	4	4,19	14	3,61	8	4,03	9	4,03	9	4,24
Австрия	8	3,99	8	4,07	5	3,78	6	4,04	2	4,13	11	4,22
Гонконг, Китай	9	3,96	11	4,02	3	3,85	10	3,94	13	3,95	13	4,18
США	10	3,92	6	4,10	23	3,54	11	3,93	3	4,13	16	4,14
Россия	85	2,69	73	2,64	105	2,59	73	2,74	88	2,67	74	3,23

** Составлена на основании данных [3].*

Представленная логистическая экосфера основывается на базовых или логистических центрах: региональных, межрегиональных, национальных и международных. В обыденном устоявшемся лексиконе это складские комплексы, подразумевающие в лучшем случае 3D-хранение с автоматизированным учетом ячеек хранения. За счет дороговизны складских автоматизированных логистических центров это является одним из немногих высокоэффективных инвестиционных направлений, формируемых в национальной экономике России.

Результаты

Формирование логистических центров обусловливает необходимость строительства зданий с электронной архитектурой, формируемой цифровыми 3D-программами складского хранения, позволяющими роботам под управлением локального искусственного интеллекта максимально увеличить количество товаров, которые хранятся на складе. Для использования автоматизированных или полуавтоматизированных систем подбора необходимо иметь открытую базу данных по хранящимся товарам. Формирование автоматизированных логистических центров позволит сократить риски ошибок операторов и ускорить формирование отгрузок.

Расчетные сметы на строительство и содержание складских помещений в России превосходят в четыре раза, чем во Франции, и в восемь раз больше, чем в США. Данное различие обусловлено наличием производств, выпускающих автоматизированные складские комплексы в США и во Франции.

Для максимального удешевления себестоимости обслуживания автоматизированных складских комплексов увеличивают плотность хранения, этажность хранения, с одновременным увеличением количества хранящихся единиц ТМЦ.

Рассматривая автоматизированные складские комплексы, необходимо предусмотреть уход от человеческого фактора, позволяющего исключить ошибки, обусловленные данным фактором, и сформировать полностью автоматизированные комплексы с применением беспилотных погрузчиков, функционирование которых должно быть обеспечено решением следующих задач:

– формирование единой цифровой платформы, хранящей информацию о наличии товарно-материальных ценностей (далее — ТМЦ), сроках его прихода, хранения и отгрузки;

– формирование 3D-пространства, привязанного к GPRS-меткам стеллажей и складских комплексов хранения;

– формирование учетных данных и GPS-меток на приходящем товаре для последующего его размещения на хранение и отгрузку;

– формирование отгрузочных файлов и сопроводительных электронных документов, необходимых и достаточных для отгрузки товаров посредством беспилотных автопогрузчиков.

Важнейшим инновационным компонентом, определяющим развитие логистической отрасли, является проведение цифровой трансформации данной сферы экономики с реализацией следующего комплекса мер:

– внедрение нового программного продукта, отвечающего современным требованиям и опережающим технологическое развитие отрасли;

– формирование безопасных условий для использования автоматизированных управляемых транспортных средств (AGVs) — системы AGVs используются в новом технологическом укладе обработки материалов, достигая полной автоматизации процессов [4];

– формирование управляемых искусственным интеллектом унифицированных робототехнических комплексов и проведение максимальной автоматизации технологических процессов;

– построение объектных структурированных сред, обладающих высокоразрешимыми индивидуальными характеристиками, позволяющими заменить ручное сенсорное или тактильное управление, внедряя данные навыки роботам, управляющим процессами в ручном или полуавтоматическом режиме;

– внедрение технологий дополненной реальности (AR), реализованных в переносном варианте и относящихся к носимым устройствам и оборудованию. Реализация технологии AR позволяет разрабатывать и производить бионические руки, умные контактные линзы, выстраивающие 3D-проекции роботизированных комплексов, являющиеся основным инструментом ориентирования человека в технологической среде.

Формирование системы дополненной реальности осуществляется через носимые камеры или дисплеи с умным стеклом, расширяя возможности логистических компаний путем:

– внедрения беспилотных летательных аппаратов в целях автономного режима осуществления сканирования и контроля движения, размещения ТМЦ на автоматизированных складских комплексах;

– внедрения искусственного интеллекта, используя возможности саморазвивающихся программных продуктов, преобразующих логистическую отрасль. Искусственный интеллект является адаптационной саморазвивающейся программной средой, минимизирующей человеческий фактор и выстраивающей самоадаптируемые управленческие алгоритмы работы с базами данных.

Использование искусственного интеллекта изменяет программную или цифровую среду логистической отрасли, направляя вычислительные ресурсы на оптимизацию существующих алгоритмов логистической экосреды. Уделяя достаточно большое внимание техническим решениям построения логистических центров, направленных на увеличе-

ние грузооборота как в натуральных, так и денежных единицах, нам необходимо рассмотреть возможности использования современных цифровых технологий в приложении к решению задач дальнейшего совершенствования технологий переработки грузов в автоматизированных логистических центрах.

Наиболее интересной в настоящее время представляется технология, имеющая характеристики и способы обработки информации, наиболее приемлемые для экосистемы логистики, это технология обработки данных — блокчейн. Основными позитивными характеристиками данной технологии являются:

– прозрачность проводимых операций в блокчейне;

– формирование смарт-контрактов, включающих: документарное подтверждение операций, условия перевозки и проведения платежей;

– формирование текущего файлового обмена данными между участниками логистической цепочки;

– невозможность одностороннего изменения условия поставки.

Технология блокчейн называется технологией разнесенных реестров, сформированных разными источниками, но соединенными смарт-контрактом, включающими в себя не только криптографические ключи участников сделки, но и содержащими условия и права по контрактам, в сформированной цифровой среде (рис. 1).

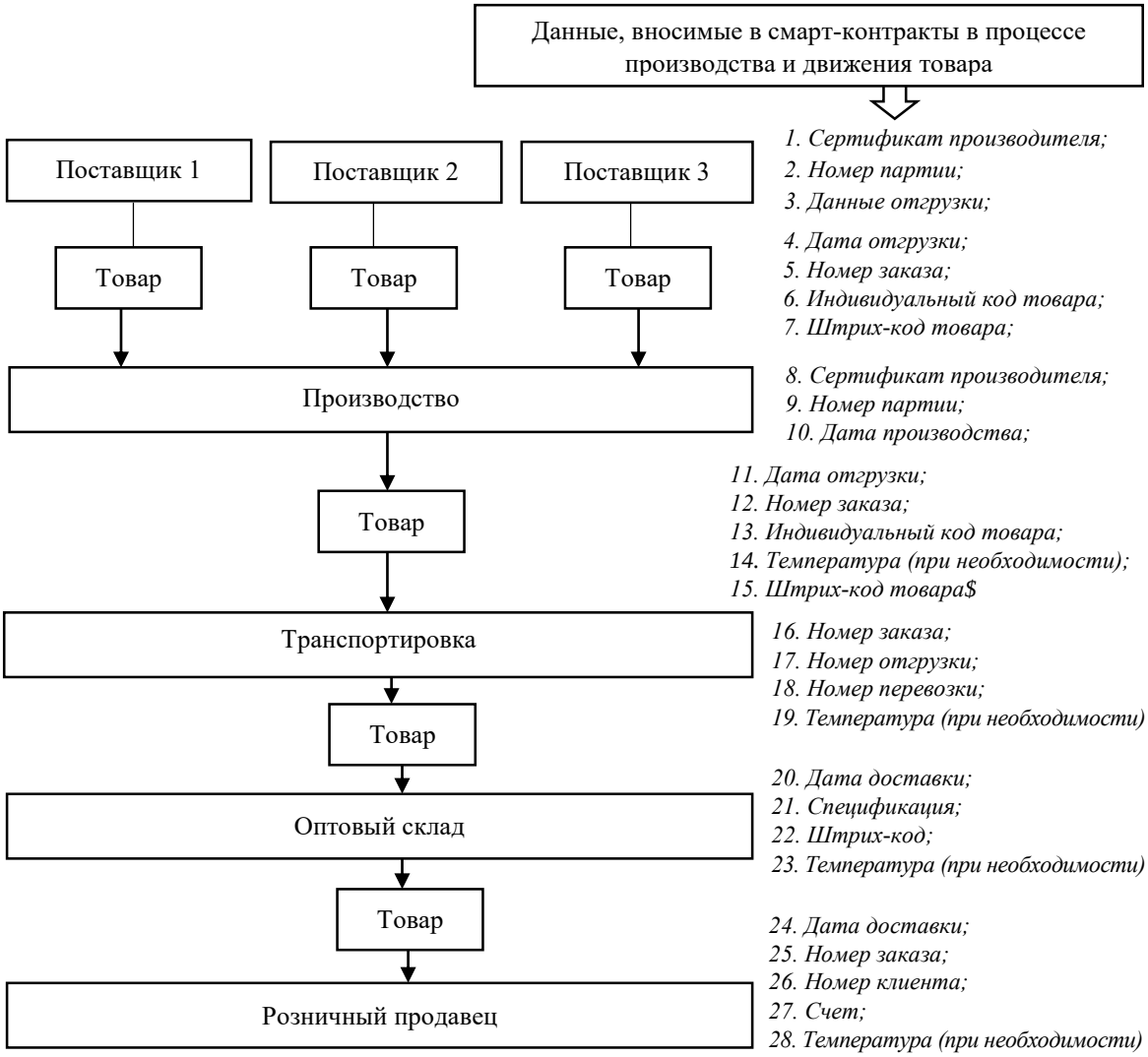


Рисунок 1 — **Применение технологии блокчейн в логистике**

Возможности, заложенные в технологию блокчейн, позволяют с успехом сочетать и финансовые операции, направленные на оплату предоставленных логистических услуг [5].

В качестве примера мы можем привести аналитические исследования компания Deloitte, которые утверждают, что логистика на блокчейне на морских перевозках сократит сроки документооборота более чем на 85 % [6].

Обсуждение

Рассмотрим преимущества технологии блокчейн. Начнем с повышения уровня *прозрачности операций*, которая достигается участием в проведении и подтверждении операции не только заинтересованных лиц — грузоотправителя, грузополучателя, но и полноправных представителей — аудиторов, представляющих компании перевозчиков, логистических центров, из которых груз отгружен и в который направляется. Прозрачность достигается за счет открытого кода, на основании которого формируются блоки, содержащие не только клиентскую информацию, но и информацию о сделке. Это обеспечивает прозрачность проводимой транспортной операции, в процессе которой происходит формирование блока, содержащего открытую, полную и неизменную информацию об операции или сделке, неизменную по своей информационной наполненности и недоступную для удаления. Сформированный информационный блок является результатом предшествующих операций и основанием для построения последующих блоков в цепи. Открытый код, используемый данной технологией, позволяет в реальном времени видеть формирование процесса и этапы исполнения доставки [7].

Смарт-контракт является электронным алгоритмом, несущим в себе данные участников сделки или контракта, сформированные условия исполнения контракта, полный перечень документооборота и условия проведения платежей. Смарт-контракт прописывается в блоке в виде инструкций для последующего их исполнения, после чего участники операции получают право совершать плановые транзакции. Это позволяет устранить человеческий фактор и увеличить скорость передачи информации, равной времени проведения транзакций. Внедрение технологий блокчейн в логистические процессы повлечет за собой реорганизацию традиционных бизнес-процессов и обеспечит проведение последующей цифровизации технологических процессов.

Проводимые аналитические исследования в логистических компаниях на тему использования современных технологий в бизнес-процессах показали, что данная отрасль является достаточно консервативной и слабо использующей современные цифровые технологии в логистическом бизнесе [8]. Данные Бостон Консалтинг Групп (BCG) [9] утверждают, что отставание в использовании цифровых технологий наиболее ощутимо в логистике, в сравнении с другими секторами национальной экономики США и прочих развитых стран.

Следующим преимуществом блокчейн-технологии является возможность формирования текущего файлового обмена данными между участниками логистической цепочки, позволяющее судить о скорости продвижении отгруженных товаров. Данное преимущество становится возможным при использовании серверов, расположенных на облачных хранилищах данных. Облачные хранилища цифровых данных формируются в интернет-пространстве, суммируя предоставляемые вычислительные мощности различными международными компаниями, доступ к которым осуществляется посредством входа через смарт-контракт. Это позволяет отслеживать перемещение товаров в режиме реального времени, определяя пространственную характеристику через GPRS-навигационные метки.

Формирование цифрового образа логистического бизнес-процесса является мероприятием, содержащим свои сложности в части его исполнения.

При проведении исследований транспортного и логистического сектора специалисты компании PWC выделили несколько основных проблем для проведения цифровизации отрасли:

низкий уровень осведомленности и подготовленности в части использования цифровой культуры, наличия навыков, что выражается в отсутствии надежных механизмов цифрового управления и контроля. Анализ логистического и транспортного секторов компаний-участников исследования PWC показал, что не имеют возможности анализировать данные более 37 % фирм-респондентов, они полагаются на аналитику данных, составленную отдельными сотрудниками, более четверти интегрируют аналитику в конкретные функции, и только у 9 % есть выделенный отдел для мониторинга;

второй проблемой являются вопросы обеспечения уровня безопасности транзакций и конфиденциальности данных (38 %); это обусловлено тем, что текущее сопровождение контрактов осуществляется не руководителями, заключающими контракт, а рядовыми исполнителями, что может приводить к расширенному доступу к криптографическим кодам. В то же время необходимо вернуться в нашем описании и отметить, что проведенные начальные транзакции по контрактам неизменны, собственных решений менеджеры сопровождения продвинуть не смогут, и проведение текущих оплат, не совпадающих с условиями платежей, также для них будет недоступно;

третьей выявленной проблемой является человеческий фактор, заключающийся в отсутствии четкого представления направлений внедрения цифровых технологий и последующей поддержки у высшего менеджмента транспортных и логистических компаний, составляющих 12 % от общего числа исследованных компаний в сфере логистики и транспорта [10].

Суммируя названные недостатки, сопровождающие построение цифровой среды в логистике и транспорте, можно с уверенностью отметить низкий уровень доверия участников логистических цепей к цифровым технологиям и в частности технологии блокчейн, а также низкий уровень осведомленности об открывающихся возможностях после ее внедрения. Прозрачность операций в технологии блокчейн, с одной стороны, делает процессы понятными, но, с другой, встает проблема коммерческой тайны или конфиденциальности проводимых сделок. Малый и средний бизнес не готов делиться информацией со всеми участниками блокчейна, то есть логистического и транспортного сектора экономики. Раскрытие информации третьим лицам нарушает существующие соглашения о коммерческой тайне. Данная проблема снижает конкурентоспособность малых и средних компаний, позволяя открыто оперировать на транспортном рынке большим компаниям.

Важным достижением является прозрачность операций в блокчейне, позволяющая вести тщательный операционный мониторинг. Исследования, показывающие отставание сектора логистики, в сравнении с другими отраслями экономики по темпам перехода на цифровые технологии, относительны, поскольку размер инвестиций логистических компаний в цифровые технологии составляет около 5 % от валовой выручки, что эквивалентно другим сферам экономической деятельности. Необходимо отметить взрывной рост внедрения технологии блокчейн в последние два года [11].

Анализируя более глубоко причины отставания логистических компаний по уровню цифровизации, необходимо отметить, что основной объем инвести-

ций в цифровизацию бизнес-процессов приходится на улучшение пользовательского интерфейса, но не внедрения новых цифровых технологий в традиционные бизнес-модели. Это позволяет предположить, что решение названной проблемы лежит в области повышения образовательного ценза топ-менеджеров логистических компаний, позволяющего понять существующие потенциальные выгоды, и новых решений, возникающих на базе новых инструментов и платформ, направленных на рост эффективности бизнес-процессов.

Формирование передовой цифровой логистической бизнес-среды через использование цифровых технологий в основном зависит от уровня цифровизации признанных отраслевых лидеров. Реализуемая цифровая среда представлена крупными проектами компании IBM по заказу компаний Maersk и Walmart. В компании Maersk реализована идея цифровизации всей логистической цепи поставок [12], а проект, реализуемый для Walmart, направлен на повышение безопасности продуктов питания за счет отслеживания цепочек товародвижения, начиная с этапа производства товара.

Пилотный проект данной технологии осуществляется Walmart на рынке Китая в целях контроля оборота свинины. Компании-лидеры на рынке в своих сегментах открыто демонстрируют и раскрывают конфиденциальную информацию при реализации блокчейн-проектов в сфере логистики, проводя политику прозрачности операций и максимального информационного раскрытия между участниками контрактных взаимоотношений. Политика максимальной открытости и прозрачности транзакций становится новым стандартом международных коммерческих отношений, поэтому коммерческие организации должны стремиться к максимальной прозрачности, чтобы сохранять конкурентоспособность на рынке [13].

Выводы

Цифровизация логистической сферы направлена на ускорение транспортного оборота посредством внедрения новых цифровых технологий и формирования цифрового логистического образа перевозки. Внедрение инновационного программного обеспечения позволит освоить технологию распределенного реестра, дающую возможность непосредственно покупателю или отправителю формировать электронный образ требуемой перевозки, снижая тем самым количество промежуточных посреднических звеньев, применение искусственного интеллекта, позволит перейти к решению задач перевозки без непосредственного участия человеческого фактора, в рамках заданных параметров, а создание автоматизированных складских комплексов будет способствовать увеличению пропускной способности перевозок, сокращению временных затрат на приемку и формирование отгрузок, а также формированию открытых информационных массивов в облачном пространстве с правом текущего доступа задействованных сторон.

Библиографический список

1. *Стоякова, К. Л., Волкова, Д. А.* Современные тенденции развития инноваций в логистике // Молодой ученый. — 2016. — № 25. — С. 89–92.

2. *Алексеев, А. И.* Инновационные технологии в логистике [Электронный ресурс] // NovaInfo. — 2016. — № 57–3. — Режим доступа : https://novainfo.ru.

3. Официальный сайт Всемирного банка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://lpi.worldbank.org.

4. *Головина, Ю. Е., Михайлюк, О. В., Наздратенко, К. А. [и др.]*. Логистика в вопросах и ответах : учеб.-метод. пособие. — СПб., 2017.

5. Forbes. Blockchain in supply chain: too much hype [Электронный ре-

сурс]. — Режим доступа : https://www.forbes.com.

6. Deloitte. Using blockchain to drive supply chain transparency [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.deloitte.com.

7. *Macaulay, J., Buckalew, L., Chung, G.* Internet of things in logistics [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.dpdhl.com.

8. *Garner, H.* Head of research and content, global logistics report [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://jda.com.

9. BCG. Digital transformation in logistics industry [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.bcg.com.

10. *Kletzel, J.* Is transportation and logistics sector going digital too slowly? [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://usblogs.pwc.com.

11. *Petersen, M., Hackius, N., See, B.* Mapping the sea of opportunities: blockchain in supply chain and logistics [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.researchgate.net.

12. IBM. Maersk and IBM unveil first industry-wide cross-border supply chain solution on blockchain [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.ibm.com.

13. Forbes. IBM & Walmart launching blockchain food safety alliance in China [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.forbes.com.

Bibliographic list

1. *Stoyakova, K. L., Volkova, D. A.* Modern trends in development of innovations in logistics // Young scientist. — 2016. — № 25. — P. 89–92.

2. *Alekseev, A. I.* Innovative technologies in logistics [Electronic resource] // NovaInfo. — 2016. — № 57–3. — Mode of access : https://novainfo.ru.

3. Official website of World Bank [Electronic resource]. — Mode of access : https://lpi.worldbank.org.

4. *Golovina, Yu. E., Mikhailyuk, O. V., Nazdratenko, K. A. [and oth.]*. Logistics in questions and answers : training manual. — SPb., 2017.

5. Forbes. Blockchain in supply chain: too much hype [Electronic resource]. — Mode of access : https://www.forbes.com.

6. Deloitte. Using blockchain to drive supply chain transparency [Electronic resource]. — Mode of access : https://www.deloitte.com.

7. *Macaulay, J., Buckalew, L., Chung, G.* Internet of things in logistics [Electronic resource]. — Mode of access : https://www.dpdhl.com.

8. *Garner, H.* Head of research and content, global logistics report [Electronic resource]. — Mode of access : https://jda.com.

9. BCG. Digital transformation in logistics industry [Electronic resource]. — Mode of access : https://www.bcg.com.

10. *Kletzel, J.* Is transportation and logistics sector going digital too slowly? [Electronic resource]. — Mode of access : http://usblogs.pwc.com.

11. *Petersen, M., Hackius, N., See, B.* Mapping the sea of opportunities: blockchain in supply chain and logistics [Electronic resource]. — Mode of access : https://www.researchgate.net.

12. IBM. Maersk and IBM unveil first industry-wide cross-border supply chain solution on blockchain [Electronic resource]. — Mode of access : http://www.ibm.com.

13. Forbes. IBM & Walmart launching blockchain food safety alliance in China [Electronic resource]. — Mode of access : https://www.forbes.com.

Н. В. Пржедецкая, К. В. Борзенко

ЦИФРОВАЯ МЕДИЦИНА КАК МЕХАНИЗМ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ В РОССИИ

Аннотация

В статье выявлено противоречие цифровой экономики современной России, заключающееся в недостаточном внимании к вопросам качества жизни, в то время как акцент делается на повышение глобальной конкурентоспособности экономики. С помощью метода регрессионного анализа на основе данных за 2019 г. на примере регионов, активно развивающих цифровое здравоохранение, обосновано, что цифровая медицина обладает потенциалом вносить существенный вклад в повышение качества жизни в регионах России. Предложен комплекс авторских рекомендаций для разрешения существующего противоречия цифровой экономики России посредством запуска федерального проекта по переходу к цифровой медицине. Также приведены рекомендации для совершенствования российской практики статистического учета цифровой медицины. Основной вывод проведенного исследования заключается в том, что цифровизация медицины должна осуществляться в приоритетном порядке, так как это будет содействовать реализации социальной миссии национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» по повышению качества жизни.

Ключевые слова

Цифровая медицина, регионы России, качество жизни, развитие здравоохранения, цифровая экономика.

N. V. Przhedetskaya, K. V. Borzenko

DIGITAL MEDICINE AS A MECHANISM TO IMPROVE THE QUALITY OF LIFE IN RUSSIA

Annotation

Article reveals the contradiction of digital economy of modern Russia, consisting in insufficient attention to issues of quality of life, while the emphasis is on increasing the global competitiveness of economy. Using the method of regression analysis based on data for 2019 and example of regions actively developing digital healthcare, it is proved that digital medicine has potential to make a significant contribution to improving the quality of life in regions of Russia. A set of copyright recommendations is proposed to resolve the existing contradiction of digital economy of Russia by launching a federal project on transition to digital medicine. It also provides recommendations for improving the Russian practice of statistical accounting of digital medicine. The main conclusion of study is that digitalization of medicine should be carried out as a priority, as this will contribute to implementation of social mission of national program «Digital Economy of Russian Federation» to improve the quality of life.

Keywords

Digital medicine, regions of Russia, quality of life, healthcare development, digital economy.

Введение

Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» вносит значимый вклад в модернизацию отечественной хозяйственной системы, но характеризуется системным противо-

речием. С одной стороны, цифровизация охватывает ключевые составляющие инфраструктуры: развитие сети телекоммуникаций, подготовку цифровых кадров, обеспечение информационной безопасности. С другой стороны, наиболее социально значимые отрасли экономики не вынесены в самостоятельные федеральные проекты и, следовательно, будут реализовываться в рамках мелкомасштабных федеральных или даже региональных инициатив и, вероятно, будут испытывать дефицит финансирования. К примеру, переход к цифровой медицине осуществляется посредством отдельных инициатив в пилотных регионах под руководством консорциума «Цифровое здравоохранение», ответственного за координацию и стандартизацию инициатив регионов. Реализуемый подход к формированию цифровой экономики в России свидетельствует о том, что этот процесс характеризуется внешнеэкономической ориентацией, то есть нацелен на повышение глобальной конкурентоспособности отечественной хозяйственной системы, а не на решение внутренних задач социального развития. Объяснением сложившегося подхода может служить недостаточное научное обоснование потенциального вклада цифровизации приоритетных отраслей экономики в повышение качества жизни населения России.

Рабочая гипотеза исследования, представленного в статье, заключается в предположении о том, что цифровизация социально значимых сфер способствует существенному повышению качества жизни в России и потому должна осуществляться в приоритетном порядке в рамках полномасштабных федеральных проектов. Цель статьи состоит в научном обосновании механизма повышения качества жизни в России на базе цифровой медицины.

Материалы и методы

Специфика и перспективы развития цифровой медицины рассмотрены в трудах таких ученых, как М. А. Кантемирова, З. Р. Аликова [1], Ю. В. Пржедецкий, Н. В. Пржедецкая, Ю. В. Пржедецкая, К. В. Борзенко [3, 8], А. А. Тихомирова [6], П. Е. Котиков [7]. Тем не менее социальные последствия цифровизации здравоохранения, и в частности его влияние на качество жизни населения России, характеризуются недостаточной проработанностью и потому нуждаются в проведении дальнейших исследований.

При проведении представленного в статье исследования применяется метод регрессионного анализа, с помощью которого составляется уравнение парной линейной регрессии, отражающее вклад цифровизации в повышение качества жизни. Поскольку в настоящее время в России реализуются лишь отдельные пилотные региональные инициативы по формированию цифровой медицины, официальная общероссийская унифицированная статистика не сформирована. Поэтому чтобы получить наиболее достоверные результаты анализа в качестве объектов для проведения исследования выбраны регионы, уделяющие наибольшее внимание вопросам цифровизации здравоохранения по данным на 2019 г. (табл. 1).

Таблица 1 — **Статистика цифровой медицины в регионах России в 2019 г.***

Регион	Реализуемые инициативы в цифровой медицине	Индекс цифровизации, баллы 1–100 (x)	Индекс качества жизни, баллы 1–100 (y)
Иркутская область	Региональные программы развития цифровых технологий в здравоохранении	66,0	39,240
Красноярский край		64,5	46,260

** Составлена и рассчитана на основе материалов [2, 4, 5].*

Регион	Реализуемые инициативы в цифровой медицине	Индекс цифровизации, баллы 1–100 (x)	Индекс качества жизни, баллы 1–100 (y)
Республика Коми	Информационно-аналитическая медицинская система здравоохранения	67,0	39,984
Тюменская область	Информационные системы в медицине, внедрение электронных медицинских карт	67,5	56,302
Липецкая область	Система автоматизации оказания медицинской помощи и электронной документации	70,0	59,245
Республика Татарстан	Проектные офис по информатизации здравоохранения	79,0	66,147
Ульяновская область	Проектный офис «электронное здравоохранение»	65,5	48,779
Калужская область	Специализированный центр компетенций по развитию телемедицины	69,0	53,043
Томская область	Развитие телемедицинских технологий	58,0	44,469
Среднее арифметическое, баллы		67,39	50,39
Стандартное отклонение, баллы		5,55	9,06
Коэффициент вариации, %		8,24	17,97

Результаты

На основе данных из таблицы 1 составлено уравнение парной линейной регрессии $y = 1{,}2221 * x - 31{,}969$, коэффициент детерминации $R^2 = 0{,}5609$. Согласно полученной регрессионной зависимости, увеличение цифровизации экономики регионов России на 1 балл способствует росту качества жизни в них на 1,2221. Изменение качества жизни в рассматриваемых регионах на 56,09 % объясняется изменением в уровне цифровизации.

Полученные в ходе проведения регрессионного анализа результаты указывают на то, что цифровая медицина обладает большим потенциалом повышения качества жизни населения в регионах России. В связи с этим рекомендуется запуск в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» федерального проекта «Цифровая медицина», базовыми принципами которого должны стать:

– федеральное финансирование, планирование и стандартизация для достижения наибольших результатов во всех регионах России;

– активное привлечение научно-исследовательских организаций региона для полномасштабной технологической поддержки процесса цифровизации здравоохранения;

– интенсивная маркетинговая поддержка для ранжирования объектов цифровизации и наиболее полного учета актуальных потребностей населения в цифровой медицине;

– первоочередная цифровизация наиболее востребованных медицинских услуг;

– системный подход к цифровизации здравоохранения для устранения существующих пробелов и повышение доступности и качества медицинских услуг в целом, а не их отдельных составляющих.

Обсуждение

Необходимо признать ограниченность полученных результатов. Проведение исследования на примере регионов России, уделяющих повышенное внимание цифровизации здравоохранения, позволяет составить общее, но косвенное представление о том, какое влияние потенциально цифровая медицина может оказывать на качество жизни. Для формирования более надежного научно-методического обеспечения по этой теме рекомендуется организовать официальный статистический учет и открытость отчетности, которая должна соответствовать следующим требованиям:

– всеобщий охват регионов России унифицированным статистическим учетом цифровой медицины;

– публикация отчетов по результатам мониторинга развития цифровой медицины в регионах России в формате план-фактного анализа для учета прогресса и региональных сравнений;

– детализация статистического учета — расчет различных индексов, позволяющих детально анализировать цифровую медицину, в частности, рекомендуется статистический учет отдельных медицинских услуг, информационной поддержки медицины;

– сбор обратной связи от потребителей медицинских услуг и ее включение в рейтинги цифровой медицины в регионах.

Выводы

Цифровая медицина может выступать в качестве механизма повышения качества жизни в России. Актуальные проблемы на пути практической реализации этой приоритетной задачи в ходе построения цифровой экономики в России связаны, во-первых, с дефицитом и разрозненностью официальной статистики по теме цифровой медицины и, во-вторых, с недостаточным вниманием к вопросам цифровизации здравоохранения на федеральном уровне.

Указанные проблемы сдерживают развитие цифровой медицины в России, которая в настоящее время представлена в виде отдельных региональных инициатив. Перспективы раскрытия потенциала цифровой медицины в области ее содействия повышению качества жизни в России связаны с запуском самостоятельного федерального проекта по переходу к цифровой медицине и обеспечению ее сбалансированного развития в регионах России.

Библиографический список

1. *Кантемирова, М. А., Аликова, З. Р.* Цифровая экономика: развитие процессов цифровизации медицины в регионе // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. — 2019. — № 1. — С. 92–95.

2. Мониторинг регионального законодательства в сфере развития цифровой экономики в регионах АИРР [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.i-regions.org.

3. *Пржедецкий, Ю. В., Пржедецкая, Н. В., Борзенко, К. В.* Развитие государственно-частного партнерства в условиях цифровой экономики: проблемы и перспективы на примере онкологической службы // Вестник РГЭУ (РИНХ). — 2019. — № 2 (66). — С. 72–77.

4. Рейтинг регионов по уровню развития цифровизации [Электронный ресурс] // Цифровая Россия. — Режим доступа : http://d-russia.ru.

5. Рейтинг российских регионов по качеству жизни [Электронный ресурс] // РИА Рейтинг. — Режим доступа : https://ria.ru.

6. *Тихомирова, А. А.* Цифровая медицина: перспективы российского здравоохранения // Детская медицина Северо-Запада. — 2018. — № 1. — Т. 7. — С. 317–318.

7. *Тихомирова, А. А., Котиков, П. Е.* Цифровая медицина — новый уровень развития российского здравоохранения //

Аллея науки. — 2018. — № 5 (21). — Т. 8. — С. 779–782.

8. *Przhedetskiy, Yu. V., Przhedetskaya, N. V., Przhedetskaya, Yu. V., Borzenko, K. V.* Social networks as a tool of early detection of cancer // Advances in Intelligent Systems and Computing. — 2019. — № 726. — С. 887–894.

Bibliographic list

1. *Kantemirova, M. A., Alikova, Z. R.* Digital economy: development of digitalization of medicine in region // Bulletin of North Ossetian State University named by K. L. Khetagurov. — 2019. — № 1. — P. 92–95.

2. Monitoring of regional legislation in the field of digital economy development in AIRR regions [Electronic resource]. — Mode of access : http://www.i-regions.org.

3. *Przhedetskiy, Yu. V., Przhedetskaya, N. V., Borzenko, K. V.* Development of public-private partnership in digital economy: problems and prospects on example of oncological service // Vestnik of RSUE (RINH). — 2019. — № 2 (66). — P. 72–77.

4. Rating of regions according to level of development of digitalization [Electronic resource] // Digital Russia. — Mode of access : http://d-russia.ru.

5. Rating of Russian regions by quality of life [Electronic resource] // RIA Rating. — Mode of access : https://ria.ru.

6. *Tikhomirova, A. A.* Digital medicine: prospects for Russian health care // Children's Medicine of North-West. — 2018. — № 1. — Т. 7. — P. 317–318.

7. *Tikhomirova, A. A., Kotikov, P. E.* Digital medicine — new level of development of Russian healthcare // Alley of Science. — 2018. — № 5 (21). — Т. 8. — P. 779–782.

8. *Przhedetskiy, Yu. V., Przhedetskaya, N. V., Przhedetskaya, Yu. V., Borzenko, K. V.* Social networks as a tool of early detection of cancer // Advances in Intelligent Systems and Computing. — 2019. — № 726. — P. 887–894.

Н. А. Череповская

АНАЛИЗ ВНЕДРЕНИЯ БАЗОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ИНДУСТРИИ 4.0

Аннотация

В статье представлен анализ внедрения технологий в производство, основой которых является требования Индустрии 4.0. Рассмотрена трансформация производственной деятельности на основе новых технологий и получения интеллектуальных продуктов. Выявлен перечень базовых технологий, который имеет место к расширению и вовлечению новых технологий, способствующих повысить долю высокотехнологичных товаров в валовом внутреннем продукте страны.

Внедрение базовых технологий в производство будет способствовать созданию и производству экспортно-ориентированной продукции внутри страны, и формировать экономически выгодные отношения между странами.

Ключевые слова

Индустрия 4.0, интернет вещей (IoT), облачные сервисы, аналитика и большие данные, умные фабрики, высокотехнологичные отрасли.

N. A. Cherepovskaya

ANALYSIS OF IMPLEMENTATION OF BASIC TECHNOLOGIES IN INDUSTRY 4.0

Annotation

Article presents an analysis of implementation of technologies in production, which are based on requirements of Industry 4.0. Transformation of production activities based on new technologies and production of intelligent products is considered. List of basic technologies is revealed, which leads to expansion and involvement of new technologies that help to increase the share of high-tech goods in gross domestic product of country.

Introduction of basic technologies in production will contribute to creation and production of export-oriented products within country, and form economically profitable relations between countries.

Keywords

Industry 4.0, Internet of things (IoT), cloud services, Analytics and big data, smart factories, high-tech industries.

Введение

Современные вызовы ускорили и активизировали все бизнес-процессы в мировых масштабах и создали необходимость внедрения современных наукоемких технологий. Умные технологии: интернет вещи, облачные сервисы, аналитика больших данных и многие другие технологии будут доминировать в производственном процессе. Неизбежность создания умных фабрик — это новый подход к производству и производственным процессам. Соответственно, получаемые продукты становятся интеллектуальными, которые смогут соответствовать вызовам и требованиям промышленной революции.

Индустрия 4.0 позволит повысить скорость в современном производстве, в «умном производстве», в котором гибкие линии автоматически регулируют производственные процессы для различных типов продуктов при изменяющихся условиях [1–2]. Это позволяет повысить качество, производительность и гибкость [3–4]. Внедрение базовых современных технологий способствует созданию умных продуктов [5].

Материалы и методы

Для проведения исследования и обзора использованы базы данных публикаций Google Academic, Центра гуманитарных технологий, Федеральной службы государственной статистики (Росстат), Международной патентной системы (PCT). Данный обзор литературы призван подчеркнуть основные аспекты, включая базовые технологии Индустрии 4.0. При переходе к Индустрии 4.0 требуется углубленный и обширный анализ, для того чтобы понять необратимость происходящих изменений.

Индустрия 4.0 определяет перспективу для перехода от машинного производства к цифровым фабрикам. Основой Индустрии 4.0 является умное производство, включающее базовые технологии интернета вещей (IoT), облачные сервисы, большие данные и аналитику (табл. 1). Данные технологии считаются базовыми, потому что они присутствуют во всех измерениях и в различных технологиях таких измерений.

Таблица 1 — **Источники базовых технологий для умного производства**

Технологии	Авторы
Интернет вещей (IoT) — представляет собой интеграцию датчиков и вычислений в интернет-среде с помощью беспроводной связи	Tao et al., 2018a Thoben et al., 2017; Wang et al., 2016a
Облачные сервисы обеспечивают доступ сети по требованию к вычислительным ресурсам. Хранящиеся данные в интернет-сервере провайдера, возможно получить с помощью удаленного доступа, а сочетание использования интернета вещей (IoT) и облачных сервисов позволяют подключить различное оборудование и собирать огромное количество данных, что приводит к созданию хранилища больших данных	Mell et al., 2009; Yu et al., 2015; Lu, 2017; Liu, 2013
Большие данные состоят в сборе данных от систем и объектов, таких как показания датчиков. Большие данные необходимы для создания цифровых близнецов фабрики, и, следовательно, аналитика обеспечивает расширенные возможности прогнозирования, выявляя события, которые могут повлиять на производство	Porter and Heppelmann, 2015; Schuh et al., 2017
Аналитика и большие данные в сочетании позволят поддерживать самоорганизацию производственных линий и оптимизировать деятельность по принятию решений в каждом измерении промышленного бизнеса	Wang et al., 2016a; Babiceanu and Seeker, 2016; Wamba et al., 2015

Многие исследователи, изучая концепцию умного производства с разных сторон, поясняют важность машинного общения через понимание неизбежного прогресса. Исследователи используют измерения Индустрии 4.0 и делают возможной взаимосвязь, а также обеспечивают интеллектуальность новых производственных систем. Анализ процессов Индустрии 4.0 по принципу: фабрика, бизнес, продукция и клиенты [15].

Классификация деятельности в Индустрии 4.0 с целью поддержки соответствующего перехода и применения дорожной кары для компаний, чтобы подготовиться к будущему [16]. Отчет для межмашинных коммуникаций в производственных средах Индустрии 4.0 [17]. Модель для CPS на фабрике Industry 4.0 [18].

Концепция «Front-end technologies» рассматривает трансформацию производственной деятельности на основе новых технологий и получения интеллектуальных продуктов [19]. В основе данной Концепции интеллектуальные производственные технологии работают как центральная опора внутренней операционной деятельности и интеллектуальный продукт — это результат производственной деятельности [20].

Результаты

Одним из важнейших показателей, способствующих созданию интеллектуальных продуктов, является точная информация о патентах. Данный показатель влияет на перспективы и инновационный потенциал стран и регионов, на уровень внедрения новых технологий и технологическое развитие отраслей.

Проведем анализ патентной активности стран и территорий мира в 2018 г. по статистическим данным Международной патентной системы (PCT). Анализируя статистические данные регистрации патентов, наблюдается высокий рост в Китае (1 381 594 ед.). Китай стал крупнейшим участником международных патентов в 2018 г. на фоне активного роста услуг, договоров и финансов в области интеллектуальной собственности. По отношению к Китаю число международных патентных заявок зарегистрировано: США — 43,9 %; Германией — 4,9 %; Россией — 2,7 %; Великобританией — 1,7 %; Францией — 1,2 %; Италией — 0,7 %. Значительный и опережающий рост патентов Китая позволит стране в условиях глобальной конкуренции обеспечить интеллектуальность новых производственных систем внутри страны и за ее пределами.

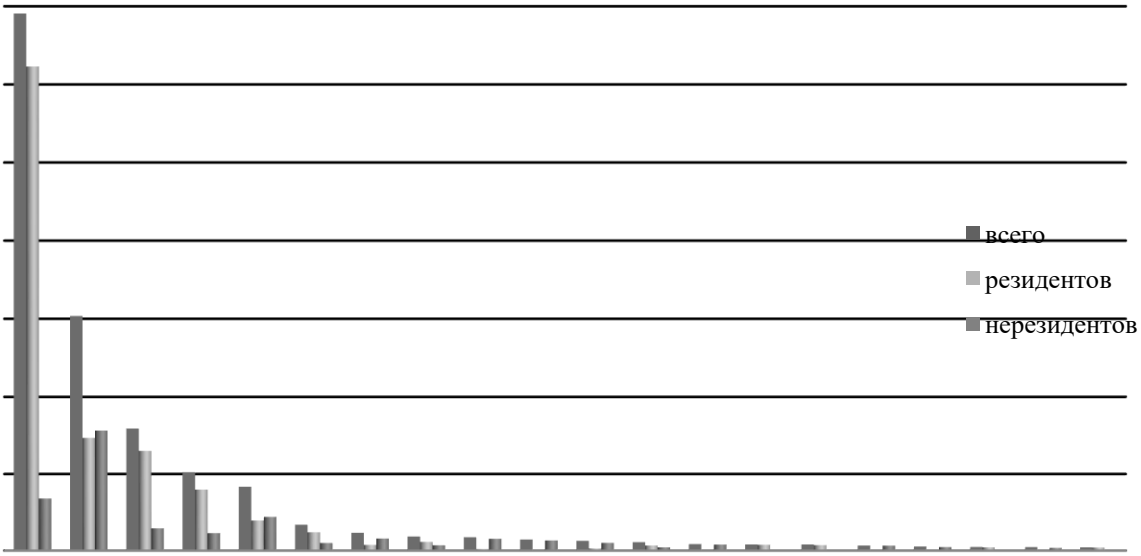


Рисунок 1 — **Страны-лидеры по количеству регистрируемых патентов в 2018 г.** [21]

В Китае лидерами подачи заявок в 2019 г. стали телекоммуникационный гигант Huawei Technologies, корпорация Guangdong OPPO Mobile Telecommunications Corp и BOE Technology Group Co., специализирующаяся в области отображения и трансляции контента. Активно принимают участие в разработке и создании интеллектуальной собственности высшие учебные заведения: Калифорнийский университет (+470 заявок), Университет Цинхуа (+265 заявок), Университет Шэньчжэнь (+247 заявок), Массачусетский технологический институт (+230 заявок), Южно-Китайский технологический университет (+164 заявок) [21].

В части патентов по новым технологиям наибольшую долю составили компьютерные технологии (8,7 % от общего числа), цифровая связь (7,7 %), электрические машины (7 %), медицинские технологии (6,9 %) и измерения (4,7 %).

Трансформация производственной деятельности на основе внедрения интеллектуальных производственных технологий представлена на рисунке 2.

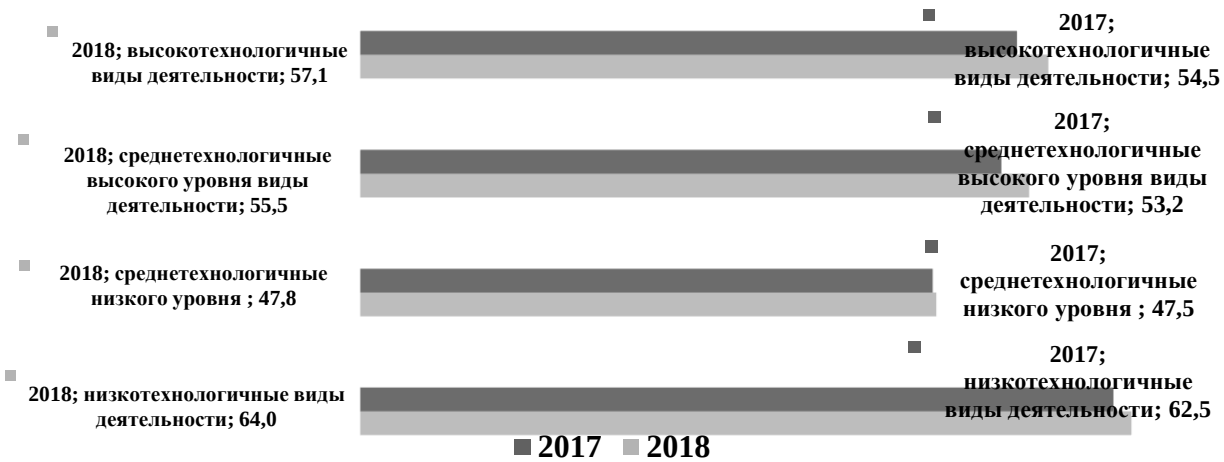


Рисунок 2 — **Доля оборудования и машин по уровню технологичности в отраслях экономики**

Значительное увеличение доли оборудования в высокотехнологичных и среднетехнологичных отраслях в 2018 г. к 2017 г. (2,6 %; 2,3 % соответственно) [22]. В экономических отраслях по производству кокса, нефтепродуктов, а также резиновых, пластмассовых изделий и неметаллической минеральной продукции, кроме машин и оборудования, относящиеся к среднетехнологичным отраслям низкого уровня обновлены за исследуемый период на 0,3 %.

Анализируя инвестиции в машины, оборудование, транспортные средства, направленных на реконструкцию и модернизацию отраслей промышленности (рис. 3), важно отметить, что их доля в основном капитале выросла в 2018 г. по отношению к 2017 г. на 2 %, к 2016 г. на 1,1 %, к 2015 г. на 2,4 %.

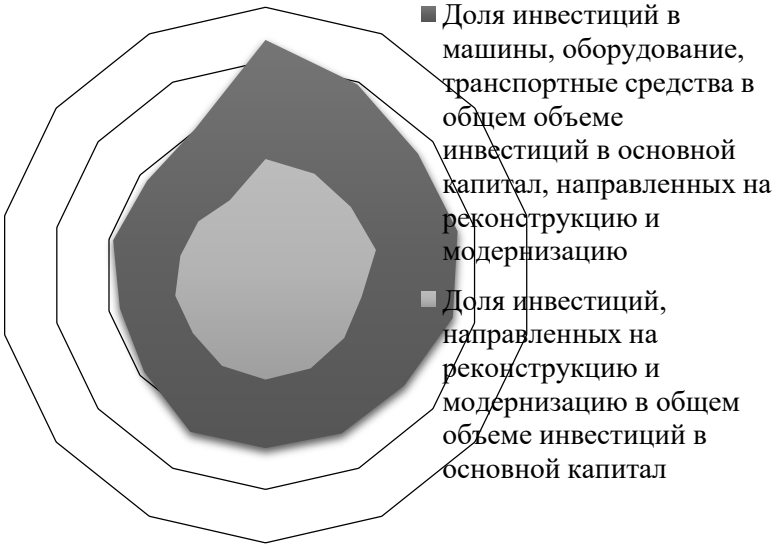


Рисунок 3 — **Сравнительный анализ инвестиций в основной капитал на реконструкцию и модернизацию отраслей промышленности**

Рост привлечения инвестиций в основной капитал в Российской Федерации имеет важное значение для производственной деятельности, однако на диаграмме заметно и снижение доли инвестиций в 2018 г. по отношению к 2005 г. на 13,6 % (без учета Чеченской Республики), к 2006 г. на 9,2 %. При этом доля инвестиций, направленных на реконструкцию и модернизацию в общем объеме инвестиций в основной капитал в период с 2005 по 2008 гг. в среднем составила 21,08 %, что выше уровня 2018 г. на 5,6 % [22].

Программы приоритетных национальных проектов в России по модернизации и реконструкции предприятий получили свое начало в 2005 г., которые включали механизм софинансирования в долях, включая федеральный, областной бюджеты и денежные средства частных предпринимателей, поэтому доля инвестиций в машины, оборудование, транспортные средства наиболее высока за период с 2005 по 2009 гг.

Анализ экспорта и импорта товаров представлен в таблице 2. Проведенный анализ соотношения добавленной стоимости высокотехнологичных и наукоемких видов деятельности к валовому внутреннему продукту в Российской Федерации выявил снижение темпов прироста индекса физического объема ВВП за период с 2011 по 2015 гг.: -0,2 %; -0,6 %; -1,9 %; -1,1 %; -2,7 % (соответственно).

Таблица 2 — **Анализ экспорта и импорта товаров, в млрд долл.**

Страны	экспорт					импорт				
	2010	2016	2017	2018	прирост 2018/2010 гг.	2010	2016	2017	2018	прирост 2018 /2010 гг.
Россия	397,1	285,7	357,3	449,6	13,2	228,9	182,4	227,9	238,5	4,2
Китай	1578,3	2136,7	2280,4	…	44,5	1396,2	1589,5	1842,3	…	32,0
Италия	446,9	462,9	510,6	534,9	19,7	487	406,8	456,8	490,2	0,7
Германия	1261,6	1334,4	1448,2	1561	23,7	1056,2	1055,3	1162,9	1285,5	21,7
Франция	517	501,4	535	581,1	12,4	608,7	571,9	624	672,2	10,4
Великобритания	417,7	404,3	436,5	468,1	12,1	568,4	583,5	613	652,3	14,8
США	417,7	404,3	436,5	468,1	12,1	568,4	583,5	613	652,3	14,8
Япония	769,8	644,9	698,2	738,2	-4,1	692,4	607,6	671,3	748,3	8,1
Австрия	144,9	145,1	160,3	177,2	22,3	150,6	150,1	166,7	183,9	22,1
Бельгия	407,1	398,2	430,5	464,4	14,1	391,3	379,4	408,9	447,9	14,5

Снижение продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом внутреннем продукте наблюдается в 2015 г. (-0,5 %), в 2018 г. (-0,6 %). Увеличение данного показателя за исследуемый период составляет 1,5 %. Однако в 2018 г. к 2011 г. незначительно привело к снижению существующего разрыва в совокупном объеме ВВП, который в среднем составляет 80 % [22]. При этом в валовом внутреннем продукте за исследуемый период с 2013 по 2016 гг. отсутствует рост доли продукции (в среднем составила 21,6 %) в отраслях, использующих высокие технологии.

Рост числа используемых передовых производственных технологий в 2016 г. на 19,9 % (38 558 ед.) к 2013 г.; на 6,6% (14 370 ед.) к 2015 г., способствовал поддержанию доли высокотехнологичной продукции при добычи полезных ископаемых, на обрабатывающих производствах, при производстве и распределении электроэнергии, газа и воды, деятельности предприятий, связанной с использованием вычислительной техники и информационных технологий.

Наибольшее число используемых передовых производственных технологий в 2016 г. к 2015 г. на 1 908 единиц (+6 %), к 2013 г. на 11 736 единиц (+52 %) при производстве продукции, относящейся к фармацевтической деятельности, включая изделия для медицинского назначения, для оборудования в офисах и производства вычислительной техники, а также для аппаратуры, которая обеспечивает работу радио, телевидения и связь, для производства летательных аппаратов. В наукоемкиемких видах экономической деятельности, включающих деятельность в области электросвязи и использование вычислительной техники и информационных технологий, а также научные исследования и разработки за исследуемый период показали рост числа разработок на 4 069 единиц (+13 %) только в 2016 к 2015 г. [22].

Международная торговля способствует развитию мировой экономики. Импортируемые и экспортируемые товары в разных странах позволяют формировать экономически выгодные отношения между странами. Внедрение базовых технологий способствует созданию и производству экспортно ориентированной продукции внутри страны.

Лидерами экспортно-импортных операций является Китай. Германия и Австрия имеют наибольший объем, по-

лученных средств в результате ввоза и продаж за границу товаров, относительно Китая. Анализ динамики импорта России значительно сократился в 2018 г. к 2017 г., прирост составил 4,7 %, однако доля экспорта за аналогичный период увеличилась и составила 25,8 %. К 2016 г. данная динамика сохраняется импортировано товаров (+30,8 %), а экспортировано (+57,4 %).

Выводы

Проведенный анализ, выявил, что основу концепции Индустрии 4.0 составляет умное производство, составляющее интеллектуальные производственные технологии: интернет вещей (IoT), облачные сервисы, большие данные и аналитику. Данные технологии можно определить как базовые, поскольку могут связать предшествующие с последующими промышленными периодами или этапами в полную интегрированную производственную систему. Важно отметить, что количество базовых технологий может расширяться по мере их создания и внедрения в высокотехнологичные отрасли производства.

При внедрении базовых технологий существуют препятствия и трудности, их доля не достигает и 50 % в Российской Федерации. Чтобы обеспечить лидерство по внедрению базовых технологий важно расширить и углубить свои практические знания о цифровых технологиях и изучать опыт, связанный с ними. Организациям необходимо разработать и внедрять корпоративные стратегии умного производства.

Библиографический список

1. *Wang, S., Wan, J., Zhang, D., Li, D., Zhang, C.* Towards smart factory for industry 4.0: a self-organized multi-agent system with big data based feedback and coordination // Computer Networks. — 2016. — № 101. — С. 158–168.

2. *Schuh, G., Anderl, R., Gausemeier, J., ten Hompel, M., Wahlster, W.* Industrie 4.0 Maturity Index. Managing the Digital Transformation of Companies (Acatech study). — Munich, 2017.

3. *Dalenogare, L. S., Benitez, G. B., Ayala, N. F., Frank, A. G.* Expected contribution of Industry 4.0 technologies for industrial performance // International Journal of Production Economics. — 2018. — № 204. — С. 383–394.

4. *de Sousa Jabbour, A. B. L., Jabbour, C. J. C., Foropon, C., Godinho Filho, M.* When titans meet — Can Industry 4.0 revolutionise the environmentally-sustainable manufacturing wave? Role of critical success factors // Technological Forecasting and Social Change. — 2018. — № 132. — С. 18–25.

5. *Tao, F., Cheng, J., Qi, Q., Zhang, M., Zhang, H., & Sui, F.* Digital twin-driven product design, manufacturing and service with big data // International Journal of Advanced Manufacturing Technology. — 2018. — № 94 (9–12). — С. 3563–3576.

6. *Thoben, K., Wiesner, S., Wuest, T.* Industrie 4.0 and smart manufacturing : review of research issues and application examples // Autom. Technol. — 2018.

7. *Mell, P., Grance, T.* The NIST definition of cloud computing // National institute of standards and technology. — 2011. — Vol. 53. — № 6. — С. 50.

8. *Yu, C., Xu, X., & Lu, Y.* Computer-integrated manufacturing, cyber-physical systems and cloud manufacturing — concepts and relationships // Manufacturing letters. — 2015. — № 6. — С. 5–9.

9. *Lu, Y.* Industry 4.0: survey on technologies, applications and open research issues // Journal of Industrial Information Integration. — 2017. — № 6. — P. 1–10.

10. *Liu, H.* Big data drives cloud adoption in enterprise // IEEE internet computing. — 2013. — № 17 (4). — С. 68–71.

11. *Porter, M. E., Heppelmann, J. E.* How smart, connected products are transforming companies // Harvard Business Review. — 2015. — № 93 (10). — С. 96–114.

12. *Schuh, G., Anderl, R., Gausemeier, J., ten Hompel, M., Wahlster, W.* Industrie 4.0 Maturity Index. Managing the Digital Transformation of Companies (Acatech study). — Munich, 2017.

13. *Babiceanu, R. F., Seker, R.* Big Data and virtualization for manufacturing cyber-physical systems: survey of current status and future outlook // Computers in Industry. — 2016. — № 81. — С. 128–137.

14. *Wamba, S. F., Akter, S., Edwards, A., Chopin, G., Gnanzou, D.* How 'big data' can make big impact: Findings from a systematic review and a longitudinal case study // International Journal of Production Economics. — 2015. — № 165. — С. 234–246.

15. *Qin, J., Liu, Y., Grosvenor, R.* Categorical framework of manufacturing for Industry 4.0 and beyond // Procedia CIRP. — 2016. — № 52. — С. 173–178.

16. *Filippi, S., & Barattin, D.* Classification and selection of prototyping activities for interaction design // Intelligent Information Management. — 2012. — № 4. — С. 147–156.

17. Sogoti. Industry 4.0 report. 2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.fr.sogeti.com.

18. *Lee, J., Bagheri, B., & Kao, H.* Cyber systems architecture for Industry 4.0 based manufacturing systems // Manufacturing Letters. — 2015. — № 3. — С. 18–23.

19. *Dalenogare, L. S., Benitez, G. B., Ayala, N. F., Frank, A. G.* Expected contribution of Industry 4.0 technologies for industrial performance // International Journal of Production Economics. — 2018. — № 204. — С. 383–394.

20. *Ahuett-Garza, H., Kurfess, T.* Brief discussion on trends of habilitating technologies for Industry 4.0 and Smart manufacturing // Manufacturing Letters. — 2018. — № 15. — С. 60–63.

21. Рейтинг стран мира по количеству патентов. Гуманитарная энциклопедия: Исследования [Электронный ресурс] / Центр гуманитарных технологий, 2006–2020. — Режим доступа : https:// gtmarket.ru.

22. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат): Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru.

РАЗДЕЛ 2. ЭКОНОМИКА И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

В. А. Бондаренко, Н. В. Гузенко

НОВОЕ РАЗВИТИЕ СТАРОПРОМЫШЛЕННЫХ РЕГИОНОВ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ В РОССИИ

Аннотация

В статье актуализируется вопрос исследования направлений развития старопромышленных регионов, бывших ранее флагманами экономического развития национальных экономик и деградировавших в социально-экономическом отношении из-за смены технологического уклада и утраты конкурентоспособности. Проанализирован опыт реновации старопромышленных регионов в США и ряде странах Европы с точки зрения возможной адаптации существующих решений к российским реалиям. Сделан вывод о допустимости использования в российских условиях «европейского пути» с учетом адаптации, определяемой национальными особенностями управления и необходимостью усиления формирования и продвижения обновленного имиджа регионов.

Ключевые слова

Старопромышленный регион, зарубежный опыт, реновация, инновационное развитие, индустриальное наследие, адаптация.

V. A. Bondarenko, N. V. Guzenko

NEW DEVELOPMENT OF OLD INDUSTRIAL REGIONS: FOREIGN EXPERIENCE AND OPPORTUNITIES FOR ITS APPLICATION IN RUSSIA

Annotation

Article deals with the issue of studying the development directions of old industrial regions that were previously flagships of economic development of national economies, and degraded in socio-economic terms due to the change of technological structure and loss of competitiveness. Article analyzes the experience of renovation of old industrial regions in United States and several European countries in terms of possible adaptation of existing solutions to Russian realities. Conclusion is made that «European way» can be used in Russian conditions, taking into account the adaptation determined by national peculiarities of management and need to strengthen the formation and promotion of updated image of regions.

Keywords

Old industrial region, foreign experience, renovation, innovative development, industrial heritage, adaptation.

Введение

Проблема нахождения условий и направлений развития старопромышленных регионов актуальна для всех стран, в которых существуют территории, экономическое благосостояние которых связано с одной профилирующей либо несколькими отраслями промышленности, выступающими флагманскими на определенном ретроспективном эта-

пе, но утратившими былое значение при изменении технологических решений и смене технологического уклада. Соответственно, проявлялась ситуация, в которой производимая на территории продукция переставала быть востребованной и уходила с рынков, что приводило к спаду в промышленности, деиндустриализации региональной экономики, массовому сокращению рабочих мест и оттоку населения, ранее занятого в промышленном секторе. Такое развитие событий опосредовало углубление социально-экономических проблем, которые бизнес на местах не мог решить самостоятельно, что делало необходимым участие власти в формулировании и осуществлении новой стратегии развития, позволяющей нормализовать экономическую ситуацию в регионе и снять социальную напряженность. В данном аспекте проявился положительный опыт ряда регионов в странах Европы и США, полностью или отчасти преодолевших описанные проблемы. Эти вопросы актуальны к решению на территории России, что вызывает интерес к исследованию существующего зарубежного опыта под углом зрения возможностей его использования в российских условиях.

Материалы и методы

Исследование вопросов возможностей нового развития старопромышленных регионов предполагает необходимость аналитического изучения, в первую очередь, представленных в литературе взглядов на определение понятия старопромышленного региона. Кроме того, анализу подлежат вопросы проявившихся в зарубежной практике решений ревитализации таких регионов с учетом роли властей в разработке обновленной стратегии их развития и потенциальных возможностей их внедрения в условиях решения сходных проблем для российских старопромышленных регионов. К методам исследования при реализации такого подхода можно отнести исторический и хронологический анализ применительно к развитию старопромышленных регионов, а также научные обобщения и синтез полученной аналитической информации.

Обсуждение

Зарубежные и отечественные авторы дают различные определения и характеристики старопромышленному региону. Так, например, А. Гранберг с соавторами определяет старопромышленные регионы в качестве территорий, утративших в результате стремительного развития научно-технического прогресса существующие рынки, что привело к стагнации в них промышленного производства и деградации региональной экономики [3].

Л. Сахарова делает акцент в определении старопромышленного региона на отсутствии конкурентоспособности производимой в нем продукции по сравнению импортируемой, наряду с морально и физически устаревшей в регионе промышленной инфраструктурой [11].

К. Глонти отмечает, что это территория с недостаточным по современным критериям технологическим развитием промышленности, что ведет к невостребованности производимой продукции [2].

Дж. Керни и соавторы относят к старопромышленному региону тот, в котором доминирует отрасль тяжелой промышленности, которая было на «подъеме» до 1960-х гг., и далее характеризуется упадком региональной экономики [15].

М. Штейер, помимо регионов с тяжелой промышленностью, относит к старопромышленным регионы с легкой промышленностью, экономика которых из-за смены технологического уклада испытывает стремительный спад [24].

Ф. Тодлинг и М. Триппл отмечают узость в возможности развития промышленности таких регионов и недостаточность инновационной ориентации их промышленной инфраструктуры [25].

В плане характеристики основных критериев старопромышленных регио-

нов исследователи определяют избыточно консервативную инфраструктуру и отсутствие внутренних резервов для модернизационного роста [1], обостренные социальные проблемы [2] и сложности трансформации сложившейся депрессивной модели хозяйствования [21].

Подчеркнем, что все представленные точки зрения свидетельствуют об отнесении старопромышленных регионов к проблемным, испытывающим серьезные трудности, лишенным при сохранении существующей траектории хозяйствования достойного будущего. Тем не менее в настоящее время проявилась также точка зрения (А. Мальцев) на то, что подобные регионы имеют определенные шансы на успешное развитие, поскольку могут адаптивно использовать существующий у них потенциал [8]. Также С. Литовченко относит старопромышленные регионы, несмотря на устаревшую промышленную инфраструктуру, к территориям с потенциалом возможного инновационного развития [7].

Существует также группа ученых, склонных давать «второй шанс» старопромышленным регионам, однако за счет их трансформации в объекты индустриального наследия, развивающимся в рамках научно-образовательной и инновационной траектории, культурной и туристической направленности [4, 6, 13, 17, 18, 20, 22, 23].

Мы придерживаемся второй представленной точки зрения относительно того, что старопромышленные регионы имеют возможности дальнейшего развития, которые могут, по нашему мнению, органично сочетать в себе возможности инновационного переустройства части промышленного комплекса и направления формирования культурно-туристического и научно-образовательного кластера за счет позиционирования части промышленных мощностей региона как объекта индустриального населения.

Результаты

Характеризуя опыт старопромышленных регионов США, отметим, что в их число традиционно включают агломерации Детройта, Питтсбурга, Чикаго и Кливленда [9]. Эти центры промышленности вплоть до 1970-х гг. были лидерами в сфере черной металлургии, а также машиностроения. Кризисные явления, связанные со сменой технологического уклада, ростом конкуренции на мировых рынках, переносом производств в развивающиеся страны (что было инициировано в том числе ужесточением экологических требований к производству на территории США), привели к резкому сокращению рабочих мест в промышленности. Например, в Чикаго уже в 1987 г. сокращения в промышленности составили порядка 250 тыс. человек [19], а в Питтсбурге в сталелитейной сфере сократили более 150 тыс. работающих [10]. Отметим, что проблемы данных регионов решались в рамках проводимой государственной политики, которая до 1990-х гг. осуществлялась за счет решений федерального уровня в части ограничения импорта за счет ценовых решений, установления определенного уровня цен на внутренних рынках, требований к энергоэффективности предприятий, прямых квот на импорт и принятия жесткого экологического законодательства, которое должно было инициировать инновации в промышленности и модернизацию инфраструктуры [9]. Однако данные меры способствовали нивелированию проблем лишь частично. Например, как уже отмечалось, экологические требования, в частности, привели к переносу производств в развивающиеся страны, что усилило сокращение рабочих мест и рост социальной напряженности.

Далее в решение социально-экономических проблем регионов были активно вовлечены университетские центры, которые по заданию властей создавали производственно-технологические кластеры в коллаборации с мест-

ным бизнесом. Наряду с этим с 1990-х гг. вплоть до 2010 г. при содействии властей были разработаны программы стратегического развития территорий, включающие инновации в образовании, создание туристической инфраструктуры и проведение мероприятий в сфере политической и культурной жизни, способствующих оживлению региональной экономики. Современный период характеризуется усилением роли научно-образовательных центров на базе университетов в регионах и упрочнение их связей с бизнесом, активно использующим научные разработки и инновации в промышленности. В частности, созданы, на основании соответствующего законодательства, промышленные университеты, получающие на разработки не менее 5 млн долл. ежегодно для развития обрабатывающей промышленности на инновационной основе [9].

Объекты промышленной инфраструктуры, не подлежащие модернизации в рамках основного назначения, эксплуатируют в рамках зон развлечения или офисных пространств при условии адаптации к подобному варианту использования. Несмотря на предпринимаемые меры, не все территории смогли решить стоящие перед ними проблемы, например, в Детройте ощутимых положительных сдвигов не произошло. Тем не менее экспертное сообщество отмечает, что предпринятые в США действия со стороны федеральных и муниципальных властей дали ощутимый результат в росте конкурентоспособности производства и его переориентации на обрабатывающий сегмент (объем обрабатывающей промышленности уже к 2016 г. вырос вдвое); укрепилась реальная связь научно-образовательных учреждений и бизнеса [9]. Однако при реновации промышленности продолжилось сокращение рабочих мест из-за внедрения новых технологий, что привело к оттоку населения в сервисные сферы, например общепит, или смене места жительства в поисках работы. Социальная поддержка со стороны государства и бизнеса не оказывалась в должной мере, что способствовало гипертрофированию социальных проблем. Так, в Питтсбурге, несмотря на общее оживление ситуации, за чертой бедности находится порядка 23 % населения [9].

Укажем, что отмеченные решения, предпринятые в США, представляют определенный интерес в плане укрепления взаимодействия высшей школы и бизнеса в регионах и нетрадиционного использования части промышленной инфраструктуры, но, на наш взгляд, не в полной мере подходят для внедрения в российские условия из-за низкого уровня проработки социальных вопросов, поскольку в России в рамках регионального развития в качестве целевой установки прослеживаются в равной степени экономическая и социальная составляющие.

Исследуя европейский опыт нахождения нового пути для старопромышленных регионов, отметим, что в нем преобладали следующие принципы, такие как: выбор индивидуального решения, ориентированного на особенности конкретной теории, изначальное объединение потенциала властей и бизнеса на этапе разработки стратегических решений развития, осуществление целевой поддержки инициатив на местах как элементов единой промышленной политики [8]. Так, в Германии, Франции, Великобритании был сделан акцент на развитии обрабатывающей промышленности, развитии сферы культуры и креативной индустрии (музыкальные клубы, звукозаписывающие студии, центры отдыха и развлечений, современные интерактивные музеи). В данном направлении создавался новый имидж культурного, образовательного и спортивного центра. При таком подходе учитывался вопрос социальной адаптации местного населения, для которого создавались рабочие места в рамках новых обозначенных направлений. В целом, вектор развития проходил по траектории сращивания интересов высшей школы и бизнеса на местах, обновления промышленности,

развития инновационной инфраструктуры (технологических парков), создания маркетинговых программ по управлению новым имиджем и прироста туристической составляющей за счет популяризации культурной сферы [8, 12, 14]. В качестве промежуточного вывода отметим, что подобный путь выглядит в большей степени соответствующим тому, который может применяться в условиях нацеленности на социально-экономическое преобразование старопромышленных регионов в России.

Помимо инновационных решений в преобразовании промышленности на основании укрепления взаимодействия бизнеса и высшей школе при патронаже государства, для развития старопромышленных регионов России интересным представляется европейский опыт наращивания потенциала территории в рамках сохранения индустриального наследия, а именно развития промышленно-исторического туризма (музеев на базе бывших производственных комплексов), наряду с промышленным туризмом, предполагающим активное посещение действующих предприятий [4]. В этом смысле на европейском примере можно продемонстрировать успешные варианты реновации промышленных объектов в качестве культурно-исторических центров. Так, в пригороде г. Эссена в Германии функционирует индустриальный музей, предлагающий экскурсии, осуществляющий кинопоказы, выставки, ярмарки, исторические реконструкции на базе бывшей шахты «Цольферайн», что трансформировало старопромышленный угольный регион в культурный центр, обеспечив ему новый виток экономического развития [16].

Существующие в исторической ретроспективе варианты трансформации развития старопромышленных регионов в Европе в части развития креативных отраслей и индустриального наследия приведены на рисунке 1.

Рисунок 1 — **Примеры вариантов трансформации развития старопромышленных регионов в Европе в части развития креативных отраслей и индустриального наследия***

** Составлен по данным [4].*

Для российских старопромышленных регионов приведенные примеры являются интересными. В отечественных условиях также есть примеры реновации объектов промышленной инфраструктуры, которые в настоящее время функционируют в качестве музейных объектов на Урале, в Нижегородской области, в Кемеровской области [5]. Тем не менее данные объекты промышленного наследия не пользуются такой популярностью в плане притяжения культурной жизни и туристов, как европейские аналоги. Считаем, это во многом связано с недостаточным уровнем сформированности нового привлекательного имиджа, стимулирующего в том числе инвесторов. Привлечение туристов в рамках промышленно-исторического туризма предполагает наличие развитой инфраструктуры размещения и общественного питания, что предполагает соответствующие вложения.

Полагаем, что для российских старопромышленных регионов, при следовании по европейскому сценарию развития, необходимо совмещение варианта инновационного переустройства имеющейся промышленной инфраструктуры, что требует реальное сращивание деятельности университетов и производств под патронажем власти и формирование на их основе с привлечением создаваемых в регионах научно-образовательных центров промышленно-технологических кластеров, что будет способствовать росту конкурентоспособности производства и оздоровлению экономической ситуации. Это же обстоятельство будет способствовать интересу не только к объектам индустриального наследия в части промышленно-исторического туризма, но и собственно промышленного туризма в виде посещения передовых инновационно ориентированных производств. При подобном комбинаторном подходе будет легче привлекать инвесторов к вопросам создания, помимо промышленной, инфраструктуры размещения и общественного питания, что в свою очередь даст возможность одновременного развития по сценарию региона, задействованного в инновационном производстве и создающего креативные индустрии, как культурного и туристического центра. Это позволит сохранить и в идеале нарастить привлекательные рабочие места, что будет способствовать санации ситуации в социальной сфере.

Выводы

Сложившийся в США опыт по развитию старопромышленных регионов может быть адаптирован к российским условиям в части активного создания промышленных университетов для формирования инновационных решений модернизации производства. Вместе с тем минимальное участие государства в решении региональных проблем и слабый учет социальных последствий преобразований неприемлемы в рамках национальных приоритетов социально-экономической региональной политики в России. В этой части в большей степени соответствующим отечественным установкам представляется европейский вариант реновации старопромышленных регионов, который также предполагает усиление взаимодействия высшей школы и бизнеса в части инновационного переустройства промышленности, наряду с активизацией потенциала культурной и туристической составляющей (историко-промышленного и промышленного туризма). В российских условиях данный путь предполагает, с учетом национальных особенностей управления, больший патронаж со стороны властей региональных инициатив, а также усиление формирования и продвижения обновленного имиджа регионов.

Библиографический список

1. *Анимица, Е. Г., Иваницкий, В. П., Пешина, Э. В.* В поисках новой парадигмы регионального развития. — Екатеринбург, 2005.

2. *Глонти, К. М.* Старопромышленные регионы: проблемы и перспективы развития // Регионология. — 2008. — № 4. — С. 27–36.

3. *Гранберг, А., Артоболевский, С., Ковалёва, Г., Россель, Э.* Реструктуризация старопромышленных регионов: опыт России и мира // Региональное развитие и сотрудничество. — 1998. — № 1–2.

4. *Зайцева, А. И., Брель, О. А., Кайзер, Ф. Ю.* Анализ опыта сохранения и редевелопмента объектов индустриального наследия // Общество. Среда. Развитие. — 2018. — № 4. — С. 77–82.

5. *Зайцева, А. И.* Концепция формирования кластерной политики и создания туристско-рекреационного кластера в Кемеровской области // Туризм: экономика и право. — 2015. — № 2. — С. 20–24.

6. *Запарий, В. В.* К вопросу об индустриальном наследии и его сохранении // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. — 2012. — № 3 (104). — С. 185–195.

7. *Литовченко, С. В.* Анализ современных подходов к определению сущности старопромышленных регионов // Економічний простір. — 2014. — № 92. — С. 138–150.

8. *Мальцев, А. А., Мордвинова, А. Э.* Реструктуризация старопромышленных регионов Европы: опыт и проблемы // Управленец. — 2016. — № 3 (61). — С. 8–13.

9. *Мальцев, А. А., Мордвинова, А. Э.* Американская модель ревитализации старопромышленных регионов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. — 2018. — № 1. — Т. 26. — С. 76–88.

10. *Нагорный, С.* Новое доменное имя — как металлургический Питтсбург избавился от своего индустриального прошлого [Электронный ресурс] // Delo.ua. — Режим доступа : https:// delo.ua.

11. *Сахарова, Л. А.* Региональная экономика (Приморский край). — Владивосток, 2003.

12. *Соболев, А. О.* Зарубежный опыт инновационного развития старопромышленных регионов и возможности его использования в России // Вопросы управления. — 2015. — № 1 (32). — С. 73–80.

13. *Тютюнник, Ю. Г.* Объекты индустриальной культуры и ландшафт. — Киев, 2007.

14. *Birch, K., Mackinnon, D., Cumbers, A.* Old industrial regions in Europe: comparative assessment of economic performance // Regional Studies. — 2010. — № 44 (01). — P. 35–53.

15. *Carney, J., Hudson, R., Lewis, J.* Regions in crisis. — L. : Croom Helm, 1980.

16. *Ćopić, S., Đorđević, A., Lukić, T. [and oth.]*. Transformation of industrial heritage — example of tourism industry development in Ruhr Area (Germany) // Geographica Pannonica. — 2014. — Vol. 18. — Issue 2. — P. 43–50.

17. *Falser, M.* Industrial heritage analysis. Global strategy studies. — UNESCO World Heritage center, 2001.

18. *Hu, X. H., Hassink, R.* Explaining differences in adaptability of old industrial areas // Routledge Handbook of Politics &Technology. — New York, 2015. — P. 162–172.

19. *Israilevich, Ph. R., Mahidhara, R.* Chicago's economy: twenty years of structural change // Economic perspectives. — 1990. — № 2. — P. 15–23.

20. *Kitay, P.* Industrial heritage conservation as resistance: environmental history and post-industrial landscapes // Capstone seminar series. — 2014. — № 1. — Vol. 4.

21. *Koutsky, J., Slach, O., Boruta, T.* Restructuring economies of old industrial regions — local tradition, global trends. — Ostrava, 2011.

22. *Marot, N., Harfst, J.* Post-mining potentials and redevelopment of

former mining regions in Central Europe — case studies from Germany and Slovenia // Acta geographica Slovenica. — 2012. — № 1. — Vol. 52. — P. 99–119.

23. *Otgaar, A.* Industrial tourism. Where the public meets private. — Rotterdam, 2010.

24. *Steiner, M.* Institutional changes in old industrial areas — lessons for industrial policy in transformation process. — Prague, 1999.

25. *Todtling, F., Trippl, M.* One size fits all? Towards a differentiated policy approach with respect to regional innovation systems. — Vienna, 2004.

Bibliographic list

1. *Animitsa, E. G., Ivanitsky, V. P., Peshina, E. V.* In search of new paradigm of regional development. — Yekaterinburg, 2005.

2. *Glont, K. M.* Old industrial regions: problems and prospects of development // Regionology. — 2008. — № 4. — P. 27–36.

3. *Granberg, A., Artobolevsky, S., Kovaliova, G., Rossel, E.* Restructuring of old industrial regions: experience of Russia and world // Regional development and cooperation. — 1998. — № 1–2.

4. *Zaitseva, A. I., Brel, O. A., Kaiser, F. Yu.* Analysis of experience of conservation and redevelopment of industrial heritage objects // Society. Wednesday. Development. — 2018. — № 4. — P. 77–82.

5. *Zaitseva, A. I.* Concept of forming a cluster policy and creating a tourist and recreational cluster in Kemerovo region // Tourism: Economics and law. — 2015. — № 2. — P. 20–24.

6. *Zaparyi, V. V.* To the question about industrial heritage and its preservation // Proceedings of Ural Federal University. Ser. 1. Problems of education, science and culture. — 2012. — № 3 (104). — P. 185–195.

7. *Litovchenko, S. V.* Analysis of modern approaches to definition of essence of old-industrial regions // Economic space. — 2014. — № 92. — P. 138–150.

8. *Maltsev, A. A., Mordvinova, A. E.* Restructuring of old industrial regions of Europe: experience and problems. — 2016. — № 3 (61). — P. 8–13.

9. *Maltsev, A. A., Mordvinova, A. E.* American model of revitalization of old industrial regions // Bulletin of Russian University of peoples' friendship. Series: Economics. — 2018. — № 1. — Vol. 26. — P. 76–88.

10. *Nagorny, S.* New domain name — how metallurgical Pittsburgh got rid of its industrial past [Electronic resource] // Delo.ua. 2016. — Mode of access : https:// delo.ua.

11. *Sakharova, L. A.* Regional economy (Primorskiy Krai). — Vladivostok, 2003.

12. *Sobolev, A. O.* Foreign experience of innovative development of old industrial regions and possibility of its use in Russia // Questions of management. — 2015. — № 1 (32). — P. 73–80.

13. *Tyutyunnik, Yu. G.* Objects of industrial culture and landscape. — Kiev, 2007.

14. *Birch, K., Mackinnon, D., Cumbers, A.* Old industrial regions in Europe: comparative assessment of economic performance // Regional Studies. — 2010. — № 44 (01). — P. 35–53.

15. *Carney, J., Hudson, R., Lewis, J.* Regions in crisis. — L. : Croom Helm, 1980.

16. *Ćopić, S., Đorđević, A., Lukić, T. [and oth.]*. Transformation of industrial heritage — example of tourism industry development in Ruhr Area (Germany) // Geographica Pannonica. — 2014. — Vol. 18. — Issue 2. — P. 43–50.

17. *Falser, M.* Industrial heritage analysis. Global strategy studies. — UNESCO World Heritage center, 2001.

18. *Hu, X. H., Hassink, R.* Explaining differences in adaptability of old industrial areas // Routledge Handbook of Politics & Technology. — New York, 2015. — P. 162–172.

19. *Israilevich, Ph. R., Mahidhara, R.* Chicago's economy: twenty years of structural change // Economic perspectives. — 1990. — № 2. — P. 15–23.

20. *Kitay, P.* Industrial heritage conservation as resistance: environmental history and post-industrial landscapes // Capstone seminar series. — 2014. — № 1. — Vol. 4.

21. *Koutsky, J., Slach, O., Boruta, T.* Restructuring economies of old industrial regions — local tradition, global trends. — Ostrava, 2011.

22. *Marot, N., Harfst, J.* Post-mining potentials and redevelopment of former mining regions in Central Europe — case studies from Germany and Slovenia // Acta geographica Slovenica. — 2012. — № 1. — Vol. 52. — P. 99–119.

23. *Otgaar, A.* Industrial tourism. Where the public meets private. — Rotterdam, 2010.

24. *Steiner, M.* Institutional changes in old industrial areas — lessons for industrial policy in transformation process. — Prague, 1999.

25. *Todtling, F., Trippl, M.* One size fits all? Towards a differentiated policy approach with respect to regional innovation systems. — Vienna, 2004.

А. Н. Будяков, Т. С. Тасуева

ОСОБЕННОСТИ ЗАКУПОК СРЕДСТВ ПРОИЗВОДСТВА В НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ РОССИИ[1]

Аннотация

В статье исследованы вопросы организации и планирования закупок средств производства, включая особенности производственного потенциала нефтегазовой отрасли России. Установлены особые характеристики закупочной практики оборудования в нефтегазовой отрасли. Выделены перспективы закупки инновационного оборудования и порядок учета его совокупной потребительной стоимости. Обосновано, что покупная цена оборудования, машин, технологических конструкций, цифровых приборов должна быть согласована с ценой общих расходов его эксплуатации и стоимостью предпродажного и послепродажного обслуживания. Рассмотрены перспективы обновления основных фондов, обусловленные решением задач цифровой трансформации бизнес-процессов в отрасли, выполнением ресурсосберегающих и экологических задач. Сделан вывод, что в основу системы закупок основных фондов в нефтегазовой отрасли должен быть положен инновационный вектор развития отрасли.

Ключевые слова

Закупка машин и оборудования, закупочная логистика, основные фонды, совокупная потребительная стоимость, формы организации закупок основных средств.

A. N. Budyakov, T. S. Tasueva

FEATURES OF PURCHASES OF PRODUCTION FACILITIES IN RUSSIAN OIL AND GAS INDUSTRY

Annotation

Article explores the issues of organizing and planning the procurement of production facilities, including the specifics of production potential of Russian oil and gas industry. Special characteristics of procurement practices of equipment in oil and gas industry have been

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00141/20».

established. Prospects for purchase of innovative equipment and order of accounting for its total consumer value have been highlighted. It is justified that the purchase price of equipment, machinery, technological structures, digital devices should be agreed with price of total cost of its operation and cost of pre-sale and after-sales service. Prospects for renewal of fixed assets, due to the task of digital transformation of business processes in industry, fulfillment of resource-saving and environmental tasks are considered. It is concluded that the system of purchases of fixed assets in oil and gas industry should be based on innovative vector of industry's development.

Keywords

Purchase of machinery and equipment, procurement logistics, fixed funds, total consumer value, forms of procurement of fixed assets.

Введение

Нефтегазовая отрасль России играет стратегическую роль в социально-экономическом развитии страны, обеспечивает стабильность и базис экономики. Нефтегазовый производственно-технологический комплекс России объединяет производственные фонды, включающие установки по добыче нефти и газа, буровые станции, сеть трубопроводов, а также структуры, осуществляющие различные виды деятельности: проектные, диагностические, строительно-монтажные, пусконаладочные, ремонтные, обслуживающие и др. Для эффективной работы этого системообразующего комплекса страны важную роль играет инновационность его производственного потенциала. Решение этой задачи связано с экономически целесообразной организацией закупок средств производства.

Нефть и газ — энергоносители, позволяющие интенсифицировать производственно-технологические процессы в отраслях хозяйства, повысить качество продукции и рост производительности труда, обеспечить экономию материальных ресурсов. Нефть и газ используются в различных регионах России и за рубежом. «Коммерческий энергетический баланс России во многом зависит от добычи нефти и природного газа. По запасам нефти Россия уступает только 5 государствам и около трети всех мировых запасов природного газа находятся в России. Значительная часть природных ресурсов сосредоточена в восточной части страны (84 %). Это обстоятельство актуализирует проблемы формирования и развития современной транспортно-логистической инфраструктуры. Транспортировку нефти осуществляет сеть нефтепроводов, а газоснабжение объединяет система компрессорных установок, газопроводов, хранилищ газа и его месторождения» [5].

Для стимулирования экономического развития страны важен рост производства валового внутреннего продукта. На величину ВРП большое влияние оказывает динамика потребления нефти и газа; между этими двумя показателями существует тесная корреляционная связь. Так, согласно статистическим данным, в регионах с высоким спросом на нефть и газ, наблюдается активизация и рост экономики.

Можно говорить об общественной функции нефтегазовой отрасли, которая находит отражение в следующих функциях: обеспечение текущего спроса на нефть и газ; готовность к покрытию перспективного спроса; выполнение сопутствующих услуг по повышению эффективности использования нефти и газа.

Обеспечение текущего спроса реализуется в пределах наличных мощностей по добыче, передаче, распределению нефти и газа. Выполнение задач покрытия текущего спроса сопровождается созданием ряда технических, эко-

номических, социальных, ресурсосберегающих, экологических условий, включая поддержку надёжности качественных параметров на нормативном уровне; ценовую, сбытовую политику, соблюдение требований охраны окружающей среды.

Готовность к покрытию перспективного спроса предполагает развитие нефтегазовой отрасли путем ввода новых мощностей трубопроводов и др. [2].

Методология

В исследовании мы исходим из междисциплинарного подхода к исследованию проблемы закупок основных фондов в нефтегазовой отрасли. Нами использованы методы теории экономического анализа, инструменты логистических исследований, сравнение, синтез и анализ бизнес-процессов в функционале закупок оборудования. В литературе по логистике представлены положения, характеризующие управленческую концепцию «Совокупная стоимость владения», известную в зарубежной практике как «Total Cost of Onnership» (TCO) и ее методологический базис. Использование положений этой концепции в нашем исследовании позволило выработать рекомендации, направленные на повышение эффективности управленческих воздействий при закупке основных средств.

Исследование

Эффективность работы нефтегазового комплекса напрямую зависит от состояния, надежности, экономичности и экологичности основных фондов. Несвоевременное обновление основных фондов создаёт реальную угрозу безопасности не только внутри отрасли, но и в регионах страны, поскольку может привести к возникновению тяжелых аварийных ситуаций.

Важным финансовым инструментом обновления и повышения технологического уровня основных фондов выступает амортизационный фонд. Он является основным источником собственных финансовых (инвестиционных) средств, предназначенных для обновления основных фондов. Это важно, поскольку в условиях ограничения возможности привлечения внешних финансовых ресурсов, роль амортизационного фонда существенно возрастает.

Мировая практика подтверждает роль государственной амортизационной политики как важного рычага управления процессом воспроизводства основного капитала в частном секторе экономики. В основе этой политики — связь размера амортизационных отчислений, включенных в издержки производства, с величиной налогооблагаемой прибыли. Закупка средств производства существенно отличается и по своей форме. Она может происходить в виде прямой сделки купли-продажи; в виде аренды; в виде лизинга.

Совокупная потребительная стоимость основных производственных фондов характеризует производственный потенциал предприятия (отрасли).

В нефтегазовой отрасли срок службы основного оборудования в значительной мере складывается на основе критериев физического износа. В условиях цифровой экономики критерий морального износа основных фондов существенно влияет на срок его службы.

Закупки основных фондов следует осуществлять с учетом не только их первоначальной стоимости, но и с расходами, связанными с простоями из-за ремонта, наладки, обслуживания и другими эксплуатационными проблемами. При этом следует отметить, что не так просто провести распределение амортизационной стоимости актива. Так, расходы на страхование, амортизацию начисляются и в том случае, если оборудование не находится в эксплуатации, не используется в производстве [1]. Вместе с тем цена на закупку основных средств предполагает учет общих издержек, связанных с содержанием, эксплуатацией, сервисным обслуживанием.

Оправдано использование управленческой концепции, ориентированной на совокупную стоимость владения средствами производства, когда закупочная цена рассматривается с учётом издержек, обусловленных стоимостью эксплуатации приобретаемых средств труда. В зарубежной практике эта концепция известна как «Total Cost of Onnership» (TCO). Суть этой концепции состоит в сокращении издержек не только на стадии закупок оборудования, но и на протяжении всего периода его использования. Поэтому при закупке оборудования целесообразно применять проектный подход, объединяющий усилия планового, технологического, маркетингового, инновационного менеджмента предприятия.

Можно заключить, что от своевременного, экономичного и качественного осуществления закупок всецело зависит бесперебойная работа нефтегазового комплекса. Задача закупочного подразделения заключается в удовлетворении потребностей в материальных ресурсах, необходимых для осуществления основной деятельности. Сбои в закупках препятствуют осуществлению основного производственного процесса, напрямую отражается на надёжности работы всего нефтегазового комплекса.

Закупки оборудования играют особую роль. Управление этой ключевой логистической функцией осуществляет специальный отдел (сектор) закупок оборудования. Этот отдел решает следующие основные задачи: организация обеспечения основными фондами предприятия в объемах, обеспечивающих выполнение производственного расписания (плана) в соответствии с выделенным лимитом денежных средств и заключение договоров поставок оборудования с наименьшими затратами; организация бесперебойности закупочного процесса в необходимом количестве и требуемого качества; взаимодействие с поставщиками в формате проектного управления закупками [7].

Работа закупочного подразделения с поставщиками оборудования существенно усложняется из-за особенностей, характерных для рынка средств производства. В данном случае закупки сопровождаются высокой стоимостью самой сделки, существенными финансовыми вложениями, которые могут превышать амортизационный фонд и собственные средства предприятия. Для заключения сделки могут потребоваться заёмные источники финансирования и такие формы закупок как аренда или лизинг основных средств. Значит, менеджменту необходимо провести экономическую оценку альтернативных вариантов закупки основных фондов, проанализировать преимущества и недостатки всех вариантов.

Процедура закупок основных фондов регламентируется опубликованием информации о заключаемой сделке, так как закупка оборудования, специальной техники, технологических конструкций, установок это процесс, стратегически важный в развитии компании и ориентирован на внедрение различных цифровых технологий. В целях соблюдения коммерческой тайны, связанной с процедурой закупок, как ключевого фактора конкурентных преимуществ, решения должны приниматься топ-менеджментом компании.

Кроме того, спрос на основные фонды носит производный характер. Так, покупка оборудования может быть связана с необходимостью решения ресурсосберегающих задач, выполнением природоохранных обязательств. Новые модели развития бизнеса также часто служат основанием для приобретения основных фондов. Современное оборудование характеризуется инновационностью, применением искусственного интеллекта, промышленного интернета, роботизации, Big Data и др.

«Цифровая трансформация нефтегазовой отрасли включает проекты, направленные на повышение производительности труда и эффективности: «Интеллектуальные месторождения», «Смарт-контракты и технологическая эффективность», «Сервисное обслуживание и ремонт трубопроводов», «Роботизация бизнес-процессов» и др. Успешное выполнение этих проектов во многом зависит от своевременности и надежности поставок средств производства.

В настоящее время закупочная логистика нефтегазовых компаний носит централизованный характер, интегрируя заявки территориально разобщённых предприятий. Логистическим менеджментом нефтегазовой отрасли предпринимаются усилия в части роботизации процессов закупки, оптимизирующие затраты в данном функционале [4].

Анализ логистических издержек в функционале закупок показал на наличие в закупочной практике множества нерациональных трансакций и сопровождающих их трансакционных издержек при взаимодействии с поставщиками, оформлении документооборота и организации тендеров. Стратегическая поставка предполагает не только реализацию принципов работы «точно-вовремя» и «точно в определенной последовательности», но и комплексную работу по соблюдению международных стандартов, включая выполнение природоохранных мероприятий.

Например, нефтегазовая компания «Газпром нефть» осуществляет свою деятельность, ориентируясь на «международный стандарт ISO 50001, который регламентирует процессы системного управления энергоэффективностью. В компании сформирована интегрированная система энергоменеджмента в соответствии с требованиями стандарта. Внедрение современных инструментов управления производством дает «Газпром нефти» возможность эффективно использовать лучшие мировые и отечественные практики управления потреблением топливно-энергетических ресурсов. Компания выступает одним из крупнейших налогоплательщеков и работодателей в стране. В «Газпромнефти» разработана и принята к реализации инвестиционная программа «Родные города», согласно которой осуществляется развитие городской среды и социальной инфраструктуры территории. Объем инвестиций на реализацию указанной программы составил 4,1 млрд руб.

Важная роль отводится имиджу компании, и если в компании стоит вопрос о снижении экологических и промышленных рисков, то вопрос минимизации издержек становится второстепенным. В компании разработана и принята программа «Чистая территория», отражающая в полной мере экологическую политику «Газпром нефть». Благодаря реализации указанной программы сформировался комплексный подход к управлению экологическими рисками, что в целом предотвратит аварии в будущем. Инвестиции компании в охрану окружающей среды составили около 6 млрд руб. (2018 г.)» [6].

Результаты научного исследования заключаются в разработке рекомендаций, направленных на совершенствование системы планирования и организации закупок основных фондов на основе выявления особенностей логистики закупок в нефтегазовой отрасли. Оценка перспектив развития российской нефтегазовой отрасли подтвердила вывод о необходимости внедрения эффективных форм закупок основных средств.

Практическая значимость данного исследования определяется целевой направленностью предложений по сокращению потерь от нерациональной логистики закупок: переход от ориентации на цену закупки, к закупкам, ориентирующим на совокупную стоимость владения. Логистический менеджмент закупок средств производства позволяет полноценно контролировать все звенья системы поставок с целью минимизации потерь нефтегазовых ресурсов.

Инструментарные возможности логистического менеджмента расширяются в условиях цифровой экономики. Главные помощники в оперативной и качественной обработке колоссальных массивов информации становятся облачные технологии, искусственный интеллект. Применение этих технологий открывает значительные возможности для снижения капитальных и непрофильных затрат, связанных с преобразованием информационных потоков, увеличивает интенсивность и проходимость логистических каналов; повышает прозрачность и гибкость работы всей системы [3].

Стратегическое развитие нефтегазового комплекса следует рассматривать с позиций применения инновационного потенциала логистики, который позволит повысить конкурентоспособность предприятий отрасли на нефтегазовом рынке. Инновации в нефтегазовом комплексе являются основным инструментом снижения производственных затрат, повышения эффективности производства, осуществлении подготовительных работ (геологоразведка) и заключительных работ (вывод скважин из эксплуатации).

В условиях цифровой трансформации среди основных задач, решаемых отечественным НГК, можно выделить следующие: расширение ресурсной базы нефтяных компаний, открытие и освоение новых месторождений; наращивание объема геологоразведочных работ, от которых в прямой зависимости находится прирост запасов к добыче; углубление переработки и модернизация производственно-технологической базы; переход к цифровым технологиям и автоматизация бизнес-процессов; развитие и расширение транспортно-логистической инфраструктуры; внедрение энерго- и ресурсосберегающих технологий; реализация программ опытно-промышленных работ. Комплексному решению этих задач способствует логистическая интеграция и внедрение в нефтегазовую отрасль концепции управления цепями поставок.

Выводы

Цифровая трансформация закупочной практики в нефтегазовой отрасли России сопровождается переходом от стандартного логистического менеджмента к инновационным методам решения управленческих проблем. Усложнение системы управления закупками средств производства, повышает пластичность и расширяет возможности комбинаций сотрудничества партнёров. Требуется разработка алгоритмов взаимодействия всех участников системы поставок, применение совокупности мер, направленных на администрирование закупочных функций в режиме онлайн.

Библиографический список

1. *Афанасенко, И. Д., Борисова, В. В.* Логистика снабжения : учебник для вузов. — 3-е изд. — СПб., 2018.

2. Решения для облачных инфраструктур (мировой рынок) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : www.tadviser.ru/index.php.

3. *Борисова, В. В., Конг, Ч. Д.* Глобальные цепочки поставок: применение в нефтегазовой промышленности Вьетнама // Аудит и финансовый анализ. — 2018. — № 3. — С. 200–204.

4. *Будяков, А. Н., Тасуева, Т. С.* Применение роботизированных решений в процессах закупки материально-технических ресурсов // РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. — № 2. — С. 24–30.

5. *Борисова, В. В., Тасуева, Т. С., Будяков, А. Н.* Конфигурация логистических систем поставок в нефтегазовой отрасли России // Social and cultural transformations in context of modern globalism : international scient. conf., 2019.

6. Сайт ПАО «Газпром нефть» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.gazprom-neft.ru.

7. *Тасуева, Т. С.* Инновационно-сервисная потенциал складской логистики региона. — Грозный, 2013.

Bibliographic list

1. *Afanasenko, I. D., Borisova, V. V.* Logistics supply : textbook. — SPb., 2018.

2. Cloud infrastructure solutions (Global market) [Electronic resource]. — Mode of access : www.tadviser.ru.

3. *Borisova, V. V., Kong, C. D.* Global supply chains: application in oil and gas industry of Vietnam // Audit and financial analysis. — 2018. — № 3. — P. 200–204.

4. *Budyakov, A. N., Tasueva, T. S.* Use of robotic solutions in procurement of material and technical resources // RISK: Resources, Information, Procurement, Competition. — 2019. — № 2. — P. 24–30.

5. *Borisova, V. V., Tasueva, T. S., Budyakov, A. N.* Configuration of logistics supply chains in oil and gas industry in Russia // Social and cultural transformations in context of modern globalism : International scient. conf., 2019.

6. Website of Gazprom Neft PJSC [Electronic resource]. — Mode of access : https://www.gazprom-neft.ru.

7. *Tasueva T. S.* Innovative and service potential of warehouse logistics in region. — Grozny, 2013.

О. Е. Денисов

РЫНОК МОЛОКА И МОЛОЧНЫХ ПРОДУКТОВ: ИЗМЕНЕНИЯ, ТЕНДЕНЦИИ, АКТУАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ПОСТРОЕНИЯ БРЕНДА

Аннотация

В статье исследуются изменения на рынке молока и молочной продукции после введения в России контрсанкций. Отмечено снижение продаж в традиционном молочном сегменте и небольшой рост за счет йогуртов, десертов, биопродуктов и молочных продуктов на растительной основе. Сделан вывод об увеличении конкуренции между игроками на представленном рынке. Это вызывает интерес к модели конструирования бренда. В статье обоснована целесообразность использования зонтичной стратегии и стратегии выведения суббрендов на рынок молока и молочной продукции.

Ключевые слова

Рынок, молоко и молочные продукты, потребление, тенденции, модели построения бренда.

O. E. Denisov

MILK AND DAIRY PRODUCTS MARKET: CHANGES, TRENDS, CURRENT BRAND BUILDING MODELS

Annotation

Article examines changes in market of milk and dairy products after the introduction of counter-sanctions in Russia. There was a decrease in sales in traditional dairy segment and slight increase due to yoghurts, desserts, bio-products and plant-based dairy products. Conclusion is made about increasing competition between players in the presented market. It is of interest to the model design of the brand. Article justifies the expediency of using an umbrella strategy, and strategy of introducing sub-brands in market of milk and dairy products.

Keywords

Market, milk and dairy products, consumption, trends, brand building models.

Введение

Рынок молока и молочной продукции претерпел изменения после введения в 2014 г. контрсанкций. Изменения на нем и перестройка товарного предложения продолжаются. Эти реалии сопряжены с потребительскими приоритетами и выбором, преимущественно, не классических молочных продуктов, а так называемых инновационных, за счет которых, согласно экспертным данным, наблюдается рост на фоне общего снижения рыночной динамики. Интерес к данному рынку в аналитическом плане проявляется, поскольку он является самым значительным среди упакованных продуктов питания, составляя порядка 12,6 % и около 22 % всего сегмента продовольствия на отечественном рынке [4]. Происходящие на этом рынке изменения актуализируют интерес к осуществляемым компаниями маркетинговым усилиям и реализуемым активностям в управлении брендом.

Материалы и методы

В рамках исследования отмеченной проблематики считаем целесообразным отметить, что в статье анализируются изменения на рынке молока и молочной продукции в период, последующий введению контрсанкций. Рассмотрению подлежат мнения экспертов аналитических агентств согласно проявившимся на данном рынке тенденциям. Учитывая усилившуюся конкуренцию, рассматриваются с опорой на мнение специалистов востребованные варианты построения модели бренда для компании, выводящей на рынок молочные продукты.

Обсуждение

В недавнем прошлом сложности полноценного обеспечения жителей России качественным молоком и молочными продуктами ряд отечественных и зарубежных специалистов относили к ситуации с нехваткой соответствующего сырья [5, 12, 13, 14]. Также до 2014 г. нехватка сырья обеспечивалась за счет импорта [2, 11], далее в рамках политики обеспечения импортозамещения и действующей «Доктрине продовольственной безопасности» отечественные производители ориентированы на предоставление сырья для молочного производства [6].

В настоящее время можно проследить положительную динамику по производству молока в России, начиная с 2014 г. (рис. 1).

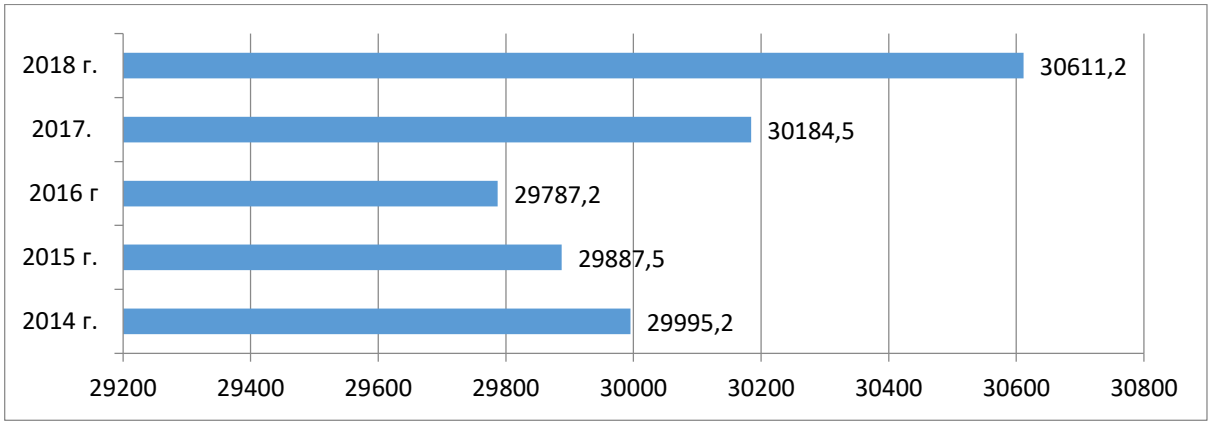


Рисунок 1 — **Динамика производства молока в России в 2014–2018 гг., тыс. т** [7]

Представленные данные свидетельствуют о приросте производства молока в России в период с 2014 по 2018 г. Показатели производства молока в регионах России в 2018 г. приведены на рисунке 2.

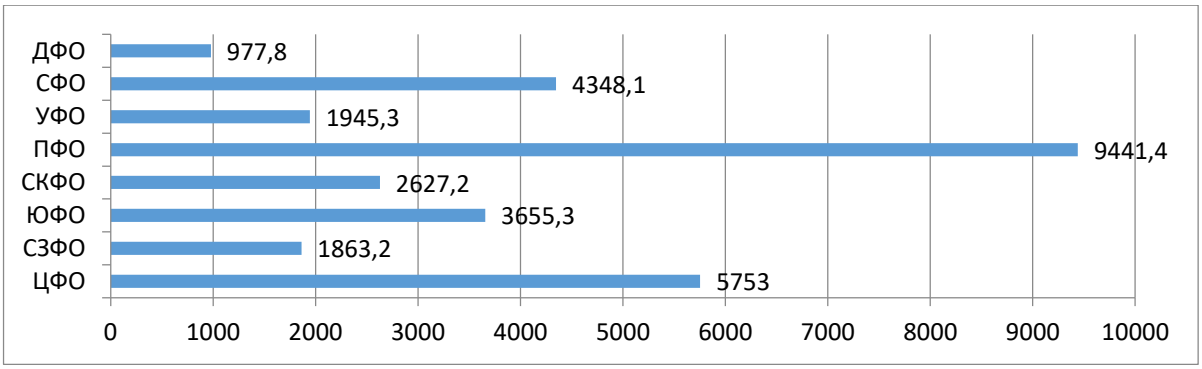


Рисунок 2 — **Производство молока в федеральных округах России в 2018 г., тыс. т** [7]

Сведения о потреблении молока на душу населения в год в разрезе федеральных округов России приведены на рисунке 3.

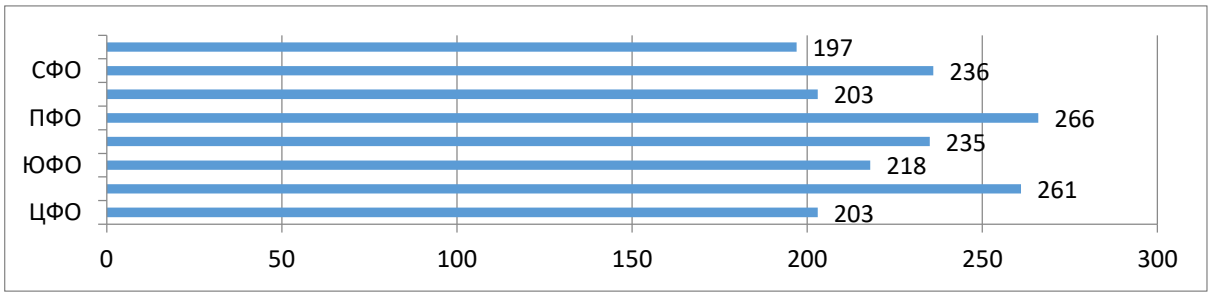


Рисунок 3 — **Потребление молока на душу населения в 2018 г. по федеральным округам России, кг** [7]

Укажем также, что уровень инфляции в 2018 г., согласно данным официальной статистики, составлял порядка 4,3 % [8]. Согласно данным Росстата, уровень инфляции в 2019 г. составил 3 % [9].

Для понимания складывающихся на рынке тенденций приведем данные о динамике потребительских расходов домашних хозяйств в России в среднем на члена семьи на приобретение продуктов питания (рис. 4).

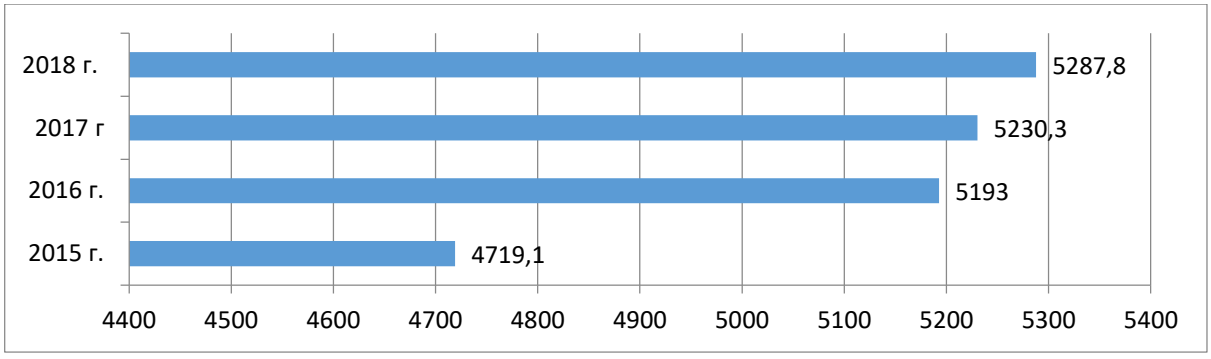


Рисунок 4 — **Динамика потребительских расходов домашних хозяйств в России в среднем на члена семьи на приобретение продуктов питания в 2015–2018 гг., руб. в месяц** [10]

Поскольку в сопоставлении с официальным уровнем инфляции очевидно, что потребление домохозяйств практически не увеличилось, то можно предположить, что конкуренция между представленными молочными продуктами на внутреннем рынке выросла.

Результат

Сам рынок, согласно аналитическим данным компании Nielsen, в 2019 г. снизился на 0,4 % [4]. Однако отмечается рост в 2019 г. производства и продаж йогуртов, молочных десертов (рис. 5).

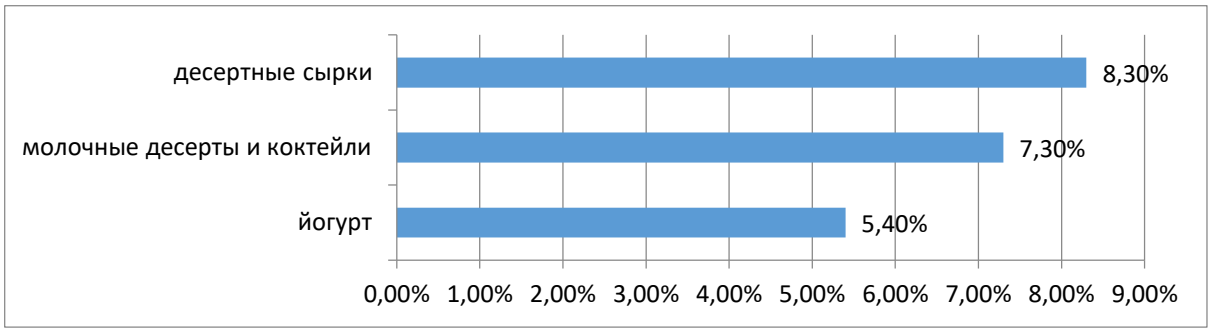


Рисунок 5 — **Рост производства йогуртов, молочных десертов, коктейлей и десертных сырков в 2019 г., %** [4]

Лидерами в производстве и продажах в указанном товарном сегменте выступают зарубежные компании, которые приобрели российские активы и теперь успешно продвигают свою продукцию на рынок. Это, например, «Данон» и «Пепсико».

В отношении потребительского спроса можно отметить, что ведущей характеристикой является ориентация массового потребителя на скидки и приобретение продуктов питания по промоакциям в торговой сети на регулярной основе. Эксперты компании Nielsen отмечают, что «уровень промопродаж в отдельных сегментах FMCG уже достиг 70–80 %» [4]. Ряд потребителей склоняется к покупке молочной продукции магазинов, предлагающих постоянные скидки на бренды известных производителей.

Также среди тенденций в плане выведения на рынок брендовой продукции можно отметить стремление предлагать, в рамках реакции на потребительский спрос, экологически чистые продукты, продукты, содержание маркировку «эко», «био». Так, согласно исследовательским данным компании GfK, более чем половина россиян обращают внимание на состав и желают приобретать максимально натуральные молочные продукты [4]. Кроме этого растет сегмент «безмолочного» молока на растительной основе, выводятся на рынок десерты и сырки без содержания сахара, на основе сои. Все это вызывает интерес к решениям по брендированию такой продукции.

Многие компании сегодня на развиваемом ими рынке выбирают подходящую, с учетом их товарной номенклатуры и выбранных целевых сегментов, архитектуру, то есть построение брендов с их выстраиванием сообразно сложившейся рыночной ситуации.

Наиболее широко встречающимся подходом можно считать такой, согласно классификации Д. Аакера, который обосновал применение монобренда, зонтичного бренда, суббренда и комбинированного бренда [1].

При выборе компанией монобрендового варианта следует понимать, что он будет сопряжен с обоснованием и применением единой стратегии коммуникационного продвижения продукта и, как правило, ориентирован на один це-

левой сегмент. Данная практика в настоящее время не распространена, поскольку фирмы ориентированы на расширение границ целевых аудиторий в продажах продуктов питания в целом и молочной продукции в частности. Дифференциация достигается с помощью предложения специализированных продуктов, обладающих определенными качествами. Это делает более востребованной такую тактику, как построение зонтичного бренда, что позволяет выстроить вокруг торговой марки (ведущего бренда) структуру продвижения других продуктов. Такой подход представляется в большей степени обоснованным применительно к молочному рынку.

Отметим также, что вариант выведения на рынок суббренда тоже может быть оправданным на рынке молока и молочной продукции, если речь идет о необходимости наделения данного нового продукта рядом характеристик, которые не должны присутствовать у основного, родительского бренда. Например, речь может идти о выведении на рынок «немолочной» новинки, предлагаемой в отделе здорового питания, тогда как остальная, основная продукция данного производителя предлагается потребителям в пределах традиционной «молочной полки».

При выборе варианта продвижения комбинированного бренда одновременно делается акцент на идентификации для потребителей самого товара и поддержке данного бренда компанией. Подобный вариант тоже может быть оправдан при работе на рынке молока и молочной продукции. Вместе с тем наиболее оправданными в текущей ситуации на данном рынке являются зонтичная стратегия и стратегия выведения суббрендов.

Выводы

Рынок молока и молочной продукции претерпел определенные изменения после введения в России контрсанкций. Потребительские предпочтения, равно как и платежеспособный спрос, также изменяются. При снижении продаж в традиционном молочном сегменте рынок растет за счет йогуртов, десертов, биопродуктов и молочных продуктов на растительной основе [3, 4]. Конкуренция между игроками на представленном рынке усиливается, что вызывает интерес к выбору модели построения бренда. В настоящее время на рынке молока и молочной продукции наиболее оправданными представляются зонтичная стратегия и стратегия выведения суббрендов.

Библиографический список

1. *Аакер, Д.* Создание сильных брендов. — М. : Бренд-менеджмент, 2003.

2. *Ахметов, Р. Г., Стратонович, Ю. Р., Файзрахманов, Д. И.* Современное состояние и возможности устойчивого обеспечения населения России молоком и молочными продуктами // Вестник Казанского государственного аграрного университета. — 2012. — № 7 (1). — С. 5–9.

3. *Бондаренко, В. А., Миргородская, О. Н.* Маркетинговые исследования товарной категории молочных продуктов [Электронный ресурс] // Концепт. — 2015. — № S24. — Режим доступа : https://cyberleninka.ru.

4. Инновации в молоке [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://plus.rbc.ru.

5. *Крапчина, Л. Н., Котова, Л. Г.* Инновации в производстве молочной продукции — основа конкурентоспособности отечественных предприятий // Продовольственная политика и безопасность. — 2015. — № 2 (2). — С. 59–76.

6. *Прокопьев, М. Г.* Продовольственная безопасность: анализ проекта Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации (часть II) [Электронный ресурс] // РППЭ. —

2018. — № 10 (96). — Режим доступа : https://cyberleninka.ru.

7. Регионы России. Социально-экономические показатели : стат. сб. / Росстат. — М., 2019.

8. Росстат назвал уровень инфляции в 2018 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://rg.ru.

9. Росстат объявил итоговую инфляцию за 2019 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://finance.rambler.ru.

10. Россия в цифрах : крат. стат. сб. / Росстат. — М., 2019.

11. *Смирнов, Е. Р.* Мировой молочный рынок, 2010–2011 гг. // Молочная промышленность. — 2012. — № 2. — С. 5–9.

12. *Bélanger, V., Vanasse, A., Parent, D.* Development of agri-environmental indicators to assess dairy farm sustainability in Quebec, Eastern Canada // Ecological Indicators. — 2012. — № 23. — P. 421–430.

13. *Berlay, V.* Current state and prospects of development of dairy farming in Russia // Russian Agricultural Economic Review. — 2014. — № 1 (1).

14. *Chand, P., Sirohi, S., Sirohi, S.* Development and application of integrated sustainability index for small-holder dairy farms in Rajasthan, India // Ecological Indicators. — 2015. — № 56. — P. 23–30.

Bibliographic list

1. *Aaker, D.* Building strong brands. — M. : Brand management, 2003.

2. *Akhmetov, R. G., Stratonovich, Y. R., Faizrakhmanov, D. I.* Current state and possibilities of sustainable provision of Russian population with milk and dairy products // Bulletin of Kazan State Agrarian University. — 2012. — № 7 (1). — P. 5–9.

3. *Bondarenko, V. A., Mirgorodskaya, O. N.* Marketing research of commodity category of dairy products [Electronic resource] // Concept. — 2015. — № S24. — Mode of access : https://cyberleninka.ru.

4. Innovations in milk [Electronic resource]. — Mode of access : https://plus.rbc.ru.

5. *Krapchina, L. N., Kotova, L. G.* Innovations in production of dairy products — basis for competitiveness of domestic enterprises // Food policy and security. — 2015. — № 2 (2). — P. 59–76.

6. *Prokopiev, M. G.* Food security: analysis of draft food security [Electronic resource] // Doctrine of Russian Federation (part II). — 2018. — № 10 (96). — Mode of access : https://cyberleninka.ru.

7. Region of Russia. Socio-economic indicators : stat. comp. / Rosstat. — M., 2019.

8. Rosstat named the inflation rate in 2018 [Electronic resource]. — Mode of access : https://rg.ru.

9. Rosstat announced the final inflation for 2019 [Electronic resource]. — Mode of access : https://finance.rambler.ru.

10. Russia in numbers. 2019 : stat. comp. / Rosstat. — M., 2019.

11. *Smirnov, E. R.* World dairy market, 2010–2011 // Dairy industry. — 2012. — № 2. — P. 5–9.

12. *Bélanger, V., Vanasse, A., Parent, D.* Development of agri-environmental indicators to assess dairy farm sustainability in Quebec, Eastern Canada // Ecological Indicators. — 2012. — № 23. — P. 421–430.

13. *Berlay, V.* Current state and prospects of development of dairy farming in Russia // Russian Agricultural Economic Review. — 2014. — № 1 (1).

14. *Chand, P., Sirohi, S., Sirohi, S.* Development and application of integrated sustainability index for small-holder dairy farms in Rajasthan, India // Ecological Indicators. — 2015. — № 56. — P. 23–30.

Н. А. Димитриади, С. Г. Тяглов, А. С. Мелкумян

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация

Динамичное развитие технологической, экономической и социальной среды обусловливает необходимость адаптивного реагирования системы непрерывного образования, нацеленной на подготовку специалистов для работы в условиях трансформирующейся экономики. В статье изложена разработанная авторами концепция разработки стратегии развития системы непрерывного образования. Концепция основана на анализе ключевых факторов достижения успеха компаниями в трансформирующихся отраслях и формировании в рамках функционирования системы непрерывного образования необходимых для реализации этих факторов компетенций.

Ключевые слова

Система непрерывного образования, стратегия развития, трансформация отраслей промышленности, ключевые факторы успеха, стержневые компетенции.

N. A. Dimitriadi, S. G. Tyaglov, A. S. Melkyumyan

STRATEGIC ASPECTS OF LIFE-LONG LEARNING SYSTEM DEVELOPMENT

Annotation

Dynamic development of technological, economic and social environment entails a need for adaptive reaction from a side of a life-long learning system, oriented on preparing of specialists for working in changing environment. Article contains a concept of life-long learning system development strategy produced by the authors. Concept based on key success factors in transforming industries analysis and on forming of competences oriented on factors realization due to life-long learning system functioning.

Keywords

Life-long learning system, development strategy, industries transformation, key success factors, core competencies.

Введение

Экономическая и технологическая самостоятельность современного государства в существенной степени зависит от уровня квалификации кадров, работающих в различных областях национальной экономики [1, 2, 3, 4]. Соответственно, наличие необходимых кадров должно обеспечиваться надежным и эффективным функционированием системы среднего профессионального, высшего и дополнительного образования [1, 2, 5, 6]. В то же время обучение специалистов может выступать в качестве катализатора экономического прогресса [7, 8] лишь в условиях наличия у обучаемых навыков активного приобретения знаний, а также достижения баланса между постоянным обновлением знаний и формированием ключевых компетенций.

Развитие концепций непрерывного образования (life-long learning) и непрерывного профессионального развития (continuing professional development (CPD)) представляет существенный интерес для специалистов различного профиля: руководителей госорганов, предприятий и кадровых служб, администрации высших учебных заведений, а также консалтинговых компаний [9, 10, 11, 12].

Одной из основных целей использования описанной в документах ЮНЕСКО, ООН и европейского сообщества концепции непрерывного образования (объединяющей в себе целый ряд сходных концепций: continuing education, recurrent education, adult education и permanent education) [13] является достижение совместимости образовательных систем различных стран, что должно облегчить подготовку высококвалифицированных специалистов для эффективной работы в рамках глобальной экономики [14]; при этом в качестве компонентов данной системы могут выступать как формальные (лицензированные образовательные учреждения), так и неформальные (консалтинговые компании) элементы [14]. Одним из примеров подобных проектов является включенная в принятую на 37-й сессии ЮНЕСКО Среднесрочную стратегию на 2014–2021 гг. сетевая многоуровневая программа формирования компетенций (LCCS), функционирующая на основе принципов, содержащихся в Глобальной международной образовательной программе устойчивого развития (Education for Sustainable Development, ESD); ее содержание в значительной степени соответствует положениям федерального закона № 273-ФЗ от 29.12.2012 «Об образовании в РФ» [15], Государственной программы РФ «Развитие образования» на 2013–2020 гг. [16] и Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г. [17, 18].

Современные специалисты стремятся планировать обучение различных контингентов на основе использования «динамической модели компетенций», предусматривающей комбинирование неких базовых знаний и навыков с компетенциями, потребность в которых формируется под влиянием постоянно обновляющихся факторов технологической и социально-экономической природы [12, 20]. При этом предполагается, что реализуемая высшим учебным заведением подготовка обеспечивает приобретение базовых знаний и навыков, которые впоследствии должны дополняться в процессе получения дополнительного профессионального образования, призванного обеспечить формирование компетенций, необходимых для эффективного решения прикладных задач, возникающих при выполнении профессиональных обязанностей [20].

На практике существующая система подготовки кадров часто недостаточно эффективна в плане актуальности формируемых компетенций специалистов; второй по значимости проблемой является несоответствие численности подготавливаемых специалистов (с удовлетворительным уровнем квалификации) изменяющимся потребностям рынка труда [21]. Это обусловливает высокий уровень актуальности феномена, получившего название «skill gap» и означающего несоответствие структуры компетенций предлагающих свои услуги специалистов ожиданиям работодателей [22, 23].

В ряде исследований актуализация данного феномена обоснованно связывается с имеющей место в современных условиях существенной интенсификацией трансформации как производственных и информационных технологий, так и социальной среды [12, 24, 25]. В связи с этим важность прогнозирования потребности в специалистах для формирования обоснованной государственной политики в сфере управления трудовыми ресурсами трудно переоценить [14]. Системность подхода к развитию системы непрерывного образования должна формироваться на основе структурирования целого ряда элементов: сети образовательных учреждений, этапов обучения, используемых форм и методов обучения, процесса обмена опытом с другими странами [14].

Материалы и методы

Исследование включило в себя экспертный опрос (ЭО), в котором приняли участие 12 экспертов, имеющих опыт разработки (в течение 16–27 лет) структуры компетенций обучаемых специали-

стов и соответствующих образовательных программ. Перед экспертами были поставлены задачи выделения основных характеристик эффективной системы непрерывного образования, а также оценки степени целесообразности применения различных стратегических инструментов при разработке стратегии развития системы непрерывного образования.

Результаты

Разработке подходов к созданию стратегий развития системы непрерывного образования посвящено существенное количество исследований; в одном из них отечественные специалисты указывают на целесообразность формирования активного взаимодействия общеобразовательных школ и высших учебных заведений в рамках стратегии непрерывного образования [26]. В целом, по мнению принявших участие в ЭО экспертов, стратегия трансформации системы непрерывного образования в существенной степени зависит от специфики Стратегии технологического развития РФ и содержания национальных проектов, которые, в свою очередь, формируются для достижения целей развития РФ и с учетом доминирующих тенденций в развитии национальной экономики, общества, а также технологических трендов (рис. 1).

Рисунок 1 — **Механизм формирования стратегии развития системы непрерывного образования в РФ**

Отечественные специалисты указывают на существенное влияние тенденций трансформации отраслей промышленности / бизнеса на развитие национальной экономики и общества в целом [27, 28]. При этом формирование отраслевых стратегий непрерывного образования требует проведения мониторинга структуры потенциально полезных знаний / навыков, выходящих за рамки существующей модели компетенций специалистов того или иного уровня [12]. В связи с этим представим последовательность этапов процесса обновления системы непрерывного образования (рис. 2).

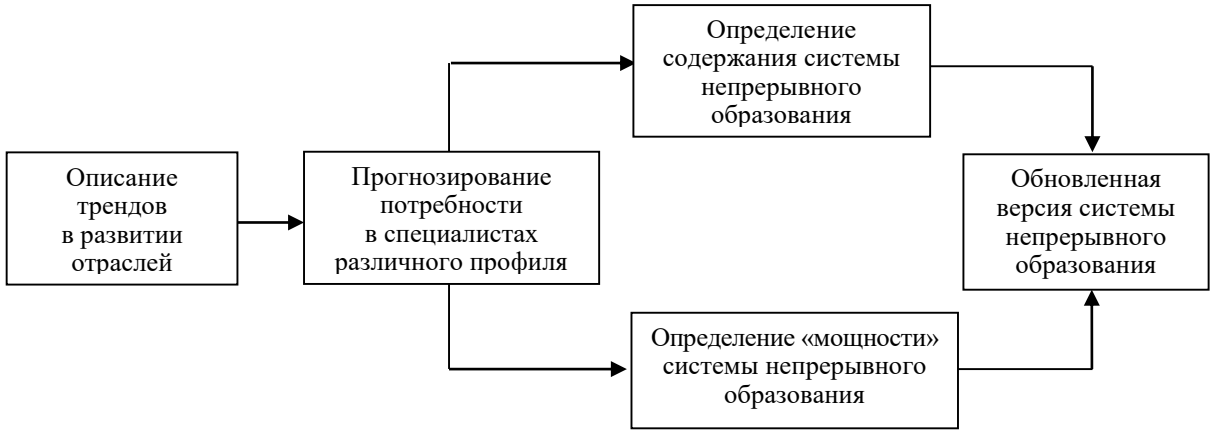


Рисунок 2 — **Этапы процесса обновления системы непрерывного образования**

В целом разработка стратегии развития системы непрерывного образования может основываться на подходах к созданию стратегий, сформулированных И. Ансоффом [29]. В то же время специфика стратегического процесса должна предусматривать использование конкретных стратегических инструментов, в качестве которых может рассматриваться, по мнению принявших участие в ЭО экспертов, применение (на различных этапах процесса) теории стейкхолдеров Р. Э. Фримена [30], SWOT-анализа и PEST-анализа [31, 32]. Отметим, что использование SWOT-анализа в определенной степени ограничивается нацеленностью данного метода на разработку стратегии успешной реализации неких уже готовых версий ранее сформированной системы непрерывного образования; сходные недостатки характерны для теории стейкхолдеров Р. Э. Фримена, помогающей оценить отношение основных заинтересованных групп к той или иной версии данной системы, но не позволяющей обоснованно сформировать собственно содержание обновляемой системы, то есть ее наполнение дисциплинами, компетенциями и пр. PEST-анализ, нацеленный на оценку потенциального влияния факторов внешней среды на изучаемые процессы, обладает в этом плане существенными преимуществами, хотя разработка структуры необходимых организациям и специалистам компетенций в обновляющихся условиях выходит далеко за рамки данного метода. Определенный интерес может представлять использование разработанной отечественными авторами концепции идентификации и ранжирования ключевых факторов успеха (КФУ) [33], позволяющей обоснованно распределять ресурсы между различными направлениями деятельности [34]. В качестве инструмента идентификации наиболее перспективных взаимосвязей между формирующимися в отраслях КФУ и компетенциями специалистов (и организаций), которые должны быть созданы для достижения успеха в обновляющейся экономике, можно использовать теорию C. K. Prahalad и G. Hamel [35], обосновывающую целесообразность создания (в организациях) неких «стержневых» компетенций (СК), нацеленных на реализацию этих КФУ.

В процессе идентификации взаимосвязей между КФУ в обновляющихся отраслях и необходимыми для их реализации стержневыми компетенциями может быть использована предложенная авторами статьи матрица «Ключевые факторы успеха в отрасли (КФУ) / Необходимые компетенции» (рис. 3).

«Мощность» КФУ

КФУ	Стержневые компетенции (СК)								
		СК-1	СК-2	СК-3	СК-4	СК-5	СК-6	СК-7	СК-8	СК-9
	КФУ-4					X			X	
	КФУ-2		X							X
	КФУ-3	X	X							
	КФУ-1			X			X			
	КФУ-5								X	X

Рисунок 3 — **Матрица «Ключевые факторы успеха в отрасли (КФУ) / Необходимые компетенции»**

Источником информации о возможных сценариях развития предприятий, отраслей и территорий должны явиться результаты экспертных и глубинных интервью с представителями индустрий, аналитических агентств и государственных ведомств, занимающихся данной проблемой. Это позволит идентифицировать КФУ, которые будут формироваться в рамках реализации сценариев развития отраслей, и определить по каждой изучаемой отрасли структуру компетенций специалистов (соответствующих специальностей), а также количественные показатели потребности в специалистах каждого профиля. Параллельно целесообразно осуществлять разработку последовательности формирования и соответствующей структуры системы непрерывного образования.

Представленная на рисунке 3 матрица может использоваться при идентификации взаимосвязей между КФУ в обновляющихся отраслях (КФУ-1 — КФУ-5) и необходимыми для их реализации стержневыми компетенциями (СК-1 — СК-9). В соответствии с обозначенным стрелкой направлением роста «мощности» КФУ, прежде всего, целесообразно формировать СК, нацеленные на КФУ-2 и КФУ-4. Соответственно, использование данной матрицы позволяет идентифицировать наиболее перспективные в данном плане стержневые компетенции — СК-5, СК-8, СК-2 и СК-9 и создать механизмы их формирования у специалистов соответствующих профилей в рамках обновляемой системы непрерывного образования. При выборе стратегического пути развития системы непрерывного образования авторы данной статьи предлагают использовать представленную на рисунке 4 последовательность действий.

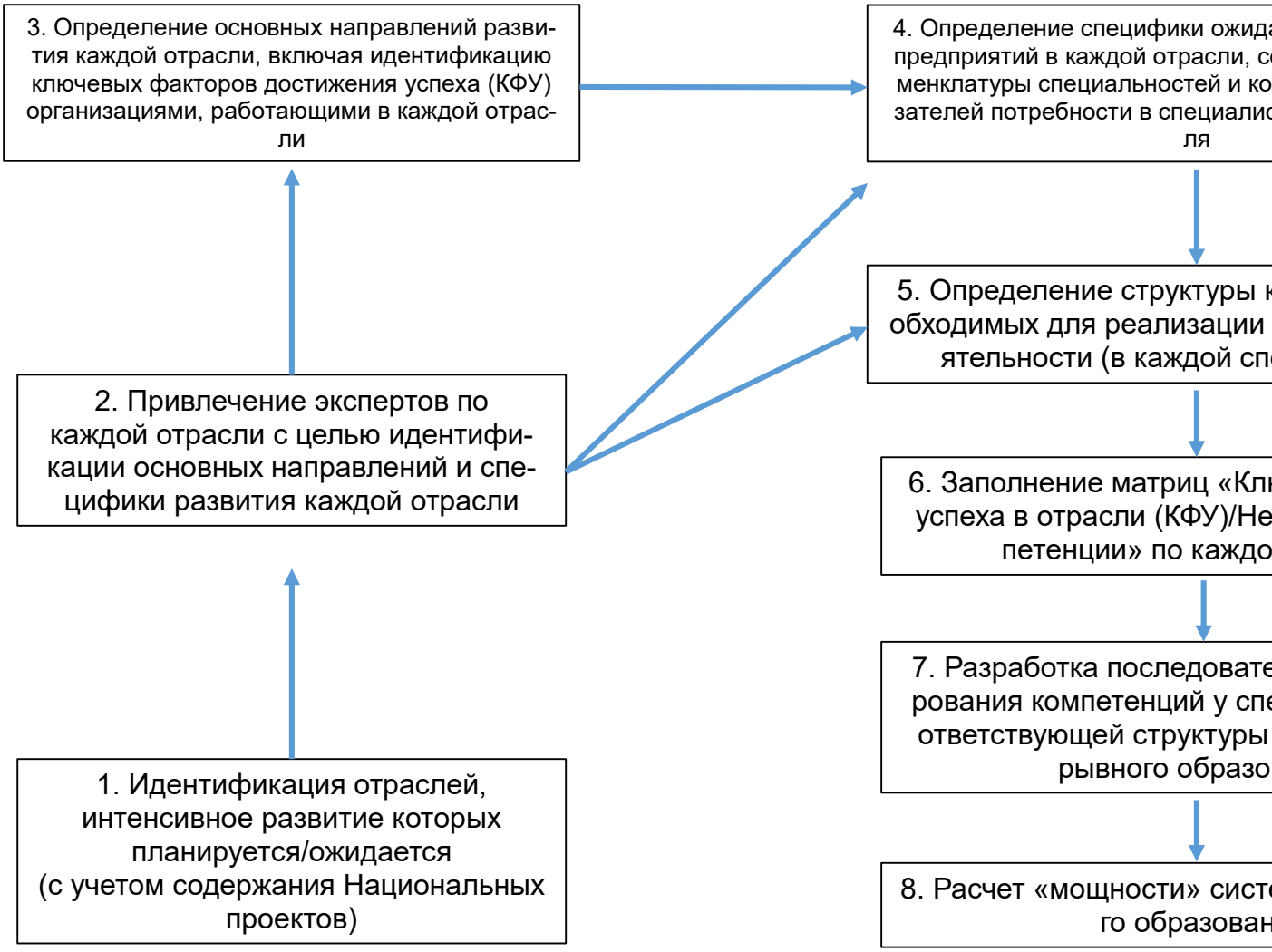


Рисунок 4 — **Последовательность действий при разработке структуры системы непрерывного образования**

Обсуждение

В соответствии с предлагаемым подходом анализ содержания Национальных проектов и Стратегии технологического развития РФ является основой выделения отраслей, интенсивное развитие которых планируется. Привлечение квалифицированных экспертов позволит определить специфику планируемого развития каждой отрасли и идентифицировать КФУ, которые возникнут в каждой отрасли в процессе ее развития. Анализ специфики КФУ позволит идентифицировать структуру компетенций, которые должны будут реализовать специалисты (и организации) в процессе деятельности в обновляющихся отраслях. На основе полученной информации специалисты в области образовательных технологий смогут разработать структуру системы непрерывного образования, которая будет готовить необходимые количества специалистов, обладающих искомыми компетенциями. По мере корректировки содержания основных документов, в частности Стратегии технологического развития, соответствующие изменения должны будут вноситься в структуру КФУ в интенсивно развивающихся отраслях и в стратегию развития системы непрерывного образования, нацеленной на формирование искомых компетенций.

Выводы

Использование предлагаемого подхода позволяет сформировать механизм создания обоснованной стратегии развития системы непрерывного образования, тесно связанной с планируемыми направлениями развития национальной экономики.

Библиографический список

1. *Горшкова, О. О.* Подготовка студентов к исследовательской деятельности в контексте компетентностно ориентированного инженерного образования : дисс. д. пед. н. — М., 2016.

2. *Горшкова, О. О.* Исследовательская деятельность как неотъемлемый компонент профессиональной подготовки будущего инженера // Известия высших учебных заведений. — 2013. — № 2 (26). — С. 170–177.

3. *Горшкова, О. О.* Исследование познавательного потенциала студента технического вуза в контексте развития его мышления // Сб. науч. тр. СурГУ. — Сургут, 2007. — Вып. 5. — С. 56–62.

4. *Романова, И. Н., Шендерей, П. Э., Туркина, А. Ю., Прасолов, С. Г.* Непрерывное образование при подготовке специалистов в современных условиях // Вестник Башкирского университета. — 2019. — № 3. — Т. 24. — С. 754–758.

5. *Шендерей, П. Э., Шендерей, Е. Э., Романова, И. Н.* Некоторые теоретические аспекты развития исследовательской компетенции студентов высших учебных заведений // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. — 2014. — № 6. — С. 15–21.

6. *Шендерей, П. Э., Шендерей, Е. Э., Романова, И. Н.* Развитие исследовательской компетенции студентов высших учебных заведений на основе межпредметного подхода к обучению // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. — 2015. — № 1. — С. 34–43.

7. *Christou, E. S.* Hospitality management education in Greece. Exploratory study // Tourism Management. — 1999. — № 20. — P. 683–691.

8. *Kroo, N.* European House of Education: education, research, industry // Heinz, K. European House of Education: education and economy — a new partnership / Conference of European Ministers of Education. — Budapest, 1999. — P. 31.

9. *Guest, G.* Life-long learning for engineers: a global perspective // European Journal of Engineering Education. — 2006. — № 3. — Vol. 31. — P. 273–281.

10. *De Grip, A., Smits, W.* What affects life-long learning of scientists and engineers? // International Journal of Manpower. — 2012. — № 5. — Vol. 33. — P. 583–597.

11. *Rose, M. Marra, So Mi Kim, Carolyn Plumb, Douglas, J. Hacker, Shann, Bossaller.* Beyond the Technical: Developing life-long learning and metacognition for engineering workplace // Proceedings of Annual meeting of American Society for Engineering Education. — 2017. — Art. ID #17712.

12. *Trivun, V., Kenjic, V., Mahmutcehajic, F.* Life-long learning strategies in tourism // Tourism and Hospitality Management. — 2008. — Vol. 14. — № 1. — P. 171–184.

13. Life-long Learning Policies and Strategies UNESCO [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://uil.unesco.org.

14. Непрерывное образование: методология, технологии, управление : моногр. / ред. Н. А. Лобанов, Л. Г. Титова, В. В. Юдин. — Ярославль, 2018.

15. Об образовании в Российской Федерации : [Федеральный закон № 273-ФЗ от 29.12.2012] [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.consultant.ru.

16. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.economy.gov.ru.

17. *Островская, О. Л., Осипов, М. А., Васильева, Е. В.* Обеспечение качества в системе непрерывного образования : моногр. [Электронный ресурс]. — СПб., 2017.

18. *Островская, О. Л.* Программная стратегия управления взаимодействием образовательных учреждений при реализации непрерывного образования // Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития : сб. науч. тр. : в 2-х т. — Ростов н/Д : Таганрог, 2018. — С. 312–318.

19. *Lavrinenko, A. Yu., Shmatko, N. A.* 21st century competencies in financial sector: prospects for radical transformation of professions // Forsayt. — 2019. — № 2. — Vol. 13. — P. 42–52.

20. *Toner, P.* Workforce skills and innovation: overview of major themes in literature [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.oecd.org.

21. *Smith, E., White, P.* Where Do All the STEM Graduates Go? Higher education, labour market and career trajectories in UK // Journal of Science Education and Technology. — 2019. — № 1. — Vol. 28. — P. 26–40.

22. *Chillas, S., Marks, A., Galloway, L.* Learning to labour: evaluation of internships and employability in ICT sector // New technology, work and employment. — 2015. — № 1. — Vol. 30. — P. 1–15.

23. *Ramadi, E., Ramadi, S., Nasr, K.* Engineering graduates' skill sets in MENA region: gap analysis of industry expectations and satisfaction // European Journal of Engineering Education. — 2016. — № 1. — Vol. 41. — P. 34–52.

24. *Shmatko, N. A.* Foresight of engineering competencies for high-tech enterprises // Engineering Education. — 2014. — № 15. — P. 139–144.

25. *Kukushkin, S. G., Lukyanenko, M. V., Churlyayeva, N. P.* Some problems of development of engineering in Russia and prospects for continuing professional education of engineers // Engineering Education. — 2010. — № 6. — P. 76–83.

26. *Зайнетдинова, К. М., Ильковская, И. М.* Формирование информационно-образовательной среды в системе непрерывного образования «школа-вуз»: модель сетевого взаимодействия // Образование через всю жизнь: Непрерывное образование в интересах устойчивого развития : материалы 14-й междунар. конф. : в 2 ч. — Вып. 14. — СПб., 2016. — Ч. II. — С. 471–475.

27. Методология профессионального образования // Сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., посв. А. М. Новикову. — М., 2016.

28. *Креймер, М. А.* Тренды, формирующие непрерывное практико-ориентированное образование в России // Актуальные вопросы образования. — 2019. — Т. 2. — С. 247–251.

29. *Ansoff, H. I.* Corporate Strategy. — New York, 1965. — P. 5–6.

30. *Freeman, R. E.* Strategic management: stakeholder approach [Electronic resource]. — Mode of access : https://stakeholdermap.com.

31. *Osita, C., Onyebuchi, I., Justina, N.* Organization's stability and productivity: role of SWOT analysis // International Journal of Innovative and Applied Research. — 2014. — № 2 (9). — P. 23–32.

32. *Porter, M.* Competitive advantage: creating and sustaining superior performance. — New York, 1985.

33. *Димитриади, Н. А., Карасёв, Д. Н.* Стратегический менеджмент : учеб. пособие. — Ростов н/Д : ИПК РГЭУ (РИНХ), 2016.

34. *Лампого, Д.* Развитие инструментария разработки бизнес-стратегии на основе анализа ключевых факторов успеха : автореф. дисс. к. э. н. — Грозный, 2019.

35. *Prahalad, C. K., Hamel, G.* Strategy as a field of study: why search for a new paradigm? // Strategic Management Journal. — 1994. — Vol. 15. — P. 5–16.

Bibliographic list

1. *Gorshkova, O. O.* Students preparation to research activities in context of competency oriented engineers education : thesis. of PhD. in pedagogy. — M., 2016.

2. *Gorshkova, O. O.* Research activity as an integral component of growing engineer professional training // News of Higher Education Institutions. — 2013. — № 2 (26). — P. 170–177.

3. *Gorshkova, O. O.* Informative potential of technical university student examining in context of his thinking development // Comp. of research articles. — Surghut, 2007. — Vol. 5. — P. 56–62.

4. *Romanova, I. N., Shenderey, P. E., Turkina, A. Yu., Prasolov, S. G.* Life-long education in specialists training at contemporary situation // Bulletin of Bashkir University. — 2019. — Vol. 24. — № 3. — P. 754–758.

5. *Shenderey, P. E., Shenderey, E. E., Romanova, I. N.* Theoretical aspects of higher education students research competency development // Economics, statistics and Informatics // Bulletin of UMO. — 2014. — № 6. — P. 15–21.

6. *Shenderey, P. E., Shenderey, E. E., Romanova, I. N.* Research competency developing of higher education students on a basis of an interdisciplinary approach to education // Economics, statistics and informatics. Bulletin of UMO. — 2015. — № 1. — P. 34–43.

7. *Christou, E. S.* Hospitality management education in Greece. Exploratory study // Tourism Management. — 1999. — № 20. — P. 683–691.

8. *Kroo, N.* European House of Education: education, research, industry // Heinz, K. European House of Education: education and economy — a new partnership / Conference of European Ministers of Education. — Budapest, 1999. — P. 31.

9. *Guest, G.* Life-long learning for engineers: a global perspective // European Journal of Engineering Education. — 2006. — № 3. — Vol. 31. — P. 273–281.

10. *De Grip, A., Smits, W.* What affects life-long learning of scientists and engineers? // International Journal of Manpower. — 2012. — № 5. — Vol. 33. — P. 583–597.

11. *Rose, M. Marra, So Mi Kim, Carolyn Plumb, Douglas, J. Hacker, Shann, Bossaller.* Beyond the Technical: Developing life-long learning and metacognition for engineering workplace // Proceedings of Annual meeting of American Society for Engineering Education. — 2017. — Art. ID #17712.

12. *Trivun, V., Kenjic, V., Mahmutcehajic, F.* Life-long learning strategies in tourism // Tourism and Hospitality Management. — 2008. — Vol. 14. — № 1. — P. 171–184.

13. Life-long learning policies and strategies UNESCO [Electronic resource]. — Mode of access : http://uil.unesco.org.

14. Life-long learning: methodology, technology, management : monogr. / ed. by N. A. Lobanov, L. G. Titova, V. V. Yudina. — Yaroslavl, 2018.

15. Education in Russian Federation : [Federal law № 273-FZ from 29.12.2012] [Electronic resource]. — Mode of access : http://www.consultant.ru.

16. Concept of long-term social-economic development of Russian Federation up to 2020 [Electronic resource]. — Mode of access : http://www.economy.gov.ru.

17. *Ostrovskaya, O. L., Osipov, M. A., Vasilyeva, E. V.* Quality security in life-long education system : monogr. [Electronic resource]. — SPb., 2017.

18. *Ostrovskaya, O. L.* Program strategy of education institutions interaction management by life-long education progressing // Education through the whole life: life-long education for sustainable development : comp. of research articles. — Rostov-on-Don : Taganrog, 2018. — P. 312–318.

19. *Lavrinenko, A. Yu., Shmatko, N. A.* 21st century competencies in financial sector: prospects for radical transformation of

professions // Forsayt. — 2019. — № 2. — Vol. 13. — P. 42–52.

20. *Toner, P.* Workforce skills and innovation: overview of major themes in literature [Electronic resource]. — Mode of access : https://www.oecd.org.

21. *Smith, E., White, P.* Where Do All the STEM Graduates Go? Higher education, labour market and career trajectories in UK // Journal of Science Education and Technology. — 2019. — № 1. — Vol. 28. — P. 26–40.

22. *Chillas, S., Marks, A., Galloway, L.* Learning to labour: evaluation of internships and employability in ICT sector // New Technology, Work and Employment. — 2015. — № 1. — Vol. 30. — P. 1–15.

23. *Ramadi, E., Ramadi, S., Nasr, K.* Engineering graduates' skill sets in MENA region: gap analysis of industry expectations and satisfaction // European Journal of Engineering Education. — 2016. — № 1. — Vol. 41. — P. 34–52.

24. *Shmatko, N. A.* Foresight of engineering competencies for high-tech enterprises // Engineering Education. — 2014. — № 15. — P. 139–144.

25. *Kukushkin, S. G., Lukyanenko, M. V., Churlyayeva, N. P.* Some problems of development of engineering in Russia and prospects for continuing professional education of engineers // Engineering Education. — 2010. — № 6. — P. 76–83.

26. *Zainetdinova, K. M., Ilkovskaya, I. M.* Information-education environment forming in a life-long education «high school — university» system: a networking model // Education through the whole life: life-long education for sustainable development : materials of 14 International conf. : in 2 vol. [Electronic resource]. — SPb., 2016. — № 14. — Vol. II. — P. 471–475.

27. Professional educational methodology // Compilation of international scientific-practical conference materials, devoted to A. M. Novikov. — M., 2016.

28. *Kreimer, M. A.* Trends modeling practice oriented life-long education in Russia // Urgent questions of education. — 2019. — Vol. 2. — P. 247–251.

29. *Ansoff, H. I.* Corporate Strategy. — New York, 1965. — P. 5–6.

30. *Freeman, R. E.* Strategic management: stakeholder approach [Electronic resource]. — Mode of access : https://stakeholdermap.com.

31. *Osita, C., Onyebuchi, I., Justina, N.* Organization's stability and productivity: role of SWOT analysis // International Journal of Innovative and Applied Research. — 2014. — № 2 (9). — P. 23–32.

32. *Porter, M.* Competitive advantage: creating and sustaining superior performance. — New York, 1985.

33. *Dimitriadi, N. A., Karasiov, D. N.* Strategic management. — Rostov-on-Don : EPC of RSEU (RINH), 2016.

34. *Lampogo, J.* Development of business strategy producing tools on a basis of key success factors analyzing. — Grozny, 2019.

35. *Prahalad, C. K., Hamel, G.* Strategy as a field of study: why search for a new paradigm? // Strategic Management Journal. — 1994. — Vol. 15. — P. 5–16.

О. Д. Ермоленко

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИИ И ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Аннотация

В статье рассматривается состояние сельского хозяйства России на современном этапе развития. Стратегические цели, которые стоят перед агарной отраслью страны,

определяют необходимость ускоренного внедрения цифровых технологий в отрасль и в связи с этим развития человеческого капитала. Ускорение научно-технологического развития предъявляет требования к качеству формируемого человеческого капитала. В условиях цифровизации экономики и ускорения научно-технического прогресса наиболее важным становится соответствие знаний и профессиональных навыков потребностям производства. В связи с этим проводится анализ факторов влияющих на формирование необходимых навыков и компетенций. Признание необходимости технико-технологической модернизации сельскохозяйственной отрасли является стратегическим ориентиром аграрной политики страны на современном этапе развития экономки.

Ключевые слова

Сельское хозяйство, цифровизация, человеческий капитал, научно-технологические инициативы.

O. D. Ermolenko

DIGITAL TRANSFORMATION OF RUSSIAN AGRICULTURE AND PROBLEM OF HUMAN CAPITAL FORMATION

Annotation

Article considers the state of agriculture in Russia at the present stage of development. Strategic goals of country's agricultural sector determine the need for accelerated implementation of digital technologies in industry and, in this regard, development of human capital. Acceleration of scientific and technological development imposes requirements on quality of human capital being formed. In conditions of digitalization of economy and acceleration of scientific and technological progress, the most important thing is correspondence of knowledge and professional skills to the needs of production. In this regard, analysis of factors affecting the formation of necessary skills and competencies is carried out. Recognition of the need for technical and technological modernization of agricultural sector is a strategic guideline of country's agricultural policy at the present stage of development of economy.

Keywords

Agriculture, digitalization, human capital, scientific and technological initiatives.

Введение

Развитие сельскохозяйственной отрасли в современных условиях хозяйствования представляет собой базис устойчивого развития экономики страны. В условиях исчерпания традиционных источников экономического развития, агропромышленный комплекс как совокупность взаимосвязанных отраслей, принимающих участие в создании конечного продукта, нуждается во всесторонней поддержке государства.

Агропромышленный комплекс является системообразующей частью национальной экономики и сосредоточением огромного экономического потенциала, особое место в котором занимает сельское хозяйство. Развитие сельского хозяйства направлено на улучшение инфраструктуры рынка, увеличение темпов роста валового внутреннего продукта, разумное использование ресурсного потенциала страны, улучшение окружающей среды и жизни населения [5].

В настоящее время перед сельскохозяйственной отраслью нашей страны стоит стратегическая задача ускоренного внедрения цифровых технологий. Однако, несмотря на всевозможные меры поддержки, предпринимаемые государ-

ством, в последние годы развитие аграрной отрасли во много сдерживается внутренними факторами. Одной из наиболее сложных проблем развития сельского хозяйства России является решение проблемы формирования и развития человеческого капитала в отрасли.

Материалы и методы

Сельскохозяйственная отрасль традиционно является дотационной. В ее развитии имеются определенные трудности, связанные, в первую очередь, с количеством финансовых ресурсов в сельхозпредприятиях, что в свою очередь влечет появление таких проблем, как обеспеченность трудовыми ресурсами. Данная проблема замедляет внедрение цифровых технологий и в целом переход отрасли на интенсивный путь развития.

Предшествующие годы характеризуются физическим и моральным износом сельскохозяйственных предприятий. Программы поддержки развития сельского хозяйства способствуют положительным сдвигам в развитии технологического базы аграрного сектора, но в части развития человеческого капитала отрасли существуют недостаточность высококвалифицированных кадров, способных работать в условиях цифровизации.

Оценка уровня образования в сельском хозяйстве показывает, что количество специалистов с высшим образованием в отрасли по сравнению с работниками, имеющими среднеспециальное образование, или не имеющими квалификацию находится на крайне низком уровне (табл. 1).

Таблица 1 — **Соотношение работников с различным уровнем образования в сельском хозяйстве России**

Год	Всего занятых в сельском хозяйстве	Работники с высшим образованием	Специалисты среднего звена со среднеспециальным образованием	Квалифицированная рабочая сила	Работники, имеющие среднее общее образование	Работники, имеющие основное общее	Без образования
2014	4698	496	836	1001	1668	631	66
2016	4737	547	898	1056	1598	579	58
2018	4267	517	812	974	1383	517	64

По данным таблицы соотношения работников сельского хозяйства по уровню образования можно сделать вывод, об острой нехватке специалистов с высшим образованием в отрасли, преобладающими являются работники, имеющие лишь общее среднее образование, что негативно сказывается на деятельности предприятий в условиях цифровизации. В условиях достаточно высоких темпов развития хозяйствующих субъектов агарной экономики, развитие человеческого капитала является базовым условием устойчивого развития сельского хозяйства страны [2]. Решение финансовых проблем в отрасли возможно лишь на основе всесторонне помощи государства. Конец 2000-х гг. ознаменовался введением в действие приоритетного национального проекта сельское хозяйство, который стал отправной точкой для улучшения положения в отрасли: возросли объемы аграрного производства, как в растениеводстве, так и в животноводстве [4] (табл. 2).

Таблица 2 — **Темпы роста и прироста продукции сельского хозяйства 2005–2019 гг. в России, млрд руб.**

2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Продукция сельского хозяйства										

1380,9	2462,2	3098,7	3160,3	3458,3	4031,1	4794,6	5112,3	5109,5	5348,8	5907,9
Абсолютный прирост базисный										
	1081,3	1717,8	1779,4	2077,4	2650,2	3413,7	3731,4	3728,6	3967,9	4527,0
Темп роста абсолютный базисный, 2005 г.										
	178,3	224,4	228,9	250,4	291,9	347,2	370,2	370,0	387,3	427,8
Темп прироста базисный, 2005 г.										
	78,3	124,4	128,9	150,4	191,9	247,2	270,2	270,0	287,3	327,8
Абсолютный прирост цепной										
	1081,3	636,5	61,6	298,0	572,8	763,5	317,7	-2,8	239,3	559,1
Темп роста цепной										
	178,3	125,9	102,0	109,4	116,6	118,9	106,6	99,9	104,7	110,5
Темп прироста цепной										
	78,3	25,9	2,0	9,4	16,6	18,9	6,6	-0,1	4,7	10,5

Как видно из таблицы 2 по отношению к базисному 2005 г. абсолютный прирост продукции сельского хозяйства в 2019 г. составил 4527 млрд руб. С принятием государственных программ поддержки развития отрасли стала осуществляться финансовая стабилизация сельскохозяйственных производителей, путем финансового оздоровления, списания задолженности, осуществления субсидирования. Кроме того, получили развитие иные источники получения оборотного капитала до сельхозпредприятий. Последние годы аграрная отрасль приобретает все большую инвестиционную привлекательность в связи с интенсивным внедрением цифровых технологий.

Развитие информационных технологий, внедрение цифровизации, технологические нововведения приводит к изменению системы ведения сельского хозяйства и повышению ее эффективности. В современных условиях залогом устойчивого развития аграрной отрасли является повышение производительности труда на основе внедрения передовых научно-технологических разработок, в том числе и цифровых [1].

Ускорение развития экономики России, принятие программ научно-технологического развития определяют становление нашей страны как высокотехнологичного государства. Государственная программа цифровая экономика Российской Федерации, предусматривает государственное финансирование осуществления поддержки развития сельскохозяйственной отрасли на основе внедрения инновационных технологий. Применение сквозных технологий, таких как большие данные, нейротехнологии, искусственный интеллект, блокчейн, квантовые технологии, промышленный интернет вещей, компоненты робототехники, технологии беспроводной связи, виртуальной реальности, перспективе должны вывести отрасли на качественно новый уровень развития и повышение конкурентоспособности на мировом рынке, внедрению расширенного воспроизводства.

В экономической литературе фактором конкурентоспособности традиционно относят экономические, природные, технологические, социальные и политические. Экономические факторы, определяющие уровень конкурентоспособности аграрного производства включает в себя издержки производства продукции, уровень платежеспособности спроса, конъюнктуры аграрного рынка. Политические факторы включает в себя государственное регулирование, налогов финансовую политику, государственную поддержку и уровень финансирования и субсидирования отрасли. Природные: климатические условия, экологическая обстановка.

Технологические факторы — это уровень развития материально-технической базы внедрение достижений научно-технического прогресса, включая уровень цифровизация отрасли. Социальные факторы — это уровень развития человеческого капитала, уровень жизни на селе привлекательность и престижность профессии агрария, развитие инфраструктуры. Каждая из групп факторов оказывает влияние на эффективность функционирования и развития сельскохозяйственной отрасли, а также на уровень ее конкурентоспособности [3]. Развитие экономических отношений является одним из основных факторов обеспечения конкурентоспособности, как предприятия, так и сельскохозяйственной отрасли является оперативность освоения новых технологий, а также скорость их внедрения в производство.

Устойчивое развитие отрасли на сегодняшний день возможно при условии обеспечения расширенного воспроизводства, которое характеризуется повсеместной интенсификацией производственных процессов. Несмотря на стабильную динамику, исходя из анализа индексов производства сельскохозяйственной продукции за период с 2000 по 2019 г., отрасль не имеет достаточного уровня финансирования для повсеместной интенсификации.

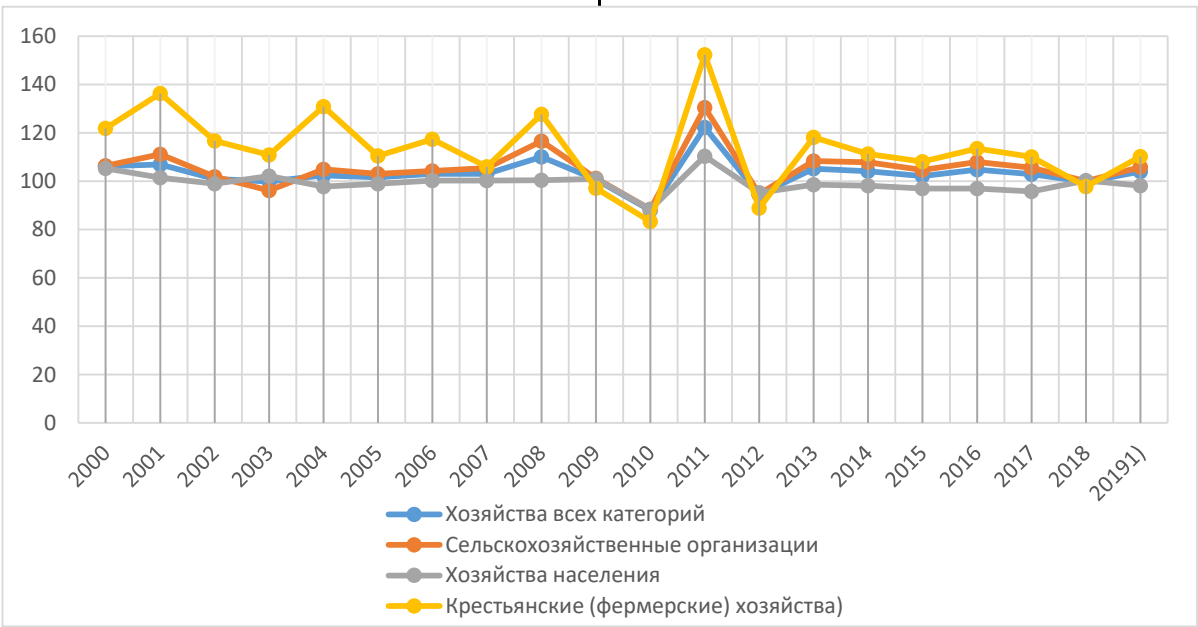


Рисунок 1 — **Индексы производства продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств по Российской Федерации**

Цифровая трансформация экономики в целом и сельского хозяйства в частности становится условием успешного развития. На основе цифровизации агропромышленного комплекса возможно повышение производительности труда, снижение ресурсоемкости производства продукции и обеспечения конкурентоспособности на мировом уровне [5].

Применение в сельском хозяйстве цифровых технологий стало распространяться недавно, в связи, с чем в российской аграрной отрасли существует отставание как по масштабам и качеству применения технологий, так и по развитию отрасли в целом. Необходимо усиление государственной поддержки развития сельскохозяйственной отрасли. Для этого принята государственная программа «Цифровая экономика Рос-

сийской Федерации», в рамках которой разработан ведомственный проект «Цифровизация сельского хозяйства». В свою очередь, данные изменения предъявляются требования к формируемому человеческому капиталу, определяют необходимость выработки качественно новых профессиональных компетенций. В связи с этим необходимо формирование в отрасли качественного человеческого капитала.

Продуктивность человеческого капитала в условиях сельскохозяйственного производства зависит от ряда параметров, отраженных на рисунке 2.

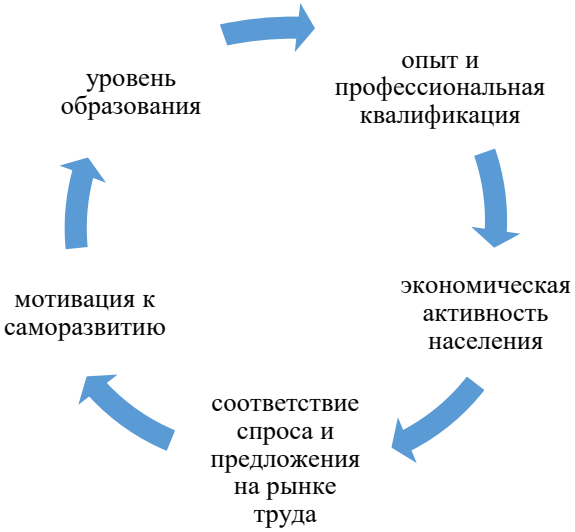


Рисунок 2 — **Параметры, формирующие человеческий капитал**

В условиях цифровизации экономики и ускорения научно-технического прогресса наиболее важным становится соответствие знаний и профессиональных навыков потребностям производства [3]. Системное мышление, развитие организаторских способностей и знания в сфере цифровых и биотехнологий являются основными навыками и умениями, которые требуются от специалистов аграрной отрасли. В условиях цифровизации фермерам необходимо применять новые технологические решения, повышающие эффективность их хозяйств [6].

Переход на инновационный путь развития сельского хозяйства способствует концентрации инвестиций и выявлению направлений управления качеством и количеством человеческого капитала [4].

Для качественного формирования человеческого капитала необходимо определение направлений проведения мероприятий, а также анализ внешней и внутренней среды экономической системы агропромышленного производства (табл. 3).

Таблица 3 — **Анализ факторов, влияющих на развитие экономической системы сельского хозяйства**

Факторы внутренней среды	Факторы внешней среды
Сохранение и развитие села	Экономическая и социальная политика государства
Сохранение занятости населения	Развитие и внедрение цифровых технологий
Качество жизни населения в сельской местности	Низкий уровень инвестиций в инновационные и цифровые технологии
Повышение производительности труда	Длительный процесс внедрения передовых технологий
Оптимизация структуры управления	Высокая стоимость внедрения разработок
Низкая доля предприятий, осуществляющих внедрение технологий	Отсутствие четкой регламентации программных продуктов
	Реализуемые и принимаемые государственные программы

Результаты

Анализ факторов внешней и внутренней среды показывает, что на формирование человеческого капитала в сельскохозяйственном производстве основное влияние оказывают социально-экономические и политические факторы, а также уровень научно-технологического развития [5]. Признание необходимости технико-технологической модернизации сельскохозяйственной отрасли является стратегическим ориентиром аграрной политики страны на современном этапе развития экономки [6]. В настоящее время для формирования человеческого капитала в аграрном секторе необходимо применение нестандартных подходов. С помощью метода «дерево целей» определим, необходимые для формирования человеческого капитала в аграрной отрасли в условиях цифровой экономики (рис. 3).

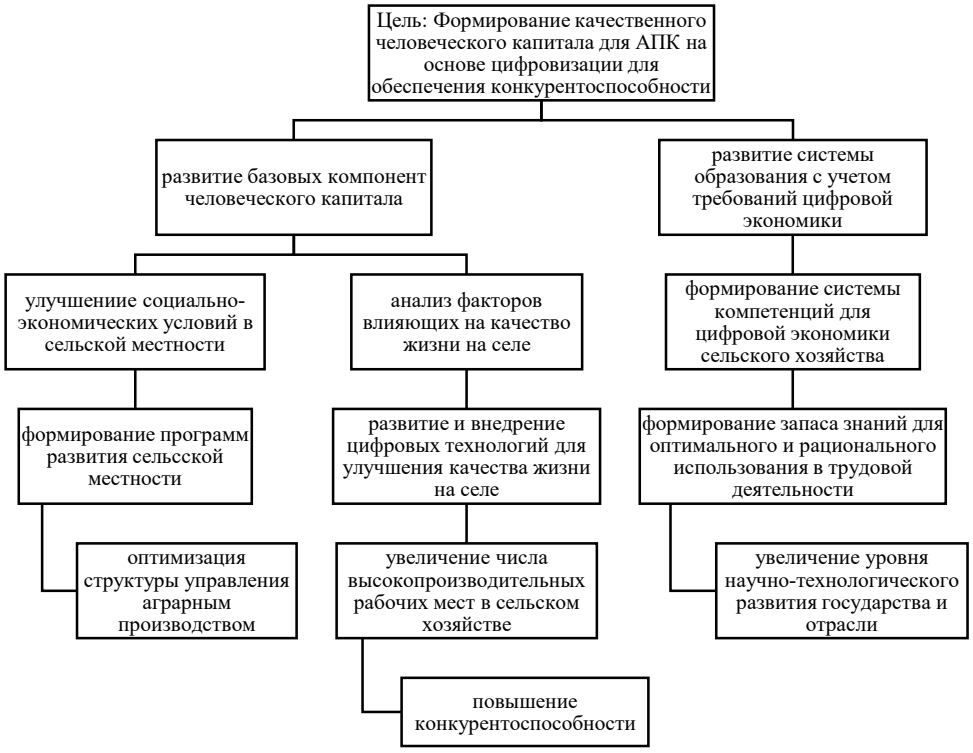


Рисунок 3 — **Дерево целей: Формирование качественного человеческого капитала в сельском хозяйстве на основе цифровизации для обеспечения конкурентоспособности**

В рамках программы национальной технологической инициативы предусмотрено создание и развитие профессиональной ориентации, инфраструктуры для профнавигации молодежи в инновационных секторах экономики. В современных условиях развития экономических систем необходимо формирование тесной взаимосвязи «образование-карьера-бизнес» [7].

Формирование человеческого капитала зависит от инвестиций в различные сферы социальной, культурной, экономической, информационной жизни человека. На рисунке 4 отражено взаимовлияние факторов формирования человеческого капитала.

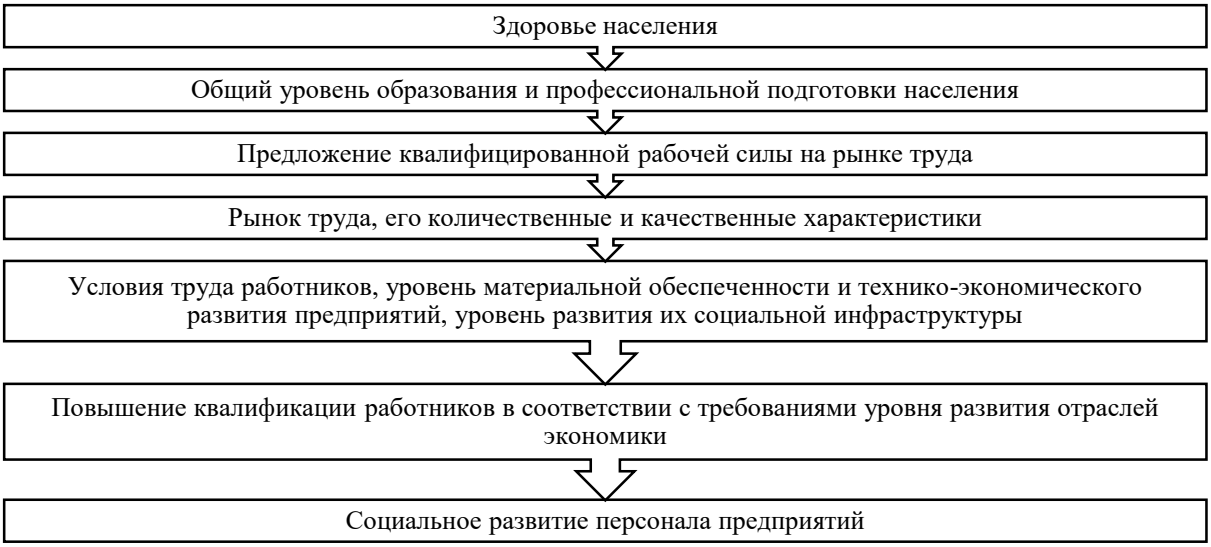


Рисунок 4 — **Факторы формирования человеческого капитала**

Наиболее перспективным направлением формирования и развития человеческого капитала в сельском хозяйстве является накопление профессиональных навыков и умений, учитывающих требования цифровой экономики, а также постоянное их совершенствование.

Концепция непрерывного образования, предполагающая постоянное формирование знаний, умений и навыков, которые человек может применять в своей профессиональной деятельности. Каждому человеку необходимо повышение своего образования в течение всей жизни [8].

Цифровизация проникает во все сферы деятельности, в том числе и аграрную. Развитие цифровых технологий меняет подход к управлению отраслью. Ускорение научно-технологического развития приводит к появлению ряда новых профессий. В современных условиях цифровой экономики специалистам в аграрной отрасли необходимо формирование высокой квалификации, интегрирующей в себе ключевые навыки системного анализа деятельности сельскохозяйственных предприятий во взаимосвязи с другими предприятиями отрасли [9].

Выводы

В условиях повсеместного внедрения цифровых технологий в аграрную отрасль с одной стороны происходит упрощение жизни аграриев, с другой стороны изменяются требования к профессиональным компетенциям.

В связи с усилением требований к уровню профессиональной подготовки на селе все в большей степени требуются высококвалифицированные кадры,

требующие более высокого уровня социального развития сельской местности, инфраструктуры и заработной платы. Повсеместное внедрение цифровых технологий в сельскохозяйственную отрасль нашей страны является основой для эффективного ее функционирования, а также обеспечения устойчивого развития. Сквозные технологии, такие как, например, система промышленного интернета вещей или системы больших данных представляются первоочередной интерес в использовании в отрасли в связи с возможность обработки больших объелись данных, необходимость установки взаимосвязи между производством и реализацией товаров. На сегодняшний день сельское хозяйство в связи с внедрением цифровизации становится привлекательной отраслью для инвестиций и внедрения инноваций, позволяющих повысить производительность и эффективность отрасли.

Национальная технологическая инициатива предполагает формирование и развитие инфраструктуры, способствующей выработке требуемых от аграриев навыков и умений. На современном этапе развития экономики необходимо проведение мероприятий, способствующих развитию цифровых компетенций у нынешних специалистов-аграриев и будущих поколений работников отрасли. Развитие качественного человеческого капитала на селе возможно за счет усиления базовых его компонент, а также на основе развития системы образования. В связи с этим необходимо формирование программы мотивации закрепления молодых специалистов на селе с учетом потребностей и ключевых интересов всех участников рынка труда молодых специалистов.

Библиографический список

1. *Tapscott, D., Williams, A. D.* Macrowikinomics: Rebooting Business and the World. — New York, 2010.

2. *Becker, G. S.* Human capital: a theoretical and empirical analysis, with special reference to education. — Columbia University Press, 1975 ; *Baarbé, J., Blom, M., Beer, J. de.* Data commons for food security [Electronic resource] // Working Paper 7, 2017. — Mode of access : http://www.openair.org.za.

3. *Boyera, S., Addison, C., Msengezi, C.* Farmer profiling: Making data work for smallholder farmers // CTA Working Paper 17/09, 2017.

4. Human Capital Investment: An International Comparison. Organisation for Economic Co-operation and Development. Centre for Educational Research and Innovation. OECD. — Paris, 1998.

5. О долгосрочной стратегии развития агропромышленного комплекса Российской Федерации // Аналитический вестник. — 2018. — № 10 (699).

6. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.mcx.ru.

7. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» : [Распоряжение Правительства Российской Федерации № 1632-р от 28.07.2017] [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://static.government.ru.

8. *Кузнецов, В. В., Тарасов, А. Н., Гайворонская, Н. Ф.* Прогнозирование параметров инновационного развития отраслей сельского хозяйства: теория, методология, практика : моногр. — Ростов н/Д, 2017.

9. *Ермоленко, В. П., Василенко, В. Н., Кузнецов, И. В. [и др.]*. Программа развития агропромышленного комплекса Октябрьского района Ростовской области : моногр. — Ростов н/Д, 2004.

10. *Пришляк, Е. А., Радько, С. Г.* Исследование факторов, влияющих на формирование человеческого капитала в Российской Федерации // Управленческие науки. — 2018. — № 2.

Bibliographic list

1. *Tapscott, D., Williams, A. D.* Macrowikinomics: Rebooting Business and the World. — New York, 2010.

2. *Becker, G. S.* Human capital: a theoretical and empirical analysis, with special reference to education. — Columbia University Press, 1975 ; *Baarbé, J., Blom, M., Beer, J. de.* Data commons for food security [Electronic resource] // Working Paper 7, 2017. — Mode of access : http://www.openair.org.za.

3. *Boyera, S., Addison, C., Msengezi, C.* Farmer profiling: Making data work for smallholder farmers // CTA Working Paper 17/09, 2017.

4. Human Capital Investment: An International Comparison. Organisation for Economic Co-operation and Development. Centre for Educational Research and Innovation. OECD. — Paris, 1998.

5. On the long-term development strategy of agro-industrial complex of Russian Federation // Analytical Bulletin. — 2018. — № 10 (699).

6. State program for development of agriculture and regulation of markets for agricultural products, raw materials and food for 2013–2020 [Electronic resource]. — Mode of access : http://www.mcx.ru.

7. Program «Digital economy of RF» : [Order of Government of RF № 1632-R from 28.07.2017] [Electronic resource]. — Mode of access : http://static.government.ru.

8. *Kuznetsov, V. V., Tarasov, A. N., Gaivoronskaya, N. F.* Forecasting parameters of innovative development of agricultural sectors: theory, methodology, practice: monogr. — Rostov-on-Don, 2017.

9. *Ermolenko, V. P., Vasilenko, V. N., Kuznetsov, I. V. [and oth.]*. Program of development of the agro-industrial complex of the Oktyabrsky district of the Rostov region/ Monograph-Rostov n/ A: State scientific institution all-Russian research Institute of Economics and standards of the Russian agricultural Academy, 2004.

10. *Prishlyak, E. A., Radko, S. G.* Research of factors influencing the formation of human capital in RF // Management Sciences. — 2018. — № 2.

Е. А. Иванова, М. А. Довлетмурзаева

ВЛИЯНИЕ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ НА РАЗВИТИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ СРЕДЫ

Аннотация

В статье представлен анализ влияния системы образования на развитие институциональной предпринимательской среды, доказано, что именно эта система определяет формирование человеческого капитала как предпринимательского ресурса. Приведены опросные данные о мотивах вовлеченности индивидуумов в предпринимательскую деятельность и их проблемах. Сделан вывод о том, что качество институциональной предпринимательской среды тесно связано с действующими в стране системой образования и системой государственных институтов.

Ключевые слова

Система образования, институциональная предпринимательская среда, человеческий капитал, реформирование, конкурентоспособность, национальный проект, университет.

E. A. Ivanova, M. A. Dovletmurzaeva

INFLUENCE OF RUSSIAN EDUCATION SYSTEM ON DEVELOPMENT OF INSTITUTIONAL ENTREPRENEURIAL ENVIRONMENT

Annotation

Article presents an analysis of impact of education system on development of institutional entrepreneurial environment, it is proved that this system determines the formation of human capital as entrepreneurial resource. Survey data on the motives for involvement of individuals in entrepreneurial activity and their problems are presented. It is concluded that quality of institutional business environment is closely linked with country's education system and system of state institutions.

Keywords

Education system, institutional business environment, human capital, reform, competitiveness, national project, university.

Введение

В настоящее время ученые, исследующие тему реформирования образования, подчеркивают, что «тектонические сдвиги последних десятилетий не находят достаточного отражения в политической практике и требуют не только достройки, но и перестройки многих элементов образовательной системы» [6, с. 33].

Система образования — ключевой фактор, непосредственно влияющий на формирование и развитие человеческого капитала как предпринимательского ресурса. В российских условиях, где социальные институты нуждаются в комплексном совершенствовании, а ряд институтов, присущих развитым в социальном плане обществам, отсутствуют вовсе, фактор человеческого капитала, несущего предпринимательские способности и креативность, является приоритетным. В нем сосредоточены резервы для институционального обновления деловой среды в стране и роста благосостояния населения. Поэтому современный взгляд на реформы в образовании необходимо формировать, как и в любой экономической сфере деятельности: через построение бизнес-плана с расчетными величинами доходности и периода окупаемости. Такой подход позволяет удовлетворить спрос на образовательные услуги, обеспечить конкурентоспособность учебного заведения за счет повышения статуса, имиджа и формирования бренда, привлечь дополнительные ресурсы на развитие и удовлетворение потребностей в финансовых ресурсах, наконец, создать социальные связи. «Образование в современной экономике должно рассматриваться не как затратная сфера наряду с социальной помощью, пенсионной системой, госаппаратом, обороной и безопасностью, а как инвестиционная сфера, определяющая масштаб экономического роста» [4].

Методы и материалы

Надо отметить, что по данному направлению в России предпринято немало практических действий, давших положительные результаты. Начиная с 2000 г., прослеживается существенный рост совокупных (как государственных, так и частных) инвестиций в человеческий капитал, в этот же период принята концепция непрерывного образования на государственном уровне, согласно которой строятся программы подготовки и переподготовки кадров образовательных учреждений страны.

В период 2006–2008 гг. в рамках приоритетного национального проекта

«Образование» был проведен конкурс инновационных образовательных программ вузов, по итогом которого российским университетам, внедрившим лучшие инновационные образовательные программы, было выделено финансирование. Указанный нацпроект в качестве одного из направлений поддержки предполагал стимулирование инновационного развития российских вузов. В период его реализации стало ясно, что «система организации государственных вузов не дает им полноценной возможности выполнять научные исследования и образовательную работу на необходимом уровне» [5, с. 103]. На основе этого было принято решение о проведении оптимизации университетов путем их укрупнения с целью высвобождения и аккумулирования ресурсов. Таким образом были созданы федеральные университеты, вслед за которыми началось создание опорных университетов и, далее, в качестве локомотивов роста университетской науки — национальные исследовательские университеты.

В целом, кроме системы реорганизации университетов, с 2008 г. в рамках концепции социально-экономического развития проводится модернизация системы образования страны, включающая: внедрение национальной квалификационной рамки, системы сертификации профессиональных квалификаций и модульных образовательных программ. Развернута и активно поддерживается система грантов, выделяемых государством на конкурсной основе образовательным программам государственных и негосударственных учебных организаций [2, с. 17].

Обсуждение

Современный нацпроект «Образование» (период реализации — 2019–2024 гг.) предполагает своей целью обеспечение глобальной конкурентоспособности российского образования и вхождение Российской Федерации в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования. В рамках нацпроекта предусматривается реализация четырех направлений развития системы образования: обновление его содержания, создание необходимой современной инфраструктуры, подготовка соответствующих профессиональных кадров, их переподготовка и повышение квалификации, а также создание наиболее эффективных механизмов управления этой сферой [7].

В странах с развитой предпринимательской средой и социальными институтами университеты играют роль акселераторов малого инновационного бизнеса, также им принадлежит ведущая функция в подготовке предпринимателей-практиков, то есть они мобилизуют вокруг себя необходимые ресурсы для реализации новых возможностей и формирования человеческого капитала. Осознание роли университетов как инновационных посредников можно отследить в программах развития, но на практике, особенно в регионах, несмотря на все усилия, данная роль не реализована в полной мере.

Слабость государственных и социальных институтов в России, а также институциональные ловушки и «эффект колеи» влияют на неэффективность реформ и мер по развитию предпринимательской среды в стране. Понятия институциональной ловушки и «эффекта колеи» тесно связаны между собой. «Эффект колеи» понимается как зависимость от предшествующего развития при проектировании правил и норм, а институциональная ловушка трактуется как неэффективная, но устойчивая самоподдерживающаяся норма, которой необоснованно следуют все участники и игроки. В силу зависимости от предшествующего развития степень эффективности государственных и социальных институтов и сложившихся экономических систем может существенно различаться на разных временных отрезках. Поэтому сформированные несколькими

десятилетиями ранее конкурентоспособные и эффективные институты по прошествии времени могут потерять свой потенциал и оказаться институциональной ловушкой. Это и происходит на практике, когда проблемы в сфере предпринимательства вызваны неадекватной работой государственных институтов с точки зрения социального запроса, высокой стоимостью кредитов и неэффективным распределением бюджетного финансирования, бюрократическими заслонами, отсутствием действенных правовых способов решения юридических вопросов. В последние годы предпринимательская среда ослабевает, причиной чего являются теневые инвестиции, устаревшие технологии производства и управления, сжавшаяся сфера международного сотрудничества в сочетании с недостаточными возможностями и слабыми навыками создания предпринимательских проектов у населения.

Проблемы в сфере развития концепции предпринимательских университетов упираются на практике, в первую очередь, в отсутствие развитой системы фиксирования прав интеллектуальной собственности. Несмотря на усилия по реорганизации университетов и выделению исследовательской базы в их составе, слабость и противоречивость юридической базы, связанной с патентованием и лицензированием инноваций и иных форм закрепления прав интеллектуальной собственности и ее оценкой, продолжают оставаться неизменными.

Во-вторых, финансирование вузовских исследований со стороны бизнеса носит единичный характер. Частных инвесторов не хватает, как и объемов частных инвестиций, вследствие чего инновационный потенциал большинства национальных исследовательских университетов остается довольно ограниченным. Венчурные инвесторы весьма избирательны в финансировании startup-проектов. Определяющую роль играет опыт разработчиков, наличие удачно коммерциализированных проектов, авторитет научной лаборатории, поэтому вновь созданные региональные исследовательские университеты оказались не способны сразу отвечать на задачи создания новых технологий, обучения предпринимательству и адаптации к рынку.

В-третьих, хотелось бы отметить неразвитость системы перетока знаний. Последующая коммерциализация результатов исследований в России имеет весьма специфические особенности по формам, видам и условиям их передачи в силу ограниченности юридической базы, касающейся способов передачи инноваций. В первое время на базе российских университетов стали формироваться технопарки, которые были весьма успешными за рубежом. Однако возложенных на них ожиданий в качестве региональных центров инновационной деятельности они не оправдали и переросли в нерентабельные подразделения университетов, так и не активизировав систему перетока знаний. Кроме того, способы и возможности коммерциализации напрямую зависят от сферы исследований. В сфере информационных технологий переток знаний идет активнее, а в сфере медицинский исследований крайне медленно, что объективно связано с длительностью исследовательского цикла.

В качестве возможных причин сложившейся ситуации специалисты отмечают «институциональную инерцию», а также традиции развития научных центров, когда предпочтения отдавались ключевым университетам в двух-трех городах, где открывались отделения Академии наук и исходя из этого финансировалось развитие научной базы и объектов вузовской инфраструктуры [8, с. 53]. Это породило существующие диспропорции в региональной предпринимательской инфраструк-

туре страны. Региональные вузы сложились как обучающие университеты, научно-исследовательская база была относительно слаба, «умы» стекались в центр. В качестве последствий мы наблюдаем неравномерность развития регионов, концентрацию научных и исследовательских объединений в центре страны и их практическое отсутствие на периферии.

Стимулирование коммерциализации технологий изначально входило в приоритеты государственных реформ, но существующая корпоративная культура вузов выступает тем самым «эффектом колеи», препятствующим превращению национальных исследовательских университетов в ключевой элемент региональной предпринимательской среды.

Чтобы университет мог сыграть роль лидера региональной предпринимательской среды, ему самому необходимо стать более гибким с точки зрения организационной структуры и кадрового состава, выстроить соответствующую духу предпринимательства корпоративную культуру для стимулирования предпринимательской активности у студентов. Студенты являются базовым элементом в университетской предпринимательской среде, к сожалению, недооцененным. По мнению некоторых исследователей, «уровень студенческого предпринимательства в России и в некоторых других странах СНГ довольно высок. В России, по данным за 2018 г., доля потенциальных предпринимателей (то есть тех, кто уже пытается открыть собственный бизнес) среди студентов соответствует показателю международной выборки и составляет 30 %, а доля активных предпринимателей (тех, кто уже ведет собственный бизнес) достигает почти 7 %, что более чем на 4 % ниже по сравнению с международной выборкой» [8, с. 58].

Студенты в университетской среде формируют не только свои знания и навыки, но и вырабатывают черты характера и привычки, предрасположенность к различным видам профессиональной деятельности. Важность предпринимательских инициатив университетов в связи с этим нельзя недооценивать. Такие инициативы, особенно не в профильных экономических вузах, направленные на вовлечение преподавателей и студентов в перевоплощение технических разработок в производство, очень ценны. Они формируют главное — человеческий капитал, поскольку, наряду с профессиональными навыками в процессе изучения базовых и специализированных дисциплин, студенты развивают личностные качества, инициативность, креативность, предприимчивость. Эти характеристики, в свою очередь, влияют на формирование предпринимательского видения и намерения создания собственного бизнеса.

Проведенный опрос 2800 студентов в рамках международного проекта «Глобальное исследование предпринимательского духа студентов» (Global University Entrepreneurial Spirit Students' Survey, GUESSS) в 2018 г. выявил следующие тенденции: сразу после окончания учебы 74 % студентов видят начало своего карьерного пути в качестве наемных работников, 9 % студентов — в качестве предпринимателей; около 50 % студентов хотят стать предпринимателями через 5 лет после получения диплома, что более чем на 15 % превышает аналогичный показатель по международной выборке. Однако не все предпринимательские намерения не всегда оканчиваются практическим внедрением бизнес-идей. Предпринимательские намерения и их реализация в значительной мере обусловлены личностными характеристиками инициатора бизнес-идеи. Значительную роль в этом играют также свойства внешней среды, предопределяющие поведение индивида, в том числе его вовлечение в предпринимательство [3, с. 26].

Необходимость более тесной интеграции университетов в предпринимательскую среду очевидна. Несмотря на ряд описанных выше проблем, работа по реформированию системы образования в России ведется активно, но, на наш взгляд, эффект не пропорционален вложенным усилиям и затратам. Ключевым условием успеха реформирования системы образования в стране, по нашему мнению, должен быть действенный комплекс мероприятий по изменению внешних институциональных условий. Энтузиазм по поводу создания собственного бизнеса и ведению предпринимательства очень быстро угасает, когда сталкивается с бюрократическими препонами, отсутствием финансовых перспектив развития из-за высокой стоимости кредитов, высокими налогами, необъективным контролем и прочими несовершенствами институциональных условий ведения бизнеса.

Необходимо отметить одно примечательное исследование. В глобальном масштабе оценку уровня предпринимательской активности осуществляет Global Entrepreneurship Monitor (GEM). Под его началом в России с 2006 г. проводится исследование и подготовка ежегодного Национального отчета «Глобальный мониторинг предпринимательства». Отчет представляет не только статистические данные, но и информацию, касающуюся отношения к предпринимательству в обществе и предпринимательской активности.

В отчете 2020 г. приведены данные о том, что «в 2019 г. в России количество людей, вовлеченных в создание и управление новыми компаниями, составило 9,3 % от общего трудоспособного населения. Количество предпринимателей, чей бизнес существует на рынке более 3,5 лет, практически не изменилось и составило 5,1 %. В 2019 г. 3,4 % взрослого трудоспособного населения перестали быть предпринимателями, причем большинство бизнесов перестало существовать, и лишь пятая часть продолжила работать с другими владельцами. 80 % тех, кто закрыл свой бизнес в 2019 г., объяснили свое решение финансовыми проблемами и неблагоприятными внешними факторами.

Результаты

Главным мотивом создания собственного дела остается необходимость поддержания уровня дохода. 78 % респондентов согласились с тем, что предпринимательская деятельность позволяет заработать в условиях ограниченности других предложений трудоустройства, а 69 % связывают с предпринимательской деятельностью возможности высокого заработка и финансового благополучия.

Рост числа желающих открыть бизнес частично связан с увеличением доли тех, кто видит возможности для начала предпринимательской деятельности в своем регионе. В 2019 г. 30 % респондентов считают, что для открытия бизнеса существуют широкие возможности, тогда как в 2018 г. таких было только 23 %. Выросло и число тех, кто считает, что у них достаточно знаний и навыков для открытия собственного дела. В 2019 г. так ответил каждый третий респондент. Также в 2019 г. выросло число тех, кто планирует открыть собственное дело в ближайшие три года. Оно составило 9,8 % населения, что на 4 % выше, чем годом раньше» [9].

Для измерения общественного отношения к предпринимательству в отчете используются такие критерии, как: социальные ценности предпринимателей, характеристики социальных взаимосвязей, особенности восприятия обществом предпринимательства и его условий, которые оцениваются экспертным путем. Отчет предусматривает разделение предпринимателей на категории. Выделяют потенциальных предпринимателей, имеющих предпринимательские намерения, нарождающихся предпринимателей, владельцев нового бизнеса, устоявшихся

предпринимателей, внутрифирменных предпринимателей, вышедших из бизнеса, предпринимателей «по необходимости» и «высокопритязательных» предпринимателей. Такая градация категорий предпринимателей обусловлена тем, что предприниматель действует в определенной социальной и институциональной средах, и конъюнктура его деятельности тесно с ними связана, зависит от условий в них сложившихся. Институциональный контекст позволяет расширить трактовку количественных характеристик при изучении активности предпринимателей и их качеств.

Основываясь на теории, разработанной В. Р. Скоттом, можно выделить три разновидности институтов: регулятивный, нормативный и когнитивный [1, с. 115]. Регулятивный институт формирует правила поведения, которые позволяют осуществлять контроль ведения бизнеса. Нормативный институт формирует свод правил касательно норм поведения и морали. Когнитивный институт оперирует различиями в способностях к действию и выполнению определенных функций. Эти три института, заключенные в одну социальную область, позволяют сформировать суждение о том, как факторы институциональной среды влияют на предпринимательскую активность и формируют категории предпринимателей.

Степень прозрачности регулятивных институтов прямо пропорциональна уровню предпринимательской активности. Чем меньшее количество барьеров встает на пути развития нового бизнеса, тем охотнее предприниматели регистрируют фирмы и легализуют деятельность. В связи с этим индивидуумы, входящие в категорию предпринимателей «по необходимости», для которых создание собственной бизнес-структуры является мерой вынужденной в силу существующих экономических обстоятельств, могут отказаться от легализации своей деятельности, если столкнутся со сложностями его оформления и бюрократическими препонами. Высокие госпошлины и завышенные требования к размеру уставного капитала, высокая налоговая ставка также негативно сказываются на количестве зарегистрированных объектов малого бизнеса, поскольку предприниматели не готовы к крупным размерам вложений на начальной стадии. Важным фактором является защита прав собственности в стране. Отсутствие гарантированной защиты предпринимательских активов со стороны государства препятствует широкому развитию малого бизнеса.

Тождественность нормативных институтов социальным ценностям общества также является фактором, активизирующим предпринимательство. Если в обществе предприниматель, формирующий собственный бизнес, воспринимается как человек, сделавший удачный выбор, то социальное одобрение и поддержка способствуют подъему предпринимательской активности. Ориентация бизнеса на общественное мнение характерна для многих развивающихся стран и является своего рода тестом на уровень развития нормативной составляющей институциональной структуры страны. Кроме того, восприятие коррупции в обществе как одного из факторов негативного воздействия на развитие предпринимательства и остальных сфер общественной жизни способствует консолидации экономических агентов и выработке ими правил добросовестного ведения бизнеса. Если же в обществе коррупция воспринимается как норма, то уровень предпринимательской активности, очевидно, будет снижаться, так как предприниматели чувствительны к увеличению затрат на ведение бизнеса.

Выводы

Влияние культурных норм и традиций в обществе на опыт отдельных индивидуумов формирует когнитивные факторы, на которых базируются предпринимательская инициатива, склон-

ность к риску, формирование предпринимательского мышления. Восприятие внешней среды в сознании предпринимателя определяет степень предпринимательской активности, даже вопреки реальному положению дел в экономической и политической жизни страны.

Оценка предпринимателем своих навыков, умений и знаний, уверенность в собственных силах на 50 % определяют отношение предпринимателя к рискам, которые придется принять на себя в случае открытия бизнеса. Оставшаяся половина приходится на непрогнозируемые риски, с которыми в любом случае придется столкнуться в процессе предпринимательской деятельности. Опять-таки, восприятие предпринимателем своих сильных сторон, уровня образования, опыта и прочих навыков как достаточных для открытия собственного дела может быть необъективным, но чем выше степень оценки, тем выше уровень активности предпринимательства.

Формирование и развитие институциональной предпринимательской среды тесно связаны с системой образования, действующей в стране, уровнем ее развития с точки зрения качества подготовки человеческого капитала с набором таких личностных качеств, которые способны сформировать предпринимательский слой в обществе, а также с системой государственных институтов, от деятельности которых напрямую зависит формирование экономических и политических условий ведения бизнеса.

Библиографический список

1. *Александрова, Е. А., Верховская, О. Р.* Мотивация предпринимательской активности: роль институциональной среды // Вестник СПбГУ. Сер. 8. Менеджмент. — 2016. — Вып. 3. — С. 107–138.

2. *Балыхин, Г. А., Сафаралиев, Г. К., Бердашкевич, А. П.* Концепция непрерывного образования в Российской Федерации: цели, особенности правового регулирования и управления // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. — 2011. — № 4 (66). — С. 9–28.

3. *Богатырёва, К., Широкова, Г.* От предпринимательских намерений — к созданию бизнеса: опыт российских студентов // Форсайт. — 2017. — № 3. — Т. 11. — С. 25–36.

4. Двенадцать решений для нового образования. Доклад Центра стратегических разработок и Высшей школы экономики [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.hse.ru.

5. *Ключарёв, Г. А., Неверов, А. В.* Проект «5–100»: некоторые промежуточные итоги // Вестник РУДН. Серия: Социология. — 2018. — № 18 (1). — С. 100–116.

6. *Кузьминов, Я., Сорокин, П., Фрумин, И.* Общие и специальные навыки как компоненты человеческого капитала: новые вызовы для теории и практики образования // Форсайт. — 2019. — № 2. — Т.13. — С. 19–41.

7. Официальный сайт Минпросвещения РФ [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://edu.gov.ru.

8. *Чепуренко, А., Кристалова, М., Вюрвих, М.* Историко-институциональные аспекты роли университетов в развитии предпринимательства // Форсайт. — 2019. — № 4. — Т. 13. — С. 48–59.

9. Global Entrepreneurship Monitor 2019 / 2020 Global Report [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.gemconsortium.org.

10. *Mair, J., Marti, I.* Social entrepreneurship research: source of explanation, prediction, and delight // Journal of world business. — 2006. — Vol. 41. — № 1. — P. 36–44.

Bibliographic list

1. *Alexandrova, E. A., Verkhovskaya, O. R.* Motivation of entrepreneurial activity: role of institutional environment //

Bulletin of SPbSU. Ser. 8. Management. — 2016. — Issue 3. — P. 107–138.

2. *Balykhin, G. A., Safaraliev, G. K., Berdashkevich, A. P.* Concept of continuing education in Russian Federation: goals, features of legal regulation and management // Bulletin of Russian State Humanitarian University. Series: Economics. Control. Right. — 2011. — № 4 (66). — P. 9–28.

3. *Bogatyriova, K., Shirokova, G.* From entrepreneurial intentions — to creating a business: experience of Russian students // Foresight. — 2017. — № 3. — T. 11. — P. 25–36.

4. Twelve solutions for a new education. Report of Center for Strategic Research and Higher School of Economics [Electronic resource]. — Mode of access : https://www.hse.ru.

5. *Klyuchariov, G. A., Neverov, A. V.* Project «5-100»: some interim results // Bulletin of RUDN. Series: Sociology. — 2018. — № 18 (1). — P. 100–116.

6. *Kuzminov, Ya., Sorokin, P., Frumin, I.* General and special skills as components of human capital: new challenges for theory and practice of education // Forsyth. — 2019. — № 2. — T. 13. — P. 19–41.

7. Official website of Ministry of Education of Russian Federation [Electronic resource]. — Mode of access : https:// edu.gov.ru.

8. *Chepurenko, A., Kristalova, M., Vyurvikh, M.* Historical and institutional aspects of the role of universities in development of entrepreneurship // Foresight. — 2019. — № 4. — T.13. — P. 48–59.

9. Global Entrepreneurship Monitor 2019/2020 Global Report [Electronic resource]. — Mode of access : https:// www.gemconsortium.org.

10. *Mair, J., Marti, I.* Social entrepreneurship research: source of explanation, prediction, and delight // Journal of world business. — 2006. — Vol. 41. — № 1. — P. 36–44.

Н. Г. Кузнецов, С. Г. Тяглов, Н. Д. Родионова

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ ИХ ЭКОЛОГИЗАЦИИ[1]

Аннотация

В статье рассмотрен современный взгляд совершенствования концепции устойчивого развития социально-экономических систем в условиях их экологизации. Как следствие этого, показана базисная роль эколого ориентированной трансформации системы непрерывного образования в рамках акцентирования внимания на развитие в ней доминанты экологического воспитания и образования обучающихся. Уделено внимание экологизации инфраструктуры и производственной сферы социально-экономических систем в части поддержки альтернативной энергетики и предложен проект зеленого кластера ветряной энергетики Ростовской области как пример экологизации социально-экономических систем. В заключении представлены инструменты стимулирования зеленой экономики.

Ключевые слова

Концепция устойчивого развития, социально-экономические системы, экологизация экономики и образования, альтернативная энергетика, зеленые кластеры, наилучшие доступные технологии (НДТ).

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00860 «Формирование организационно-экономического механизма управления устойчивым развитием региональных инновационных систем на основе наилучших доступных технологий».

N. G. Kuznetsov, S. G. Tyaglov, N. D. Rodionova

DEVELOPMENT OF SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS IN CONDITIONS OF THEIR GREENING

Annotation

Article considers the modern view of improving the concept of sustainable development of socio-economic systems in conditions of their greening. As a result, the basic role of environmental-oriented transformation of system of continuing education is shown in framework of focusing on development of dominant environmental education and education of students in it. Attention is paid to the greening of infrastructure and production sphere of socio-economic systems in terms of supporting alternative energy, and project of green cluster of wind energy in Rostov region is proposed as example of greening socio-economic systems. In conclusion, the tools for stimulating the green economy are presented.

Keywords

Concept of sustainable development, socio-economic systems, greening of economy and education, alternative energy, green clusters, best available technologies (BAT).

Введение

Масштабы глобальных антропогенных воздействий на природные комплексы обусловливают необходимость гармонизированного типа отношений между социально-экономическим прогрессом и окружающей средой в рамках концепции «устойчивого развития» [7].

Концепция устойчивого развития претерпевает некоторые изменения, которые объясняются причинами как экономического, так и социально-экологического характера. Среди наиболее значимых следует отметить те экономические бифуркации, в рамках которых происходит переход к новому технологическому укладу, приводящему, в свою очередь, к активизации процессов цифровизации и экологизации производственной сферы. В последнее время произошли существенные изменения в структуре экономик всех стран мира в связи с распространением коронавирусной инфекции. Это привело к новому витку перехода всей социально-экономической системы к организации ее народнохозяйственной компоненты как системы работы на удаленном доступе при самоизоляции работников, что потребовало дополнительного развития форм автоматизации как условия выживания экономики всех стран. При этом новые реалии концепции устойчивого развития под воздействием экономических, медицинских, биохимических, политических и социальных факторов выделяют зеленые технологии и их обеспечивающие ресурсы — зеленые инвестиции и зеленые инструменты стимулирования экономики к обеспечению условий устойчивого развития, реализации их на практике как драйвера экономического роста.

Таким образом, необходимо осуществлять технологическую модернизацию производств во всех отраслях производственной сферы экономики при усилении протекционистской политики государства в направлении ее эколого ориентированного характера, опирающейся на стимулирование экологически чистых производств и рационального природопользования и фискально-запретительного пресса в отношении экологически грязных технологий и систем не удовлетворяющих требованиях энерго- и ресурсосбережения.

Материалы и методы

Под влиянием активизации цифровых технологий в индустриальной

экономике с одновременной его экологизацией, проникновением в повседневную жизнь, общество и экономику экологически чистых технологий происходит трансформация многих компонентов системы образования. Поэтому перед образовательной подсистемой социально-экономической системы стоит задача дополнения экологической компонентой процессов обучения и воспитания студентов и школьников. Этот процесс усиливается неопределенностью в потребности конкретных компетенций, знаний и навыков, которые будут востребованы уже в ближайшем будущем, а какие потеряют свою актуальность. Таким образом, потребности в экологических знаниях и компетенциях становятся неотъемлемой частью формируемого человеческого капитала, развитие которого происходит в условиях взаимодействия человека, природы и технологий.

Рассмотрение процесса формирования человеческого капитала через призму экологического развития страны выделяет в число приоритетных — систему непрерывного образования с ярко выраженной доминантой — экологического воспитания и образования, которая и обеспечит новый взгляд на необходимость и важность обеспечения устойчивого развития как совокупности действий в направлении социально-экологического благополучия природы и общества. Образование, нацеленное на подготовку специалистов — проводников идей зеленой экономики, в этих условиях приобретает особо востребованный характер.

В этом процессе вузам отводится важная роль интегратора экономического, социального и экологического пространства, объединяющего различные субъекты экономики, интересы которых соответствуют стандартам зеленой экономики. Система профессиональной подготовки, сложившаяся в России и в других странах, в ее нынешнем виде не в полной мере соответствует тем изменениям, которые переживают предприятия индустриального сектора и общество в целом. Поэтому задачей вузов, реализующих зеленые образовательные траектории, должно являться формирование у всех слоев населения осознанного признания ценности биологического разнообразия и экосистемных услуг и учета [3] всего этого на всех стадиях развития экономики.

Именно вузовское сообщество может стать новым укрупненным институтом формирования зеленой экономики, который объединит вокруг себя участников эколого-экономических отношений и сформирует у них экологическое мышление, направленное на осознанное соблюдение ими экологических норм и правил, продиктованных требованиями устойчивого развития. Принципы зеленой экономики опираются на инновационный тренд развития социально-экономических систем и соответствуют требованиям проведения в РФ индустриализации, направленной на достижение экономического роста при повышении конкурентоспособности выпускаемой продукции. В этом ракурсе следует рассматривать внедрение в практику стандартов и различного рода нормативных документов, подкрепляющих развитие зеленых технологий в рамках справочников по НДТ.

Остановимся отдельно на аспекте изменения инвестиционной структуры экономики в направлении реализации стратегии ресурсосбережения как условия перехода от преобладающих невозобновляющихся ресурсов к типу низкоуглеродных возобновляемым, способным снизить экологический вред от производственной деятельности.

Реализация парадигмы альтернативной энергетики и вторичного использования отходов производства и потребления в воспроизводственном процессе будет способствовать сокращению негативного влияния на природ-

ные ресурсы, бережному и одновременно эффективному природопользованию, направленному на ресурсосбережение и воспроизводство.

Развитие альтернативной энергетики и поддержка реализации проектов в этой сфере являются важными мерами государственной политики в сфере повышения энергетической эффективности. Однако в контексте вышесказанного, в условиях, когда большинство высокоразвитых держав мира будут искать пути снижения зависимости своих экономик от внешних источников энергетического сырья, а также в условиях глобального потепления, темпы которого ускоряются за счет сжигания топлива, будут развиваться рынки альтернативной энергетики.

Это, в свою очередь, требует создания соответствующей среды для поддержки проектов в данной сфере. Это приводит к изменениям в развитии сферы энергетики, трансформации энергетической инфраструктуры и модернизации внутренних и внешних рынков продукции и услуг, производимых и перспективно планируемых основными игроками в данной сфере национальной экономики.

Одним из путей реализации данного направления может стать кластерный подход, способствующий инновационному развитию и повышению конкурентоспособности как отдельного региона, так и страны в целом, в первую очередь, за счет эффективного взаимодействия государственных структур, крупных компаний, малых и средних предприятий, научно-исследовательских организаций. При этом особую значимость будет иметь формирование зеленых кластеров альтернативной энергетики, поскольку станет возможным проявление синергетического эффекта за счет обмена материально-техническими, финансовыми и трудовыми ресурсами, технологиями, знаниями и опытом между участниками формируемого кластера. Именно разработка единой платформы развития индустриальных секторов европейских стран должна содержаться в области кластерного их взаимодействия по вопросам реализации идей альтернативной энергетики.

Внедрение и дальнейшее развитие инновационных технологических процессов, ориентированных на возобновление энергетических источников, таких как внедрение солнечных, ветряных, гидроэлектростанций, приведет к снижению ущерба, наносимого окружающей природной среде. Помимо этого эксплуатация таких электростанций будет способствовать кардинальному понижению выбросов опасных для здоровья и окружающей экосистемы веществ в атмосферу и снижению ситуаций, связанных с разрушительными последствиями [2].

Результаты

Сама методология перехода энергетики на виды возобновляемых источников энергии в российских регионах представляет собой совокупность положений по их устойчивому развитию и опирающихся на концепцию реализации ее положений как эколого ориентированных, энергоэффективных и энергосберегающих мероприятий по обеспечению устойчивости социально-экономических систем. Так, схема выбора стратегии формирования зеленого кластера ветряной энергетики Ростовской области связана с обоснованием выбора этого вида альтернативной энергетики как наиболее подходящего для данного региона по природным и климатическим условиям. Нужны алгоритмы и модели перехода от традиционных источников энергии к низкоуглеродным видам альтернативной энергетики, анализ и диагностика результатов внедрения ветряной энергетики посредством реализации перспективных проектов по установке и запуску ветряных станций в муниципальных образованиях Ростовской области.

Ростовская область демонстрирует целесообразность формирования зеленого кластера ветряной энергетики. Теоретические результаты могут использоваться как экологические императивы развития альтернативной энергетики в современных условиях происходящих климатических изменений в социально-экономических системах и в дополнении к современным теориям новой парадигмы индустриального развития РФ. Практические же результаты исследования находятся в плоскости развития стратегических документов и программ социально-экономического развития российских регионов в части модернизации энергетических программ. При формировании проекта кластера используются результаты проектов «Модернизация системы ответственного финансирования и зеленых финансов в рамках формирования зеленого кластера ветряной энергетики Ростовской области».

Сегодня в Ростовской области введен в промышленную эксплуатацию еще один ветропарк — Гуковская ВЭС, третий донской ветропарк Фонда развития ветроэнергетики (совместный инвестиционный фонд, созданный на паритетной основе ПАО «Фортум» и группой РОСНАНО) с установленной мощностью 100 МВт в полном объеме с начала поставки на оптовый рынок электроэнергии и мощности (ОРЭМ). По информации «Агентства инвестиционного развития Ростовской области», на площадке Гуковской ВЭС возведено 26 ветроэнергетических установок по 3,8 МВт каждая, где производство основных компонентов — лопастей и башен — локализовано с участием группы РОСНАНО в Ульяновске и Таганроге (Ростовская область). Сборка гондол осуществляется на предприятии в Дзержинске (Нижегородская область). «Донские ветропарки «Фортума» и «РОСНАНО» расположены в так называемых бывших шахтерских территориях ростовского региона; успешная реализация масштабных проектов в сфере зеленой энергетики будет способствовать их инвестиционной привлекательности». С вводом в эксплуатацию Гуковской ВЭС суммарная мощность ветропарков фонда в Ростовской области составит 300 МВт. Кроме того, в настоящее время компания готовится выйти на стройплощадку «Казачьей ВЭС» установленной мощностью 100 МВт, которая будет четвертым ветропарком «Фортума» и группы РОСНАНО в Ростовской области.

Фонд развития ветроэнергетики реализует крупнейшую в РФ инвестпрограмму в сфере возобновляемых источников энергии. По результатам конкурсных отборов инвестиционных проектов по строительству генерирующих объектов, функционирующих на основе использования возобновляемых источников энергии, фонд получил право на строительство в различных регионах РФ 1823 МВт ветрогенерации (в том числе на Юге России — в Ростовской, Астраханской областях и Калмыкии — 776 МВт). Все ветропарки фонда должны быть введены в эксплуатацию до 2024 г. (рис. 1). Именно ветроэнергетика занимает центральное место в процессе перехода к современным методам получения энергии — необходимого разворота к экологически устойчивому будущему для всего общества. До начала коронавирусной инфекции мировой экономике практически удалось добиться значительного прогресса в осуществлении целей, обозначенных Парижским соглашением, а именно — предотвращении пагубного и необратимого изменения мирового климата. Пандемия привела к временному сокращению выбросов углекислого газа, однако, учитывая опыт, можно предполагать, что их объемы способны быстро вернуться к прежнему уровню.

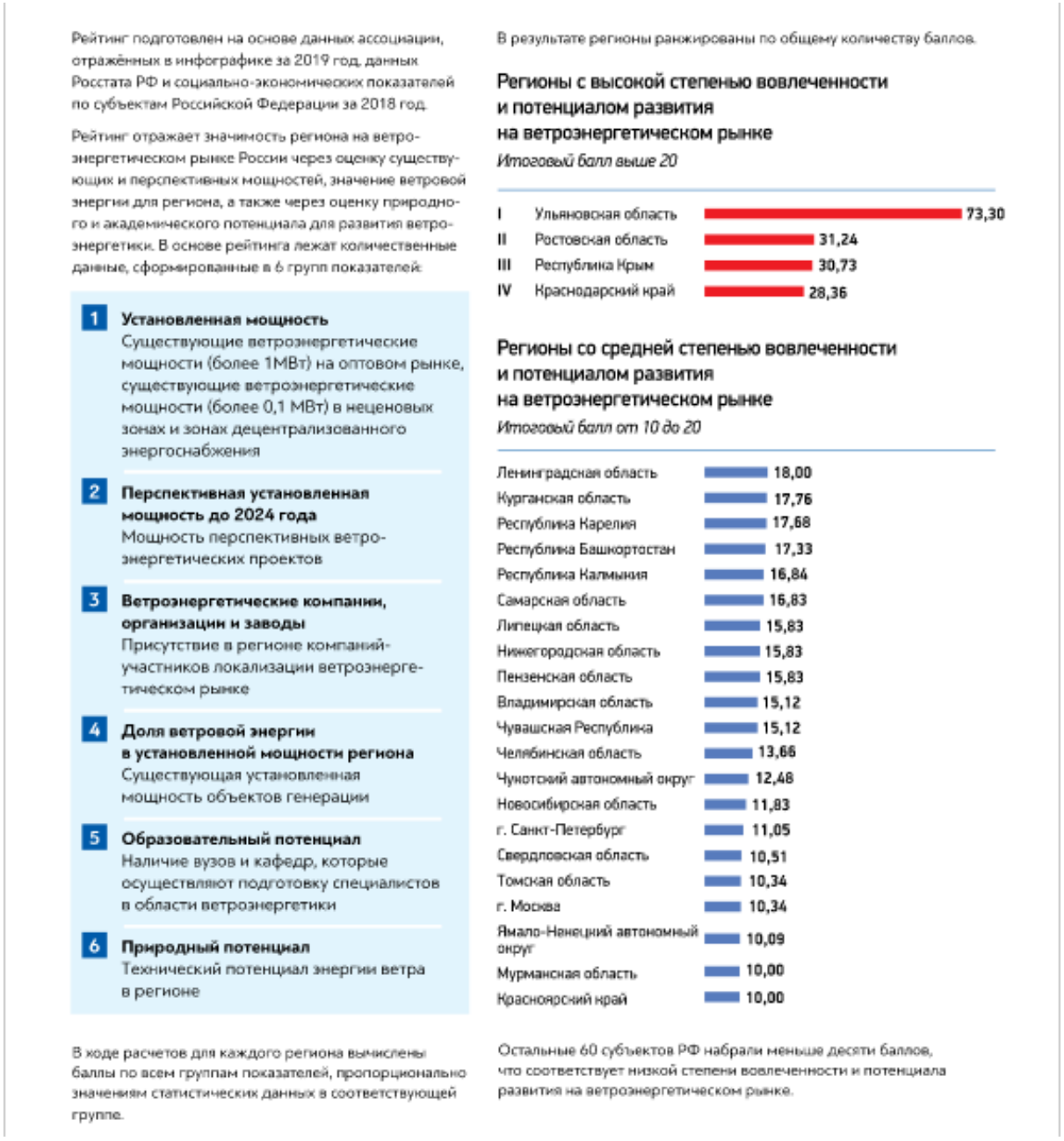


Рисунок 1 — **Рейтинг регионов России по вовлеченности в ветроэнергетический комплекс** [1]

Обсуждение

Государственное стимулирование процесса экологизации во всех отраслях народнохозяйственного комплекса России приобретает роль катализатора и интегратора инновационного развития в условиях экологических и социальных вызовов, и необходимо и целесообразно как инструмент снижения вреда от негативного воздействия на организмы живых существ. Зеленое инвестирование представляется эффективным инструментом, требующим особого внимания со стороны государственных структур в части его поддержки как на нормативно-правовом, так и на уровне предоставления дополнительных финансово-экономических преференций.

Важнейшая роль в этом процессе отводится внедрению на промышлен-

ных предприятиях с учетом российских экономических климатических и социальных условий наилучших доступных технологий. Наилучшими доступными технологиями согласно федеральному закону «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 27.12.2019) являются «технологии производства продукции (товаров, выполнения работ, оказания услуг), определяемые на основе современных достижений науки техники и наилучшего сочетания критериев достижения, целей охраны окружающей среды при условии наличия технической возможности ее применения» (ст. 28.1). В этой же статье указаны критерии наилучших доступных технологий, к которым относятся: наименьший уровень воздействия на окружающую среду на единицу времени или объем производимой продукции, экономическая эффективность ее внедрения и эксплуатации, применение ресурса и энергосберегающих методов, период внедрения, промышленное внедрение данной технологии на двух и более объектах, оказывающих негативное влияние на окружающую среду. В России ведется определенная работа по созданию нормативно-правового поля по внедрению наилучших доступных технологий, приняты федеральные законы, постановления Правительства РФ, распоряжения Правительства РФ по НДТ, ведомственные приказы Минпромторга, Росстандарта, Минприроды по разработке и внедрению НДТ. По мнению специалистов, переход на НДТ займет длительный период и окажет существенное позитивное воздействие на окружающую среду. Для осуществления внедрения НДТ в России, в соответствии с приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии, утвержден профильный технический комитет (ТК) по стандартизации «Наилучшие доступные технологии». Целью создания данного комитета является обеспечение промышленных предприятий различных отраслей документацией по стандартизации в области НДТ — информационно-техническими справочниками и стандартами. Правительством РФ утвержден график разработки отраслевых справочников НДТ. При разработке российских отраслевых справочников для гармонизации природоохранных предприятий используется опыт создания международных справочников. Созданные справочники НДТ ориентируют промышленные предприятия еще до внедрения комплексного технологического разрешения определять соответствие показателей выбросов и сбросов данного предприятия техническим стандартам НДТ, получить сертификат, свидетельствующий о соответствии нормативам экологической безопасности производства.

Выводы

Одним из важнейших приоритетов оздоровления окружающей среды и роста экологической культуры населения является усиление мотивации граждан к раздельному сбору мусора. Проблема утилизация мусора в последнее время приобретает особое значение. Организация системы раздельного сбора мусора способствует развитию в стране индустриальной переработки мусора, сокращению накопления мусора на полигонах, снижению загрязнения окружающей среды, экономии ресурсов за счет вторичной переработки на основе наилучших доступных технологий. Данная стратегия направлена на создание технологий замкнутого цикла, которая включает раздельный сбор и переработку отходов. Специалисты отмечают, что около 60 % бытого мусора (стекло, металл, пластик, бумага) могут служить вторичным сырьем для переработки, что позволяет отнести данную технологию к источникам устойчивого развития.

Таким образом, интересам государства полностью соответствует курс, взятый на реализацию политики зеленой экономики.

Библиографический список

1. Обзор российского ветроэнергетического рынка и рейтинг регионов России за 2019 г. / Российская Ассоциация Ветроиндустрии, РАВИ, 2020.

2. *Егорова, М. С., Глик, П. А.* Экологизация экономики и «зеленый рост» // Успехи современного естествознания. — 2014. — № 11. — С. 77–80.

3. *Макаренко, Е. Н., Тяглов, С. Г., Парада, Е. В.* Экологическое образование как необходимое условие развития зеленой экономики // Финансовые исследования. — 2019. — № 3 (64).

4. *Тяглов, С. Г., Бугаян, С. А.* Формирование алгоритмов и моделей устойчивого развития региона на принципах зеленой экономики : моногр. — Ростов н/Д, 2019.

5. Об охране окружающей среды : [Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 27.12.2019)].

6. *Cai, Z., Song, Y.* Environmental protection investment and sustainable development — policy simulation based on nonlinear dynamics // Energy Procedia. — 2011. — Vol. 5. — P. 467–471.

7. *Khaiter, P. A., Erechtchoukova, M. G.* Perspectives of sustainability: towards design and implementation // Sustainability perspectives: science, policy and practice. Springer. — 2020. — P. 3–17.

8. *Laforest, V.* Assessment of emerging and innovative techniques considering best available technique performances // Resources, conservation and recycling. — 2014. — Vol. 92. — P. 11–24.

Bibliographic list

1. Review of Russian wind energy market and rating of Russian regions for 2019 / Russian Association of wind Industry, RAVI, 2020.

2. *Egorova, M. S., Glik, P. A.* Ecologization of economy and green growth // Success of modern natural science. — 2014. — № 11. — P. 77–80.

3. *Makarenko, E. N., Tyaglov, S. G., Parada, E. V.* Environmental education as a necessary condition for development of green economy // Financial research. — 2019. — № 3 (64).

4. *Tyaglov, S. G., Bugayan, S. A.* Formation of algorithms and models of sustainable development of region on principles of green economy : monograph. — Rostov-on-Don, 2019.

5. On environmental protection : [Federal law from 10.01.2002 № 7-FZ (as amended on 27.12.2019)].

6. *Cai, Z., Song, Y.* Environmental protection investment and sustainable development — policy simulation based on nonlinear dynamics // Energy Procedia. — 2011. — Vol. 5. — P. 467–471.

7. *Khaiter, P. A., Erechtchoukova, M. G.* Perspectives of sustainability: towards design and implementation // Sustainability perspectives: science, policy and practice. Springer. — 2020. — P. 3–17.

8. *Laforest, V.* Assessment of emerging and innovative techniques considering best available technique performances // Resources, conservation and recycling. — 2014. — Vol. 92. — P. 11–24

О. В. Мартыненко

РОЛЬ МАРКЕТИНГА В РАЗВИТИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Аннотация

В статье анализируется роль маркетинга в развитии промышленности в России в условиях цифровизации. Исследованы возможные положительные последствия для экономики и, промышленности, в частности, от внедрения элементов Индустрии 4.0.

Сделаны выводы о возможности получения отмеченных положительных эффектов в России при развитии сотрудничества на идейной платформе маркетинга взаимодействия, позволяющей учитывать интересы производственных компаний, государства, территорий, создавать на территориях локализации промышленных предприятий отраслевые партнерства.

Ключевые слова

Промышленные предприятия, маркетинг, маркетинг взаимодействия, цифровизация, Индустрия 4.0.

O. V. Martynenko

ROLE OF MARKETING IN DEVELOPMENT OF INDUSTRY IN CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF ECONOMY

Annotation

Article analyzes the role of marketing in development of industry in Russia under the conditions of digitalization. Possible positive consequences for economy and industry, in particular, from introduction of elements of Industry 4.0, are investigated. Conclusions are made about possibility of obtaining the noted positive effects in Russia when developing cooperation on ideological platform of interaction marketing, which allows taking into account the interests of production companies, state, territories, and creating industry partnerships in territories of localization of industrial enterprises.

Keywords

Industrial enterprises, marketing, interaction marketing, digitalization, Industry 4.0.

Введение

Для промышленных предприятий вопросы полноценного внедрения маркетинга в свою деловую практику являются актуальными, поскольку позволяют сделать бизнес клиентоориентированным. Ориентация на потребителей в условиях высокой конкуренции важна и особо проявляется на промышленном рынке, где предприятиям приходится работать в сегменте B2B и B2G, что предполагает наличие пула крупных ключевых потребителей, взаимоувязанность с интересами и запросами которых обеспечивает успех.

Цифровизация экономики и жизни современного социума вносит свои изменения в процессы взаимодействия предприятий и их потребителей, меняет возможности проведения аналитической работы. Маркетинговая активность, в свою очередь, в рамках цифровой экономики повышает возможности инновационной ориентации бизнеса. В данном контексте для промышленности характерен так называемый инженерный архетип инновационного развития, сопряженный с маркетинговыми компетенциями, аналитикой и выведением на рынки инновационной продукции [3]. Данные обстоятельства актуализируют исследование роли маркетинга в развитии промышленности в условиях цифровизации.

Материалы и методы

В исследовании вопроса роли маркетинга в развитии промышленности в условиях цифровизации анализируются функциональные сферы маркетинга в части информационного обеспечения промышленных предприятий, применения концептуальных положений маркетинга взаимодействия, прогнозируемые результаты цифровизации экономики и

промышленности в мире и в России. Использованы общенаучные методы описания, сопоставления, обобщения, системного и компаративного анализа, синтеза полученной информации.

Обсуждение

Цифровые технологии меняют возможности функционирования предприятий в различных отраслях и сферах деятельности. Маркетинговые технологии и возможности маркетинговых решений в развитии бизнеса также возрастают благодаря возможности полноценного информационного обеспечения и аналитики масштабных объемов данных в режиме реального времени.

В целом, вопросы внедрения маркетинга и маркетингового управления на промышленных предприятиях анализируют различные авторы, например, М. Искосков и Е. Каргина, делающие акцент на вопросах обслуживания промышленными предприятиями клиентов из B2B B2C сегмента [4, 5]. Авторы подчеркивают приоритет ориентации на ключевых потребителей промышленного предприятия в сегменте B2B, в чем с ними солидарны другие исследователи, например, О. Юлдашева, отмечающая необходимость координации маркетинговых действий предприятия с восприятием потребительской ценности [11].

Другие зарубежные и отечественные исследователи также уделяют большое внимание вопросам информационного обеспечения, которое в рамках тотальной цифровизации возрастает, при планировании и управлении маркетингом. Например, О. Ойнер подчеркивает значение специфики учета отраслевой информации и доведения сведений до всех заинтересованных подразделений промышленного предприятия, а также его партнеров [7].

В. Делон, Е. Маклинс и С. Петтер выделяют в качестве ключевых такие качества информационной системы маркетинга, как системность (позволяющая получать полноценную картину происходящего) и качество (достоверность, измеримость и возможность сравнения) [15].

Ряд специалистов отмечают необходимость оценки возможных рисков и их нивелирования посредством качественной маркетинговой информации на промышленных рынках [13]. Другие современные эксперты акцентируют необходимость связи данных информационной системы маркетинга с запросами ключевых потребителей [14].

Помимо информационной насыщенности в условиях цифровизации возрастает значение маркетинга взаимодействия, способствующего росту конкурентоспособности участников таких долгосрочных партнерских деловых союзов. Преломляя вопросы маркетинга взаимодействия к сфере деятельности промышленных предприятий, российские специалисты — представители Петербуржской экономической научной школы развивают концепцию маркетинга пространственного взаимодействия. Так, Г. Багиев, О. Шульга дают этому явлению следующее определение: «… маркетинг рассматривается как сложная, большая система, требующая постоянного мониторинга и оценки ее эффективности с учетом неоднозначности процессов, происходящих в бизнес-среде, и факторов государственного регулирования предпринимательства» [2].

Большинство ученых сходятся во мнении о главенстве информационного обеспечения, функционирования информационной системы маркетинга на промышленном предприятии для выстраивания маркетинга взаимоотношений в B2B сегменте с ключевыми потребителями [6].

Указанная точка зрения является обоснованной, поскольку при выстраивании маркетинга взаимоотношений возможно с опорой на построение полноценного информационного обеспечения решать задачи долгосрочного и взаимовыгодного взаимодействия с клиен-

тами и партнерами на основе понимания их нужд, запросов и прогнозов возникновения определенных потребностей, отвечать которым необходимо будет промышленному предприятию в части предложения продукции и комплекса сопутствующих сервисов.

В таком контексте можно отметить ведущую роль маркетинга взаимоотношений или, в случае с промышленными предприятиями, пространственного взаимодействия в рамках развития промышленного сектора России по траектории Индустрии 4.0, которая предполагает сотрудничество и тотальную цифровизацию бизнеса, драйвером которой во многом выступает маркетинговая активность, нацеленная на упрочнение контактов и полноценную информационную аналитику.

Результат

Цифровые преобразования в промышленности являются одним из приоритетов в развитии экономики России. Тем не менее в настоящее время уровень роботизации производств существенно уступает мировым (по экспертным данным, в 20 раз ниже аналогов, лидирующих по этому показателю экономик) [16]. Изменению ситуацию и занятию лидирующих позиций может способствовать активное внедрение Индустрии 4.0, проявляющейся в полномасштабном внедрении Интернет и IT-технологий во все сферы жизнедеятельности и производства.

Для реализации такого сценария промышленным предприятиям необходимо в практической сфере опираться на концептуальные основы маркетинга взаимодействия в части выстраивания долгосрочных контактов с представителями государственного сектора, партнерами, поставщиками и ключевыми потребителями. Долгосрочное взаимодействие в рамках цифровизации опирается на цифровые стратегии и выстраивание деловой экосистемы промышленных предприятий, вовлекающих в единое пространство технологических партнеров и клиентов, сотрудничающих на принципах единой цифровой культуры.

Прогнозируются существенные выгоды от повсеместного внедрения IT-технологий, например, интернета вещей (рис. 1).

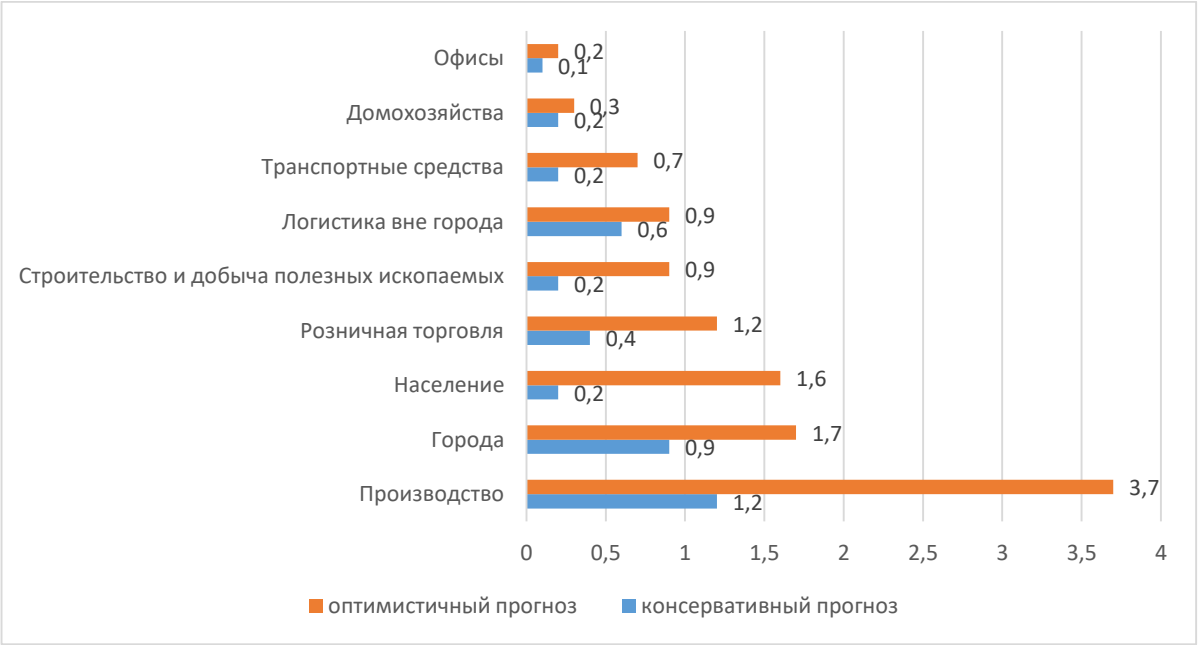


Рисунок 1 — **Прогнозируемый вклад интернета вещей в экономику по ряду направлений к 2025 г., трлн долл.** [10]

Соответственно, согласно существующим прогнозам вклад интернета вещей в мировую экономику совокупно по всем направлениям может составить от почти 4 до 11 трлн долл. Отмечаются также потенциальные выгоды от полномасштабного внедрения в практику Индустрии 4.0 (рис. 2).

Рисунок 2 — **Прогнозируемые выгоды от внедрения Индустрии 4.0 к 2025 г., %** [10]

Характеризуя ситуацию в России, отметим, что по данным Центра стратегических разработок «Анализ важнейших структурных характеристик производственных мощностей обрабатывающей промышленности России», мощности в промышленности нуждаются в обновлении, поскольку «средний возраст мощностей, например, в нефтепереработке составляет более 19 лет, в металлургии — порядка 17 лет, в химическом производстве — 14 лет» [1]. Сегодня в России на 10 тыс. рабочих приходится порядка 3 промышленных роботов, тогда как, среднемировым показателем является 69 ед., а для развитых стран уровень роботизации достигает 100 единиц на 10 тыс. рабочих [10]. Согласно существующим данным доля России на рынке промышленных роботов также значительно уступает зарубежным показателям (рис. 3). Схожая ситуация наблюдается в настоящее время в отношении наличия в России станков с числовым программным управлением в соотношении с общим количеством станков (рис. 4).

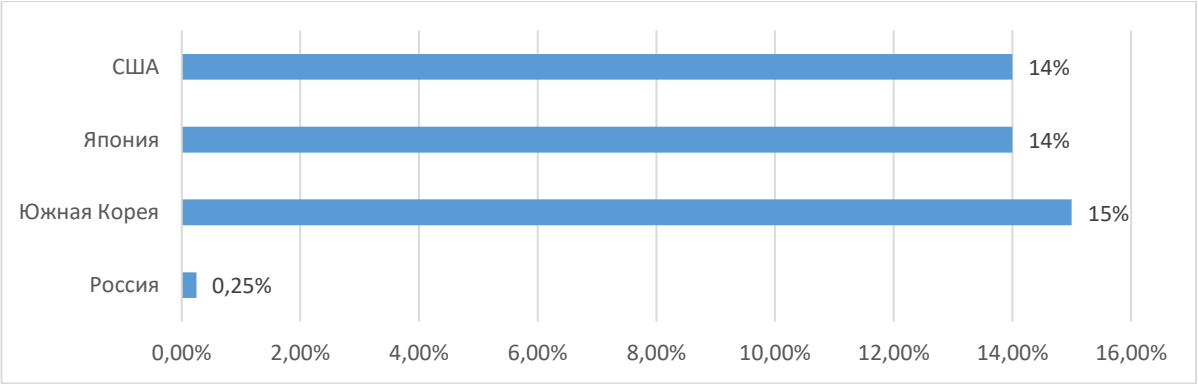


Рисунок 3 — **Доля ряда государств на мировом рынке промышленных роботов в 2016 г., %** [9]

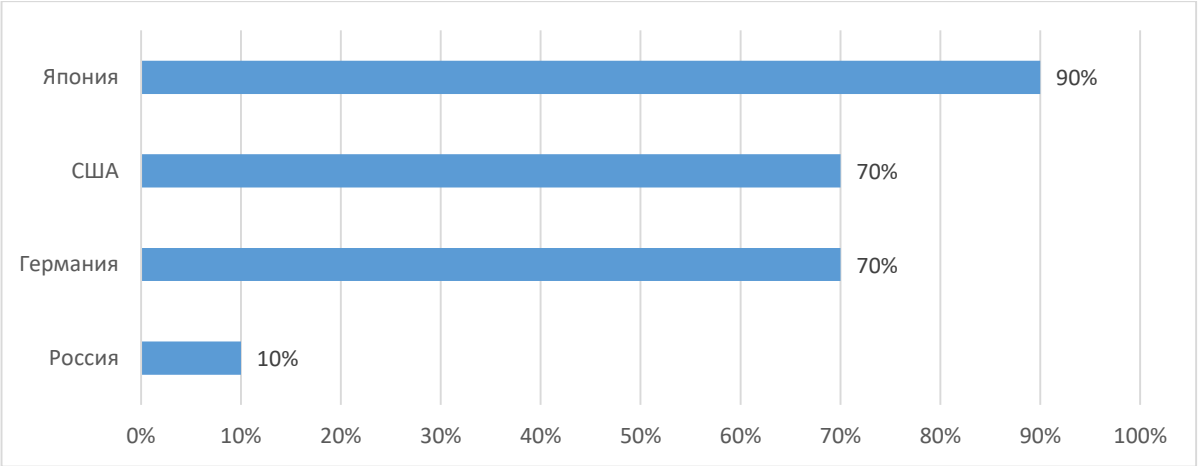


Рисунок 4 — **Доля станков с числовым программным управлением в соотношении с общим количеством станков в ряде государств мира в 2016 г., %** [12]

В сложившейся практике российские промышленные компании не готовы вкладывать значительные средства в развитие технологических новинок, что сдерживает развитие отечественного сектора Индустрии 4.0, поскольку проявился тренд использования уже апробированных зарубежных новинок.

Тем не менее в рамках предпринимаемых в стране усилий по развитию цифровой экономики [8], цифровизации промышленности и реализуемых мероприятиях по Национальной технологической инициативе существуют прогнозы, согласно которым к 2025 г. от полномасштабного внедрения элементов Индустрии 4.0 в российскую промышленность будет обеспечен прирост объема ВВП в размере от 1,3 до 4,1 трлн руб. ежегодно [10]. Более детально существующие экспертные прогнозные данные проиллюстрированы на рисунке 5.

Рисунок 5 — **Прогнозируемый эффект от внедрения элементов Индустрии 4.0 в России к 2025 г., млрд руб.** [10]

Внедряемые технологии, в целом, снижают общие издержки за счет повышения качества прогнозирования и аналитики, возможности полномасштабного оперирования большими данными; устранения простоев оборудования и подливания жизненного цикла оборудования. Однако отмеченные эффекты и положительное развитие в рамках сценария внедрения технологий Индустрии 4.0 в России возможно при развитии сотрудничества, как уже отмечалось, на идейной платформе маркетинга взаимодействия, позволяющей учитывать интересы производственных компаний, государства, территорий, создавать на территориях локализации промышленных предприятий отраслевые партнерства.

Сотрудничество на принципах концепции маркетинга взаимодействия может позволить промышленным предприятиям выстроить грамотное сотрудничество с государственными структурами, фондами поддержки инноваций для совместных инвестиций и снижения возможных рисков, свойственных инновационным траекториям хозяйствования. Следует также отметить, что бизнес-активность на принципах маркетинга взаимодействия позволит промышленным компаниям в партнерстве с заинтересованными аудиториями развиваться в модели Индустрии 4.0, а функционирование бизнеса в таком формате повысит информационную обеспеченность маркетинговых решений и ориентации на запросы ключевых потребителей, что также будет способствовать получению позитивных результатов и упрочнению позиций промышленных предприятий на развиваемых рынках.

Выводы

В рамках развития промышленности в условиях цифровизации с акцентом на практическое внедрение элементов Индустрии 4.0 возрастает значение маркетинга в работе промышленных предприятий, а именно: маркетинга взаимодействия (взаимоотношений), направленного на формирование деловых экосистем, включающих в себя, помимо промышленных предприятий, государственные структуры, участвующие в инвестировании инновационных проектов, партнерские структуры и ключевых потребителей, полноценная аналитика потребностей которых и следование им позволяют упрочнить позиции промышленным предприятиям. Такая идейная и практическая направленность может позволить российским промышленным предприятиям преодолеть существующие сложности и достичь прогнозируемых эффектов от масштабного перехода на формат Индустрии 4.0.

Библиографический список

1. Анализ важнейших структурных характеристик производственных мощностей обрабатывающей промышленности России [Электронный ресурс] / Центр стратегических разработок. — М., 2017. — Режим доступа : http://csr.ru.

2. *Багиев, Г. Л., Шульга, А. О.* К вопросу формирования системных свойств маркетинга // Проблемы современной экономики. — 2011. — № 4. — С. 223–227.

3. Инновации в России — неисчерпаемый источник роста. Отчет Mckinsey [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.mckinsey.com.

4. *Искосков, М., Каргина, Е.* Модель управления системой маркетинга на предприятиях промышленного сектора // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. — 2019. — № 3. — Т. 2. — С. 60–67.

5. *Каргина, Е. В.* Формулировка уникального торгового предложения на основе выявления конкурентных преимуществ // Экономика и социум. — 2018. — № 10 (53). — С. 31–35.

6. Маркетинг взаимодействия: новые направления исследований и ин-

струментарий : моногр. / под общ. ред. Г. Л. Багиев, Ю. Ф. Попова. — Сыктывкар, 2014.

7. *Ойнер, О. К.* Формирование системы информационного обеспечения маркетинговой деятельности промышленных предприятий : автореф. дисс. д. э. н., 2002.

8. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://static.government.ru.

9. Промышленная робототехника в России и мире [Электронный ресурс] / НАУРР. — М., 2016. — Режим доступа : http://robotunion.ru.

10. Цифровая Россия: новая реальность. Отчет Mckinsey [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.mckinsey.com.

11. *Юлдашева, О. У.* Промышленный маркетинг: Теория и практика : учеб. пособие. — СПб., 1998.

12. CNC machine tool market analysis 2016–2020 with industry chain structure, competitive landscape illuminated by new report [Электронный ресурс] / WhaTech. — 06.09.2016. — Режим доступа : https://www.whatech.com.

13. *Li, X., Sun, Sh. X., Chen, K., Fung, T., Wang, H.* Design Theory for Market Surveillance Systems // Journal of Management Information Systems. — 2015. — № 2. — P. 278–313.

14. *Mocean, L., Pop, C.-M.* Marketing recommender systems: New approach in digital economy // Informatica Economica. — 2012. — № 4. — P. 142–149.

15. *Petter, S., DeLone, W., McLean, E.* Measuring information systems success: Models, dimensions, measures, and interrelationships // European Journal of Information Systems. — 2008. — № 17 (3). — P. 236–263.

16. World Robotics Industrial Robots [Электронный ресурс] / Международная федерация робототехники. — 29.09.2016. — Режим доступа : https://ifr.org/worldrobotics.

Bibliographic list

1. Analysis of the most important structural characteristics of manufacturing capacities in Russian manufacturing industry [Electronic resource] / Center for strategic development. — M., 2017. — Mode of access : http://csr.ru.

2. *Bagiev G. L., Shulga A. O.* On formation of system properties of marketing // Problems of modern economy. — 2011. — № 4. — P. 223–227.

3. Innovation in Russia is inexhaustible source of growth. Mckinsey Report [Electronic resource]. — Mode of access : https://www.mckinsey.com.

4. *Iskakov, M., Kargin, E.* Model of system management of marketing enterprises in industrial sector // Bulletin of Volga State University named by V. N. Tatishchev. — 2019. — № 3. — Vol. 2. — P. 60–67.

5. *Kargina, E. V.* Formulation of unique trade offer based on identifying competitive advantages // Economy and society. — 2018. — № 10 (53). — P. 31–35.

6. Interaction marketing: new research directions and tools : monogr. / ed. by G. L. Bagiev, Yu. Ph. Popova. — Syktyvkar, 2014.

7. *Oyner, O. K.* Formation of information support system for marketing activities of industrial enterprises : thesis of diss. of PhD, 2002.

8. Program «Digital economy of RF» [Electronic resource]. — Mode of access : http://static.government.ru.

9. Industrial robotics in Russia and world [Electronic resource] / NASR. — M., 2016. — Mode of access : http://robotunion.ru.

10. Digital Russia: new reality. Mckinsey Report [Electronic resource]. — Mode of access : https://www.mckinsey.com.

11. *Yuldasheva, O. Yu.* Industrial marketing: Theory and practice : textbook. — SPb., 1998.

12. CNC machine tool market analysis 2016–2020 with industry chain struc-

ture, competitive landscape illuminated by new report [Electronic resource] / WhaTech. — 06.09.2016. — Mode of access : https://www.whatech.com.

13. *Li, X., Sun, Sh. X., Chen, K., Fung, T., Wang, H.* Design Theory for Market Surveillance Systems // Journal of Management Information Systems. — 2015. — № 2. — P. 278–313.

14. *Mocean, L., Pop, C.-M.* Marketing recommender systems: New approach in digital economy // Informatica Economica. — 2012. — № 4. — P. 142–149.

15. *Petter, S., DeLone, W., McLean, E.* Measuring information systems success: Models, dimensions, measures, and interrelationships // European Journal of Information Systems. — 2008. — № 17 (3). — P. 236–263.

16. World Robotics Industrial Robots [Electronic resource] / World Federation of robotics. — 29.09.2016. — Mode of access : https://ifr.org/worldrobotics.

О. Н. Миргородская, О. В. Иванченко

РАЗВИТИЕ ИНСТРУМЕНТАРИЯ HR-МАРКЕТИНГА НА ОСНОВЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация

Статья посвящена исследованию инструментов HR-маркетинга на основе цифровых технологий, которые организации используют для привлечения кандидатов. Представлены результаты исследования по актуальным аспектам формирования и развития HR-маркетинга компаниями в различных отраслях и сферах деятельности. Обоснована необходимость использования цифровых технологий HR-маркетинга в современном информационном социуме для эффективности управления кадровыми процессами в организации.

Ключевые слова

Маркетинг отношений, HR-маркетинг, инструменты HR-маркетинга, HR-бренд, бренд работодателя, цифровые технологии, маркетинг в социальных сетях, event-маркетинг.

O. N. Mirgorodskaya, O. V. Ivanchenko

DEVELOPMENT OF HR-MARKETING TOOLS BASED ON DIGITAL TECHNOLOGIES

Annotation

Article is devoted to research of HR-marketing tools based on digital technologies that organizations use to attract candidates. Results of research on topical aspects of formation and development of HR-marketing by companies in various industries and spheres of activity are presented. Necessity of using digital technologies of HR-marketing in modern information society for effective management of personnel processes in organization is proved.

Keywords

Relationship marketing, HR-marketing, HR-marketing tools, HR-brand, employer brand, digital technologies, social media marketing, event marketing.

Введение

В настоящее время многие предприятия сталкиваются со сложными кадровыми проблемами в условиях турбулентности экономических процессов. Крупным компаниям приходится конкурировать не только с организациями на внутреннем рынке, но и с иностранными фирмами, которые зачастую делают все более привлекательные предложения квалифицированным кадрам. При этом роль кадрового обеспечения в реализуемой маркетинговой деятельности значительна, поскольку лояльное отношение персонала к компании является основой успешного рыночного функционирования [1].

«В рамках реализации маркетинга отношений в деятельности компании и развития концепции внутреннего маркетинга персонал является уже не ресурсом и не капиталом, а ценным активом и потенциальным источником роста. В данном аспекте следует сохранять заинтересованность сотрудников и проводить мониторинг их лояльности в коллективе, равно как привлекать в коллектив наиболее ценных и перспективных сотрудников используя современный инструментарий HR-маркетинга» [2].

В условиях необходимости формирования позитивного имиджа компании уже можно отметить большой научный и практический интерес к HR-маркетингу [3, 6, 7, 10], являющемуся одним из основных инструментов управления кадровыми процессами в организации и формирования рыночной стратегии развития. Предпосылками к началу развития этого направления послужил рост конкуренции за квалифицированный персонал.

Очевидно, что HR-маркетинг ориентирует работодателя на запросы соискателей, формируя и транслируя предложения более подходящих и привлекательных условий труда. Задачей HR-маркетинга становится не только ориентация на закрытие вакансий, но построение сильного HR-бренда для оценки работы фирмы на протяжении всей ее хозяйственной деятельности. Такое понимание HR-маркетинга делает его не частной управленческой функцией, реализуемой отделом персонала, а важной частью концепции маркетинга отношений.

Материалы и методы

Информационной основу статьи составили результаты исследования по актуальным аспектам формирования и развития HR-маркетинга компаниями в различных отраслях и сферах деятельности с учетом сложившегося международного и российского опыта; а также научно-практическая проработка данных аспектов, проведенная специалистами-практиками.

Решение поставленных в исследовании задач осуществлялось на основе применения общенаучных методов познания: системного анализа, сравнительного и логического анализа, обобщения, синтеза полученной информации, метода экспертных оценок, а также на основе анализа результатов маркетинговых исследований, проведенных методом опроса.

Результаты

Роль HR-маркетинга значительно изменилась в последние годы. Поиск, привлечение и удержание талантливых сотрудников является первоочередной задачей для бизнеса. Согласно 18-му ежегодному опросу руководителей PwC, 73 % респондентов обеспокоены поиском сотрудников. Руководители опасаются, что становится все труднее набирать и удерживать людей, которые будут опытными, высокопроизводительными и вписываются в корпоративную культуру компании. А без талантливых специалистов поддержание конкурентного преимущества, адаптация к изменениям в отрасли и развитие бизнеса практически невозможны [11].

С другой стороны, хотя на сегодняшний день необходимость использования концепции HR-маркетинга в

современных условиях на рынке труда не вызывает сомнения, на многих предприятиях существуют барьеры применения HR-маркетинга, что обусловлено отсутствием маркетинговой ориентации руководителей и специалистов кадровых служб.

Сайт marhr.ru в 2018 г. провел исследование, опросив более 300 руководителей компаний, с целью анализа трендов HR-маркетинга [9]. В опросе приняли участие представители различных отраслей и сфер деятельности (рис. 1).

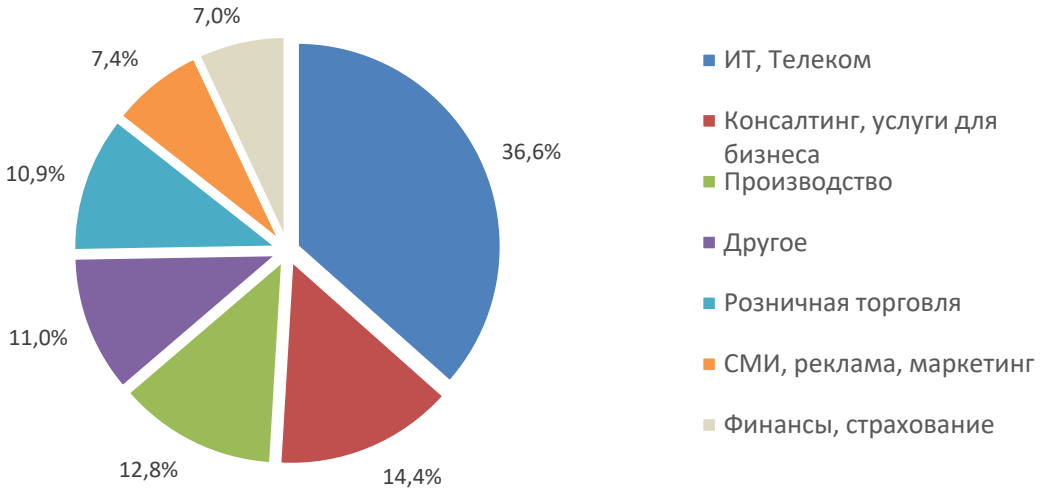


Рисунок 1 — **Данные по отраслям компаний, участвующих в опросе marhr.ru**

На диаграмме видно, что отрасли, связанные с информационными технологиями, консалтингом и промышленностью занимают ведущее место по количеству заинтересованных и участвующих в опросе компаний. Это показывает, что данные сферы нуждаются в поиске квалифицированных сотрудников и привлечении новых талантов.

Следующим важным показателем был вопрос «Что такое для Вас HR-маркетинг?». Данные по этому ответу на вопрос представлены на рисунке 2.

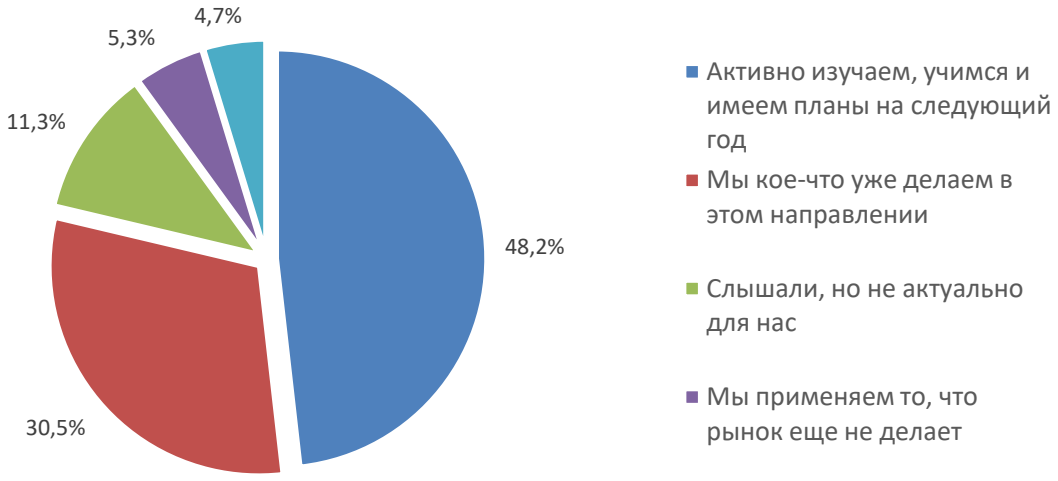


Рисунок 2 — **Ответы на вопрос «Что такое для вас HR-маркетинг?»**

Из рисунка 2 видно, что уже в 2018 г. 48,2 % респондентов активно изучало инструментарий HR-маркетинга. 30,5 % уже использовали маркетинговые инструменты, при этом только 5,3 % компаний использовали инновации в данной области.

Деятельность HR-маркетинга направлена не только на привлечение сотрудников, но и на построение бренда работодателя. Поэтому вопрос о том, работают ли компании с брендом работодателя, был очевидным и показал положительные результаты в данном исследовании (рис. 3).

Рисунок 3 — **Данные по вопросу «Работаете ли Вы с брендом работодателя?»**

По данным опроса 55,7 % компаний работают над построением бренда работодателя, 21,2 % планируют начать работу над HR-брендом в ближайшее время, и всего лишь 14,7 % уже имеют четкое позиционирование и стратегию. В целом результаты довольно позитивные, особенно то, что совсем не знают о бренде работодателя всего лишь 2 %.

Также в представленном исследовании задавались вопросы по современным инструментам HR-маркетинга, которые организации используют для привлечения кандидатов. По результатам исследования только 17 % организаций имеют карьерный сайт, который работает и приносит конверсии, а 28 % опрошенных даже не собираются делать отдельный сайт, несмотря на то, что это отличная возможность донести преимущества компании до целевой аудитории.

В эпоху цифровизации одним из самых важных инструментов продвижения компании и привлечения целевой аудитории является SMM. Популярность маркетинга в социальных сетях за последнее время взлетела с неимоверной скоростью. Однако не каждая компания понимает для чего действительно нужен SMM. Поэтому следующий вопрос (рис. 4) выглядел так: «Используют ли в Вашей компании SMM для закрытия HR-задач?».

Рисунок 4 — **Данные по вопросу «Используют ли в Вашей компании SMM для закрытия HR-задач?»**

Результаты показали, что отдельная страница для закрытия HR-задач есть только у 22,5 % опрошенных. Используют социальные сети для активного поиска примерно 31,5 %, почти столько же и используют социальные сети вообще. Для 28,9 % контент генерируют рекрутеры, а 25,1 % используют для этого ранее созданные корпоративные страницы.

Социальные сети уже не являются связью исключительно личных контактов. Многие пользователи давно привыкли, что могут лично связаться не только с их друзьями, но и с представителем компании, услугами которой они пользуются. Поэтому многие зарубежные компании вводят в штат должности SMM-специалистов, чтобы разработать стратегию прогресса и поддержания HR-бренда в социальных сетях [10].

Еще одним важным инструментом является реклама. Результаты ответа на вопрос «Используете ли вы рекламу?» представлены на рисунке 5. Результаты таковы, что половина компаний вообще не используют рекламу. Контекстной рекламе отдают предпочтение 13,8 % компаний, 14,8 % предпочитают использовать баннерную рекламу, и другие виды рекламы используют всего 5 %. Больше всего опрошенных предпочитают таргетированную рекламу — 31,8 %. Это самая популярная реклама среди компаний, которые стараются привлечь персонал рекламой.

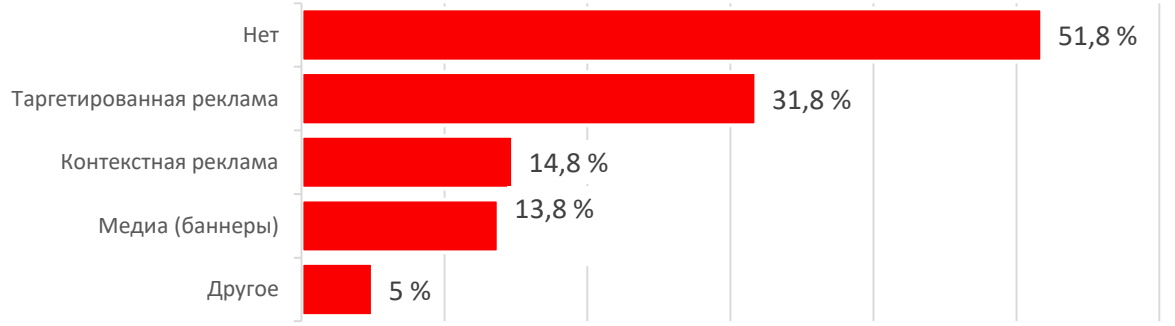


Рисунок 5 — **Результаты ответа на вопрос «Используете ли вы рекламу?»**

Рассматривая таргетированную рекламу, можно выделить следующие причины данного маркетингового подхода для поиска кандидатов на работу.

Настройка узкой целевой аудитории. Цель рекламной кампании заключается в том, чтобы максимально точно ориентировать кампанию на целевую аудиторию, вплоть до членов конкретного тематического сообщества.

Низкая стоимость. Объявления о вакансиях в социальных сетях имеют

одну из самых низких цен за клик (нажатие на ссылку в объявлении). Причина в том, что эти посты не имеют ярко выраженного рекламного характера и считаются качественными, как пользователями, так и алгоритмами социальных сетей.

В поисках лучшего. Ценные профессионалы редко публикуют резюме в местах поиска работы. Особенно, если у них уже есть работа. Таргетированная реклама позволяет найти даже тех, кто ни то, что не ищет работу, но даже не публикуют резюме на карьерных вебсайтах. Следовательно, улучшается качество воронки кандидатов.

Обсуждение

В современном информационном социуме HR-маркетинг все больше уходит в цифровизацию процессов и управление клиентским опытом сотрудников и соискателей в новом коммуникационном пространстве. Как уже отмечалось ранее, одним из инструментов HR-маркетинга является сайт. Так, на сайте Ростсельмаш есть старица «Карьера в компании». Здесь рассказываются краткие сведения о компании, об образовательных программах, сведения об открытых вакансиях и отзывы от сотрудников, работающих в разных отделах и на разных уровнях (рис. 6).

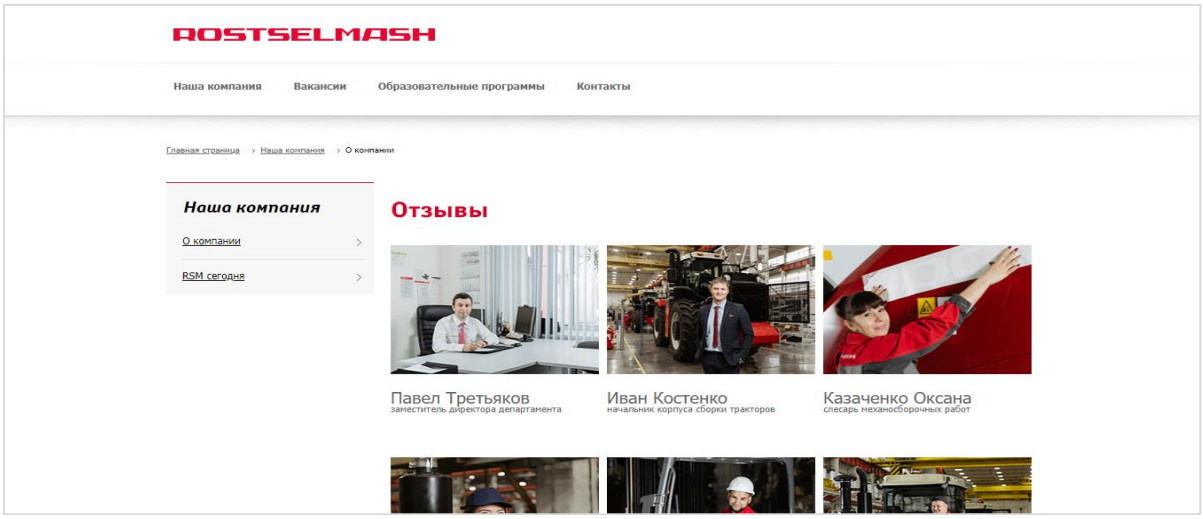


Рисунок 6 — **Карьерная страница на официальном сайте ООО «Комбайновый завод «Ростсельмаш»»**

Следующий современный инструмент — HR-видеомаркетинг. Перед совершением покупки пользователи читают комментарии, смотрят видео. Клиенты больше доверяют роликам: можно посмотреть на продукт и увидеть результаты, которые он дает. Нетрудно решить, действительно ли товар является полезным. При подборе кадров видео часто является элементом реферальной программы или карьерного сайта. Но оно может использоваться и как самостоятельный инструмент. Так, у Mail.ru есть YouTube-канал, где публикуются видеозаписи событий, выступления экспертов и обзоры продукции. Увидев видео, соискатель больше узнает о компании. Если ему нравится то, что он видит, он хочет быть частью команды. Ролики «День из жизни» или «Посещение офиса» помогают рассказать о ценности компании и особенностях корпоративной культуры. Кандидат виртуально встречается практически со всеми своими коллегами и руководителями. Кандидаты, которые отвечают на вакансии после просмотра роликов, более мотивированы. У Аэрофлота и O'STIN есть видеоролики формата «День из жизни». Aviasales и Яндекс устраивают видео-экскурсии по офису [5].

Event-маркетинг также является действенным инструментом HR. Основной целью event-маркетинга в продажах является привлечение целевой аудитории и продажа продукции. Обычная реклама уже не так эффективна и провоцирует у клиентов негативные эмоции по отношению к бренду, поэтому event-маркетинг является хорошей альтернативой. Event-маркетинг в HR помогает улучшить узнаваемость бренда работодателя. Компания может принимать участие в днях университетского образования или в центрах занятости. Организовать фестивали и конференции для работников определенной сферы, устраивать хакатоны. Так, компания устанавливает личные и эмоциональные связи с возможными кандидатами. Корпоративные мероприятия также помогают укрепить имидж организации на рынке труда и привлечь кандидатов: юбилеи компании, игры, пикники, праздничные вечера. Этот инструмент помогает увеличить вовлеченность и верность не только внутри организации, но и за ее пределами [4].

«Информационно-коммуникационная инфраструктура HR-маркетинга может включать следующие элементы [8]:

1. E-mail маркетинг. Инструмент помогает ускорить рекрутинг и повысить качество. В рассылку входят кандидаты, имеющие первоначальный интерес к общению с компанией, если они подписаны на новости и обновления в блогах или социальных сетях.

2. Экспертный контент Инструмент повышает лояльность как потенциальных кандидатов, так и персонала организации. На специальных площадках, связанных с бизнесом, компания размещает статьи своих специалистов. Хорошим примером является веб-сайт Habr, созданный для IT-специалистов.

3. Геймификация. В RBHealth & Hybrid есть 8 игр в разделе «Карьера и практика»: стрелять по микробам средством для чистки, поймать баллончики с краской, которые летят на экран. Чтобы сохранить баллы, необходимо зарегистрироваться. Таким образом компания получает информацию о пользователях и может связаться с ними.

4. Работа с отзывами в сети Интернет. Кандидат смотрит в среднем 6 источников, прежде чем принять решение, приходить ли в компанию. Негативная критика без ответа или положительные мнения, написанные как по шаблону, могут оттолкнуть соискателя».

Работа с негативными комментариями также оказывает влияние на образ компании в целом, а так как в социальных сетях негатив встречается намного чаще, чем где-либо еще, то просмотрев страницы компании, можно сделать выводы о работе с негативными отзывами (рис. 7).

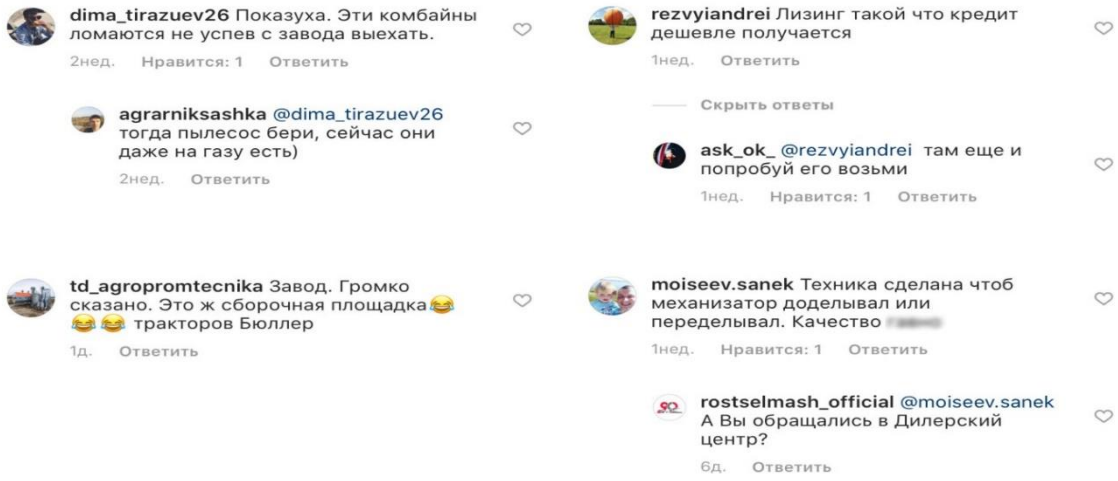


Рисунок 7 — **Пример работы с негативными комментариями в официальном аккаунте ООО «Комбайновый завод «Ростсельмаш»»**

Как видно из рисунка 7, SMM-менеджеры компании «Ростсельмаш» отвечают на один из четырех негативных комментариев, что влияет на их репутацию не лучшим образом. Конечно, отрицательные отзывы крайне редко бывают конструктивными, но работать с ними необходимо.

Выводы

В условиях высокой конкуренции необходимо регулярно использовать инструменты HR-маркетинга на основе цифровых технологий. Сегодня вся жизнь и работа людей перешла в диджитал пространство, поэтому искать соискателей и продвигать бренд работодателя следует на территории целевой аудитории. В этом может помочь использование SMM, создание карьерной страницы, таргетированная реклама, E-mail маркетинг, геймификация, а также работа с отзывами в Интернете.

Библиографический список

1. *Bondarenko, V. A., Ivanchenko, O. V., Mirgorodskaya, O. N., Demyanchenko, N. V.* Role of staff marketing in increasing business performance // European Research Studies Journal. — 2017. — № 3. — Т. 20. — С. 320–325.

2. *Бондаренко, В. А., Иванченко, О. В.* Роль маркетинга персонала в развитии фирмы в условиях изменяющейся рыночной среды [Электронный ресурс] // Архивариус. — 2017. — № 1 (16). — Режим доступа : https://cyberleninka.ru.

3. *Воронин, М., Кабицкая, Д., Тихонова, Н.* HR-квест. Как сделать сотрудников адвокатами бренда. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2018.

4. *Жураховский, А. С.* Применение инструментов маркетинга HR-сфере // Современная экономика России: достижения, актуальные проблемы и перспективы развития : сб. материалов всерос. науч. конф. — 2019. — С. 35–40.

5. *Иронимус, Ф.* Бренд как магнит для новых сотрудников [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://vest nikmckinsey.ru.

6. *Краснова, Н. В.* HR-стратегия: инструменты разработки и реализации. — М., 2017.

7. *Кучеров, Д. Г.* Бренд работодателя: область маркетинга или управления человеческими ресурсами? [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.vestnikmanagement.spbu.ru.

8. *Ларина, А.* Инструменты маркетинга в HR. Как использовать, чтобы продать вакансию и быстрее привлечь профессионалов // Директор по персоналу. — 2019. — № 2 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://e.hr-director.ru.

9. *Михель, А.* HR-маркетинг в 2018 г.: исследование и тренды [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://marhr.ru

10. *Папонова, Н.* Маркетинг в области управления персоналом [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://dis.ru/library.

11. Российский выпуск 18-го Ежегодного опроса руководителей крупнейших компаний мира [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https:// www.pwc.ru.

Bibliographic list

1. *Bondarenko, V. A., Ivanchenko, O.V., Mirgorodskaya, O. N., Demyanchenko, N. V.* Role of staff marketing in increasing business performance // European Research Studies Journal. — 2017. — № 3. — T. 20. — P. 320–325.

2. *Bondarenko, V. A, Ivanchenko, O. V.* Role of marketing personnel in development of company in changing market environment [Electronic resource] // Archivarius. — 2017. — № 1 (16). — Mode of access : https://cyberleninka.ru.

3. *Voronin, M., Kabitskaya, D., Tikhonova, N.* HR-quest. How to make employees brand lawyers. — M. : Mann, Ivanov and Ferber, 2018.

4. *Zhurakhovskiy, A. S.* Application of marketing tools in HR sphere // Modern economy of Russia: achievements, current problems and prospects of development :

materials of all-Russian scient. conf. — 2019. — P. 35–40.

5. *Ironimus, F.* Brand as magnet for new employees [Electronic resource]. — Mode of access : http://vestnikmckinsey.ru.

6. *Krasnova, N. V.* HR-strategy: tools for development and implementation. — M., 2017.

7. *Kucherov, D. G.* Employer's brand: field of marketing or human resource management? [Electronic resource]. — Mode of access : www.vestnikmanagement.spbu.ru.

8. *Larina, A.* Marketing tools in HR. How to use it to sell a vacancy and attract professionals faster // HR Director. — 2019. — № 2 [Electronic resource]. — Mode of access : https://e.hr-director.ru.

9. *Michel, A.* HR-marketing in 2018: research and trends [Electronic resource]. — Mode of access : https://marhr.ru.

10. *Paponova, N.* Marketing in field of personnel management [Electronic resource]. — Mode of access : http://dis.ru.

11. Russian issue of 18th Annual survey of managers of world's largest companies [Electronic resource]. — Mode of access : https://www.pwc.ru.

С. С. Морковина, Ю. Н. Степанова

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕДПРИЯТИЯ: ОЦЕНКА И МАТРИЦА ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Аннотация

Вектор развития экономики России направлен на технологическую модернизацию и инновационную активность хозяйствующих субъектов. Инновационный потенциал предприятия ключевая и стратегическая составляющая, необходимая для инновационного развития экономических систем микро, мезо и макроуровня. В науке разработано и адаптировано к российским условиям значительное число методов оценки инновационного потенциала предприятия. В то же время единый методологический подход к оценке инновационного потенциала, позволяющий осуществлять позиционирование и выстраивать прогнозы развития инновационной деятельности в условиях динамичного окружения, отсутствует. Статья развивает методологию управления инновациями в части оценки инновационного потенциала предприятия. Цель исследования заключается в формировании единого методического подхода к оценке инновационного потенциала предприятий, как основы для принятия управленческих решений превентивного характера в области инновационной деятельности. Задачи: разработать матрицу позиционирования инновационного потенциала предприятия, как ключевого элемента методики оценки инновационного потенциала предприятия. При рассмотрении методологии оценки инновационного потенциала в исследовании применены методы сравнения, обобщения, при выявлении причинно-следственных связей и закономерностей перемещения предприятия по матрице возможностей инновационного потенциала — метод синергии. По результатам апробации методического подхода к оценке инновационного потенциала крупных и средних предприятий региональной системы стало возможным установить причинно-следственные связи между инновационной деятельностью предприятий и факторами мезо и макросреды региона. Результативность инновационной деятельности предприятий, выражающаяся в производстве инновационной продукции, является главным фактором, ограничивающим высокие оценки региональной системы в рейтинге Российского инновационного индекса.

Сформированная методика оценки инновационного потенциала крупных и средних инновационных предприятий ведущих отраслей региональной системы может быть полезна при изучении условий инновационной деятельности предприятий и позволяет наряду с выявлением причин не достаточной эффективности коммерциализации инноваций, определить вектора развития инновационного потенциала. В целях конвергенции в оценках инновационного потенциала необходимо формирование единого метода учета, принятия и отражения в отчетности инновационной продукции, инноваций, инновационных затрат, как основы информационного обеспечения системы управленческих решений в инновационной деятельности на микро, мезо и макро уровнях.

Ключевые слова

Инновационный потенциал предприятия, методика оценки, матрица возможностей, причинно-следственные связи.

S. S. Morkovina, Yu. N. Stepanova

INNOVATIVE POTENTIAL OF ENTERPRISE: ASSESSMENT AND MATRIX OF OPPORTUNITIES

Annotation

Vector of modern Russian economy is aimed at technological modernization and innovative development. Today, an increasing number of managers of domestic enterprises are interested in fully realizing their innovative potential. This need is due to search for hidden opportunities inherent in innovative potential as a tool to increase non-price competition. Purpose of study is to establish cause-and-effect relationships that affect the indicators of comprehensive assessment of innovative potential, which determines the change in position of enterprise in matrix field of opportunities. Objectives: to substantiate a comprehensive assessment of innovative potential of enterprise on basis of index: economic and technological development and ability to innovate; by testing to identify causal relationships based on the move enterprise for feature matrix of innovation potential. When considering the methodology for assessing innovation potential, study uses methods of comparison, generalization, and when identifying cause-and — effect relationships-the method of synergy. Revealed cause-and-effect relationships between the factors and consequences that determine the value of indices for evaluating the innovative potential of enterprise increase its innovative activity and ensure economic growth not only of enterprise itself, but also of regional system as a whole.

According to the study authors, a comprehensive assessment of enterprise's innovative potential and to establish cause-effect relationships that can produce a strategy for the use and enhancing the innovative capacity of enterprise to enhance competitiveness.

Keywords

Innovative potential of enterprise, assessment methodology, matrix of opportunities, cause-and-effect relationships.

Введение

Сегодня тренды мирового развития экономических систем отождествляются с переходом стран-лидеров к шестому технологическому укладу. Адаптация экономик США, Японии, Бельгии, Швейцарии, Китая, Индии, Бразилии и России к новым мировым условиям, осуществляется путем инвестирования в технологическое развитие, в «инновационный рывок».

Для России это означает увеличение валовой добавленной стоимости инновационного сектора в валовом внутреннем продукте до 17 %, увеличение доли инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции до 25 % и повышение внутренних затрат на исследования и разработки до 3 % от ВВП.

Насколько высока вероятность реализации таких серьезных задач, и какими возможностями располагает экономики России, ориентированная преимущественно на экспорт традиционных энергоносителей. В очередной раз Россия принимает вызов в глобальном масштабе конкурентной борьбы за факторы, определяющие конкурентоспособность национальной инновационной системы. Очень важно эту конкурентную борьбу не проиграть не только странам-лидерам в число которых стремится России в соответствии с Указом Президента № 204 «О Национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период 20204 г.» [1], но и многим развивающимся странам, странам СНГ. Не допустить этого возможно лишь в случае наращивания показателей освоения достижений в научно-технологическом плане и инновационном развитии во всех отраслях, а не только в ОПК, изменив при этом отчетную статистику отечественных и крупных международных компаний в пользу России [2]. Более того, на итоговой конференции в Нью-Дели в 2019 г., были озвучены результаты доклада по Global Innovation Index (Глобальному инновационному индексу, ГИИ). Данные представленные по 129 странам и рейтинг по уровню инновационного развития опять определил лидерство индекса ГИИ на протяжении 2012–2018 гг. Швейцарии.

Россия в мировом рейтинге занимает 46-е место, сохраняя свои позиции относительно уровня 2018 г. Индекс ГИИ по своей структуре включает в себя два субиндекса: первый — ресурсы инноваций, второй — результаты научно-технической и инновационной деятельности. По итогам доклада было отмечено стабильное улучшение ситуации по первому субиндексу на 11 пунктов, и ухудшение ситуации по степени воздействия второго субиндекса на экономику и общество на 10 [3].

В период с 2015–2019 гг. Индекс ГИИ России понизился на два пункта.

Позиция России — 31-е место среди 39 стран Европы и в соответствии с расчетными значениями индекса, исходя из показателей ВВП на душу населения, показатель нашей страны выше среднего и она занимает 6-е место из 34 возможных.

Согласно ГИИ в качестве преимуществ России выделяют три позиции: человеческий капитал и науку, позиция характеризуется показателями масштабности высшего образования и наличием выпускников научных и инженерных специальностей; уровень развития бизнеса, позиция характеризуется показателями работников, занятых в сфере наукоемких услуг; развитие технологий и экономики знаний, позиция характеризуется показателями результатов инновационной деятельности: число патентных заявок на изобретения и на полезные модели, качество научных публикаций. В качестве негативного влияния на общую эффективность инновационной деятельности России отмечают две позиции: законодательно-правовую, влияющую на кредитный портфель микрофинансовых учреждений и сделки с использованием венчурного капитала, а также инфраструктуру.

В целом, за период 2013–2019 гг. Россия существенно нарастила свой инновационный потенциал на фоне мирового уровня, улучшив позиции в ГИИ с 62-го до 46-го места (+16 пунктов за 7 лет). Но, здесь стоит отметить опыт Китая, страны, совершившей самый большой рывок индекса (+6 пунктов за 1 год).

По мнению генерального директора Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), Фрэнсиса Гарри: «Стремительный взлет Китая — отражение стратегического курса, взятого высшим руководством этой страны на развитие инновационного потенциала мирового значения, а также перевод структурной базы национальной экономики на более наукоемкие отрасли, основанные на инновациях, в интересах сохранения конкурентного преимущества. Это знаменует появление многополярных инноваций» [3].

Основываясь на вышеизложенном, только инновации, исследования и разработки способны привести Россию к потенциально новым экономическим реалиям [2]. Таким образом, заданный вектор инновационного развития экономики становится предопределяющим для предприятий, инновационный потенциал которых стоит развивать, анализировать и оценивать, превращая его в систематическую инновационную деятельность [4, 5, 6].

Инновационный потенциал — важная стратегическая составляющая, необходимая для прогрессивного развития на микро-мезо и макроуровнях. Под потенциалом (от лат. potential — сила) в широком смысле этого слова подразумеваются имеющиеся в наличии средства, резервы, источники, которые могут быть применены для достижения поставленной цели. Существует большое множество точек зрения исследователей, отражающих методологические и концептуальные подходы к оценке инновационного потенциала. Для оценки инновационного потенциала предприятий в странах Европы, а с 2019 г. и в России использует официальная методика Осло [7]. В тоже время исследователями данной проблематики для оценки инновационного потенциала, используются несколько распространенных подходов: ресурсный, ресурсно-рыночный, и стоимостной [8, 9, 10, 11, 12].

Ресурсный подход по сути отражает оценку влияния производственно-технических, кадровых, финансовых, ресурсов на инновационный потенциал предприятия [13, 14, 15, 16, 17, 18].

Ресурсно-рыночный подход оценивает влияние ресурсов инновационного потенциала на функционирование предприятия в условиях рынка [19, 20, 21].

Стоимостной подход отражает оценку инновационного потенциала на основе экономической добавленной стоимости предприятия при учете факторов, влияющих на определение прироста стоимости [22].

Отечественными учеными разработано значительное число методик оценки инновационного потенциала предприятия. В то же время несмотря на значительное количество исследований по управлению инновационными процессами и активные поиски путей объективной оценки величины инновационного потенциала, многие методологические и методические вопросы этой важной проблемы еще не решены [23, 24, 25]. Более того, в силу дивергенции как в понятийном аппарате, так и в методах исчисления инновационного потенциала, необходимо выработать единый методологический подход к его оценке, который бы обеспечивал проведение сравнений результативности на всех уровнях (микро, мезо и макро) инновационной деятельности и позволял выстраивать прогнозы ее развития при динамичном изменении параметров внешнего и внутреннего окружения.

Методика

В основу методики оценки инновационного потенциала предприятий, с учетом существующих социально-экономических и институциональных возможностей и ограничений, положен авторский подход, опирающийся на рейтинговый метод оценки [26].

Итоговый показатель рейтинговой оценки инновационного потенциала предприятий определяется путем суммирования оценок отдельных критериев.

Основными инструментами методики оценки инновационного потенциала предприятий являются индексы, критерии и индикаторы, квадратная матрица и алгоритм анализа инновационного потенциала. Методика устанавливает порядок проведения оценки инновационного потенциала, а именно:

1. выбор исходных индикаторов инновационной деятельности из информационной базы;

2. расчет критериев по определенным алгоритмам;

3. расчет темпов роста (снижения) критериев;

4. идентификация изменения критерия по оценочной шкале;

5. позиционирование предприятия в рамках квадратной матрицы;

6. формирование заключения по результатам оценки инновационного потенциала.

В качестве информационной базы для анализа инновационного потенциала предприятий используются данные, содержащиеся в:

– отчетности по РСБУ (Бухгалтерский баланс; Отчет о финансовых результатах; приложения к Балансу и Отчету);

– форме государственного статистического наблюдения № 4 — инновация «Сведения об инновационной деятельности организации».

Оценка инновационного потенциала предприятия следуя методике происходит по двум индексам: экономико-технологическому индексу (Іэт), который оценивает инновацию как продукт и индексу способности к инновациям (Іспи), который оценивает инновацию как процесс.

Каждый индекс декомпозируется на десять критериев, отражающих кадровый, научно-технический, производственно-технологический и организационно-управленческий потенциал, способность и готовность предприятия к инновациям (табл. 1) [26]. Такой системный подход к оценке инновационного потенциала позволяет не только с различных сторон оценить влияние факторов на инновационный потенциал предприятия, но и выявить наиболее важные, ключевые причины, решающим образом влияющие на состояние системы [26].

Оценка критериев в составе индексов, происходит на основании определения темпов роста путем сопоставления соответствующего значения за отчетный год и значения за год, предшествующий отчетному. Положительная динамика критерия оценивается в 1 балл, отрицательная или нулевая динамика оцениваются в 0 баллов. Таким образом, суммируя общее количество баллов определяют значение индексов (Іэт) и (Іспи). Каждому количеству баллов соответствует качественное состояние оценки индекса инновационного потенциала предприятия. 10 баллов — максимально высокий уровень; 9–8 баллов — высокий уровень; 7–6 баллов — средний уровень; 5 баллов — умеренно средний уровень; 4 балла — умеренно низкий уровень; 3–1 балл — низкий уровень; 0 баллов — минимально низкий уровень.

Таблица 1 — **Критерии и индексы для оценки инновационного потенциала предприятия** [26]

Критерии экономико-технологического индекса (Іэт)	**Критерии индекса способности к инновациям (Іспи)**
Фондоотдача (Іэт $_1$)	Доля работников, занятых исследованиями и разработками в общем количестве работников (Іспи $_1$)
Фондовооруженность (Іэт $_2$)	Доля работников с учеными степенями и знаниями в общем количестве работников (Іспи $_2$)
Доля внеоборотных активов в структуре имущества предприятия (Іэт $_3$)	Уровень профильного высшего образования работников (Іспи $_3$)
Доля НМА в структуре внеоборотоных активов организации (Іэт $_4$)	Доля затрат на обучение персонала в общих затратах на технологические инновации (Іспи $_4$)

Критерии экономико-технологического индекса (Iэт)	Критерии индекса способности к инновациям (Iспи)
Доля оборотных активов в структуре имущества предприятия (Iэт $_5$)	Доля затрат на научные исследования и разработки, выполненные собственными силами в объеме затрат на производство и реализацию инновационных продуктов (товаров, работ, услуг) (Iспи $_5$)
Коэффициент автономии (Iэт $_6$)	Доля затрат на инновационную деятельность и охрану прав на ее результаты в структуре общих затрат на производство и реализацию инновационных продуктов (товаров, работ, услуг) (Iспи $_6$)
Производительность труда (Iэт $_7$)	Доля затрат на производство и реализацию инновационных продуктов (товаров, работ, услуг) в структуре общих затрат на производство и реализацию продуктов (товаров, работ, услуг) (Iспи $_7$)
Соотношение используемых и созданных РИД (Iэт $_8$)	Доля инновационных продуктов (товаров, работ, услуг) в общем объеме произведенных продуктов (товаров, работ, услуг) (Iспи $_8$)
Показатель собственных оборотных средств (Iэт $_9$)	Доля собственных (созданных) инноваций в общем количестве используемых инноваций (созданных и приобретенных) (Iспи $_9$)
Рентабельность продаж (Iэт $_{10}$)	Рентабельность инвестиций в производство и реализацию инновационных продуктов (товаров, работ, услуг) (Iспи $_{10}$)

Результаты и их обсуждение

Рассмотренная ранее методика оценки инновационного потенциала предприятия, может получить свое развитие для целей прогнозирования инновационной активности предприятия. В этой связи, результата оценки инновационного потенциала может быть помещен в квадратную матрицу, при построении которой по оси *У* отложены выстроенные по мере их возрастания значения балльной оценки экономико-технологического индекса, и по оси *Х* отложены выстроенные по мере их возрастания значения балльной оценки индекса способности предприятия к инновациям, как это представлено на рисунке 1.

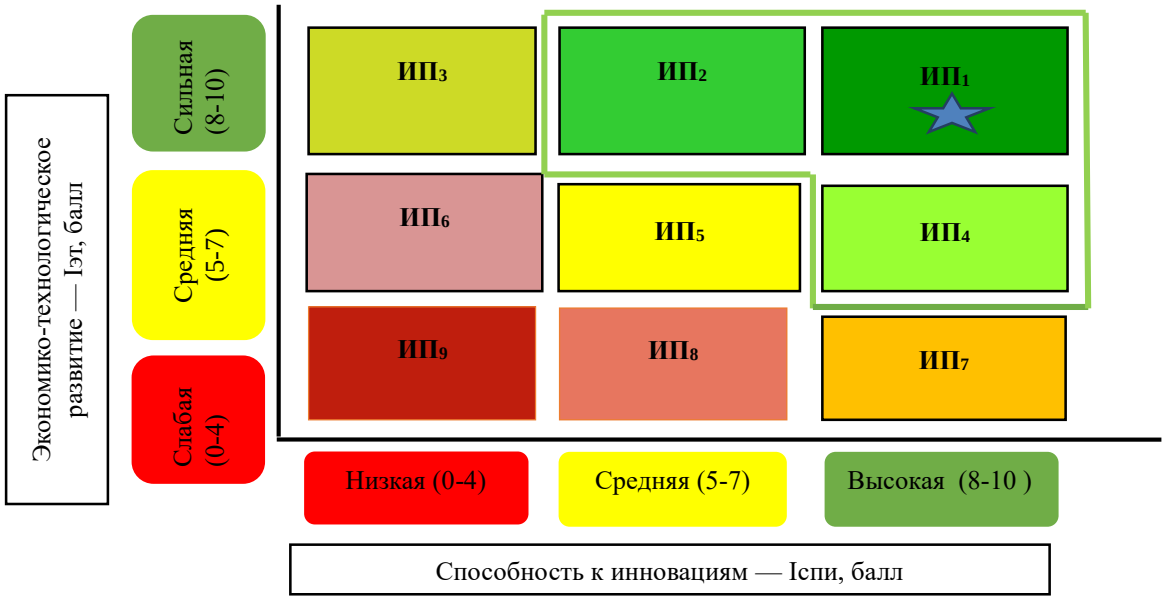


Рисунок 1 — **Матрица позиционирования инновационного потенциала предприятия**

В данной матрице можно выделить девять зон — квадратов, каждый из которых характеризует инновационный потенциал предприятия, изменяющийся по мере продвижения от левого нижнего к правому верхнему квадрату. Отметим, что пересечению каждого из двух агрегированных индексов соответствует одна из зон инновационного потенциала организации, обозначенная на рисунке *ИП1, ИП2, ИП3….. ИП9.* Для идентификации качества индекса используется оценочная шкала, в которой, высокий уровень индекса соответствует значениям от 8 до 10 баллов, средний уровень индекса соответствует значениям 5–7 баллов низкий уровень демонстрируют индексы, набравшие менее 4 баллов. В связи с этим при позиционировании инновационного потенциала в рамках квадратной матрицы примем, что зеленая зона характеризует высокий инновационный потенциал предприятия, которой соответствуют значения индексов от 8 до 10 баллов и максимальный уровень обеспеченности ресурсами при наибольшей восприимчивости к инновациям. К зеленой зоне относятся квадраты $ИП_1$, $ИП_4$, матрицы, а предприятия, дислоцированные в этих квадратах, являются лидерами в сфере инноваций.

Желтая зона характеризует средний инновационный потенциал предприятия, которой соответствуют значения индексов от 5 до 7 баллов и достаточный уровень обеспеченности ресурсами при устойчивой восприимчивости к инновациям.

Красная зона характеризует низкий инновационный потенциал предприятия, которой соответствуют значения индексов ниже 4 баллов и низкий уровень обеспеченности ресурсами при неустойчивой восприимчивости к инновациям.

Подчеркнем, что в рамках зеленой зоны возможно выделение предприятий абсолютных инновационных лидеров $ИП_1$, имеющих максимальное значение баллов по обоим индексам, что свидетельствует об ориентации предприятия на системное создание и коммерциализацию инноваций, отражает высокую инновационную активность в сочетании с устойчивостью ресурсной базы. В случае если один из индексов имеет количество баллов отличное от максимального, инновационный потенциал снижается и предприятие позиционируется как инновационный лидер или успешный традиционалист, (табл. 2).

Таблица 2 — **Позиционирование инновационного потенциала предприятия на основе индексов оценки**

Значение индексов (Iэт) / (Iспи) в баллах	**Идентификатор инновационного потенциала**	**Условное обозначение в матрице возможностей инновационного потенциала**	
8-10 / 8-10	Абсолютный лидер инноваций		$ИП_1$
8-10 / 5-7	Успешный традиционалист — Умеренный новатор		$ИП_2$
8-10 / 0-4	Успешный традиционалист — Скромный новатор		$ИП_3$
5-7 / 8-10	Умеренный традиционалист — Лидер инноваций		$ИП_4$
5-7 / 5-7	Умеренный традиционалист — Умеренный новатор		$ИП_5$
5-7 / 0-4	Умеренный традиционалист — Скромный новатор		$ИП_6$
0-4 / 8-10	Скромный традиционалист — Лидер инноваций		$ИП_7$
0-4 / 5-7	Скромный традиционалист — Умеренный новатор		$ИП_8$
0-4 / 0-4	Аутсайдер инноваций		$ИП_9$

Рассмотрим дислокацию предприятия, при которой (Iэт) имеет максимальное значение, а (Iспи) принимает значение, соответствующее средней оценке.

При этом для характеристики инновационного потенциала предприятия используем статус — «успешный традиционалист — умеренный новатор».

Для такого предприятия характерно наличие ресурсов, финансовая стабильность и значительная конкурентоспособность производимой продукции, за счет развития производительных сил и производственных отношений, наличия трудовых и производственных ресурсов, эффективности использования хозяйственного механизма в целом. Эффективное развитие предприятия скорее является следствием управления ресурсами, нежели инновациями. Существует большая вероятность того, что предприятие ориентировано на приобретение инноваций и адаптационное заимствование успешного опыта лидера в сфере создания новых продуктов и технологий.

Дислокацию предприятия, при которой (Iэт) имеет значение, соответствующее средней оценке, а (Iспи) принимает максимальное значение, охарактеризуем как — «умеренный традиционалист — лидер инноваций».

Высокая оценка инновационного потенциала предприятия формируется за счет изобретений, открытий, новой техники и технологий, совершенствования методов организации и управления и находит свое отражение в масштабах интеллектуальной собственности, НИОКР и т. д. В двух других зонах матрицы (желтая и красная) по аналогии с зоной, рассмотренной выше, можно выделить квадраты, позволяющие дифференцированно подойти к оценке инновационного потенциала предприятий, используя статусы (см. табл. 2). При таком подходе становится возможным проследить изменение инновационного потенциала предприятия за ряд лет, рассматривая перемещение двух индексов: экономико-технологического индекса и индекса способности к инновациям по ячейкам матрицы, и оценить инновационные возможности хозяйствующего субъекта.

Разработанная методика была апробирована на базе десяти крупных и средних промышленных предприятий Воронежской области. Благодаря апробации стало возможным установить причинно-следственные связи между инновационным потенциалом предприятий и факторами мезо и макросреды региональной системы.

Процедура оценки инновационного потенциала предприятий включала совокупность этапов действий. Процесс сбора информации — ключевой этап аналитической работы по оценке инновационного потенциала, поэтому на первом этапе осуществляется сбор исходных данных из информационной базы, в качестве которой были использованы опросные анкеты и сведения, отраженные в форме государственного статистического наблюдения № 4-инновация «Сведения об инновационной деятельности организации».

На втором этапе были сформированы базы данных индикаторов, необходимых для расчета критериев в разрезе групп:

– критерии, необходимые для оценки инновационного потенциала предприятия по (Iэт);

– критерии, необходимые для оценки инновационного потенциала предприятия по (Iспи).

На третьем этапе осуществлялся расчет критериев в разрезе двух групп по установленным формулам. Далее были рассчитаны динамичные темпы роста критериев, необходимые для балльной оценки индексов. В продолжение было выполнено сравнение темпов роста критериев нормативом, принимаемым за 1, что позволило установить позитивную, стабильную или негативную динамику изменения составляющих инновационного потенциала предприятия. Балльная оценка инновационного потенциала предприятия осуществлялась по двум индексам: (Iэт) и (Iспи).

На заключительном этапе осуществлено позиционированием предприятия в рамках квадратной матрицы с присвоением статуса, как показано в таблице 2. При таком подходе становится возможным проследить изменение инновационного потенциала предприятия за ряд лет, рассматривая перемещение двух индексов: экономико-технологического индекса и индекса способности к инновациям по ячейкам матрицы, и оценить инновационные возможности хозяйствующего субъекта.

Разработанная методика была апробирована на базе десяти крупных и средних промышленных предприятий Воронежской области, отчитывающихся по форме государственного статистического наблюдения № 4 — инновация «Сведения об инновационной деятельности организации» и осуществляющих инновационную деятельность.

Анализируемые предприятия входят в реестр инновационно-активных организаций, благодаря которым формируется положительный статус региональной системы в оценках российского регионального инновационного индекса.

В своих статистических отчетах организации заявляют о своей инновационной деятельности и создаваемых инновациях: технологических, организационных, маркетинговых и др. Однако, в ряде случаев, несмотря на наличие инновационных продуктов, предприятие проявляет осторожность и не спешит отражать в отчетности полученные доходы от продажи инноваций. Причины такой осторожности связаны с субъективностью и сложностью отнесения к инновационной произведенной предприятием продукции, так как требования к ней законодательно и нормативно не установлены. Это приводит к тому, что предприятие, осуществляющие инновации, занижает объем инновационной продукции, переводя ее в категорию не инновационной, дабы избежать необходимости подтверждать инновационный характер продукции, работ, услуг. Для каждого из предприятий были рассчитаны критерии и индикаторы, на основании данных опросной анкеты и формы государственного статистического наблюдения № 4 — инновация «Сведения об инновационной деятельности организации».

Полученная информация была систематизирована, и для каждого предприятия построены ряды динамики изменения критериев и индикаторов их инновационного потенциала.

По результатам оценки был определен инновационный потенциал для каждого предприятия за период исследования 2015–2018 гг. и выполнено позиционирование предприятий в рамках матрицы (табл. 3).

Таблица 3 — **Развитие инновационного потенциала предприятий Воронежской области по матрице возможностей**

Наименование	**Период оценки**		
	2015/2016 гг.	**2016/2017 гг.**	**2017/2018 гг.**
ЗАО Завод растительных масел «Бобровский»	$ИП_9$	$ИП_9$	$ИП_6$ ↑
ООО «Завод по выпуску тяжелых механических прессов»	$ИП_7$	$ИП_6$	$ИП_8$ ↓
ООО «Логус-Агро»	$ИП_5$	$ИП_8$	$ИП_7$ ↑
ООО ФПК «Космос-нефть-Газ»	$ИП_5$	$ИП_4$	$ИП_1$ ↑
АО НВП «ПРОТЕК»	$ИП_8$	$ИП_1$	$ИП_4$ ↑
АО «БТЭК»	$ИП_6$	$ИП_9$	$ИП_9$ ↓

Наименование	Период оценки		
	2015/2016 гг.	2016/2017 гг.	2017/2018 гг.
НПО «Энергосвязьпроект»	$ИП_9$	$ИП_9$	$ИП_9$ ↓
МУП «БТС»	$ИП_9$	$ИП_9$	$ИП_6$ ↑
ООО «БТМК»	$ИП_9$	$ИП_6$	$ИП_5$ ↑
АО «Бутурлиновкахлеб»	$ИП_8$	$ИП_9$	$ИП_9$ ↓

Установлено, что инновационным лидером из числа обследуемых предприятий является ООО ФПК «Космос-нефть-Газ». О высоком уровне развития инновационной деятельности предприятия свидетельствует линия перемещения его инновационного потенциала предприятия с квадрата «Умеренный традиционалист — Умеренный новатор», характеризуемого средним уровнем инновационного потенциала ($ИП_5$) (2015/2016 гг.) до квадрата «Абсолютный лидер инноваций» ($ИП_1$) (2018/2019 гг.).

К группе предприятий, ориентированных на развитие инновационной деятельности — зеленой зоны матрицы позиционирования инновационного потенциала предприятия из числа обследованных было причислено АО НВП «Протек», чей инновационный потенциал идентифицирован как «Умеренный традиционалист — Лидер инноваций». В группе предприятий со средним уровнем обеспеченности ресурсами и восприимчивости к инновациям из числа обследованных причислены два предприятия, в то время как в красной зоне с низким уровнем обеспеченности ресурсами при неустойчивой восприимчивости к инновациям находятся шесть из обследованных предприятий.

Важно подчеркнуть, что более чем половина из числа обследованных предприятий за анализируемый период повысила свой инновационный потенциал, чему соответствует положительная динамика перемещения по квадратам матрицы. В то же время 40 % предприятий, из числа обследованных частично утратили свой инновационный потенциал за анализируемый период.

Динамика изменения расчетных значений критериев, формирующих экономико-технологический индекс (Iэт) и индекс способности к инновациям (Iспи) представлена диаграммой на рисунке 2.

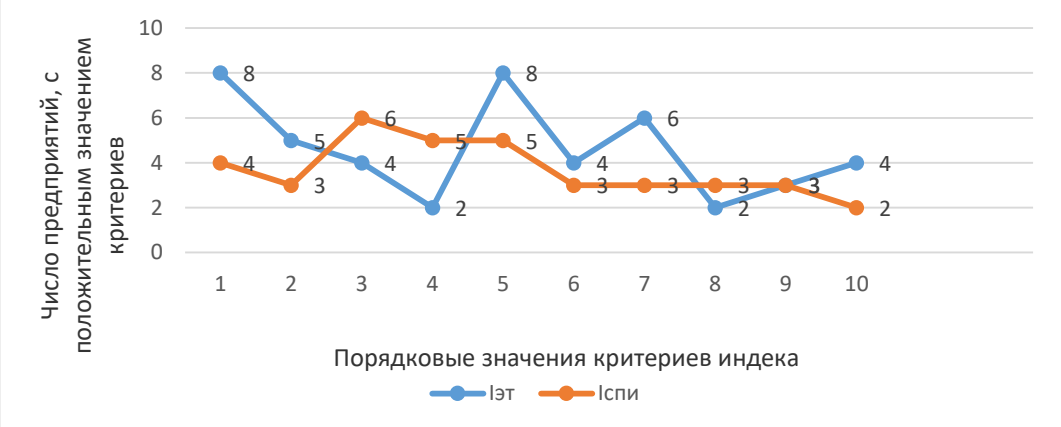


Рисунок 2 — **Критерии развития инновационного потенциала предприятия в составе индексов (Iэт) и (Iспи)**

Наращивание инновационного потенциала предприятий в большей степени происходит за счет роста критериев экономико-технологического индекса (Iэт), в первую очередь роста фондоотдачи и оборачиваемости оборотных активов предприятия. По этим критериям, положительная динамика в изменении их значений зарегистрирована у восьми предприятий.

Положительную динамику производительности труда имели шесть предприятий, а фондовооруженность выроста у пяти предприятий из числа обследованных.

Таким образом, 40 % критериев индекса (Iэт) имеют положительную динамику у 60 % предприятий. Такие критерии, как доля НМА в структуре внеоборотных активов предприятия и соотношение используемых и созданных РИД имеют положительную динамику только у двух предприятий.

В свою очередь, вклад критериев индекса способности к инновациям (Iспи) в формирование и развитие инновационного потенциала предприятий не высок. Отметим критерии: уровень профильного высшего образования работников ($Iспи_3$) — положительная динамика по темпу роста у 7 предприятий; доля затрат на обучение персонала в общих затратах на технологические инновации ($Iспи_4$) и доля затрат на НИОКР, выполненных собственными силами в общей затратах ($Iспи_5$) — 6 предприятий.

Развернутый анализ критериев оценки инновационного потенциала позволил установить, что наиболее проблемной зоной является коммерциализация инноваций, характеризуемая такими критериями как доля затрат на производство и реализацию инновационных продуктов (товаров, работ, услуг) в структуре общих затрат на производство и реализацию продуктов (товаров, работ, услуг) и доля инновационных продуктов (товаров, работ, услуг) в общем объеме произведенных продуктов (товаров, работ, услуг).

Снижение этих критериев в динамике предопределяет замедление темпов роста инновационного потенциала предприятия, в большей степени, чем остальные из числа анализируемых критериев.

Полученные результаты для 10 ведущих предприятий позволяют обозначить причинно-следственные связи между состоянием их инновационного потенциала и уровнем инновационной активности региональной системы в целом.

Разработанная нами методика оценки инновационного потенциала предприятия региональной системы позволила установить некоторые несоответствия между фактическим состоянием дел в инновационной деятельности предприятий и данными статистической отчетности об инновациях. Причина этого несоответствия кроется, во-первых, в несовершенной методике оценки инновационной деятельности предприятий, во-вторых, в отсутствии интереса у бизнеса достоверно отражать объемы инновационной продукции с одной стороны, и, в-третьих, недостаточности мер поддержки инноваций крупных и средних предприятий на региональном уровне, приводящей к инертности инновационных процессов. В подтверждение этого приведем данные о состоянии Российский региональный инновационный индекс (РРИИ) области в 2019 г.

Исходя из рейтинга показателей инновационного развития регионов Воронежская область входит во вторую из четырех групп, уступая лидирующей группе от 20 до 40 % значения совокупного регионального индекса. Российский региональный инновационный индекс (РРИИ) области по итогам 2019 г. равен 0,409, также Воронежская область показала динамику роста +3 пункта по сравнению с 2018 г. и занимает 14-е ме-

сто из 85 субъектов [27]. Положительная тенденция наблюдается на протяжении последних трех лет, начиная с 2017 г. Также отметим, что Воронежская область является лидером среди пяти областей ЦЧР и занимает 3-е место среди восемнадцати областей ЦФО уступая лишь Москве и Московской области.

Распределение пяти субиндексов Воронежской области, формирующих РИИИ, представлено на рисунке 3.

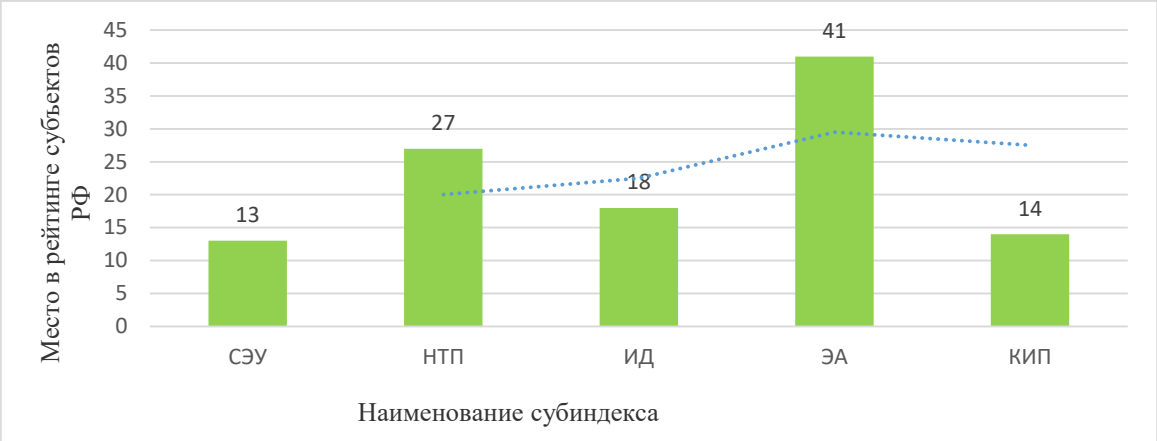


Рисунок 3 — **Субиндексы РРИИ Воронежской области за 2019 год**

По социально-экономическим условиям инновационной деятельности (СЭУ) Воронежская область занимает 13-е место. Данный субиндекс оценивается по трем группам показателей: основные макроэкономические показатели ($СЭУ_1$) относят область занимает на 1-е место среди всех субъектов РФ; образовательный потенциал населения ($СЭУ_2$ — 42-е место); потенциал цифровизации ($СЭУ_3$) — 32-е место.

Для нашего исследования несомненный интерес представляют расширенные данные о научно-техническом потенциале региональной системы. Место воронежской области в рейтинге по этому показателю 27.

Суммарная оценка НТП складывается из показателя финансирования научных исследований и разработок (36-е место); показателя обеспеченности научными кадрами (32-е место) и показателя результативности научных исследований и разработок (26-е место).

Недостаток финансовой поддержки научных исследований и разработок на уровне крупных и средних предприятий региональной системы является фактором, ограничивающим ее научно-технический потенциал.

Несмотря на то что оценка инновационной деятельности (ИД) Воронежской области является высокой, и область занимает 18-е место, сохраняются серьезные угрозы, связанные с невысокими объемами производства инновационной продукции и ее рентабельностью. Если по уровню инновационной активности предприятий область занимала 13-е место, то по уровню результативности инновационной деятельности всего лишь 44-е место.

В целом по региону наблюдается низкий уровень затрат на технологические инновации предприятий, снижение доли инновационной продукции.

По оценке качества инновационной политики (КИП) Воронежская область занимает 14-е место. Примечательно, что по уровню организационного обеспечения инновационной политики регион занимает 1-е место среди всех субъектов РФ, а по участию в федеральной научно-технической и инновационной политике 3-е место [28]. Это только подчеркивает наличие благоприятных условий для ин-

новационного развития и роста объемов коммерциализации инноваций в региональной системе [29, 30].

Выводы

Сформированная методика оценки инновационного потенциала крупных и средних инновационных предприятий ведущих отраслей региональной системы может быть полезна при изучении условий инновационной деятельности предприятий и позволяет наряду с установлением результативности и выявлением причин не достаточной ее эффективности, определить вектора ее развития инновационного потенциала.

Использование матричного подхода в оценке инновационного потенциала позволяет визуализировать динамические изменения в ресурсном обеспечении и восприимчивости предприятия к инновациям, тем самым создает основу для принятия управленческих решений превентивного характера в области инновационной деятельности.

Матричный подход с выделением девяти типов и трех зон инновационного потенциала предприятия дает возможность возможным проследить его изменение за ряд лет, через смещение экономико-технологического индекса и индекса способности к инновациям по ячейкам матрицы, оценивая инновационные возможности хозяйствующего субъекта.

По результатам апробации методического подхода к оценке инновационной деятельности крупных и средних предприятий региональной системы стало возможным установить причинно-следственные связи между инновационным потенциалом предприятий и факторами мезо и макросреды региона.

Результативность инновационной деятельности предприятий, выражающаяся в производстве инновационной продукции, является главным фактором, ограничивающим высокие оценки региональной системы в рейтинге Российского инновационного индекса.

В целях конвергенции в оценках инновационного потенциала необходимо формирование единого метода учета, принятия и отражения в отчетности инновационной продукции, инноваций, инновационных затрат, как основы информационного обеспечения системы управленческих решений в инновационной деятельности на микро, мезо и макро уровнях.

Библиографический список

1. О национальных целях и стратегических задачах развитии Российской Федерации на период до 2024 г. : [Указ Президента РФ № 204 от 07.05.2018].

2. *Линчук, Е. Б.* Новые возможности и риски в осуществлении научно-технологического развития России // Экономическое возрождение России. — 2019. — № 1 (59). — С. 46–52.

3. Global Innovation Index — 2019 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.globalinnovationindex.org.

4. *Емельянова, О. В., Рязанцева, Л. С.* Анализ развития инновационной деятельности в промышленном комплексе региона // Актуальные проблемы развития хозяйствующих субъектов, территорий и систем регионального и муниципального управления : материалы XIV междунар. науч.-практ. конф. — 2019. — С. 178–182.

5. *Нечаева, Т. Г., Хотулева, О. С., Лазовик, М. М.* Устойчивое развитие региона в условиях инновационного развития // Проблемы устойчивого развития регионов республики Беларусь и сопредельных стран : сб. науч. ст. VIII междунар. науч.-практ. интернет-конф. — 2019. — С. 111–112.

6. *Власенко, В. А., Кузьминова, Е. Н.* Драйверы инновационного развития региона: обоснование и развитие // Инновационные научные исследования: теория, методология, практика : сб. статей IX Междунар. науч.-практ. конф. — 2017. — С. 87–90.

7. OECD 2019 Eurostat: Guidelines for Collecting, Reporting and Using Data on Innovation [Электронный ресурс] // Oslo Manual 2018: 4th ed., Measurement of Scientific, Technological and Innovation Activities OECD Publishing, Paris Eurostat, Luxembourg, 2019. — Режим доступа : https://doi.org.

8. *Артемова, М. М.* Стратегическое управление затратами научно-производственного комплекса при реализации инновационного потенциала : автореф. дисс. к. э. н. — 2006.

9. *Бендиков, М. А.* Методологические основы исследования механизма инновационного развития в современной экономике // Менеджмент в России и за рубежом. — 2007. — № 2. — С. 3–14.

10. *Бляхман, Л. С.* Экономика научно-технического прогресса. — М. : Высшая школа, 1979.

11. *Фролов, И. Э., Ганичев, Н. А.* Научно-технологический потенциал России на современном этапе: проблемы реализации и перспективы развития // Проблемы прогнозирования. — 2014. — № 1. — С. 3–20.

12. *Ахметова, Н. Н.* Один из подходов к определению сущности элементов инновационно-инвестиционной модели [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.anrb.ru.

13. *Сидорова, Е. Ю.* Развитие методических аспектов оценки инновационного потенциала экономической системы // Экономика в промышленности. — 2018. — № 3. — Т. 11. — С. 1249–1255.

14. *Миляева, Л. Г., Белоусов, Д. А.* Относительный подход к оценке инновационно-производственного потенциала промышленных предприятий // Концепт. — 2017. — № 31. — С. 1016–1020.

15. *Теребова, С. В.* Инновационный потенциал предприятия: структура и оценка // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. — 2017. — Т. 15. — С. 336–354.

16. *Анисимов, Ю. П., Хорошилов, Д. Н.* Комплексная методика оценки инновационного потенциала // Вестник Воронежского государственного технического университета. — 2011. — № 10. — Т. 7. — С. 159–164.

17. *Соменкова, Н. С.* Совершенствование методики оценки эффективности инновационного развития предприятия // Российское предпринимательство. — 2017. — № 6. — Т. 18. — С. 945–956.

18. *Калачихин, П. А.* Экономико-математическая модель оценки инновационного потенциала результатов интеллектуальной деятельности // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2013. — № 12 (161). — С. 93–100.

19. *Кулабухова, Н. Н.* Оценка инновационного потенциала предприятия // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: социально-экономические науки. — 2006. — Т. 6 (2). — С. 83–92.

20. *Деревянкин, И. А.* Разработка комплексной методики оценки инновационной активности предприятий пищевой промышленности // Вестник ВГУИТ. — 2013. — № 3. — С. 217–221.

21. *Каган, Е. Б.* Разработка методики оценки инновационной позиции предприятия с учетом различной значимости инновационного потенциала и климата // Современные проблемы науки и образования. — 2012. — № 3. — С. 253.

22. *Яковлева, Е. А., Козловская, Э. А., Бойко, Ю. В.* Оценка инновационного потенциала предприятия на основе стоимостного подхода // Вопросы инновационной экономики. — 2018. — Т. 8. — № 2. — С. 267–282.

23. *Караваев, И. Е.* Оценка инновационного потенциала предприятий оборонно-промышленного комплекса // Российское предпринимательство. — 2012. — № 10 — С. 74–80.

24. *Козлов, А. В., Ся, Чжан.* Инновационный потенциал промышленных предприятий: методика определения и сравнительный анализ на примере угольной промышленности Китая //

Вестник ЗабГУ. — 2015. — № 5 — С. 100–109.

25. *Яшин, С. Н., Солдатова, Ю. С.* Совершенствование и практическая апробация методики оценки экономического состояния и уровня инновационного развития предприятия // Финансы и кредит. — 2013. — № 12. — С. 39–47.

26. *Морковина, С. С., Степанова, Ю. Н.* Исследование инновационного потенциала предприятий региональной системы и формирование стратегии его развития // Известия ЮЗГУ. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. — 2020. — № 3.

27. Рейтинг инновационного развития субъектов РФ / ред. Л.М. Гохберга. — М., 2020. — Вып. 6.

28. *Драпалюк М. В., Морковина С. С., Колесниченко, Е. А. [и др.]*. Развитие инновационной деятельности в регионе: вектора взаимодействия инвесторов и стартапов : моногр. — М., 2014. — С. 328.

29. *Степанова, Ю. Н., Зиновьева, И. С.* ОЭЗ «ЦЕНТР» как инструмент инновационно-инвестиционного развития Воронежской области // Регион: системы, экономика, управление. — 2019. — № 4 (47). — С. 203–206.

30. *Stepanova, Yu. N., Zinovieva, I. S., Busarina, Yu. V.* Complementary approach to functioning of entrepreneurial structures under the conditions of economic instability of region // Contributions to Economics. — 2017. — № 9783319454610. — С. 519–528.

Bibliographic list

1. On national goals and strategic objectives for the development of the Russian Federation for the period up to 2024 : [Decree of President of Russian Federation from 07.05.2018 № 204].

2. *Linchuk, E. B.* New opportunities and risks in the implementation of scientific and technological development of Russia // Economic revival of Russia. — 2019. — № 1 (59). — P. 46–52.

3. Global Innovation Index — 2019 [Electronic resource]. — Mode of access : http://www.globalinnovationindex.org.

4. *Nechaeva, T. G., Khotuleva, O. S., Lazovik, M. M.* Sustainable development of the region in terms of innovative development // Problems of sustainable development of regions of Republic of Belarus and neighboring countries : scientific articles of VIII International scient.-pract. Internet-conf. — 2019. — P. 111–112.

5. *Emelyanova, O. V., Ryazantseva, L. S.* Analysis of development of innovative activity in industrial complex of region // Actual problems of development of economic entities, territories and systems of regional and municipal management : materials of XIV International scient.-pract. conf. — 2019. — P. 178–182.

6. *Vlasenko, V. A., Kuzminova, E. N.* Drivers of innovative development of region: justification and development // Innovative scientific research: theory, methodology, practice : articles of IX International scient.-pract. conf. — 2017. – P. 87–90.

7. OECD 2019 Eurostat: Guidelines for Collecting, Reporting and Using Data on Innovation [Electronic resource]. Oslo Manual, 2018: 4th ed., Measurement of Scientific, Technological and Innovation Activities OECD Publishing, Paris Eurostat, Luxembourg. — 2019. — Mode of access : https://doi.org.

8. *Artemova, M. M.* Strategic cost management of scientific and industrial complex in implementation of innovative potential : thesis of diss. of PhD. — 2006.

9. *Bendikov, M. A.* Methodological foundations of research on mechanism of innovative development in modern economy // Management in Russia and abroad. — 2007. — № 2. — P. 3–14.

10. *Blyakhman, L. S.* Economics of scientific and technical progress. — M. : Higher school, 1979.

11. *Frolov, I. E., Ganichev, N. A.* Scientific and technological potential of Russia at present stage: problems of implementation and prospects for develop-

ment // Problems of forecasting. — 2014. — № 1. — P. 3–20.

12. *Akhmetova, N. N.* One of approaches to determining the essence of elements of innovation and investment model [Electronic resource]. — Mode of access : http://www.anrb.ru.

13. *Sidorova, E. Yu.* Development of methodological aspects of assessing the innovative potential of economic system // Economics in industry. — 2018. — № 11 (3). — P. 1249–1255.

14. *Milyaeva, L. G., Belousov, D. A.* Relative approach to assessing the innovation and production potential of industrial enterprises // Concept. — 2017. — № 31. — P. 1016–1020.

15. *Terebova, S. V.* Innovative potential of enterprise: structure and assessment // Proceedings: Institute of national economic forecasting of Russian Academy of Sciences. — 2017. — № 15. — P. 336–354.

16. *Anisimov, Yu. P., Khoroshilov, D. N.* Complex methodology for evaluating innovative potential // Bulletin of Voronezh State Technical University. — 2011. — № 7 (10). — P. 159–164.

17. *Somenkova, N. S.* Improving the methodology for evaluating the effectiveness of innovative development of enterprise // Russian entrepreneurship. — 2017. — № 18 (6). — P. 945–956.

18. *Kalachikhin, P. A.* Economic and mathematical model for evaluating the innovative potential of intellectual activity results // Bulletin of Orenburg State University. — 2013. — № 12 (161). — P. 93–100.

19. *Kulabukhova, N. N.* Assessment of innovative potential of enterprise // Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Socio-economic sciences. — 2006. — № 6 (2). — P. 83–92.

20. *Derevyankin, I. A.* Development of comprehensive methodology for evaluating innovative activity of food industry enterprises // Vestnik of VSUIT. — 2013. — № 3. — P. 217–221.

21. *Kagan, E. B.* Development of methodology for evaluating the innovative position of enterprise taking into account the different significance of innovative potential and climate // Modern problems of science and education. — 2012. — № 3. — P. 253.

22. *Yakovleva, E. A., Kozlovskaya, E. A., Boyko, Yu. V.* Assessment of innovative potential of enterprise based on cost approach // Issues of innovative economy. — 2018. — № 8 (2). — P. 267–282.

23. *Karavaev, I. E.* Assessment of innovative potential of enterprises of military-industrial complex Russian entrepreneurship. — 2012. — № 10. — P. 74–80.

24. *Kozlov, A. V., Xia, Zhang.* Innovative potential of industrial enterprises: methods of definition and comparative analysis on example of coal industry in China // Bulletin of Zabgu. — 2015. — № 5. – P. 100–109.

25. *Yashin, S. N., Soldatova, Yu. S.* Improvement and practical approbation of methodology for assessing the economic condition and level of innovative development of enterprise // Finance and credit. — 2013. — № 12. — P. 39–47.

26. *Morkovina, S. S., Stepanova, Yu. N.* Research of innovative potential of regional system enterprises and formation of its development strategy // Izvestiya SWSU. Economic Series. Sociology. Management. — 2020. — № 3.

27. Rating of innovative development of subjects of Russian Federation. / ed. by L. M. Gokhberg. — M., 2020. — Issue 6.

28. *Drapalyuk, M. V., Morkovina, S. S., Kolesnichenko, E. A. [and oth.]*. Development of innovative activity in region: vectors of interaction between investors and startups. — M., 2014.

29. *Stepanova, Yu. N., Zinovieva, I. S.* SEZ «CENTER» as tool for innovative and investment development of Voronezh region // Region: systems, economy, management. — 2019. — № 4 (47). — P. 203–206.

30. *Stepanova, Yu. N., Zinovieva, I. S., Busarina, Yu. V.* Complementary approach to functioning of entrepreneurial structures under conditions of economic instability of region // Contributions to economics. — 2017. — № 9783319454610. — P. 519–528.

Мухаммед Умар Инува

РОЛЬ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ В ЭКОНОМИКЕ НИГЕРИИ

Аннотация

Ускорение экономического развития усиливается количеством имеющейся инфраструктуры, которая способствует деятельности, расширяющей экономику любой страны. Точно так же в современном мире ни одна нация не может развиваться как замкнутая система, не допускающая притока ресурсов извне. Именно поэтому вклад прямых иностранных инвестиций в ускорение развития, особенно в развивающихся странах, вряд ли можно переоценить. В 2018 г. Нигерия предприняла огромные усилия для привлечения большего числа иностранных инвесторов, также недавно заняв пятое место среди крупнейших получателей ПИИ в Африке. Однако автор подчеркивает, что в XXI веке ПИИ играют большую роль для любого успешного экономического роста в странах третьего мира, и это происходит, потому что сама суть экономического развития заключается в быстрой и одновременно эффективной передаче и внедрении передовой практики через границы. Поэтому очевидно, что экономика Нигерии в наибольшей степени зависит от ТНК.

В статье основное внимание уделяется понятию и роли транснациональных корпораций в нигерийской экономике; автор рассмотрел многие теории ТНК и то, как эти теории соотносятся с развитием нигерийской экономики. Однако для того чтобы поддержать и увеличить приток ПИИ, автор считает необходимым, чтобы нынешние планы Нигерии, особенно в области здравоохранения, человеческого капитала и инфраструктуры и т. д., были в хорошем состоянии.

Ключевые слова

Транснациональные корпорации, прямые иностранные инвестиции, экономические показатели, глобализация, нигерийская экономика, международные потоки капитала, глобальное соперничество.

Muhammed Umar Inuwa

ROLE OF TRANSNATIONAL CORPORATIONS IN ECONOMY OF NIGERIA

Annotation

Acceleration of economic development is enhanced by the quantum of infrastructure available, which promote activities that enlarge the economy of any nation. Equally, in today's world no nation can develop as a closed system that is not allowing the inflow of resources from outside. This is why the contribution of foreign direct investment in accelerating development especially in a developing country can hardly be over-stressed. In 2018 Nigeria made a tremendous efforts in order to attract more foreign investors, also of recent ranked the fifth largest recipients of FDI in Africa. However, the author emphasizes that in the 21st century FDI plays a big role for any successful economic growth in a world-third economies and this is because the very essence of economic development is the rapid and also efficient transfer and adoption of best practice across borders. Therefore, it is obvious that Nigeria's economy makes the most of TNCs.

This article focuses on the concept and role of transnational corporations in the Nigerian economy, the author examined many theories of TNCs and how these theories relate to the development of the Nigerian economy. In order to sustain and boost the FDI inflows, the author however recommends that the current Nigeria's plans especially in the health, human capital and infrastructure etc. be highly maintained.

Keywords

Transnational corporations, Foreign Direct Investment, Economic Performance, Globalization, Nigerian Economy, International Capital Flows, Global Rivalry.

Introduction

Nigeria as Africa's largest economy has put in so many efforts in order to attract foreign investors, as of today Nigeria is still among the top five largest recipients of FDI in Africa. In order to elaborate foreign direct investment policy Nigeria still seeks to diversify its revenue base with the active participation of transnational corporations (TNCs) in order to reduce to over-dependence on oil. According to (Ajayi, 2006), Foreign direct investment contributes to growth in a substantial manner because it is more stable than other forms of capital flows. Tang, Selvanathan and Selvanathan (2008), state that transnational corporations (TNCs) diffuse technology and management know-how to domestic firms. Accomplishment of government policies of stimulating the productive base of economy depends mainly on her ability to attract satisfactory level of foreign investment [1]. For a consuming economy like to reshape into a supply economy require the heavy duty presence quality production capacity which can mostly be engineered by FDI. Investment environment is a key factor for foreign investment and infrastructural availability is another major booster that multiplies the threshold of Foreign Direct Investment in developing economy like Nigeria.

Continuity in government policy agreement and execution is another major factor that will trigger investment. However, various government administrations have solicit for foreign investment in Nigeria by entering into all necessary manners of agreement, but the question is what are infrastructural level of Nigerian government to attract foreign investment and how has such expenditure boosted economic growth for foreign investment to thrive. Caves (1996) considers that efforts made by various countries in attracting foreign direct investments are due to the potential positive effects that this would have on economy. FDI would increase productivity, technology transfer, managerial skills, know-how, international production networks, reducing unemployment, and access to external markets.

Materials and methods

Nigeria has played host to transnational corporations (TNCs) long before independence till date. Number and activities of these transnational corporations (TNCs) have grown over time as Nigeria struggles to develop socio-economically as a nation. After fifty years of nationhood, the economic growth trajectory of Nigeria is at best cheered in spite of the growing presence of these transnational corporations (TNCs) in its core sectors of oil, banking and manufacturing sectors (Awolusi, 2012; Onudogo, 2012). The study of Otokiti (2012) revealed that challenges faced by transnational corporations (TNCs) during entry into Nigerian market include government regulations and policies, geographical location, language barrier, shortage of skilled labour and low level of technological development. From a technology transfer perspective, weak levels of intellectual property protection in developing countries prevents both down-stream and up-stream technology transfer activities; fear of unauthorized use of pro-

prietary knowledge prevents foreign companies from entering into technology transfer activities with local entities (down-stream technology transfer); on the other hand it also deprives local innovators of opportunity to license their inventions to foreign entities (up-stream technology transfer) (Awolusi, 2012; Awolusi, 2012b; Diamant, Davison and Pugatch, 2007) [2].

According to Oyejide (2005) concluded that capital flows have their advantages and disadvantages. This however totally depends on the initial conditions of the developing economy concerned. It indeed can stimulate growth of the real sectors when the initial conditions are right. It could retard growth however, due to macroeconomic shocks that could undermine the stability of real sector and impose higher adjustment cost on the economy. Otepola (2002) examines the importance of foreign direct investment in Nigeria. He concluded that FDI contributes significantly to growth especially through exports. The Nigerian governments have taken measures to attract foreign investors into the country in order to augment domestic resources to finance planned growth. The measures which indeed include the repeal of laws that are inimical to foreign investment, different oversea trips for image laundry by the government. A related effort was the restructuring and reforming banks in Nigeria with a view to repositioning and stabilizing their operations and in the long-run enhance the level of financial inter mediation in the country (Osuagwu and Nwokoma, 2017). Consequently, the amount of FDI inflow into Nigeria has reached about 2.23 billion USD in 2003 and it rose to 5.3 billion USD in 2004 and in 2005 rose to 9.92 billion USD (total of 87 % increase). In 2006 the figure declined to 9.44 billion USD has continued to decline since 2006 up till 2015 (Central Bank of Nigeria-CBN) [3].

However, Nigeria received $ 5.36 billion capital importation (inflows) in the third quarter (Q3) of 2019, compared to $ 5.82 billion in the second quarter (Q2). This is the inflows received in the year due to the bother closure. However, the latest capital importation report shows a worrying trend. For example, the inflows of FDI into the economy dropped further, FDI remains abysmally low. Analysts have stated that the low inflows of FDI is not good for the economy as other forms of capital importation has very low potential to drive the economy as FDI does. According to the latest capital importation report released by the National Bureau of Statistics (NBS), $ 5,36 billion capital importation received in the third quarter represents a -7,78 % contraction from the total amount ($ 5,82 billion) received within the second quarter (Q2). Meanwhile, year-on-year, capital inflows rose by 87,99 % [3].

Results

In Africa, and in particular the sub-Saharan Africa, there is a general low level of infrastructure development, and from our introductory background we have conjectured that this scenario might be one of the reasons Africa share of Direct Foreign Investment (FDI) is very low. Consequently, it is averred here that this might be contributing in slowing down the economic development of the African continent as a whole and Nigeria in particular. Nigeria as a nation has found out that the low level of infrastructure development is hindering her development and the ability to occupy her place among the committee of nations, despite being the largest economy in Africa. Nigeria, having about 27 % of Africa’s GDP and 76 % of GDP of the West African sub-region, holds a lot of potential to unlock Africa’s development. However, Africa's economy is growing and rapidly so. Nigeria occupies a key place in this exponential growth as the biggest economy in the continent. As the most populous country in Africa, the seventh most populous country in the world offers a strategic market for all manner of foreign investments. One of such markets is the real estate industry. In recent years the real estate

industry in Nigeria has been among the world's fastest growing, and Knight Frank's 2015 Africa Report claims that property searches from outside Nigeria have increase from under 30 % to well over 45 % of all searches on Knight Frank website. This suggests a wave of serious interest from foreign investors' portfolio observers in the Nigerian market. As it is expected, there is renewed confidence in the industry from both foreign and local investors, high demand from a young aspiring population, rapid urbanization and increased rural-urban migration. Yet, a pessimistic perspective suggests that the impact of TNCs this development could be negative due to mounting pressure on infrastructure with government struggling to keep up with the demand pressure. It is not difficult to agree with this view given the rising cost of real estate investment in Nigeria as investors bear the burden of not just providing real estate but necessary infrastructure and basic amenities such as roads, street lights, water, security etc.

Arthur Nwankwo (1981) warned and argued that no country can actually provide the welfare of its citizen as long as its economy is shackled. However, many studies showed that transnational corporations are highly adaptive agents and therefore, the degree to which foreign direct investment helps or hurts a developing country will be heavily influenced by the policy choice of the host country. Consequently, this study, by looking at FDI as an alternative financial measure for economic development in Africa, making Nigeria a case study has established further the frontier of knowledge by adding to existing literature proponent. Hence, to increase inflow of FDI and its performance, the following recommendations are postulated: Ugwuegbe et al (2013) shows that the rate of security challenges in the country are alarming. Hence, Nigerian government should tackle and arrest the security challenges in the country most especially in the northern part of the country because if the economy is distressed, it will affect domestic investment and FDI won't be attracted [4].

For decades, Nigeria has been experiencing disappointing performance in terms of economic development. As a result there is no improvement in terms of reduction of poverty level. In the era of globalization it is believed by many developed nations that market openness is the only way to solve the problem of under development. The essence of globalization is to move the economy towards external liberation, focusing on market-oriented economic system export-led strategy and stabilization of the economy. In Nigeria, it was the era of structural adjustment program in collaboration with the IMF and World Bank. The governments in the developing world believe that it is more desirable to globalize which simply means to open up the economy and penetrate the international markets (Bokhari and Del Duca, 2008).

Discussion

Nigeria needs massive inflows of foreign investment in order to transform her economy, to upgrade dilapidated infrastructure and «plug» on the electronic age of computers and the interest. An absolute pre conditions for success is the design and implementation of policies and measures that would have the policy environment investment more friendlily (Iyoha, 2000). United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD, 2019) reported that many countries continued policy efforts aimed at attracting foreign direct investment. In 2017, 65 countries and economies adopted at least 126 investment policy measures, of which 84 % were found favorable to investors. Report also indicated that there is the need to have modern industrial policies to contribute to a sustainable development strategy, policy makers need to enhance their coherence and synergy with national and international investment policies and other policy need such as social and environmental policies and the need for safety in term of security [5].

Investment serves as a major source of economic growth in any country, Nigeria inclusive; whether it is from domestic or foreign sources, its importance is crucial for sustainable economic performance. Economic role of transnational corporations (TNCs) is simply to channel physical and financial capital to countries with capital shortages. As consequence, wealth is created, which yields new jobs directly and through «crowding-in» effects. In addition, new tax revenues arise from transnational corporations' generated income, allowing developing countries to improve their infrastructures and to strengthen their human capital. By improving the efficiency of capital flows, transnational corporations reduce world poverty levels and provide a positive externality that is consistent with United Nations' (UN) mission — countries are encouraged to cooperate and to seek peaceful solutions to external and internal conflicts (Quinlivan, 2005). In all, transnational corporations (TNCs) can spur economic activities in developing countries and provide an opportunity to improve the qualities of life, economic growth, and regional and global commons (Litvin, 2002) [5].

Activities of transnational corporations are supportive to the growth and development of many countries including Nigeria. Transnational corporations are capable of contributing to the growth of real output direct investment in production of tangible goods in economy. Presence of transnational corporations in host countries reduces the host countries' propensity to import and leads to increased competition in the host countries which promote efficient allocation of production resources (Bakare, 2010). Nigeria has witnessed high inflows of foreign direct investment as a result of investment in the Global System of Mobil (GSM) telecommunication. Oil sector of economy has also witnessed an increased level of FDI as evidenced by increasing numbers and operations of oil transnational corporations in country, transnational corporations transfer technology directly to their foreign owned enterprises and indirectly to domestic owned firms in host countries [6].

Conclusion

Also, transnational corporations keep increasing investment levels and income in Nigeria , promote improvement in their immediate environment, create access to high quality managerial skills, improve the balance of payment of host countries by increasing exports and decreasing imports; help to equalize the costs of factors of production. They stimulate domestic production and enhance efficiency and effectiveness in the production process; stimulate positive responses from local operators. Most well-known Nigerian entrepreneurs started by working for transnational corporations, where they acquired relevant skills and knowledge that gave them the impetus to launch out. Also, Nigerian government have being been able to expand their tax base through the generated income of transnational firms. Tax paid by foreign firms has been used to provide infrastructures and boost up the economy of the nation. Nigeria has benefitted from foreign direct investment than any other country in West Africa because it is major recipient of foreign direct investment in the region.

As some authors mark, «leading multinational corporations are the flagships of global processes of building intellectual capital, because they are the focus of technological priorities, development and implementation of innovations, technologies, business models, and integrated knowledge management systems. Intellectual capital, which is created and operates within the framework of transnational business structures, is of particular importance in context of increasing global competition. Embodied in knowledge, experience (soft skills) and results of creative work of highly qualified personnel, it becomes a key factor determining the effectiveness and competitiveness of TNCs» [8].

Transnational corporations have spurred up economic activities in Nigeria.

They create employment opportunities and improve the standard of living in host countries. Most citizens of Nigeria who were recruited and trained by transnational corporations acquire the knowledge and skills used to work in these firms and to start their own business. Since the gap in technology intensities from TNCs in Nigeria seemed to be widening despite the recent comparative improvement in FDI inflows into the country, there is urgent need to upgrade learning and capabilities of local firms in country, through the formulation of strategic FDI and technology transfer policies to safeguard the possible negative impact of declining FDI inflows from TNCs. However, to further attract foreign investors, Nigeria should strengthen and broaden policies to facilitate cost effectiveness by reducing tariffs on imported inputs, also in order for Nigeria to fully benefit from globalization there is a need for stronger intuitions and sound policies to facilitate international trade as well as improvement in telecommunications, infrastructure (roads, electricity etc.) and security of country as it will bring more Foreign Direct Investment.

Bibliographic list

1. *Akanegbu, N. B.* Impact of multinational oil corporation on Nigerian economy: empirical analysis // European Journal of Social Sciences, Arts and Humanities. — 2014. — № 2 (2). — P. 22–31.

2. *Akhter, S. H.* Foreign direct investment in developing countries // International trade journal. — № 7. — P. 655–673; *Osuagwu, G. O., Ezie, O.* Multinational corporations and Nigerian economy // International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences. — 2013. — № 3 (4). — P. 359–368.

3. Central Bank of Nigeria-CBN [Electronic resource]. — Mode of access : https://www.cbn.gov.ng.

4. *Ajuyi, L. B., Adejayan, A. O., Obalade, A. A.* Impact of foreign private investment on development of Nigerian capital market // International Journal of Economics, Business and Management Research. — 2017. — № 1 (2). — P. 120–132.

5. UNCTAD 2019 [Electronic resource]. — Mode of access : https:// unctad.org.

6. *Jelilov, Gylych, Onder, Evren*. Entrepreneurship: issues and solutions evidence from Nigeria // Pyrex Journal of Business and Finance, Management Research. — 2016. — № 10–013; *Jelilov, Gylych, Onder, Evren*. Entrepreneurship in Nigeria Realities on Ground // Pyrex Journal of Business and Finance, Management Research. — 2016. — № 006–009.

7. Trade in Nigeria: Time Series Analysis // International Journal of Management and Networks Economics. — 2018. — Vol. 2. — № 3. — P. 282–297.

8. *Davydov, D. O.* Development of intellectual capital of transnational corporations in conditions of new wave of globalization [Electronic resource] // A-factor: research and development (Humanities). — 2020. — № 1. — Mode of access : http://www.a-factor.ru.

Д. В. Украинцева

РАЗВИТИЕ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ПОСТ-ПАНДЕМИИ

Аннотация

В представленной статье рассматривается проблематика возникновения и распространения коронавируса в мире; анализируются наиболее значимые тренды развития маркетинга и логистики в экономическом пространстве пост-пандемии; исследуются характеристики и особенности современного клиента, переживающего или, условно

можно обозначить, пережившего текущий кризис; представлены значительные перемены в системе коммуникационного воздействия с потребительской аудиторией; обосновано, что в зависимости от характеристик поведения и привычек, покупатели после изоляции подразделяются условно на три соответствующие группы.

Ключевые слова

Маркетинг, коммуникации, поведение потребителей, логистика, управление социально-экономическими системами.

D. V. Ukraintseva

DEVELOPMENT OF MARKETING COMMUNICATIONS IN POST-PANDEMIC ENVIRONMENT

Annotation

In presented article the problems of emergence and spread of coronavirus in world are considered; the most significant trends of marketing and logistics development in economic space of post-pandemic are analyzed; characteristics and features of modern client experiencing or, conditionally it is possible to designate, having gone through the current crisis are investigated; considerable changes in system of communication influence with consumer audience are presented; it is reasonable that depending on characteristics of behaviour and habits, buyers after isolation are divided conditionally into three corresponding groups.

Keywords

Marketing, communications, consumer behavior, logistics, management of socio-economic systems.

Введение

Рассматривая с помощью теоретико-методического подхода особенности произошедших кардинальных перемен в жизни общества, исследуя изменения систем государственного управления и бизнеса, появившиеся в период возникновения и распространения коронавируса в мире, необходимо представить разработать комплекс пост кризисных мер, позволяющих рыночным представителям удержаться на плаву в сложных условиях изменения рыночного поля. В статье представим наиболее значимые тренды развития маркетинга и логистики в экономическом пространстве пост-пандемии.

Анализируя состояние и перспективы развития социально-экономических систем в России и мире, отметим, что негативных последствий, повлёкших за собою массовый социальный и в не меньшей мере экономический дисбаланс достаточно много. От изоляции и пандемии пострадали семьи и экономические отрасли в каждой стране, именно поэтому необходимо мониторить и исследовать в рамках различных научных направлений, анализировать ситуацию, проектируя альтернативы безопасности выхода из кризиса, применяя максимально эффективные меры поддержки бизнеса, развития экономической среды, и как части изменившихся реалий, новых коммуникаций с потребителем.

Относительно коммуникационной активности, как части процесса коммуникаций, необходимо подчеркнуть, что за последние несколько месяцев существенно увеличилось потребление и участие потребителя в цифровой среде. Так, за февраль-апрель 2020 г. существенным образом возрос интерес общества к вопросам возникновения, рас-

пространения вируса, а самоизоляция в определенной мере породила или актуализировала поиск информации, приложений и контентов, способных разнообразить досуг.

Существенно увеличивается заинтересованность покупателя в ответственности организаций в социальном плане, как возможность, для последних, проявить заботу об обществе, участвуя и будучи сопричастным к лучшим. Высокая социальная значимость сервисного обеспечения как же значительно возросла в период пандемии, доставка продуктов питания пожилым людям, партнерские отношения с волонтерским движением, многие социальные посты и репосты, элементы и составляющиеся ежедневного медийного контента усовершенствованы в невозвратном порядке, как и сам потребитель.

Непосредственно, даже тематическая и справочная литература по тематике эпидемиологического характера увеличилась в спросе. Но тут же следует подчеркнуть, что инфолента новостных СМИ, большая часть контента и иных медиаканалов содержит в совокупности приблизительно половину достоверных сведений, при этом остальная часть может быть с уверенностью отнесена к категории информационного шума, не интересного или излишне эмоционально окрашенного, восприятия актуальной, наиболее распространённой проблематики. Такое положение моделирует возникновение нескольких категорий последствий «переживания вируса» в сознании потребителя.

Материалы и методы

Касаясь в научном поиске проблематики коммуникаций с потребителем, исследуя характеристики и особенности современного клиента, переживающего или, условно можно обозначить, пережившего текущий кризис, обратимся к психологии человеческого познания. Так, в психологии самоизоляция является одной из доминирующих причин возникновения и развития депрессии. Также, изоляции являются мерой наказания, воздействия на психику человека в условиях исполнения наказаний по уголовным правонарушениям. На наш взгляд, вынужденная и абсолютно оправданная самоизоляция, являющаяся результатом эффективного государственного управления, и обеспечившая глобальную возможность населению не увеличивать стремительно количество инфицированных, имеет уже ощутимое значимые положительные результаты в виде относительно не высоких темпов роста заболеваемости в корреляции к низкой смертности распространения. Но для потребителя это не просто, несколько недель вынужденных выходных, это перелом старых привычек, изменение возможностей бизнеса, адаптация к новому. Сможет ли теперь потребитель вернуться в бывшие ещё несколько месяцев назад привычными реалии, будут ли условия жизнедеятельности будущего соответствовать устоявшимся до кризиса 2020 г. меркам, сможет показать только время.

Как разновидность адаптивного по своей сути маркетинга, пост-кризисный маркетинг, развивающийся в условиях введения и отмены запретов основан на коммуникации с изменившимся потребителем. Его доминантные потребности остались идентичными прежним, но пути и методы их удовлетворения существенно скорректировались, разнообразились.

В текущем году рецессия таких отраслей экономики, как авиакомпании, туриндустрия, гостиничный бизнес и подавляющего числа иных организаций, выступает в качестве заданного условия измененной реальности, предположить и спрогнозировать элементы развития которых не смог бы ни один экономист. Условия современных социально-экономических отношений изменились навсегда, к ним можно только приспо-

собиться, их нет возможности изменить. Они и есть та экономическая социальная константа пост-пандемийного общества, и каждая компания может или соответствовать реалиям, либо покинуть рынок.

Облачая условия сложившейся ситуации в научные рамки, следует констатировать, что перемен, произошедшие в экономике и обществе, повсеместны. Привычка формируется у человека, как индивида, за 21 день. Если потребитель, даже вынужденно, несколько недель подряд приобретает продукты питания в одном месте, находит определенные приложения и медийный контент, проявляет активность в социальных сетях, он доволен набором их качественных и стоимостных характеристик, то он имеет все основания считаться в будущем потенциальным клиентом определенной компании, магазина, бренда. Он может сохранить привычки изоляции, привнести их в обычный формат жизнедеятельности, избрав для себя наиболее эффективно удовлетворяющие определенные потребности.

Развитие экономических кризисов в мире сопровождается появлением определенных особенностей. В России каждый кризис на начальной стадии ознаменован ажиотажной скупкой круп, избирательным (согласно номенклатуре в зависимости от причины) спросом на медикаменты, предметов личной гигиены и санитайзеры. Но никогда ранее потребитель не был изолирован радиусом доступной для покупок территории в метрах.

С экономической точки зрения, следует отметить общую тенденцию спада экономики, замедления или стагнирования роста отраслей производства и специальных операций, связанных с ними. Так, в 2020 г. ситуация в стране и системе распределения доходов бюджета существенно изменилась. Объективно оценить особенности и тенденции текущего состояния, обеспечивая реально эффективные варианты развития экономики, и своевременно реагировать на изменения рыночной среды позволяют маркетинговые исследования рынка, его отраслевой специфики и деятельности компании, но в основном каждая организация заинтересована все так же в анализе поведения потребителей.

Результаты

В системе коммуникационного воздействия с потребительской аудиторией так же происходят значительные перемены. Электронные коммуникации изменили подход к решению вопросов бесконтактного взаимодействия. Использование бытовых дронов, к примеру, уже не ограничивается рамками доставки заказов, они применимы в новых реалиях для отслеживания места нахождения граждан, санитарной обработки улиц и во многих других областях.

Электронная коммерция стремительно развивалась с каждым годом, но сейчас ощущает рост, который прогнозировался только через 5 лет. Электронная коммерция сегодня, как никогда нуждается в соответствующем логистическом и маркетинговом сопровождении, так как для данных отраслей в отношении совершенствования организационно-функциональной активности можно обозначить еще много возможностей и перспектив развития. Главное осознание научно обоснованного постулата и реалии той мысли, что мир в социальном и экономическом содержании уже никогда не будет прежним. Глобально и на долгосрочную перспективу условия социально-экономического бытия субъектов и объектов рынка скорректировало влияние кризиса Covid-19. Основным игрокам рынка удалось (в определенном смысле с помощью государственной поддержки) беспрецедентно модифицировать свои организационно-производственные контуры для выживания и дальнейшей работы в сложившихся условиях.

С началом пандемии региональные и федеральные, даже местные организации стали прибегать к возможности использования профильных компаний, оказывающих услуги по доставке грузов. Крупные игроки поспешили подключиться к достаточным сервисам, даже на базе «Яндекс такси» стали доступны услуги по практике доставки без контакта безопасного взаимодействия курьеров с покупателем, получателем товара, посылки. В 2019, по результатам исследований компании, отмечается рост потребительской активности в области доставки до дома, именно поэтому возросли данные показатели в период пандемии коронавируса. Согласно аналитике рынка, такие сервисы, как доставка до двери или бесконтактная доставка существенно увеличились в процентном соотношении к показателям прошлых месяцев, хотя следует отметить, что раньше у большинства современных потребителей даже само понятие «бесконтактная доставка» могло вызвать легкую степень недоумения.

Можно предложить, что покупатели в большей части продуктового ритейла и соответствующего ассортимента товаров непродуктового бытового назначения, существенно усовершенствовали свой функционал в условиях самоизоляции даже в возможности в отношении использования достаточных сервисов, которые в связи с пандемией и изоляцией развиваются стремительно и повсеместно. У покупателя уже навсегда останется выбор, выходить ли из дома для приобретения необходимых товаров, либо сделать онлайн-заказ и ожидать прибытия на дом курьера. А рыночные игроки при этом посредством вынужденного налаживания своего медиаприсутствия в онлайн, (определенная часть магазинов, бутикового, к примеру типа), могут и не вернуться к работе офлайн, либо существенно сократить наличие реальных точек продаж. Возникла возможность работы организаций ресторанного типа в виртуальном пространстве современного рынка, развития онлайн коммуникаций на новом уровне. К примеру, большинство небольших ресторанов и кафе в ОАЭ работают именно в формате доставки еды на дом.

Варианты доставки продуктов и готовых блюд, одежды и аксессуаров через виртуальные сервисы не ограничены территориальным разобщением, возможностями перевозки, не имеют (если они больше определенного минимума), никакого ценового эквивалентна и вряд ли исчезнут, как временная мера. Они уже вошли в сознание потребителя, на их основе у определенного сегмента покупателей сформировались привычки.

Существенно изменился за период самоизоляции и медиаконтент, как результат и стимулирующий элемент присутствия рыночного индивида в медийном пространстве. Большинство медийно значимых персон, выложили по несколько десятков комментариев и видео на тему коронавируса. Компании, успешно развивающие диджитал-составляющую бизнеса, тем самым обеспечившие фундамент онлайн-деятельности, отреагировали на угрозу безопасности, проявив заботу о потребителе, упрочнив социальную составляющую, по сути, используя данные извне условий пост-пандемии, которые не возможно до конца прогнозировать.

Также условия бесконтактности и опасности заражения надолго вошли в жизнь современного покупателя, они сформировали привычки и навыки, которые покупатель коррелирует с короткими временными характеристиками обеспечения удобства и иными условиями жизнедеятельности, что подтверждает необходимость развития маркетинга, рекламы, продвижения и логистики, как инструментов и механизмов теоретико-прикладного, научно-обоснованного совершенствования экономики.

Новость номер один в мире ежедневно привлекает внимание каждого из

нас, обескураживает, предъявляет динамично изменяющиеся факты, которые несколько месяцев назад невозможно было предположить. На наш взгляд, в сложившейся ситуации, каждый индивид, в качестве реакции на проявления внешней среды, выбирает для себя три стандартных, условно возможных варианта поведения.

Психологическая реакция на стрессовые условия разделила аудиторию в зависимости от характеристик поведения и привычек покупателей на три соответствующие группы — вирус паники; вирус отрицания паники и константа, как часть общества, условно устойчивая к проявлению кризисных ситуаций. Таким образом, в сознании современного покупателя возможность совершать покупки из дома и работать «на удаленке» останется навсегда, как альтернатива. И новая эра коммуникационной активности содержит креативные коммуникационные технологии и механизмы воздействия на сознание индивида, элементы высокоскоростной медиаактивности.

Важно эмоциональное состояние активной аудитории, возможности обойтись без технологий навязывания, которое являлось нормой в эпоху докризисных реалий активности брендов. На наш взгляд, необходимо сконцентрировать внимание на невозможности эффективно функционировать по-старому, когда условия социально-экономического функционирования изменились, и вернуться в прошлое состояние не представляется возможным. Само поведение потребителей ещё не разу не менялось настолько стремительно, но теперь гораздо легче удаётся поддерживать контакт, инициируя распространение по средствам массовой коммуникации уникальных предложений, позволяющих эффективно функционировать с участием соцсетей, инновационных технологий передачи и отслеживания информации, управляя ежедневной работой с Big Data и искусственным интеллектом.

Главной задачей коммуникационных мессенджеров является существенное увеличение охвата заинтересованной аудитории и инициация общения. Как вклад в борьбу с вирусом многие мировые бренды проявили увеличение медиаактивности, обеспечивая рост новостного контента в отношении предотвращения распространения вируса.

Кризис Covid-19, имеет соименный вирусный характер, может быть представлен, на наш взгляд, на основе возникновения и распространения не стандартных формаций эпидемиологического характера, повлекших неизгладимые изменения экономической среды широкого профиля. Особенным так же его делает элемент необратимости последствий. Отметим, что, как мы отмечали ранее, наиболее существенно ощущают воздействие кризиса такие отрасли, как турбизнес, гостиничный бизнес, торговля непродуктивного формата, развлекательный, спортивный сегмент и в меньшей мере практически все отрасли экономических систем.

Выводы

Кризис 2020 сломал все стратегии развития, уровнял массу различий в возможностях, коснулся в равной степени крупных и мелких предприятий, определил количество угроз, которым необходимо противостоять, чтобы остаться на плаву и не покинуть рынок.

Очертив вкратце социально-экономические последствия произошедших значительных перемен, представим перечень направлений совершенствования коммуникационной активности организаций, применимый к предприятия, адаптивно к собственным условиям деятельности:

1. Приспособиться и своевременно реагировать на изменения рыночной среды, спроса.

2. Увеличивать, на сколько это возможно присутствие в медиа-среде.

3. Аккумулировать возможности для развития в период и после кризиса, обозначив цели и ориентиры выхода из него.

4. Время рецессии выхода из кризиса, следует так же использовать с пользой, совершенствуя стратегии, тактики и механизмы достижения заданных целей.

Статистика четко подтверждает точку зрения о невозможности существенных сокращений финансирования маркетинговых программ развития в форс-мажорных ситуациях. Так, организации, минимизирующие возможности дальнейшего развития маркетинга в период кризиса получают неощутимую экономию практически разового характера, но при этом наращивать упущенные возможности и догонять недавних конкурентов будет сложнее и затратнее.

У покупателей, повсеместно всех сегментов и групп укоренилось мнение, что личные контакты больше не безопасны. Реалии дня сегодняшнего могут привести нас к ситуации, когда контакт через эволюционирующее информационное пространство предполагает наличие гораздо привлекательных условий, нежели традиционные ценности реального общения. Все рассматривают научно обоснованные возможности развития дистанционно управляемых систем образования, государственных служб, элементов логистики и маркетинговых сервисов.

Большинство потребителей отмечают, что во время текущего кризиса они столкнувшись с ситуацией вынужденного использования какого-либо приложения или сервиса, но впоследствии стали реально заинтересованы в его дальнейшем применении.

Библиографический список

1. *Ерохина, Т. Б., Пархоменко, Т. В.* Маркетинговые и логистические коммуникации в процессе распределения продукции // Вестник РГЭУ (РИНХ). — 2019. — № 3 (67).

Bibliographic list

1. *Erokhina, T. B., Parkhomenko, T. V.* Marketing and logistic communications in process of product distribution // Bulletin of RSUE (RINH). — 2019. — № 3 (67).

РАЗДЕЛ 3. ФИНАНСОВО-КРЕДИТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ

А. Г. Бородина

ОЦЕНКА ДОСТУПНОСТИ ЖИЛЬЯ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация

В статье рассмотрена одна из самых приоритетных задач социально-инвестиционного развития России и регионов — обеспечение граждан жильем. Определение уровня нуждающихся в улучшении жилищных условий является непростой задачей. В процессе эволюции экономики РФ использовались три показателя, дающих оценку доступности жилья: коэффициент доступности жилья, индекс доступности приобретения жилья и уровень доступности жилья. Данная статья дает анализ этих индексов и предложения по их улучшению, рассматривает жилищные проблемы в разрезе социально-инвестиционной политики Российской Федерации. На текущий момент значения показателей доступности жилья завышены и не отражают реальное положение дел жилищной сфере. Предложения по заменам переменных в формулах, сделают эти индексы более информативными и правдивыми. Опираясь на полученные результаты государство сможет реально оценить уровень инвестиций в жилищную политику и получить отдачу в виде пополнения бюджета.

Ключевые слова

Социально-инвестиционная политика, жилье, коэффициент доступности жилья, индекс доступности приобретения жилья, доходы населения, уровень доступности жилья.

A. G. Borodina

ASSESSMENT OF HOUSING AFFORDABILITY IN CURRENT SOCIAL INVESTMENT POLICY OF RUSSIAN FEDERATION

Annotation

Article considers one of the highest priority tasks of socio-investment development of Russia and regions — providing citizens with housing. Determining the level of housing needs is not an easy task. In process of economic development of Russian Federation, three indicators were used to assess housing affordability: housing affordability index, housing acquisition affordability index and housing affordability level. This article provides an analysis of these indices and suggestions for their improvement, considers housing problems in context of socio-investment policy of Russian Federation. Currently, indicators of housing affordability are overstated and do not reflect the real state of affairs in housing sector. Proposals for replacing variables in formulas will make these indexes more informative and truthful. Based on results obtained, state will be able to really assess the level of investment in housing policy and get a return in form of budget replenishment.

Keywords

Housing, housing price to income ratio, housing affordability index, income of population, levels of affordability.

Введение

Социально-инвестиционная политика государства — это определение, не так давно используемое в обиходе. В широком смысле, под государственной инвестиционной политикой понимается взаимосвязанная система мероприятий, которые организуются государством в целях обеспечения благоприятных условий для субъектов экономической жизни и направленных на развитие экономической активности, стимулирования национальной экономики, а также повышения эффективности инвестиционных вложений [1].

Социально-инвестиционная политика является составной частью этого обширного понятия и касается решения глобальных общественных проблем, важнейшей из таких является обеспечение жильем населения.

Доступность жилья — понятие, которое в наши дни широко используется в экономике, социологии и политике. Уровень жизни населения напрямую связан с ним. Многие семьи испытывают необходимость в приобретении жилья, но за неимением необходимого уровня доходов, отсутствием первоначального взноса, так и не могут воплотить эту идею в жизнь.

Материалы и методы

Вопрос об обеспеченности жильем населения является одним из важнейших с момента формирования Российской Федерации. Доступность жилья необходимо было научиться измерять, а также внедрить систему по отслеживанию ее динамики. Уже с 1998 г. в нашей стране стал рассчитываться классический показатель — коэффициент доступности жилья, который существует и по настоящее время. Этот показатель представляет собой величину, равную числу лет, в течение которых семья может накопить на жилье, при условии, что все получаемые доходы будут откладываться на его приобретение. Рассчитывается этот коэффициент как отношение средней стоимости квартиры, размером 54 кв. м (18 кв. м на человека) к среднему доходу семьи, состоящей из трех человек:

$$\mathrm{HPIR} = \frac{\mathrm{C}\times\mathrm{S}}{\mathrm{R}\times\mathrm{Q}}, \qquad (1)$$

где HPIR — коэффициент доступности жилья (housing price to income ratio);

C — средняя рыночная стоимость 1 кв. м жилья, руб.;

S — общая площадь квартиры (54 кв. м);

R — среднедушевые денежные доходы, руб.;

Q — состав семьи (чел.).

А еще более упрощенная формула для РФ:

$$\mathrm{HPIR} = \frac{54\mathrm{C}}{3\mathrm{R}}, \qquad (2)$$

В настоящее время коэффициент доступности жилья является одним из целевых показателей государственной программы «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан России». Он является наиболее простым в измерении и был заимствован из зарубежной практики, но есть отличительная особенность. В странах, входящих в состав ООН, этот показатель рассчитывается как отношение медианной стоимости жилья к медианному размеру дохода домохозяйства за год, в России же используются средние показатели [2].

Для оценки доступности жилья на международном уровне существует методика Программы ООН по развитию населенных пунктов, она основана на вычислении коэффициента доступности жилья по формуле 1 (только в отличии от РФ вместо средних показателей используются медианные) и ранжированию полученного показателя в соответствии с критериями, указанными в таблице 1.

Таблица 1 — **Классификация рынков жилья по критерию доступности** [3]

Категория рынка	Значение коэффициента доступности жилья, лет
Жилье доступно	<3
Жилье не очень доступно	3-4
Приобретение жилья серьезно осложнено	4-5
Жилье существенно недоступно	>5

В 2020 г. впервые в самом известном аналитическом докладе о доступности жилья в развитых странах, подготовленном Demographia Housing Affordability Survey, использовались данные по РФ (табл. 2).

Таблица 2 — **Рейтинг доступности жилья по странам** [3]

Страна	Средний срок накопления, лет
Россия	2,6
США	3,6
Канада	3,9
Ирландия	4,1
Великобритания	4,5
Сингапур	4,6
Австралия	5,9
Новая Зеландия	7
Китай (Гонконг)	20,8

Между тем показатели коэффициента доступности жилья в сравнении субъектов России за тот же 2019 г. существенно отличаются, так, например, этот коэффициент в Московской области составил — 4,2, а в Ростовской — 2,4 [4].

Очевидно, что сравнивать значения коэффициента доступности жилья в России и странах ООН, по меньшей мере, не правильно. Но придерживаться зарубежной методики в нашей стране не представляется возможным по причине отсутствия официальных данных о медианных показателях заработной платы и стоимости жилья.

Медианная заработная плата представляет собой показатель, при котором 50 % работников получают зарплату ниже этого уровня, а 50 % работников — выше, а, следовательно, яснее отражает реальную заработную плату населения. Последняя публикация о медианных показателях заработной платы на официальном сайте госстатистики была представлена в июле 2019 г. И до сегодняшнего времени никаких упоминаний об этом показателе нет. А ведь значения средних и медианных данных значительно рознятся. Так, согласно данным Росстата за первую половину 2019 г., средняя заработная плата составила 47 468 руб., медианная — 34 335 руб. [5]. Таким образом, более 50 % населения России получили за первую половину 2019 г. заработную плату менее 34 335 руб., что на 26 % ниже среднего показателя. Необходимо отметить, что самая распространенная заработная плата в нашей стране за указанный период составила всего 23 500 руб. (это модальный показатель, то есть тот, который повторяется с наибольшей частотой), именно такую зарплату получают 15–20 % занятого населения страны. Медианная и модальная стоимости квадратного метра жилья вообще отсутствуют в официальных источниках, следовательно, заимствованный зарубежный показатель — коэффициент доступности жилья, не может в полной мере отражать действительность.

В настоящий момент большинство российских семей не может представить себе приобретение первой жилплощади или ее увеличения без привлечения заемных средств. Ипотека все более широко применяется населением, все более понятными и выгодными становятся условия по жилищным займам. Об этом свидетельствует статистика по выдаваемым кредитам за последние годы.

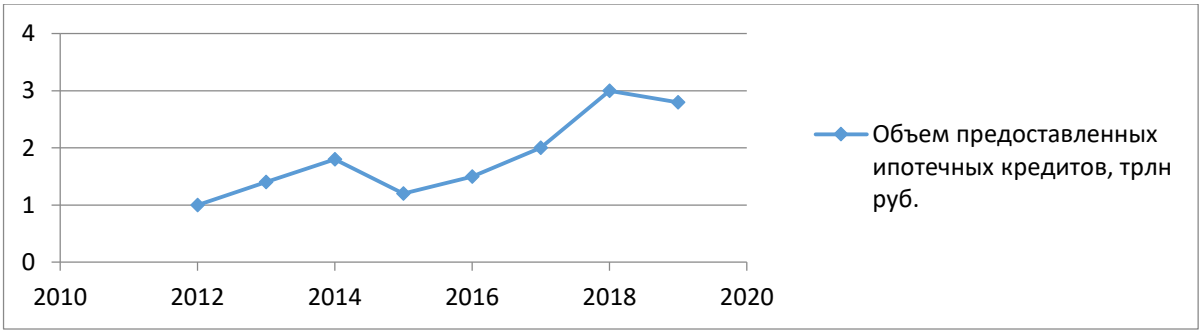


Рисунок 1 — **Объем предоставленных ипотечных кредитов в РФ***

** Статистические данные приведены по данным за 2012–2018 гг. [6]*

По мере роста спроса на ипотечное кредитование появилась необходимость оценки количества семей, имеющих возможность оформить жилищный кредит. С 2006 г. в России стал рассчитываться Индекс доступности приобретения жилья, который также был заимствован из зарубежной практики. Рассчитывается он в процентах и показывает соотношение доходов среднестатистического домохозяйства с размеров денежных средств, необходимым для приобретения стандартной квартиры площадью 54 кв. м с помощью ипотечного кредита, выдаваемого на стандартных условиях [8]. Простейшая формула расчета индекса доступности приобретения жилья выглядит так:

$$HAI = \frac{e \times R}{C} \times 100\%, \qquad (3)$$

где HAI — Housing Affordability Index (индекс доступности приобретения жилья);

e — предельная доля дохода семьи, которая может расходоваться на погашение кредита;

R — среднемесячный доход семьи;

C — ежемесячный платеж по кредиту.

В отличие от коэффициента доступности жилья, данный показатель учитывает также доступность ипотечного кредитования для населения. В частности, повышение ставки по кредитам приводит к снижению индекса (что соответствует меньшей доступности жилья), а падение ставки при прочих равных вызовет рост индекса (что соответствует большей доступности жилья) [6]. Значение показателя в 100 % означает, что среднестатистическая семья имеет доходы, в точности соответствующие необходимым доходам для приобретения стандартной квартиры с помощью ипотечного кредита. Если индекс возможности приобретения жилья с кредитом меньше 100 %, то среднестатистическое домохозяйство не в состоянии приобрести стандартную квартиру.

Как и в случае использования коэффициента доступности жилья, рассматриваемый индекс не отражает реальное положение обеспечения жильем населения. Так как в формуле используется все тот же средний показатель вместо медианного или модального, а также в различных источниках предельная доля дохода семьи, которая может быть потрачена на ежемесячный платеж по кредиту может серьезно варьироваться от 25 до 50 %.

Обсуждение

Согласно данным Института экономики города (на основании данных Росстата и Банка России) индекс доступности приобретения жилья в целом по Российской Федерации уже в 2016 г. преодолел отметку в 100 %, а по итогам 2018 г. составил — 126 % [4]. С точки зрения экономической интерпретации, это должно означать, что среднестатистическое домохозяйство в нашей стране имеет возможность приобрести жилье за собственные денежные средства или за счет средств ипотечного кредита. Встает вопрос, что понимается под среднестатистическим домохозяйством и правильно ли использовать усредненные данные для расчета. Официальные данные по количеству семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий, говорят о том, что нашей стране еще очень долго придется работать над жилищной политикой. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, количество семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, за 2018 г. составило более 2,3 млн [7]. Это именно домохозяйства, признанные малоимущими, в реальности таких семей в разы больше.

В 2018 г. Правительством было разработано Постановление № 1373 «О методиках расчета показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, в котором подробно описывалась система расчета коэффициента доступности жилья, но в силу оно так и не вступило. Вероятно, пришло понимание несовершенства и не отражения действительности этого показателя. Так, 17.07.2019 на смену пришло Постановление Правительства РФ № 915 (ред. от 27.03.2020) «Об утверждении методик расчета показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации», а также о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации, в котором содержится описание принципиально нового показателя — уровня доступности жилья. Это величина, которая позволяет оценить долю домохозяйств, имеющих возможность приобрести жилое помещение с помощью собственных и заемных средств, аналогов этому измерению в зарубежных странах нет.

Показатель «Уровень доступности жилья» для жителей субъекта Российской Федерации определяется как доля населения, ежемесячный доход которого превышает минимальный доход, необходимый для приобретения среднестатистической квартиры, по данным о распределении населения по величине среднедушевых денежных доходов. Минимальный доход рассчитывается по следующей формуле:

$$\text{МД} = \left(\frac{70}{100\%} \times \text{Ц}_\text{м} \times 54\right) \times \frac{\frac{\text{С}_\text{т}}{12*100\%}}{1-\left(1+\frac{\text{С}_\text{т}}{12*100\%}\right)^{-\text{Кп}}} \times \frac{100\%}{35} \times \frac{1}{2{,}38}, \qquad (4)$$

где МД — минимальный доход (руб. / мес.), расчетный показатель;

70 — доля заемных средств в стоимости приобретаемого жилья (в %);

Цм — средняя стоимость 1 кв. м модельного жилья на первичном рынке, руб. (источник данных — Федеральная служба государственной статистики);

54 — средняя площадь квартиры, кв. метров;

Ст — процентная ставка по ипотечным жилищным кредитам в рублях в среднем за год, % в год (источник данных — Банк России);

Kn — средний срок выданных ипотечных жилищных кредитов в рублях в от-

четном году (в мес.) (источник данных — Банк России);
35 — доля платежа по ипотечному жилищному кредиту в доходах домохозяйства, в %;
2,38 человека — средний размер домохозяйства (источник данных — Микроперепись населения 2014 г.) [6].

Показатель уровня доступности жилья впервые официально опубликован в 2020 г., его расчетное значение по Российской Федерации за 2019 г. составило — 48,2 % [8], то есть практически половина домохозяйств в нашей стране имеет возможность приобретения жилья за накопленные денежные средства или за счет средств предоставленного ипотечного кредита.

Итак, для оценки динамики доступности жилья можно использовать любой из трех рассмотренных показателей, но для расчета индекса доступности приобретения жилья и уровня доступности жилья необходимые данные существуют только с 2006 г.

Коэффициент и индекс доступности жилья примерно одинаково интерпретируют жилищную ситуацию. Показатель уровня доступности жилья значимо отличается от них тем, что учитывает также распределение населения по уровню доходов, а не только их средние значения. В связи с этим он более точно показывает доступность в районах с высокой дифференциацией по доходам, в то время как индекс и коэффициент доступности жилья склонны преувеличивать доступность жилья в таких регионах, что мы и наблюдаем, анализируя показатели 2019 г.

Результаты

Оценку доступности жилья в России целесообразно измерять с помощью показателя уровня доступности жилья, так как он учитывает условия ипотечного жилищного кредитования, а также уровень неравенства населения по доходу — распределение населения по уровню среднедушевого дохода. С другой стороны, в целях международных сопоставлений более подходящим является коэффициент доступности жилья, который традиционно используется в зарубежных странах [8].

Необходимо отметить, что для реального отражения доступности жилья в Российской Федерации все рассмотренные индикаторы требуют усовершенствования.

Коэффициент и индекс доступности жилья в России на сегодняшний день некорректно сопоставлять с зарубежными аналогами по ряду причин: использование среднего дохода взамен медианному сильно искажает действительность. Несопоставимый с зарубежными странами размер квартир, приравненный к базовому значению 54 кв. м, а также размер домохозяйства, равный значению 3 человека, если посмотреть вглубь проблемы, вообще является пережитком прошлого. Согласно Положению Совета Министров РФ от 10.12.1993 № 1278 социальной нормой предоставления субсидий на приобретение жилья является величина, равная 18 кв. м на человека и предоставляется семье из трех человек. Само положение уже давно утратило силу, а вот соцнорма по квадратным метрам спустя 27 лет осталась прежней. Как отмечалось выше, Россия, по данным 16th Annual Demographia International Housing Affordability Survey Rating Middle-Income Housing Affordability, в рейтинге доступности жилья по странам занимает первое место, второе место в рейтинге занимает США, но норматив по площади, используемый при данном ранжировании, в РФ составляет 54 кв. м, а в США — 200. Даже без точных математических подсчетов ясно, что коэффициент доступности жилья, используемый в РФ и других зарубежных странах сравнивать некорректно.

Как отмечалось ранее, экономический смысл коэффициента доступности жилья заключается в вычислении коли-

чества лет, за которое среднестатистическая семья сможет накопить на квартиру, если допустить, что тратить денежные средства она не будет в принципе [8].

Изначально формула, которая используется в сегодняшней практике, с точки зрения автора является некорректной, так как она отражает отношение цены среднестатистической квартиры к произведению годового заработка и размера домохозяйства. При этом считается, что средний размер домохозяйства равен количеству 3 человека. Семья в обычном смысле состоит из двух родителей и ребенка, при этом зарабатывают в ней максимум 2 человека.

Теперь обратимся к статистическим данным. Численность рабочей силы в возрасте 15 лет и старше в январе 2020 г. составила 74,8 млн чел., из них 71,4 млн чел. классифицировались как занятые экономической деятельностью и 3,5 млн чел. — как безработные. Таким образом, уровень безработицы в январе 2020 г. составил 4,7 %. Теперь возьмем максимальное количество работающих людей в рассматриваемом нами домохозяйстве — 2 и вычислим количество работающих из них, на основании данных о безработице 2 умножаем на 96,3 % работающих людей и получаем 1,93, то есть среднюю цифру работающих людей в домохозяйстве.

Предлагаем внести изменения в формулу расчета коэффициента доступности жилья:

$$\text{HPIRnew} = \frac{C \times S}{Rm \times Qr}, \qquad (5)$$

где HPIRnew — коэффициент доступности жилья (новая формула);

C — средняя рыночная стоимость 1 кв. метра жилья, рублей;

S — общая площадь квартиры (54 кв. м);

Rm — медианный показатель денежных доходов за год, руб.;

Qr — средний размер работающих членов домохозяйства (1,93 чел.).

Произведем апробацию новой формулы с учетом корректировки, за 2019 г.:

$$\text{HPIRnew} = \frac{41964 \times 54}{331428 \times 1{,}93} = 3{,}54. \qquad (6)$$

Коэффициент доступности жилья за аналогичный период по классическому варианту для Ростовской области равен:

$$\text{HPIR} = \frac{41964 \times 54}{389028 \times 3} = 1{,}94. \qquad (7)$$

Полученный результат по скорректированной формуле серьезно отличается и более точно отражает положение дел в жилищной сфере.

Выводы

Важнейшим вопросом является приведение в порядок расчета рассматриваемых показателей. На текущий момент, их значения очень сильно завышены, это чревато введением в заблуждение нашего Правительства.

Непонимание числа реально нуждающихся в жилье домохозяйств приводит к занижению государственных инвестиций в жилищную сферу, государство тем самым, как это не парадоксально звучит, не дополучает доходы из различных сфер. Например, семьи вынуждены снимать жилье, арендодатели, как известно, предпочитают осуществлять сдачу нелегально, а, следовательно, налоги в бюджет не поступают.

Как известно, Центральный Банк РФ также регулярно пополняет доход государства, например, от процентам по ставке рефинансирования по выданным кредитам коммерческим банкам, то есть, чем больше розничные банки предоставят ипотечных займов населению, тем больше в доход бюджета вернется денежных средств.

В экономике все циклично, и предоставление социальных инвестиций в нужном объеме и в нужное время — одна из наиболее важных задач социально-экономической политики страны.

Библиографический список

1. *Лаптева, А. М., Скворцов, О. Ю.* Инвестиционное право : учебник для бакалавров и магистрантов. — М. : Юрайт, 2019.

2. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» : [Постановление Правительства Российской Федерации от 30.12.2017 № 710 (с послед. изм. от 13.05.2020)] // СПС КонсультантПлюс.

3. 16th Annual Demographia International Housing Affordability Survey: 2020. Rating Middle-Income Housing Affordability, USA, 2020 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.demographia.com.

4. Мониторинг ситуации в экономике и жилищной сфере городов и агломераций в 2019 г. / Фонд «Институт экономики города» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.urbaneconomics.ru.

5. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников в целом по экономике Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.gks.ru.

6. Объем предоставленных ипотечных кредитов в РФ за 2012–2018 гг. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://cbr.ru.

7. Основные показатели жилищных условий населения [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.perepis-2020.ru.

8. Показатели уровня доступности жилья за 2019 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.fedstat.ru.

Bibliographic list

1. *Lapteva, A. M., Skvortsov, O. Yu.* Investment law : textbook for baccalaureate and magistracy. — M. : Urait, 2019.

2. Approval of State Program of Russian Federation «Provision of accessible and comfortable housing and communal services for citizens of Russian Federation» : [Decision of Government of Russian Federation from 30.12.2017 № 710 (with last demand from 13.05.2020)] // LRS Consultant Plus.

3. 16th Annual Demographia International Housing Affordability Survey: 2020. Rating Middle-Income Housing Affordability, USA, 2020 [Electronic resource]. — Mode of access : http://www.demographia.com.

4. Monitoring the economic and housing situation of cities and agglomerations in 2019 / Foundation «Urban Institute» [Electronic resource]. — Mode of access : http://www.urbaneconomics.ru.

5. Average nominal monthly wages of workers as a whole for economy of Russian Federation [Electronic resource]. — Mode of access : https://www.gks.ru.

6. Mortgage lending in Russian Federation for 2012–2018 [Electronic resource]. — Mode of access : https://cbr.ru.

7. Basic indicators of living standards [Electronic resource]. — Mode of access : http://www.perepis-2020.ru.

8. Housing affordability indicators for 2019 [Electronic resource]. — Mode of access: https://www.fedstat.ru.

Э. А. Исраилова, М. М. Баланова

О РОЛИ ГОСУДАРСТВА В РЕГУЛИРОВАНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЛАТФОРМЕННЫХ КОМПАНИЙ НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация

Статья содержит краткий обзор текущего состояния цифровой экономики в мире, проблем контроля деятельности и налогообложения платформенных компаний, а также регуляторной политики по отношению к ИКТ фирмам, включая платформенные компании. Проводится оценка важности регулирования государством деятельности платформенных компаний в эпоху цифровой экономики.

Ключевые слова

Платформы, регуляторная политика, цифровая экономика, Китай, государственные предприятия.

E. A. Israilova, M. M. Balanova

ON THE ROLE OF STATE IN REGULATION OF PLATFORM COMPANIES' ACTIVITIES ON EXAMPLE OF PUBLIC REPUBLIC OF CHINA

Annotation

Article contains a brief overview of current situation of digital economy in the world, problems of platform companies control and taxation, as well as a regulatory policy towards ICT firms, including platform companies. It provides assessment of significance of regulating platform companies' activities by the state in the era of digital economy.

Keywords

Platforms, regulatory policy, digital economy, China, state-owned enterprises.

Введение

Согласно Отчету ЮНКТАД по цифровой экономике 2019 г., ключевыми центрами, дающими жизнь тысячам платформенных компаний, являются Соединенные Штаты Америки (72 % объема мировой капитализации платформ, оцениваемых в более 1 млрд долл., приходится на США) и КНР (на Китай приходится 25 % мировой капитализации платформ). Лишь 2 % от общего объема капитализации приходится на рынок ЕС [6].

Если брать цифровую экономику в ее «узкой» трактовке (т. е. отрасль экономики, реализующую цифровые товары и услуги, цифровизацию физических активов), на ее долю в США приходится около 6,9–8 % ВВП, в «широкой» (т. е. экономику, включающую все отрасли, связанные с появлением новых технологий, применяющих робототехнику, цифровые платформы, смарт-технологии и др.) — более 50–60 % ВВП.

В Китае доля цифровой экономики в «широком» смысле от совокупного ВВП составляет 4–6 % и 25–30 % соответственно. Именно компании США и КНР составляют более 70–80 % крупнейших мировых платформ стоимостью от 100 млн до более 1 млрд долл. [2]. Состав компаний и страны их происхождения, представленные в десятках рейтингов ТНК, инновационных компа-

ний, компаний в сфере ИКТ и компаний-единорогов [1], является еще одним доказательством дуополии США и КНР в сфере цифровой экономики.

Стоит отметить, что среда функционирования платформенных компаний в странах-лидерах цифровой экономики значительно разнится. Если в США, стране-первопроходце онлайн-технологий, рост и развитие платформ осуществлялись в условиях свободного рынка, развитой инновационной инфраструктуры, наличия отдельных частных компаний, обладающих большой рыночной силой, и участия государства лишь на этапе первоначальной поддержки развития интернета, то появление китайских платформенных компаний сопровождалось значительным вмешательством руководства республики, включая защиту от конкуренции, создаваемой приходящими на отечественный рынок зарубежных платформ [6].

Именно стремительный рост китайской цифровой экономики за достаточно короткие сроки (с 2000-х гг.) до масштабов США, а в сфере электронной коммерции ее бесспорное лидерство над Соединенными Штатами (в 2018 г. объем электронной коммерции в Китае достиг 1,3 трлн долл., в США — 510 млрд долл. [2]) обусловили выбор КНР в качестве объекта исследования.

Предметом исследования был выбран анализ регуляторной политики правительства КНР как фактор усиления конкурентоспособности страны на мировом рынке в сфере цифровой экономики. Актуальность исследования заключается в отсутствии сформированной рамочной нормативно-правовой базы в мире по отношению к ИКТ компаниям в целом и платформенным компаниям в частности, за исключением массированных мер КНР, практика которых может быть потенциально полезной для других стран, запустивших процесс цифровизации.

Материалы и методы

Поскольку предметом исследования является политика КНР в отношении платформенных компаний, материалом послужили научные статьи, посвященные особенностям ведения бизнеса и роли государства в экономике Китая, экономические и бизнес-статьи отечественных и зарубежных журналов, а также статистические и аналитические сборники международных организаций, прежде всего доклады, подготовленные ЮНКТАД.

Статья представляет собой качественное исследование с применением метода синтеза и ситуационного исследования (экономика и политика КНР).

Результаты

Проблемы контроля деятельности платформенных компаний

С наступлением эпохи Индустрии 4.0 началом эры цифровизации традиционных отраслей экономики, а также появлением новых рынков сбыта товаров и услуг: маркетплейсов, онлайн-ритейлов, поисковых систем и соцсетей, буквально каждая страна сталкивается с дилеммой регулирования и контроля деятельности как ИКТ-компаний, так и новых субъектов международного бизнеса — платформенных компаний. Разработка регуляторной политики в отношении таких компаний объективно сталкивается с вызовами, в основе которых лежат два феномена, характеризующих данную сферу.

Во-первых, феномен продукта, продаваемого платформенными компаниями, — информация. Если практика фиксирования и контроля международных потоков товаров и услуг устоялась, аппарат по отношению к информации как объекту рыночных транзакций попрежнему не сформировался. Сложность контроля над транзакциями, объектом которых является информация, предопределена природой данного рыночного продукта. В первую очередь, возникают трудности с фиксацией до-

бавленной ценности, формирующейся при обмене информацией в экосистемах платформенных компаний.

Во-вторых, большая сложность возникает на этапе определения происхождения, географии и направления потоков информации.

В-третьих, на этапе установления правовой системы, с помощью которой можно контролировать легитимность транзакции, также возникает дилемма, поскольку в реальной ситуации перемещения информации невозможно определить время пересечения границы информационными данными [6].

Все перечисленные особенности информации как продукта, с которым имеют дело платформенные компании, ставит перед правительствами стран вопрос разработки собственной эффективной регуляторной политики (хороших образцов в мире практически нет) в части организации бизнеса и извлечения экономической выгоды для национальной экономики от его развития.

Основной проблемой правительства стран считают скрытие доходов платформенных компаний, уклонение ими от уплаты налогов (корпоративного налога и косвенных налогов, относящихся к интернет-торговле).

Платформенные компании зачастую размещают нематериальные активы в государства с юрисдикцией, которая привлекательна для бизнеса с точки зрения низкого налогообложения. Так, компания «Майкрософт» владеет лицензионными правами на программное обеспечение в Ирландии, Пуэрто Рико и Сингапуре.

Более того, платформенные компании зарабатывают миллионы в принимающих странах, однако ввиду нематериальной природы их продукта (информации), компании не открывают представительств, которые могли бы быть доказательством работы компании на рынке [6], что является вторым немаловажным фактором.

Таким образом, оба феномена — сложность контроля над информацией как объектом международных транзакций и защита национальных производителей — служат объективной основой для формирования государством мотивов разработки регуляторной политики. Данные факторы подкрепляются тремя основными мотивами, которыми руководствуется правительственный аппарат при введении и организации эффективной работы регуляторной политики по отношению к ИКТ-компаниям, включая платформы.

1. Обеспечение безопасности хранения и передачи информации как объекта транзакции, главного оружия в сфере цифровой экономики, включая стратегически важную информацию, закрытую от других субъектов экономики — стран-конкурентов и зарубежных ТНК.

2. Информация, будучи источником получения прибыли, с учетом подрывного характера платформенного бизнеса с его экстраординарными показателями продаж и силы сетевого эффекта, инициирует желание государств контролировать данные финансовые потоки и облагать налогом.

3. Государства, внедряя эффективную регуляторную политику, направленную на ограничение деятельности зарубежных цифровых ТНК, обеспечивает конкурентные позиции (при желании — монополию в новом или существующем секторе), защиту и рост отечественных компаний как внутри страны, так и за рубежом.

Роль государства и его регуляторной политики в формировании китайского феномена развития ИКТ-сферы и платформенных компаний

Выбор Китая в качестве объекта анализа внешней среды платформенных компаний обусловлен, в первую очередь, широким присутствием и высокими темпами роста объемов капитализации китайских компаний на мировом

рынке и в международных рейтингах ТНК, инновационных компаний, а также компаний-единорогов.

Во-вторых, кейс Китая расходится со сценарием развития рынка цифровых компаний в США — родоначальнике сети Интернет, доткомов «новой экономики», компаний-гигантов онлайн-коммерции Amazon, Walmart и eBay и стране происхождения главного IT-кластера Кремниевой долины с ее нашумевшими стартапами, прибыль которых растет в геометрической прогрессии. И, наконец, выбор Китая в качестве объекта анализа объясняется его конкурентной позицией на международном рынке и продолжающимся вытеснением с него американских компаний.

Прежде чем охарактеризовать особенности внутренней среды цифровой экономики КНР, целесообразно выделить факторы, позволившие Китаю навязать конкуренцию США в этой сфере:

– высокий показатель ВВП;

– значительные вложения в исследования и разработки, инновации и кадры в цифровой сфере;

– лидерство по числу потребителей;

– динамизм сектора ИКТ, «в т. ч. вероятные синергии между развитием персональной электроники интернет-рынков»;

– мощная интернет-инфраструктура;

– гомогенный характер рынка КНР в культурном и регуляторном отношении;

– сопряжение неразвитости сектора услуг и крупного сетевого ритейла с растущим платежеспособным спросом, способствующее появлению новых отраслей и рынков [2].

Китайский рынок уникален тем, что лишь 15 % крупнейших ТНК, представленных в Global Fortune 500, являются частными [7]. Остальные компании находятся в собственности государства, что дает возможность сделать вывод о контроле деятельности китайских ТНК правительством Республики.

Это первая особенность внутренней среды бизнеса Китая в целом. Это прагматичный подход, выработанный китайским правительством и лично Си Цзиньпинем к управлению страной в условиях социализма с китайской спецификой, направленный на завоевание и сохранение конкурентных позиций в мировой экономике и подкрепленный национальными проектами, стратегиями и поправками в законы, вносимыми Государственным советом КНР. Правительственные меры Си Цзиньпина предпринимались согласно четырем механизмам:

1) формирование центральных небольших рабочих групп, координирующих и формирующих политику в отношении госпредприятий;

2) режим управления кадрами (своевременная смена руководства компаний и совместное с руководством КНР назначение новых лиц);

3) усиление роли партийных комитетов в управлении государственными предприятиями путем внесения поправок в устав компаний и Устав Коммунистической партии КНР;

4) реализация антикоррупционной кампании [9].

Именно четыре механизма послужили базой для введения ряда мер, более подробно представленных в таблице 1.

Таблица 1 — **Инициативы правительства КНР под руководством Си Цзиньпина по усилению контроля над интернет-бизнесом**

Год принятия / вступления в силу	**Орган**	**Название меры (инициативы), решение**
2013	Центральная комиссия Коммунистической партии Китая по проверке дисциплины	Антикоррупционная кампания (январь 2013 — 2016 гг.). Решение — проведение трех масштабных проверок крупнейших госкомпаний страны [4]
	Политическое бюро Центрального комитета Коммунистической партии Китая	Создание Центральной комиссии по всестороннему углублению реформ во главе с Си Цзиньпином. Цель — продвижение политики против бюрократии и помощь Генеральному секретарю Си Цзиньпину в укреплении своей власти над огромным государственным аппаратом Китая, Государственным советом и премьер-министром [9]
2015	Государственный совет КНР	Проект «План действий «Интернет+» [11]
	Государственный совет КНР	Государственный план «Сделано в Китае 2025» [11]
	Государственный совет КНР	«Национальная стратегия развития информатизации» [11]
2016	Коммунистическая партия КНР	Национальное собрание Коммунистической партии КНР (октябрь 2016 г.). Решение — наделение Коммунистической партии КНР более широкой ролью в правлении ТНК [8, 9]
2017	Комитет по контролю и управлению государственным имуществом	Решение (январь 2017 г.) — введение требования к ТНК включить Коммунистическую партию КНР в их устав [8, 9]
	Коммунистическая партия КНР	Решение (октябрь 2017 г.; 19-й съезд Коммунистической партии КНР) — закрепление полномочия партийного комитета играть руководящую роль в принятии решений на государственных предприятиях в Уставе партии [9]
2018	Регулятор ценных бумаг	Новый кодекс корпоративного управления. Решение — требование к зарегистрированным на бирже фирмам внутри страны и за рубежом включить в свои внутренние руководящие принципы расширяющуюся роль Коммунистической партии КНР [8]
2019	Государственный совет КНР	Руководство по развитию платформенной экономики (принято в марте 2019 г.) Решение 1)план к 2020 г. — увеличить объем продаж на товарно-сырьевых рынках до 100 млрд юаней (около 14,5 млрд долл.) [10]; 2)сокращение бюрократии при регистрации платформенных компаний, улучшение условий доступа к рынку и сокращение расходов по обеспечению норм, применяемых по отношению к платформенным компаниям [5]

Следует отметить, что до прихода к власти Си Цзиньпина в Китае уже принимали механизмы по установлению контроля государства над фирмами. Например, в 2003 г. был создан Комитет по контролю и управлению государственным имуществом. Под управление комитета попали практически все госкомпании Китая. Не менее важную роль играет Государственный комитет по делам развития и реформ КНР, контролирующий развитие отечественной инфраструктуры республики и обладающий полномочиями по утверждению исходящих инвестиций. При этом несмотря на значительную и зачастую решающую роль государственного аппарата в формировании экономической системы Китая, именно гибкий частный сектор Китая генерирует прогресс, который действительно ощущается далеко за пределами страны. Это является второй особенностью внутренней среды бизнеса Китая. Опираясь на государственную политику, выраженную в проекте «План действий «Интернет+», государственном плане «Сделано в Китае 2025» (Made in China 2025) от 2015 г. и «Национальной стратегии развития информатизации», технологический сектор Китая использует быстрорастущие рынки страны для наращивания рыночной власти и внедрения инноваций с глобальным охватом. Реформа китайской интернет-экономики с 2015 г. породила самую динамичную в мире среду стартапов, созданных за счет частных венчурных инвестиций, мощной системы финансовой помощи со стороны государства и распространения инкубаторов, поддерживаемых китайским правительством. При этом и частные гиганты онлайн-коммерции, в частности Alibaba, Tencent, а также крупнейшая поисковая машина Baidu тоже производят вливания огромных сумм в капитал или приватизацию новых стартапов на китайском рынке даже в большем объеме, чем лидеры американского онлайн-бизнеса, скупающие стартапы Кремниевой долины (Lowy institute). Важным является замечание И. В. Данилина о том, что именно формирование известной тройки BAT (Baidu, Alibaba, Tencent) стало триггером пересмотра госполитики и ее контроля над цифровой экономикой, роль же государства на ранних стадиях развития ИКТ компаний была намного скромнее [2].

Третьей особенностью является факт тесного сотрудничества государственных компаний, относящихся к группе стратегических активов китайского государства с крупнейшими частными компаниями в сфере ИТ, включая платформенные компании. Например, Alibaba сотрудничает с Sinopec и China Mobile для разработки сервисов облачных вычислений и анализа больших данных, а также с оборонным гигантом Norinco для обеспечения коммерциализации китайской спутниковой навигационной системы Beidou (за счет контролируемого США GPS). Однако более существенным результатом симбиоза государственных и частных технологически развитых компаний является успешное планомерное построение руководством страны «цифрового государства всеобщего контроля». Ведущие технологические фирмы в настоящее время используют огромные массивы пользовательских данных для пробных систем кредитных рейтингов, которые в случае успешной интеграции со стороны китайского государства предоставят ему беспрецедентные возможности для индивидуального мониторинга и, следовательно, социального контроля [11]. Данная особенность является ярким примером соединения интересов двух групп субъектов хозяйствования (государства и ряда частных технологических компаний) на основе двусторонней связи и соблюдения принципов взаимной экономической выгоды [3].

Китай выстраивает собственную стратегию и регуляторную политику в

отношении новых субъектов бизнеса ИКТ-фирм, в том числе платформенных компаний. Он, как и другие страны, вынужден вырабатывать новые подходы и инструментарий в регулировании этой сферы, поскольку традиционные не могут быть эффективно применены в отношении новых субъектов бизнеса в эпоху цифровой экономики в силу особого характера отношений между ними и объектами их транзакций. Китайская модель регулирования деятельности ИКТ-фирм в целом и платформенных компаний в частности делает ставку на создание жестких рамочных условий и прямом участии государства в бизнес-процессах, что задает новый вектор в выработке стандартов регуляторной политики в этой сфере. Американская и китайские модели формируют два полюса в подходах в регулировании деятельности ИКТ и платформенных компаний, которые формируют «игровое поле» для принятия собственных решений для других стран, следующих в фарватере двух лидеров эпохи цифровой экономики.

Обсуждение

Исследование, представленное в данной статье, доказывает эффективность вмешательства государства в контроль, регулирование и стимулирование деятельности ИКТ и платформенных компаний. Пример КНР в данном случае очевидно показателен с его доминирующей позицией наряду с США в цифровой экономике. Поскольку регуляторная политика в отношении цифровых и платформенных компаний в странах мира по-прежнему не сформирована, последующие исследования будут носить повышенную актуальность при изучении лучших практик и инициатив, в первую очередь США, а также ЕС в различных их направлениях: политика стран по отношению к ИКТ и платформенным компаниям в сфере охраны труда и социальной защиты, политика защиты прав интеллектуальной собственности в сфере цифровой экономики, политика в отношении данных (включая конфиденциальные данные граждан) как источника создания ценности в современных глобальных цепочках создания ценности, налоговая политика, политика установления налога за вывод дивидендов в офшоры и межправительственная политика во избежание двойного налогообложения. Интересны и такие вопросы для последующих исследований, как возможность лидерства КНР над США в сфере цифровой экономики, а также влияние цифровизации всех отраслей на экономику стран.

Выводы

Цифровая экономика в Китае показала стремительный и успешный рост в более сжатые сроки, чем в США ввиду необходимости создания современной инфраструктуры для бизнес-услуг онлайн, включая интернет-шопинг и мобильные платежи на фоне роста платежеспособного спроса. По мере ее развития она успела охватить многие сферы общественной жизни, традиционные сектора экономики и стала одним из приоритетов экономического развития Китая. С приходом к власти Си Цзыньпина планомерно формируется модель регулирования «правительство − предприятие», содействующая регулированию не только деятельности компаний в целом, но и потоков информации в частности, а также создающая среду для конкуренции и постоянных инноваций. Политика и действия Китая по отношению к ИКТ-компаниям и платформам, в частности, может послужить примером, который могут перенять другие развитые и развивающиеся страны. Очевидно, что вмешательство государства в регулирование деятельности ТНК и их новых гибридов — платформенных компаний — неизбежно. Вопрос лишь в том, какие именно инструменты государства будут применять в подавляющей степени в скором времени — стимулирующие или ограничительные, направленные на вытеснение или привлечение зарубежных ТНК — и он остается пока открытым.

Библиографический список

1. *Бодягин, О. В., Баланова, М. М.* О формализации категориального аппарата платформенных компаний как субъектов международного бизнеса // Современная архитектура мировой экономики (4I's) инвестиции, инновации, индустрия, интеграция : материалы междунар. науч.-практ. конф. — Ростов н/Д, 2019. — С. 100–105.

2. *Данилин, И. В.* Развитие цифровой экономики США и КНР: факторы и тенденции // Контуры глобальных трансформаций. — 2019. — № 6. — Т. 12. — С. 246–267.

3. *Исраилова, Э. А.* Особенности системы экономических интересов субъектов рыночного хозяйства // Вестник РГЭУ (РИНХ). — 2013. — № 3 (43). — С. 138–144.

4. *Спивак, В.* Железные пальцы Си: кто держит за горло китайских коррупционеров [Электронный ресурс] // Московский центр Карнеги. — Режим доступа : https://carnegie.ru.

5. China to nurture platform economy growth [Electronic resource]. — Mode of access : http://www.xinhuanet.com.

6. Digital Economy Report 2019: Value Creation and Capture: Implications for Developing Countries [Electronic resource]. — Mode of access : https://doi.org.

7. Explained, role of China's state-owned companies [Electronic resource]. — Mode of access : https://www.weforum.org.

8. How the state runs business in China [Electronic resource]. — Mode of access : https://www.theguardian.com.

9. *Leutert, W.* Firm Control: Governing the State-owned Economy Under Xi Chinping // China Perspctives. — 2018. — № 1–2. — P. 27–33.

10. Policy support to boost online platforms [Electronic resource]. — Mode of access: https://www.chinadaily.com.cn.

11. Rise of China's tech sector: making of Internet empire [Electronic resource]. — Mode of access : https://www.lowyinstitute.org.

Bibliographic list

1. *Bodiagin, O. V., Balanova, M. M.* On the formalization of categorical framework of platform companies as subjects of international business // Modern Architecture of World Economy (4I's): investment, innovation, industry, integration. — Rostov-on-Don, 2019. — P. 100–105.

2. *Danilin, I. V.* Development of digital economy in USA and China: factors and trends // Outlines of Global Transformations. — 2019. — № 6. — T. 12. — P. 246–267.

3. *Israilova, E. A.* Peculiarities of system of economic interests of market economy's entities // Vestnik of RSUE (RINH). — 2013. — № 3 (43). — P. 138–144.

4. *Spivak, V.* Xi'sironfingers: who grabs Chinese corrupt officials by throat // Moscow Center Carnegie [Electronic resource]. — Mode of access : https://carnegie.ru.

5. China to nurture platform economy growth [Electronic resource]. — Mode of access : http://www.xinhuanet.com.

6. Digital Economy Report 2019: Value Creation and Capture: Implications for Developing Countries [Electronic resource]. — Mode of access : https://doi.org.

7. Explained, role of China's state-owned companies [Electronic resource]. — Mode of access : https://www.weforum.org.

8. How the state runs business in China [Electronic resource]. — Mode of access : https://www.theguardian.com.

9. *Leutert, W.* Firm Control: Governing the State-owned Economy Under Xi Chinping. China Perspctives. — 2018. — № 1–2. — P. 27–33.

10. Policy support to boost online platforms [Electronic resource]. — Mode of access : https://www.chinadaily.com.cn.

11. Rise of China's tech sector: making of Internet empire [Electronic resource]. — Mode of access : https://www.lowyinstitute.org.

Н. Т. Лабынцев, О. В. Чухрова

РАЗВИТИЕ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация

Целью статьи является обобщение информации для трансформации системы бухгалтерского учета в условиях цифровой модернизации общественно-экономических отношений. Определено, что ИТ-модернизация является объектом фокусного и комплексного государственного управления. При этом цифровизация бухгалтерского учета предлагает опцию создания общего информационного бизнес-пространства, которая превосходит традиционные методы бухгалтерского учета, усиливает способность бухгалтера интерпретировать и сообщать данные быстрее и эффективнее.

Ключевые слова

Цифровизация бухгалтерского учета, ИТ-модернизация бухгалтерского учета, электронная экономика, трансформация систем учета, контроля и управления.

N. T. Labyntsev, O. V. Chukhrova

DEVELOPMENT OF ACCOUNTING IN DIGITAL ECONOMY

Annotation

Purpose of article is to generalize information for transformation of accounting system in conditions of digital modernization of socio-economic relations. It is determined that it modernization is an object of focused and integrated public management. At the same time, digitalization of accounting offers the option of creating a common business information space that surpasses traditional accounting methods and strengthens the accountant's ability to interpret and report data faster and more effectively.

Keywords

Digitalization of accounting, it-modernization of accounting, electronic economy, transformation of accounting, control and management systems.

Введение

В практике бухгалтерского учета постоянно происходят изменения, ключевыми катализаторами которых в последние годы является блокчейн[1], искусственный интеллект[2], BigData[3]. Это, безусловно, является преимуществами, однако использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) несет в себе и определенные сложности как объективного характера, обусловленные неравномерностью технологи-

[1] Блокче́йн (англ. blockchain, изначально block chain) — выстроенная по определенным правилам непрерывная последовательная цепочка блоков, содержащих информацию.

[2] Искусственный интеллект (англ. artificial intelligence, AI) — свойство интеллектуальных систем выполнять творческие функции, которые традиционно считаются прерогативой человека; наука и технология создания интеллектуальных машин, особенно интеллектуальных компьютерных программ.

[3] Больши́е да́нные (англ. big data) — обозначение структурированных и неструктурированных данных огромных объёмов и значительного многообразия, эффективно обрабатываемых горизонтально масштабируемыми программными инструментами, появившимися в конце 2000-х гг. и альтернативных традиционным системам управления базами данных.

ческого, экономического и социально-коммуникативного аспектов развития бизнеса, так и субъективного, которые связаны прежде всего со сложившимся годами восприятием традиционных способов получения, обработки, представления и использования информации, в том числе и учетной, и неуверенностью в будущем, связанной с цифровыми трансформациями экономики. В этом контексте приобретают актуальность вопрос будущего бухгалтерского учета.

Информационно-коммуникационные и цифровые ИТ-технологии предоставляют возможность интенсифицировать процессы, внедрять современные достижения в сфере компьютерных технологий. Определение общего механизма трансформации систем учета, контроля и управления, запрос на создание единого информационного пространства предопределяет необходимость концептуальных исследований синергетического эффекта от ИТ-модернизации бухгалтерского учета.

Трансформация содержания теории бухгалтерского учета и учетных практик обусловлена развитием информационных и компьютерных технологий, математического моделирования, модернизацией систем управления экономическими процессами. Существование запроса на единое информационное пространство становится признаком цифровой эпохи. Таким образом, траектория развития бухгалтерского учета должна воплощать достижения современных цифровых технологий, фундаментальной и прикладной науки.

Методика и задачи исследования

Целью статьи является обобщение теоретической основы для трансформации системы бухгалтерского учета в условиях цифровой модернизации общественно-экономических отношений. Для достижения поставленной цели применен логический анализ, метод теоретического обобщения, системный подход.

Результаты

Теория и практика бухгалтерского учета, а вместе с ними и профессия бухгалтера развиваются и изменяются в современных условиях интеграции с ИТ-технологиями. Представители профессии должны владеть соответствующими инструментами и компетенциями, чтобы быть конкурентоспособным в цифровом общественно-экономической среде. Финансовые услуги, включая бухгалтерский учет, будут развиваться и становиться более зависимыми от ИТ-технологий.

Информация становится главным источником конкурентоспособности. Сбор, описание и обработка данных позволяет получать ценную информацию для использования в экономических процессах. Но использование цифрового мышления не сосредоточено исключительно на новых технологиях. Большую ценность получает способность специалиста оценивать, синтезировать аналитические выводы и стратегические предложения. Поэтому эффективным может стать именно сочетание новаций технологического характера (блокчейн, искусственный интеллект, BigData) и учетных компетентностей.

Развитие бухгалтерского учета в условиях цифровизации общественно-экономических отношений связано с применением ИТ-инструментов и технологий, направленных на преодоление недостатков существующей контрольно-аналитической и учетной системы. Попытки повысить понятность, краткость и релевантность информационного обеспечения управления становится движущей силой в создании эффективного бухгалтерского подразделения, где принимают управленческие стратегии и цели.

Актуализация цифровой трансформации бухгалтерского учета в будущем будет только расти, поскольку применение ИТ-новаций позволяет решать новые задачи, модернизировать концепции обработки и передачи ин-

формации, способствует росту эффективности учетных процессов. К привычным функциям учета и формирования отчетности добавляется необходимость консолидации процессов управления и ИТ-сервисов. Как результат, повысится качество информационного обеспечения отдельных подразделений и пользователей, объединенных единой цифровой платформой. Происходит не просто конвертация данных из бумажного формата в цифровой, а обеспечивается поиск, обработка, синтез отчетности, контроль ошибок и сопоставимости, визуализация процессов и их результатов с помощью ИТ-инструментария.

Таким образом, IT-модернизация бухгалтерского учета в соответствии с требованиями информационной экономики должна состоять из программного, информационного, организационного и методического компонентов. Эти компоненты становятся основными информационными системами, интегрированные вокруг web-системы[1] и между собой. Надежная и массированная информационно-аналитическая система обеспечивает поддержку и автоматизацию процессов управления всех составляющих деятельности организации.

Качественное развитие цифровых сервисов в бухгалтерском учете имеет целью не только минимизацию человеческого фактора в принятии решений, но и своевременное получение качественной информации о процессах. При этом цифровизация — это инструмент создания, реализации и пользования преимуществами учетной системы, усиливающимися ИТ-технологиями.

Обеспечить высокий уровень продуктивной деятельности объекта способна отлаженная централизованная ИТ-система управления процессами. Некоторые государственные предприятия активно внедряют комплексные решения автоматизации бизнес-процессов с помощью современных ERP-систем[2]. Именно эти предприятия являются примером нового этапа в модернизации внутренней ИТ-инфраструктуры: переход от автоматизации до комплексных систем управления.

Последствия цифровизации бухгалтерского учета возможны при условии синергии новых концепций обработки и передачи информации, а именно:

– бухгалтерский учет финансово-хозяйственной деятельности операций в режиме реального времени (RTA);

– обмен электронными данными — от первичных до отчетных (EDI);

– расширенный язык финансовой, управленческой, налоговой отчетности различных сфер бизнеса (XBRL);

– «облачные технологии» вычисления, учетные операции, базирующиеся на облаках;

– искусственный интеллект (АИ) — модернизация математического моделирования современными технологическими инновациями (оценка запасов на складах с помощью программно управляемых дронов);

– BigData — использование в расчетах для повышения их эффективности, точности и скорости;

– блокчейн-систематизация и эффективный контроль за информацией.

Потенциал социальных, мобильных, облачных технологий, технологий анализа данных, интернета вещей в совокупности способны привести к трансформационным изменениям в бухгалтерском учете, повысить его эффективность, ценность для процессов управления.

[1] Веб-система доступа к связанным между собой документам на различных компьютерах, подключенных к Интернету.

[2] ERP (англ. Enterprise Resource Planning, планирование ресурсов предприятия) — организационная стратегия интеграции производства и операций, управления трудовыми ресурсами, финансового менеджмента и управления активами, ориентированная на непрерывную балансировку и оптимизацию ресурсов предприятия посредством специализированного интегрированного пакета прикладного программного обеспечения, обеспечивающего общую модель данных и процессов для всех сфер деятельности.

ИТ-модернизация бухгалтерского учета обеспечит новые, более современные форматы эффективного управления. Проект ИТ-модернизации — комплекс взаимосвязанных мер, согласованных по времени, использованию определенных материально-технических, информационных, человеческих, финансовых и других ресурсов и имеющих целью создание информационных систем, средств информатизации и цифровизации информационных ресурсов, соответствующих определенным техническим условиям и показателям качества.

Цифровой бухгалтерский учет не имеет стандартного определения, а лишь касается изменений в учете за счет вычислительных и сетевых технологий. Бухгалтерский учет должен включить в свою теорию и практику патч-карты[1] и мейнфреймы[2], базы данных и хранилища данных, персональные компьютеры и производительность, специализированное программное обеспечение для бухгалтерского учета и системы планирования ресурсов организации (ERP)[3], локальные сети (LAN)[4] и широкополосные сети (WAN)[5] — для ввода данных, хранения информации, совершенствования механизмов обработки, конечных отчетов, внутреннего контроля, аудиторских проверок. Поэтому определение процесса цифровизации бухгалтерского учета предлагается сформулировать как:

– трансформацию учетных процессов с помощью современных экономических, организационно-управленческих и институциональных направлений;

– ИТ-модернизацию электронно-цифровых устройств, средств, системам электронно-коммуникационного обмена для интегрального, виртуального и физического взаимодействия, создание пространства в рамках системы бухгалтерского учета. Ведь конечная цель ИТ-модернизации не цифровизация учета (перенос контрольно-учетных процессов в электронный формат), а создание СМАРТ-учета[6], «умного» учета хозяйственных операций с эффективными инструментами контроля и управления субъектом хозяйствования, автоматизацию всех аспектов и сфер деятельности предприятия, организации, учреждения.

Можно выделить следующие этапы ИТ-трансформации бухгалтерского учета.

1. Подготовительный этап позволяет установить общую цель и локальные задачи, оценить масштабы и ограничения по внедрению в первую очередь технологические. Внедрение требует корректировки структуры, информационных потоков между подразделениями, внутренних нормативов и регламентов учета.

---

[1] Патч (англ. patch — заплатка) — информация, предназначенная для автоматизированного внесения определенных изменений в компьютерные данные.

[2] Мейнфре́йм (также мэйнфрейм, от англ. mainframe) — большой универсальный высокопроизводительный отказоустойчивый сервер со значительными ресурсами ввода-вывода, большим объёмом оперативной и внешней памяти, предназначенный для использования в критически важных системах (англ. mission-critical) с интенсивной пакетной и оперативной транзакционной обработкой.

[3] ERP (англ. Enterprise Resource Planning, планирование ресурсов предприятия) — организационная стратегия интеграции производства и операций, управления трудовыми ресурсами, финансового менеджмента и управления активами, ориентированная на непрерывную балансировку и оптимизацию ресурсов предприятия посредством специализированного интегрированного пакета прикладного программного обеспечения, обеспечивающего общую модель данных и процессов для всех сфер деятельности.

[4] Локальные сети, локальная вычислительная сеть, LAN — компьютерная сеть, покрывающая обычно относительно небольшую территорию или небольшую группу зданий (дом, офис, фирму, институт).

[5] WAN — глобальная вычислительная сеть, ГВС (англ. Wide Area Network, WAN) — компьютерная сеть, охватывающая большие территории и включающая большое число узлов, возможно находящиеся в различных городах и странах.

[6] SMART / SMARTER — это мнемоническая аббревиатура, используемая в менеджменте и проектном управлении для определения целей и постановки задач.

2. Этап внедрения. Он предусматривает получение синергетического эффекта от применения организационной структуры и документооборота, рационализацию взаимодействий в учетной системе с детализацией регламентов и стандартов учета. При этом повышается прозрачность, управляемость, обеспечивается оперативная корректировка отклонений и отдельных элементов при реализации проекта ИТ-модернизации.

3. Этап применения. Характеризуется сочетанием профессиональных аспектов учета и ИТ-инфраструктуры, очерчивает перспективы в решении проблем мошенничества, искажения информации об экономической реальности, удовлетворение интересов отдельных пользователей в качественной информации относительно внутренних и внешних процессов субъекта управления.

Применение технологических ИТ-инноваций в методологии бухгалтерского учета меняет форму его организации, повышает уровень профессиональных компетенций и ответственности кадров, выводит систему информационного обеспечения на качественно новый уровень прозрачности, безопасности, оперативности, релевантности. Особенно важным является применение ИТ-инноваций для совершенствования документооборота. Благодаря ИТ-модернизации учетных процедур решаются следующие задачи: сбор, группировка и упорядочение информационных потоков (бухгалтерский учет фактов хозяйственной деятельности в режиме реального времени); быстрый доступ и выдача информации (обмен электронным данным — от первичных до отчетных); сокращение интервала между получением информации и занесением ее в базу данных (BigData); снижение рисков возникновения ошибок в учете и в процессах принятия решений, что позволяет предприятию избегать искажения информации в бухгалтерском учете; интеграция всех уровней учета для создание единой информационной базы (расширенный язык финансовой, управленческой, налоговой отчетности различных сфер бизнеса); автоматическое формирование отчетов («облачные технологии» вычисления, учетные операции); обеспечение эффективного оперативного контроля (искусственный интеллект, модернизация математического моделирования современными инновациями).

Преимущества при ведении бухгалтерского учета с применением ИТ-технологий связаны с ускорением, удешевлением, формализацией. Так, блокчейн в бухгалтерском учете и при составлении отчетности повышает безопасность хранения данных и предоставляет подтверждения проводимых в бухгалтерском учете транзакций. Контроль над проведением финансовых операций при надежной синхронизации данных и с обеспечением защиты от намеренных и непредвиденных потерь и подмен, выводят технологию блокчейна на принципиально новый уровень, а трансформация системы бухгалтерского учета преодолеет проблему ограниченной прозрачности.

«Общий механизм цифровизации бухгалтерского учета станет синергетическим сочетанием следующих элементов:

– политики модернизации бухгалтерского учета (информационно-цифровая политика, политика связи);

– создание благоприятной среды (структура учетного и управленческого персонала, корректировка принципов деятельности);

– разветвления цифровой инфраструктуры (интернет, телекоммуникации, электронная идентификация и аутентификация, информационная безопасность, облачная инфраструктура);

– внедрение и объединение в единое пространство цифровых решений (электронный учет, электронная коммерция, электронная логистика, цифровые финансы, ИТ-стандарты);

– интеграция внутренних процессов с внешними платформами (государственными реестрами, сервисами)» [1, с. 98].

Предложенный комплексный подход к цифровизации учета включает перечень цифровых навыков и компетенций бухгалтера, доступ к современным ИТ-технологиям. Рациональный подход к цифровому рабочему месту бухгалтера требует надлежащей организации, поскольку оно должно соответствовать содержанию и характеру его работы. Это должно быть информационно-техническое и коммуникационное обеспечение эффективной деятельности учетных работников, создания для них более благоприятных условий труда. В условиях цифровой экономики рабочее место бухгалтера предусматривает цифровизацию упорядочения и планирования общего руководства процессом бухгалтерского учета; цифровизацию организации бухгалтерского учета, контроля и анализа; информатизацию подготовки принятия управленческих решений.

В связи с вышеизложенным «цифровыми, виртуальными, мобильными становятся задачи, ставящиеся перед бухгалтерской службой:

– своевременная выработка и реализация учетной политики организации (по всем ее составляющим);

– законность, своевременность и правильность оформления носителей учетной информации;

– достоверность учета доходов и расходов, учета выполнения бюджетов доходов и расходов организации;

– точность учета результатов исполнения бюджетов доходов и расходов организации;

– правильность начисления соответствующих выплат, удержаний и своевременность расчетов с рабочими и служащими, внебюджетными социальными фондами, государственным бюджетом и т. д.;

– полнота учета товарно-материальных ценностей за их поступлением и использованием и контроль за их сохранностью;

– полнота и своевременность расчетов с дебиторами и кредиторами организации;

– осуществление контрольной и аналитической работы хозяйственной деятельности организации;

– полнота, достоверность и принятие информационной базы учетных данных для принятия управленческих решений;

– хранение носителей учетной информации;

– укрепление финансовой дисциплины» [2, с. 128].

Концепция «цифровых рабочих мест» распространяется чрезвычайно быстро в бизнес-среде и положительно способствует подавляющему большинству сотрудников, которым нравятся гибкие способы работы, возможность работать дома, с любого места. Например, цифровое рабочее место бухгалтера способствует гибкости в методах выполнения должностных обязанностей работников бухгалтерского учета, стимулирует их взаимодействие, поддерживает децентрализованные и мобильные рабочие среды, предусматривает выбор технологий для работы. Преимуществами цифровых рабочих мест является уменьшение затрат на аппаратное обеспечение, офисные помещения, командировки и т. д.

Появляются и дополнительные проблемы, к которым можно отнести следующие: рост киберпреступности в условиях увеличения количества информационных систем, использующих персональные данные; рост отсутствие защищенного обмена идентификационными данными физических и юридических лиц, которые обрабатываются в информационных системах государственных органов и частного сектора, несогласованность в выборе идентификаторов, отсутствие подтверждения идентификационных данных; использо-

вание в системах регистрации и контроля доступа к информационным системам технологически несовместимых механизмов, алгоритмов и протоколов электронной идентификации и опознания; необходимость автоматизировать задачи, требующие сложных, нерутинных действий и решений.

Кроме цифровой инфраструктуры и модели «умного» учета, в условиях цифровизации относительно бухгалтерского учета является создание информационной инфраструктуры с локализацией под нужды потребителей информации (внутренних и внешних) с использованием контента; сбор и анализ данных оперативного учета в режиме реального времени с помощью технологий интернета вещей, больших и открытых данных; создание виртуальных технологических процессов, 3D-моделирование, обустройство веб-камерами материальных объектов контроля, внедрение штрих-кодов, считывателей меток, совершенствование системы безналичных расчетов; внедрение программ лояльности и электронных карточек контрагентов; создание мобильных приложений (для технического, административного, контрольно-учетного персонала); электронный документооборот; цифровизация входных и выходных информационных потоков в бухгалтерском учете (электронные каталоги и справочники).

«Элементы информационного пространства бухгалтера включают в себя:

1. Устройства доступа. Следует обеспечить учетных работников устройствами наиболее эффективного способа получения информации по всем бизнес-процессам. Организация технологических цепочек информации обработки техническими средствами становится все более распространенной в отдельных учетных процессах. Поэтому необходимо распределение труда по функциональному признаку, наличие двух категорий учетных работников: бухгалтеров-операторов, вводящих данные, и бухгалтеров-контролеров, реализующих логические функции.

2. Инфраструктура коммуникаций. Прежде всего это изменение средств электронного делопроизводства (процедур создания, заполнения и рассылки электронных документов); широкое применение электронных средств коммуникации (электронной почты, телеконференций). Надежность связи остается одним из важнейших требований в контексте «цифрового» рабочего места как в офисе, так и вне его. В перспективе целью в инфраструктуре коммуникаций является внедрение автоматического непрерывного контроля занятости заполнения документов и формирования бухгалтерских проводок, осуществление документооборота, использование рабочего времени. Бездокументальный сбор первичных данных с помощью периферийных устройств и передача их с помощью средств коммуникации дистанционными каналами к компьютерам является основным способом осуществления документирования хозяйственных операций в организации.

3. Бизнес-отношения. На основании первичных входных данных, зафиксированных на электронных носителях информации, осуществляется интегрированная обработка учетных данных с таким уровнем детализации и оперативности, который необходим для обеспечения информацией руководителей предприятия. При этом используется единая информационная база данных, на основании принципа двойной записи с помощью которой накапливается вся необходимая для системы учета информация, а система бухгалтерского учета рассматривается как единая система и не делается разделения учета по видам на оперативный или бухгалтерский, на управленческий, финансовый или налоговый. Это обеспечивает централизованное хранение документов, обеспечивают легкий доступ к ним и позволяют членам команды сотрудничать при вне-

сении изменений файлов, их просмотре и обмене в режиме реального времени.

4. Телекоммуникационные инструменты рабочего места. Состав учетных задач остается неизменным при различных объемах учетных работ, но перечень исполнителей существенно отличается в зависимости от размера организации и, соответственно, объема учетной работы. Следует отметить, что инструменты рабочего места в значительной мере влияют на мотивацию сотрудников и производительность. Существенным преимуществом технологии является связи, обеспечивающие присутствие в режиме реального времени и позволяющие проводить насыщенные онлайн-встречи» [3, с. 118].

Выводы

Предложенные элементы информационного пространства бухгалтера особенно актуальны в условиях форс-мажорных обстоятельств, которые могут возникнуть в условиях пандемии, например коронавируса.

Элементами информационного пространства бухгалтера становятся устройства доступа, инфраструктура коммуникаций, бизнес-отношения, телекоммуникационные инструменты рабочего места. Упорядочение и оптимизация учета на основе цифровизации позволят не просто локально изменить отдельные учетные функции, а изменят алгоритмы действий.

В период цифровой трансформации общественно-экономических отношений консервативность бухгалтерского учета не должна помешать инновационным, организованным, динамичным, ориентированным на информационные потребности пользователя изменениям теоретического и практического характера. Цифровая трансформация бухгалтерского учета становится важным шагом для эффективного функционирования при условии организации финансовых инвестиций, культурных и профессиональных компетентностных изменений.

Качественная ИТ-модернизация бухгалтерского учета не только создаст единое информационное пространство, но и повысит качество управления на всех уровнях. При этом акценты будут смещены на собственное суждение бухгалтера по сложным нетипичным операциям, эффективным механизмам внутреннего контроля, аналитики и прогнозирования, оценки активов. Кроме того, тенденция к информатизации бизнеса приведет к тому, что более высокими темпами будет расти спрос на специалистов, умеющих работать в digital-формате. Ценными останутся специалисты с личным высокопрофессиональным отношением к делу, профессиональным суждением, гибкостью мышления, ориентированными на информационные запросы. В условиях развития технологий, информатизации и цифровой экономики необходимо актуализировать программы подготовки специалистов учетно-финансовой сферы с учетом требований времени, развивать повышение профессионального уровня и переподготовку кадров, в том числе и в соответствии с профессиональными стандартами в этой области, которые смогут не только формировать бухгалтерскую (финансовую) отчетность, но и анализировать ее, а также заниматься информационным обеспечением управленческих решений.

Библиографический список

1. *Свирко, С. В.* Организация бухгалтерского учета в бюджетных учреждениях : учеб. пособие. — К., 2003.

2. *Лабынцев, Н. Т., Макаренко, Е. Н., Алексеева, И. В. [и др.]*. Современные тенденции развития отчетности хозяйствующих субъектов : моногр. / под ред. Н. Т. Лабынцева. — Ростов н/Д, 2019.

3. *Будович, Ю. И.* Цифровизация корпоративного учета // Человеческий капитал в формате цифровой экономики : междунар. науч. конф. — М., 2018. — С. 117–125.

4. *Ермилова, Ю. А.* Аспекты учетно-аналитического обеспечения инновационной деятельности на предприятии // Региональная инновационная экономика: сущность, элементы, проблемы формирования, новые вызовы. — Ульяновск, 2016. — С. 18–21.

5. *Карпова, Т. П.* Направления развития бухгалтерского учета в цифровой экономике // Известия СПбГЭУ. — 2018. — № 3. — С. 52–57.

6. *Лабынцев, Н. Т., Белюнова, Е. А.* Цифровая экономика и ее влияние на развитие национальной и международной экономики // Проблемы учета, анализа, аудита и статистики в условиях рынка : уч. зап. — Ростов н/Д, 2019. — Вып. 2.

Bibliographic list

1. *Svirko, S. V.* Organization of accounting in budgetary institutions : textbook. — K. : KNEU, 2003.

2. *Labyntsev, N. T., Makarenko, E. N., Alekseeva, I. V. [and oth.]*. Modern trends in development of reporting of economic entities : monogr. / ed. by N. T. Labyntsev. — Rostov-on-Don, 2019.

3. *Budovich, Yu. I.* Digitalization of corporate accounting // Human capital in digital economy format : International scient. conf. — M., 2018. — P. 117–125.

4. *Yermilova, Yu. A.* Aspects of accounting and analytical support of innovative activity at enterprise // Regional innovative economy: essence, elements, problems of formation, new challenges. — Ulyanovsk, 2016. — P. 18–21.

5. *Karpova, T. P.* Directions of development of accounting in digital economy // Proceedings of SPbSUE. — 2018. — № 3. — P. 52–57.

6. *Labyntsev, N. T., Belyunova, E. A.* Digital economy and its impact on development of national and international economy // Problems of accounting, analysis, audit and statistics in market conditions : scient. notes. — Rostov-on-Don, 2019. — Issue 2.

В. Г. Петров

АНАЛИЗ ГОСТИНИЧНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ С УЧЕТОМ СЕГМЕНТИРОВАНИЯ СРЕДСТВ РАЗМЕЩЕНИЯ И ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ПО ЦЕЛИ ПОЕЗДКИ

Аннотация

В статье рассматриваются основные проблемы и перспективы развития гостиничной инфраструктуры в регионах, выделяются основные типы факторов, которые влияют на эффективность развития гостиничной инфраструктуры. Указывается на важность реализации государственных программ развития туризма для достижения данной цели. Также в статье представлен анализ гостиничной инфраструктуры Ульяновской области. Анализ проведен на основе статистических данных о состоянии и динамике предложения и спроса на гостиничные услуги в данной области. В частности, представлены данные о динамике количества гостиничных предприятий и их типов, категории звездности, а также структура потребителей по странам проживания и целям посещения. В статье представлен авторский подход к выделению зон размещения гостиничных предприятий в городе Ульяновске с точки зрения размещения культурно-исторических, деловых и транспортных объектов. На основании анализа выделены основные сегменты потребителей, а также зоны размещения гостиничных предприятий, сформулированы рекомендации о реализации маркетинговых технологий для гостиниц в зависимости от их расположения и целевой аудитории.

Ключевые слова

Сегментирование, гостиничная инфраструктура, гостиничные предприятия, потребители гостиничных услуг.

V. G. Petrov

ANALYSIS OF HOTEL INFRASTRUCTURE OF ULYANOVSK REGION, TAKING INTO ACCOUNT THE SEGMENTATION OF ACCOMMODATION FACILITIES AND CONSUMERS FOR PURPOSE OF TRIP

Annotation

Article deals with the main problems and prospects of hotel infrastructure development in regions, highlights the main types of factors that affect the efficiency of hotel infrastructure development. Importance of implementation of state programs of tourism development to achieve this goal is indicated. Article also presents an analysis of hotel infrastructure of Ulyanovsk region. Analysis is based on statistical data on state and dynamics of supply and demand for hotel services in this area. In particular, data on dynamics of number of hotel enterprises and their types, category of stars, as well as structure of consumers by country of residence and purpose of visit are presented. Article presents the author's approach to allocation of zones of accommodation of hotel enterprises in city of Ulyanovsk in terms of placement of cultural, historical, business and transport facilities. On the basis of analysis the main segments of consumers, as well as zones of accommodation of hotel enterprises are identified, recommendations on implementation of marketing technologies for hotels depending on their location and target audience are formulated.

Keywords

Segmentation, hotel infrastructure, hotel enterprises, consumers of hotel services

Введение

Одним из залогов успешного развития гостиничной инфраструктуры выступает организация данного развития на основе реального состояния рынка туризма и потребностей потребителей, чтобы гостиничная инфраструктура и предложения отдельных гостиничных предприятий могли наиболее эффективно удовлетворить спрос. Для этого требуется применять различные технологии и методы маркетинга, особенно это важно в регионах, где инфраструктура развита слабее.

Одним из инструментов планирования и реализации маркетинга гостиничных услуг в регионах выступает осуществление сегментирования рынка с точки зрения предложения и спроса, что позволит разработать как общую маркетинговую стратегию региона, так и стратегии отдельных гостиничных предприятий с учетом состояния рынка и особенностей потребителей гостиничных услуг в регионе.

Целью данной статьи выступает проведение сегментирования средств размещения и потребителей по цели поездки в Ульяновской области, что позволит охарактеризовать гостиничную инфраструктуру региона.

Материалы и методы

Российский рынок гостиничных услуг имеет ярко выраженное неравномерное развитие. Основным катализатором развития гостиничной инфраструктуры являются территории с развитым туризмом, которые привлекают клиентов гостиничных предприятий за счет общего развития туристской инфраструктуры. В итоге, это ведет к тому, что наиболее развитая гостиничная инфраструктура и

основной туристический поток сконцентрированы в Москве и Санкт-Петербурге [1]. Остальные территории за некоторыми исключениями имеют слабо развитые гостиничные инфраструктуры. В итоге Россия по общим показателям обеспеченности номерным фондом в расчете на душу населения отстает от европейских стран [1]. При этом многие владельцы региональных гостиничных предприятий одной из ключевых проблем развития инфраструктуры и предложения на рынке указывают низкий уровень клиентского спроса. Результатом низкого уровня спроса становится резкое увеличение расходов на содержание гостиниц, что ведет к ухудшению качества обслуживания, а также сокращению количества гостиниц [2]. В целом, в регионах отмечаются проблемы экстенсивного развития туризма, моральный и физический износ материально-технической базы, диспропорция цены и качества предлагаемых услуг, низкий уровень квалификации персонала, в том числе и ответственного за маркетинг гостиничных услуг [3].

Несмотря на существующие проблемы, согласно прогнозам экспертов, региональный гостиничный бизнес имеет перспективы роста, особенно, при условии общего развития туризма в регионах, за счет реализации государственных программ, а также частной инициативы бизнеса.

В целом, в основе развития региональной гостиничной инфраструктуры может лежать два основных фактора: культурная и рекреационная привлекательность региона и уровень деловой активности. На основании этого выделяются две основные группы перспективных регионов: южные с благоприятной экологией и рекреационными услугами и центральные, промышленные и деловые центры [3].

Ввиду усложнения конкуренции на рынке, гостиничным предприятиям в регионах необходимо использовать технологии маркетинга, с помощью которых идет рациональное использование ресурсов, оптимизация бизнес-процессов и увеличение объема продаж и выручки [4].

Одним из способов развития региональной гостиничной инфраструктуры является осуществление маркетинговых технологий, в том числе технологий сегментирования, которые позволяют провести анализ спроса и предложения на рынке гостиничных услуг отдельного региона, чтобы выявить перспективы развития, убрать разрывы между спросом и предложением. Для этого было проведено сегментирование рынка гостиничных услуг Ульяновской области путем анализа статистических данных и их динамики, а также методов районирования.

Результаты

Успешное развитие конкретного региона Российской Федерации в значительной степени зависит от состояния и качества использования инфраструктурных объектов. Ключевым инструментом создания и модернизации гостиничной инфраструктуры регионов являются территориальные программы развития, в идеале формируемые на базе маркетинга территории [5].

На федеральном развитие гостиничной инфраструктуры происходит в рамках федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 гг.)» (далее была принята аналогичная программа на 2019–2025 гг.) [6].

В результате реализации данной программы, а также под влиянием проведения крупных международных спортивных мероприятий в России произошел рост количества гостиничных предприятий, с 15 368 до 21 300 единиц за период с 2016 по 2018 гг. [7].

Стоит отметить, что одной из проблем анализа статистических данных гостиничной сферы в Российской Федерации выступает изменение подсчета количества гостиничных предприятий, произошедшее с 2016 г., когда в стати-

стику стали включаться микропредприятия и аналогичные средства размещения. В связи с этим анализ данных будет проведен с 2016 по 2018 гг.

В целом, гостиничная инфраструктура представлена коллективными средствами размещения, которые включают в себя гостиничных предприятия и аналогичные средства размещения (мотели и хостелы), а также специализированные средства размещения (базы отдыха, санатории и т. п.). В рамках данного исследования рассматриваются гостиничные предприятия и аналогичные средства размещения.

Кроме федеральной программы в регионах также были приняты местные программы развития туризма. Наибольшие показатели количества гостиничных предприятий представлены у регионов, которые имеют высокую деловую активность или рекреационные ресурсы [7].

Исследуемая нами Ульяновская область находится в нижней части рейтинга субъектов Российской федерации по количеству гостиничных предприятий. Хотя в данной области была принята региональная государственная программа «Развитие туризма в Ульяновской области» на 2014–2018 гг. [8]. Причиной принятия и реализации Программы выступило то, что на территории присутствуют такие проблемы, как недостаточно активное продвижение туристского потенциала, недостаточная конкурентоспособность туристских продуктов, реализуемых на территории (соотношение цена-качество не соответствует принятым стандартам). При этом Ульяновская область обладает высоким туристским потенциалом, так как на ее территории сосредоточены природные и рекреационные ресурсы, объекты культурного и исторического наследия, проходят важные мероприятия. Во многих городах представлены привлекательные туристские ресурсы, однако отсутствует туристская инфраструктура, в том числе и гостиничная [8].

С точки зрения роста количества гостиничных предприятий и общего количества туристов на территории данная программа показала достаточно высокие результаты в плане прироста показателей, но абсолютные значения достаточно низкие по сравнению с другими регионами. Из рисунка 1 видно, что количество гостиничных предприятий в Ульяновской области увеличилось на 24 объекта, из них гостиниц стало больше на 14 объектов, а хостелов — на 10. При этом в относительном выражении количество хостелов увеличилось более чем в два раза [9].

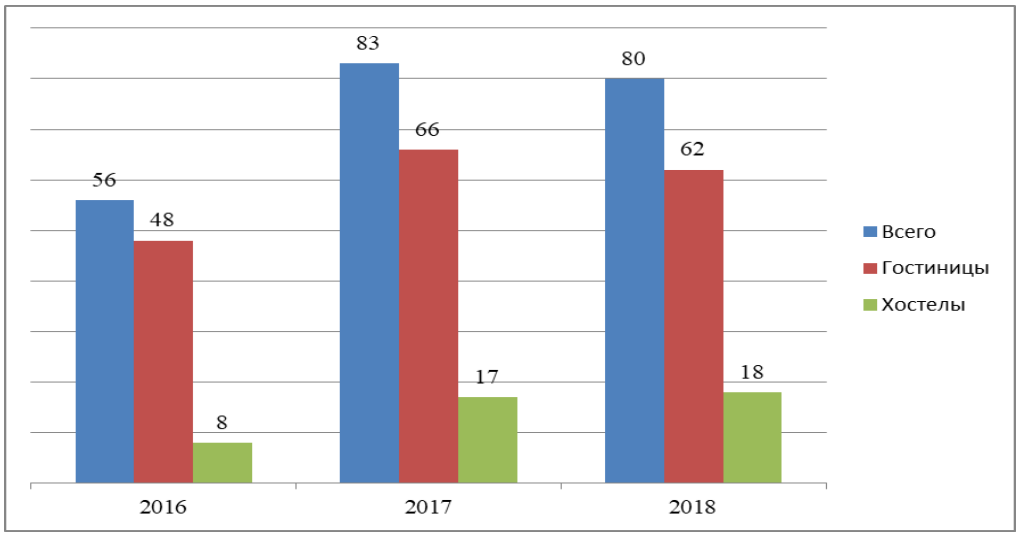


Рисунок 1 — **Количество гостиничных предприятий Ульяновской области** [9]

Количеств мест размещения увеличилось с 3349 в 2016 г. до 4875 — в 2018, то есть рост составил 45 %, что говорит о расширении гостиничной инфраструктуры Ульяновской области. Это также принесло и рост прибыли гостиничным предприятиям, так как в 2016 г. прибыль составила 735,6, то в 2018 году. — 825,4 млн руб.

Несмотря на положительные результаты Программа не была продлена, и развитие гостиничной инфраструктуры реализуется в рамках более общей программы «Развитие культуры и сохранение объектов культурного наследия в Ульяновской области» на 2014–2021 гг., в которой меньшее внимание уделяется гостиничной инфраструктуре.

В целом, в гостиничной инфраструктуре Ульяновской области, как видно из рисунка 1, значительно преобладают гостиницы над хостелами (77 % и 23 % соответственно), мотелей не представлено вообще. Из 62 гостиниц в Ульяновской области 59 % не имеют определенной категории по количеству звезд, из гостиниц со звездами больше всего представлено трехзвездочных гостиниц — 24 %, гостиниц с более высоким статусом — только 7 % [9]. Такая структура говорит о том, что основное предложение гостиничных услуг в области ориентировано на туристов с невысоким уровнем дохода, только 4 гостиницы рассчитаны на потребителей с доходами выше среднего. Всего по данным на 2018 г. в гостиничных предприятиях Ульяновской области было размещено 185 377 посетителей, из них подавляющее большинство (96,5 %) граждане России, 1 % составляют туристы из стран СНГ, 2,5 % — из других стран. Также стоит отметить, что 80 % потребителей останавливаются в гостиничных предприятиях области только на 1–3 ночи, что говорит о краткосрочности поездок в область.

В отличие от данных по России в целом, где цели отдыха преобладают над деловыми целями при посещении гостиничных услуг, в Ульяновской области основной спрос на гостиничные услуги формируется за счет бизнес-туристов [9].

Более половины всех размещений в гостиничных предприятиях области связаны с деловыми и профессиональными целями, только треть — это посещения для отдыха и досуга, также стоит отметить, что 8,8 % размещений связаны с религиозными целями.

С целью сегментирования потребителей гостиничных услуг нами было проведено условное территориальное деление города Ульяновска по характеру расположенных на этих территориях культурно-исторических, деловых и транспортных объектов. Согласно этому условному делению город Ульяновск можно поделить на 3 крупные зоны [8].

1. Заволжская зона, которая состоит из Заволжского района города Ульяновска. Основное влияние на эту зону оказывает нахождение здесь международного аэропорта «Ульяновск-Восточный», промышленной зоны «Заволжье», а также авиаконцерна «Авиастар-СП», портовой особой экономической зоны (ПОЭЗ).

2. Центральная историческая зона города Ульяновска находится в границах Ленинского района города Ульяновска и определяется нахождением на ее территории основных достопримечательностей, областных и городских правительственных учреждений. Здесь располагаются такие исторические памятники культуры, как Ленинский мемориал, Дом-музей В. И. Ленина, Спасо-Вознесенский собор, Дом-памятник И. А. Гончарову.

3. Окраинная зона правобережья города Ульяновска находится в границах двух административных районов города Ульяновска — Засвияжского района и Железнодорожного районов. На территории этих районов располагается международный аэропорт, автовок-

зал, речной порт и железнодорожный вокзал, что делает данную зону важным транспортным узлом. Там также располагаются крупные предприятия: кондитерская фабрика «Волжанка», пивоваренный завод «Трехсосенский», автозавод «УАЗ», а также множество других промышленных предприятий.

Анализ предложения в выделенных трех зонах показывает, что большая часть гостиничных предприятий сосредоточены в Центральной зоне (табл. 1), где представлено 32 гостиничных предприятия, а также наиболее широкий диапазон цен.

Таблица 1 — **Анализ предложения в гостиничных зонах Ульяновска**

	Количество гостиниц	**Диапазон цен номера Стандарт**	**Основная цель поездки**
Заволжская зона	17	1350–3400 руб.	Деловые и профессиональные
Центральная историческая зона	32	1500–2800 руб.	Отдых, паломничество, деловые и профессиональные
Окраинная зона	13	1500–4000 руб.	Деловые и профессиональные, отдых

При этом наиболее высокий уровень цен представлен в Окраинной зоне, что обусловлено тем, что она является важным транспортным узлом, там представлена единственная пятизвездочная гостиница города, а также часто останавливаются сотрудники крупных предприятий.

Обсуждение

Анализ спроса и предложения в гостиничной инфраструктуре Ульяновской области показывает, что типичный потребитель услуг на данной территории — это гражданин России, приехавший в область, чаще всего в город Ульяновск, с деловыми и профессиональными целями, на период от 1 до 3 ночей.

Менее крупными сегментами потребителей гостиничных услуг являются сегменты туристов, посещающих область с целью отдыха и досуга, а также с целями паломничества, при этом длительность их нахождения в гостинице также преимущественно составляет 1–3 ночи.

Наиболее типичное предложение гостиничных услуг на территории — гостиница без категории звезд, располагающаяся в Центральной зоне города со стоимостью размещения на уровне 1500–2800 рублей за ночь в номере Стандарт. Менее распространено предложение со стороны двух других полярных сегментов: хостелы, количество которых растет, а стоимость размещения наиболее низкая, а также гостиницы 3–5 звезд с уровнем цен выше среднего по рынку.

На основе проведенного анализа спроса, предложения, а также проведения районирования гостиничной инфраструктуры можно сделать следующие рекомендации по формированию предложений гостиничных предприятий и их позиционирования относительно мест их размещения.

1. Заволжская зона является менее развитой с точки зрения количества гостиничных предприятий, уровня качества предоставляемых ими услуг (исходя из средней стоимости), это обусловлено удаленностью района от центра, а также малым количеством мест притяжения туристов. В связи с этим основное предложение гостиниц данной зоны должно быть направлено на бизнес-туристов, преимущественно располагающихся в этой зоне предприятий, для чего могут быть заключены прямые контракты о размещении, а также бюджетных туристов, которым не важно месторасположения гостиницы, но важна низкая стоимость.

2. Центральная историческая зона располагает наибольшим количеством средств размещения, при этом предлагая достаточно доступные цены, что обусловлено более высоким уровнем конкуренции. Данная зона привлекательна для всех типов туристов, так как на ней представлены как культурно-исторические, так и административные объекты, из нее легко добраться до других зон.

В связи с более высокой конкуренцией, а также возможными различными целями размещения в данной зоне наиболее эффективной стратегией для гостиничных предприятий станет стратегия дифференциации, выбора конкретной ниши для привлечения определенной категории потребителей.

3. Окраинная зона предлагает не так много средств размещения, но среди них представлены гостиницы 3–5 звезд, кроме того, данная зона имеет удобное расположение для туристов, посещающих город на короткий срок (большинство из всей категории), т. к. на ней расположены основные транспортные объекты. Это делает ее наиболее привлекательной для бизнес-туристов, но также имеется и потенциал для привлечения туристов, посещающих город с целями отдыха, в первую очередь, обеспеченных туристов. Гостиницами этой зоны в своем продвижении и позиционировании необходимо делать ключевой акцент на комфорте размещения, качестве услуг, близости к транспортным объектам и центру города, больше внимания уделять привлечению туристов, приезжающих с целью отдыха.

Выводы

Анализ гостиничной инфраструктуры Ульяновской области показал, что она пока что является менее развитой, чем во многих других регионах, хотя данная территория имеет потенциал как для культурного и рекреационного, так и бизнес-туризма. Развитие инфраструктуры происходило на основе специальной государственной программы, реализация которой позволила увеличить количество гостиничных предприятий, мест размещения в них, а также общую прибыль отрасли.

Для дальнейшего развития гостиничной инфраструктуры Ульяновской области нами было предложено провести сегментирование спроса и предложения гостиничных услуг на территории и сформировать отдельные маркетинговые стратегии для гостиниц, располагающихся в разных зонах и ориентирующихся на разные сегменты потребителей.

Библиографический список

1. *Рогова, И. А.* Гостиничный бизнес в современных условиях: актуальные тенденции и проблемы развития // Вестник университета. — 2018. — № 6.

2. Анализ рынка гостиниц 2018 // АльтераИнвест [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://alterainvest.ru.

3. *Оборин, М. С.* Тенденции и особенности развития гостиничного бизнеса в регионах РФ // Туризм и гостеприимство. — 2018. — № 1.

4. *Петров, В. Г.* Особенности использования технологий в продвижении гостиничных услуг в сети Интернет // World Science: problems and innovations. — 2019. — С. 119–122.

5. *Бондаренко, В. А.* Маркетинг территорий: аспекты финансовой привлекательности инвестирования в территориальную инфраструктуру // Практический маркетинг. — 2007. — № 3.

6. Федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 гг.)».

7. Розничная торговля, услуги населению, туризм [Электронный ресурс]. — URL : http://www.gks.ru.

8. Госпрограмма Ульяновской области «Развитие туризма в Ульяновской области» на 2014–2018 гг.

9. Основные показатели по туризму // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Ульяновской области [Электронный ресурс]. — URL: http://uln.gks.ru.

Bibliographic list

1. *Rogova, I. A.* Hotel business in modern conditions: current trends and problems of development // Bulletin of the University. — 2018. — № 6.

2. Analysis of hotel market in 2018 // Alterinvest [Electronic resource]. — Mode of access : https://alterainvest.ru.

3. *Oborin, M. S.* Trends and trends in development of hotel business in regions of Russian Federation // Tourism and hospitality. — 2018. — № 1.

4. *Petrov, V. G.* Features of use of technologies in promotion of hotel services in Internet // World Science: problems and innovations. — 2019. — P. 119–122.

5. *Bondarenko, V. A.* Marketing of territories: aspects of financial attractiveness of investment in territorial infrastructure // Practical marketing. — 2007. — № 3.

6. Federal target program «Development of domestic and inbound tourism in Russian Federation (2011–2018)».

7. Retail trade, services to population, tourism [Electronic resource]. — Mode of access : http://www.gks.ru.

8. State program of Ulyanovsk region «Development of tourism in Ulyanovsk region for 2014–2018».

9. Main indicators for tourism // Territorial body of Federal service for state statistics in Ulyanovsk region [Electronic resource]. — Mode of access : http://uln.gks.ru.

С. А. Уразова

БАНКИНГ, ОРИЕНТИРОВАННЫЙ НА ДОСТИЖЕНИЕ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: МИРОВОЙ ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация

В статье обобщен мировой опыт формирования новой модели банковского бизнеса, ориентированного на достижение целей устойчивого развития, принятых на уровне ООН. Это позволило выявить особенности реализации данной модели банковского бизнеса. В работе предложено авторское видение возможных перспектив развития банкинга, ориентированного на достижение целей устойчивого развития, а также предложены меры, направленные на активизацию его внедрения в РФ.

Ключевые слова

Банк, банки развития, цели устойчивого развития, устойчивый банкинг, ответственный банкинг.

S. A. Urazova

BANKING ORIENTED TO ACHIEVE SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS: WORLD EXPERIENCE AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT IN RUSSIAN FEDERATION

Annotation

Article summarizes the world experience in formation of a new banking business model focused on achieving sustainable development goals adopted at UN level. This allowed us to identify the features of implementation of this banking business model. Author's vision of possible prospects for banking development, focused on achieving sustainable development goals, is proposed, as well as measures aimed at enhancing its implementation in Russian Federation are proposed.

Keywords

Bank, development banks, sustainable development goals, sustainable banking, responsible banking.

Введение

Концепция устойчивого развития возникла во второй половине XX в. На этом фоне возникли идеи устойчивого банкинга и устойчивого финансирования. Идеи устойчивого развития нашли свое отражение в принятой ООН в 2015 г. «Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.» [1], содержащей цели устойчивого развития, основанные на том, что развитие должно быть экономически, социально и экологически устойчивым.

Вопросам устойчивого банкинга уделено внимание в работах ряда российских и зарубежных ученых, в т. ч. коллектива авторов под руководством О. И. Лаврушина [2], работах О. Г. Семенюты и К. О. Дудко [3], А. В. Канаева и О. А. Канаевой [4], D. R. Taruna и T .P. Mahdevi [5], A. W. H. Yip и N. M. P. Bocken [6], D. Carlucci, F. A. F. Ferreira, G. Schiuma, M. S. Jalali, N. J. S. António [7].

Целью исследования, результаты которого отражены в данной статье, являлась разработка рекомендаций, направленных на развитие в РФ банкинга, ориентированного на достижение целей устойчивого развития. Поставленная цель предопределила необходимость решения следующего круга задач: выявление особенностей банкинга, ориентированного на достижение целей устойчивого развития, утвержденных на уровне ООН; оценка роли международных организаций в становлении практики банковской деятельности, поддерживающей идеи устойчивого развития; обобщение российского опыта устойчивого банкинга; выявление перспектив развития банкинга, ориентированного на достижение целей устойчивого развития.

Материалы и методы

Для проведения исследования в статье использованы данные ряда международных организаций, ряда банков, ориентированных на поддержку практики перехода к устойчивому развитию. Так, в частности, использованы сведения Группы Всемирного банка, ряда учреждений ООН, Network of Central Banks and Supervisors for Greening the Financial System (NGFS), Global Alliance for Banking on Values (GABV), Global Agriculture and Food Security Program (GAFSP), UN Global Compact, а также UN Global Compact Russia. Обобщение и анализ рассматриваемых данных были направлены на выявление общих характеристик банкинга, ориентированного на реализацию идей устойчивого развития, а также оценку роли международных организаций в становлении подобной банковской практики.

Результаты

Появление концепции устойчивого развития способствовало возникновению новых подходов к ведению банковского бизнеса и привело к появлению таких терминов как социально-ответственный банкинг, устойчивый банкинг, зеленый банкинг, экологический банкинг, ESG-банкинг. Последний из них основан на ESG-подходе (Environmental, Social, Governance), предполагающем ориентацию на учёт экологических, социальных и управленческих факторов. Крупнейшие международные организации способствовали становлению финансирования устойчивого развития, в т. ч. формированию банковских бизнес-моделей, базирующихся на новых подходах к ведению банковского бизнеса, которые первоначально объединяла ориентация на реализацию идей устойчивого развития. К подобным организациям относятся, прежде всего, ООН, Международный валютный фонд, Организация экономического сотрудничества и развития, Всемирный банк, действующие на глобальном уровне [3].

Следует отметить, что довольно распространенным и общепризнанным стал термин «устойчивый банкинг», что в целом отражает основную направленность данных моделей банковского бизнеса. Однако в ближайшем будущем получит широкое распространение термин «ответственный банкинг», поскольку именно он был выбран ООН для разработки принципов организации банковского бизнеса, ориентированного на достижение целей устойчивого развития. Следует отметить, что уже в течение ряда лет действует проект «Принципы ответственного инвестирования» (Principles for Responsible Investment (PRI)), запущенный в 2006 г. UNEP FI и Глобальным договором ООН. К началу 2020 г. они применяются половиной институциональных инвесторов в мире [8]. Данный проект основан на принципах ответственного инвестирования, построенных на ESG-подходе.

В сентябре 2019 г. произошло принципиально новое событие, выводящее банковский бизнес, ориентированный на достижение целей устойчивого развития, на уровень международных соглашений мирового масштаба. Речь идет о принятии на уровне ООН «Принципов ответственного банковского обслуживания (банкинга)» (Principles for Responsible Banking (PRB)) [9], в разработке которых приняли участие 30 банков из различных стран мира. Эти принципы кратко сформулированы следующим образом: регулировка; определение воздействия и целей; клиенты и покупатели; заинтересованные стороны; управление и культура; прозрачность и отчетность. Первоначально данные принципы были подписаны 130 банками из 49 стран, имеющими совокупные активы в размере более 47 трлн долларов, и были утверждены в сентябре 2019 г. в Нью-Йорке, во время ежегодной Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций [10]. Позднее приверженность указанным принципам стали выражать и другие банки. К апрелю 2020 г. количество банков, подписавших данные принципы, возросло до 170 [11]. Согласно последнему из принципов ответственного банкинга, банк, присоединившийся к Principles for Responsible Banking обязан предоставить информацию об их реализации в течение первых 18 месяцев после подписания и каждый год после этого [9, с. 25]. В марте 2020 г. Банковской группой UNEP FI был запущен инструмент анализа воздействия портфеля для банков, присоединившихся к указанным принципам. При этом был утвержден Руководящий документ по анализу воздействия, связанного с реализацией принципов ответственного банкинга [12].

Проведенное исследование позволило выявить следующие особенности банкинга, ориентированного на достижение целей устойчивого развития, можно сформулировать следующим образом:

во-первых, подобный банкинг является продолжением практики ведения банковского бизнеса, ориентированного на реализацию концепции устойчивого развития и в этой связи он базируется на практике реализации социально ответственного, устойчивого, зеленого банкинга, а также ESG-банкинга;

во-вторых, поддержку данной практики осуществляют крупнейшие международные организации, действующие на глобальном уровне, включая ООН, Всемирный банк, Международный валютный фонд;

в-третьих, рассмотрение подобного банкинга в неразрывной связи с таким явлением на финансовых рынках, как «ответственное финансирование»;

в-четвертых, широкое видовое разнообразие банков, поддерживающих идеи банкинга, ориентированных на достижение целей устойчивого развития (можно выделить следующие основные группы банков: центральные банки различных стран; международные и национальные банки развития; прочие банки, функционирующие как в отдельных странах, так и на международной арене.

Деятельность банков каждой из указанных групп связанная с достижением ЦУР, имеет свою специфику);

в-пятых, поддержкой реализации данной модели банковского бизнеса, оказываемой инфраструктурными организациями финансового рынка, включая рейтинговые агентства, формирующие рейтинги, предполагающие оценку деятельности банков и других компаний, направленной на достижение целей устойчивого развития, а также компании, занимающиеся подготовкой и аудитом отчетности о реализации политики, направленной на достижение ЦУР. В настоящее время действуют организации, аккумулирующие подобные отчеты. Так, на международном уровне с 1997 г. действует GRI, являющаяся независимой международной организацией, которая стала пионером в области отчетности об устойчивом развитии. Стандарты отчетности об устойчивом развитии GRI (Стандарты GRI) являются первыми и наиболее широко принятыми глобальными стандартами отчетности об устойчивом развитии. Эта практика уже к 2018 г. применялась 93 % крупнейших 250 корпораций мира [13]. GRI создана база данных, включающая подобные отчеты [14].

Значимому повышению роли центральных банков различных стран в реализации мероприятий, ориентированных на финансирование достижения целей устойчивого развития, способствовало создание в декабре 2017 г. такой международной организации как Network of Central Banks and Supervisors for Greening the Financial System (NGFS) (Сеть центральных банков и надзорных органов для экологизации финансовой системы). К концу 2019 г. в ее состав входило 54 члена и 12 наблюдателей [15, с. 3].

Банки же, действующие в различных странах ориентирующиеся на достижение целей устойчивого развития, входят в международные организации, нацеленные на распространение практики ведения банковского дела с учетом данных целей. Одной из таких организаций стала Global Alliance for Banking on Values (GABV), созданная в 2009 г. и являющаяся сетью банковских учреждений из различных стран мира, учрежденной с целью изменения банковских систем, повышения их прозрачности, поддержания экономической, социальной и экологической устойчивости. К концу 2019 г. в эту организацию уже входили банки Европы, Северной Америки, Латинской Америки, Азиатско-Тихоокеанского региона и Африки [16, с. 8].

В 2012 г. была создана Сеть устойчивого банкинга (Sustainable Banking Network (SBN)), созданная под эгидой Международной финансовой корпорации и являющаяся сообществом регулирующих органов финансового сектора и банковских ассоциаций развивающихся стран, приверженных делу продвижения устойчивого финансирования в соответствии с передовой международной практикой.

В Европейском Союзе в 2018 г. была создана «Группа технических экспертов по устойчивому финансированию при Европейской комиссии (Technical expert group on sustainable finance (TEG)) для оказания консультативной помощи при реализации «Плана действий по финансированию устойчивого развития» (Action Plan: Financing Sustainable Growth) [17]. В докладе «Green finance taxonomy» (Таксономия в области зеленых финансов), подготовленном и опубликованном TEG в 2019 г., предложена единая система терминологии в области финансирования устойчивого развития. Планируется интеграция данной таксономии в законодательство Европейского союза до 31 декабря 2022 г. В указанную таксономию включены виды экономической деятельности, способные внести значительный вклад в достижение экологических целей, связанных с обеспечением устойчивого развития.

В РФ приверженность идеям устойчивого развития в различных аспектах демонстрируют прежде всего

Внешэкономбанк (ныне ВЭБ.РФ), ПАО Сбербанк, «Банк ВТБ» (ПАО), АО «Альфа-банк», ПАО КБ «Центр-инвест».

Российские банки стали участниками «Глобального договора ООН» (UN Global Compact), а также «Национальной сети Глобального договора ООН в России» (UN Global Compact Russia). «UN Global Compact» был подписан 2000 г., и данная инициатива стартовала, а в 2015 г. она присоединилась к процессу реализации ЦУР и к январю 2020 г. UN Global Compact поддерживают более 10 000 компаний из 160 стран [18]. UN Global Compact стала крупнейшей в мире инициативой в области корпоративной устойчивости. К 2020 г. среди 69 российских участников UN Global Compact только два российских банка: ПАО «Совкомбанк» и Внешэкономбанк [19]. В число участников «Национальной сети Глобального договора ООН в России» (UN Global Compact Network Russia) также к 2020 г. входят указанные выше банки [20]. Свою приверженность Principles for Responsible Banking подтвердили три российских банка: Внешэкономбанк, ПАО «Совкомбанк» и ПАО КБ «Центр-инвест» [21].

Обсуждение

Переходя к оценке возможных перспектив применения «принципов ответственного банкинга», следует отметить, что дальнейшему распространению данных принципов и внедрении в практику деятельности банков по всему миру будут способствовать деятельность различных подразделений ООН, включая Финансовую инициативу Программы ООН по окружающей среде (United Nations Environment Programme Finance Initiative (UNEP FI)). Для оценки возможных перспектив применения «принципов ответственного банкинга» важным является учет функционирования уже фактически сложившейся инфраструктуры финансирования, в том числе банкинга, ориентированного на достижение целей устойчивого развития (ЦУР). В ближайшие годы можно ожидать появление отчетов банков, присоединившихся к «принципам ответственного банкинга», возможно формирование базы данных содержащей данные отчеты, а также увеличение количества банков, поддерживающих данные принципы. На этом фоне будет наблюдаться расширение инфраструктуры ответственного финансирования, в том числе банкинга [12].

Проведенное исследование позволяет говорить о том, что в масштабах РФ банкинг, ориентированный на реализацию идей устойчивого развития, еще не получил своего широкого распространения. И в этой связи представляется целесообразным обратить внимание на необходимость присоединения российских банков к практике применения принципов ответственного банкинга. И учитывая современные российские реалии представляется целесообразным сформулировать следующие рекомендации, направленные на развитие банковского дела на основе принципов ответственного банкинга, ориентированного на достижение целей устойчивого развития:

а) рассмотрение возможности подписания российскими банками принципов ответственного банкинга, утвержденных ООН;

б) разработка ассоциациями банков, действующих в РФ, мер, направленных на внедрение новой банковской практики, учитывающей принципы ответственного банкинга, на основе лучших мировых практик и с учетом оценки возможностей адаптации данного опыта в России. Данные меры должны включать рекомендации по формированию внутрибанковской политики, связанной с внедрением ответственного банкинга, оценкой деятельности банков, ориентированной на достижение определенных целей устойчивого развития;

в) принятие на уровне ЦБ РФ нормативных документов, ориентированных на поддержку перехода российских банков к реализации принципов ответственного банкинга. В связи с этим

можно предложить рассмотреть вопрос о целесообразности рекомендации банкам учитывать при рассмотрении кредитных заявок предприятий результаты их вхождения в рейтинги, отражающие проведение данными компаниями политики, ориентированной на достижение целей устойчивого развития.

Выводы

В исследовании обобщен международный, а также российский опыт становления банкинга, ориентированного на достижение целей устойчивого развития, декларированных ООН. Проведенное исследование позволило разработать рекомендации, направленные на развитие практики ответственного банкинга, ориентированного на цели устойчивого развития, в РФ.

Библиографический список

1. Resolution adopted by General Assembly on 25.09.2015. Transforming our world: 2030 Agenda for Sustainable Development [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://undocs.org.

2. Новые модели банковской деятельности в современной экономике : моногр. / под ред. О. И. Лаврушина. — М. : Кнорус, 2015.

3. *Семенюта, О. Г., Дудко, К. О.* Устойчивый социально ответственный банковский бизнес как новая модель развития банковского дела // Финансовые исследования. — 2015. — № 4 (49).

4. *Kanaev, A. V., Kanaeva, O. A.* Sustainable banking: conceptualization and implementation // SPbU Journal of Economic Studies. — 2019. — Вып. 3. — Т. 35. — С. 448–479.

5. *Taruna, D. R., Mahdevi, T. P.* Designing sustainable banking services: case of mauritian banks [Электронный ресурс] // Procedia — Social and Behavioral Sciences. — 2016. — Vol. 224. — P. 483–490. — Режим доступа : https://www.sciencedirect.com.

6. *Yip, A. W. H., Bocken, N. M. P.* Sustainable business model archetypes for banking industry // Journal of cleaner production. — 2018. — Vol. 174. — P. 150–169.

7. *Carlucci, D., Ferreira, F. A. F., Schiuma, G., Jalali, M. S., António, N. J. S.* Holistic conception of sustainable banking: adding value with fuzzy cognitive mapping // Technological and economic development of economy. — 2018. — № 24 (4). — P. 1303–1322.

8. About United Nations Environment Programme Finance Initiative [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.unepfi.org/about.

9. Principles for Responsible Banking. Guidance Document. Published by UNEP FI, 2019 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.unepfi.org.

10. Principles for responsible banking [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.unepfi.org.

11. Banking [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.unepfi.org.

12. Principles for responsible banking. Guidance Document: Impact Analysis. Published by UNEP FI in March 2020 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.unepfi.org.

13. About GRI [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.globalreporting.org.

14. GRI: Sustainability Disclosure Database [Электронный ресурс]. — Режим доступа : database.globalreporting.org.

15. Network for Greening the Financial System. Annual report 2019 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.ngfs.net.

16. Global Alliance for Banking on Values. Annual report 2019 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gabv.org.

17. Action Plan: Financing Sustainable Growth. European commission [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://eur-lex.europa.eu.

18. Guiding you through your sustainability journey. United Nations Global Compact. 2020 [Электронный ресурс]. —

Режим доступа : d306pr3pise04h.cloud front.net.

19. Our Participants [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.unglobalcompact.org.

20. Participants [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.globalcompact.ru.

21. Banking members [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https:// www.unepfi.org.

Bibliographic list

1. Resolution adopted by General Assembly on 25.09.2015. Transforming our world: 2030 Agenda for Sustainable Development [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://undocs.org.

2. New models of banking in modern economy : monogr. / ed. by O. I. Lavrushin. — M. : Knorus, 2015.

3. *Semenyuta, O. G., Dudko, K. V.* Sustainable socioresponsibility banking as a new model of development banking // Financial research. — 2015. — № 4 (49).

4. *Kanaev, A. V., Kanaeva, O. A.* Sustainable banking: conceptualization and implementation // SPbU Journal of Economic Studies. — 2019. — Vol. 3. — T. 35. — P. 448–479.

5. *Taruna, D. R., Mahdevi, T. P.* Designing sustainable banking services: case of mauritian banks [Electronic resource] // Procedia — Social and Behavioral Sciences. — 2016. — Vol. 224. — P. 483–490. — Mode of access : https://www.sciencedirect.com.

6. *Yip, A. W. H., Bocken, N. M. P.* Sustainable business model archetypes for banking industry // Journal of cleaner production. — 2018. — Vol. 174. — P. 150–169.

7. *Carlucci, D., Ferreira, F. A. F., Schiuma, G., Jalali, M. S., António, N. J. S.* Holistic conception of sustainable banking: adding value with fuzzy cognitive mapping // Technological and economic development of economy. — 2018. — № 24 (4). — P. 1303–1322.

8. About United Nations Environment Programme Finance Initiative [Electronic resource]. — Mode of access : https://www.unepfi.org/about.

9. Principles for Responsible Banking. Guidance Document. Published by UNEP FI, 2019 [Electronic resource]. — Mode of access : https://www.unepfi.org.

10. Principles for responsible banking [Electronic resource]. — Mode of access : https://www.unepfi.org.

11. Banking [Electronic resource]. — Mode of access : https://www.unepfi.org.

12. Principles for responsible banking. Guidance Document: Impact Analysis. Published by UNEP FI in March 2020 [Electronic resource]. — Mode of access : https://www.unepfi.org.

13. About GRI [Electronic resource]. — Mode of access: https://www.globalreporting.org.

14. GRI: Sustainability Disclosure Database [Electronic resource]. — Mode of access : database.globalreporting.org.

15. Network for Greening the Financial System. Annual report 2019. March 2020 [Electronic resource]. — Mode of access : https://www.ngfs.net.

16. Global Alliance for Banking on Values. Annual report 2019 [Electronic resource]. — Mode of access : http://www.gabv.org.

17. Action Plan: Financing Sustainable Growth. European commission [Electronic resource]. — Mode of access : https://eur-lex.europa.eu.

18. Guiding you through your sustainability journey. United Nations Global Compact [Electronic resource]. — Mode of access : d306pr3pise04h.cloudfront.net.

19. Our Participants [Electronic resource]. — Mode of access: https://www.unglobalcompact.org.

20. Participants [Electronic resource]. — Mode of access: http://www.globalcompact.ru.

21. Banking members [Electronic resource]. — Mode of access : https:// www.unepfi.org.

НАШИ АВТОРЫ

Контактная информация авторов журнала
«Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)»

№ 2 (70), ИЮНЬ, 2020

РАЗДЕЛ 1. УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИМИ СИСТЕМАМИ

Аржанов И. А. — студент 2-го курса магистратуры факультета «Международные отношения и международное право», направление «Международная безопасность», Дипломатическая академия МИД России.

E-mail: yatsu@flaut.ru.

Афанасьева И. И. — д. э. н., профессор кафедры мировой политики и глобализации ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

E-mail: ira5986@bk.ru.

Батищева Г. А. — д. э. н., профессор кафедры фундаментальной и прикладной математики ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

E-mail: Gbati@mail.ru.

Богданова Р. М. — к. э. н., доцент кафедры экономики региона, отраслей и предприятий ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

Бондаренко В. А. — д. э. н., доцент, зав. кафедрой маркетинга и рекламы ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

E-mail: b14v@yandex.ru.

Борзенко К. В. — аспирант ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

Борисова В. В. — д. э. н., профессор кафедры логистики и управления цепями поставок Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

E-mail: verabrsv@yandex.ru.

Воронкова О. Н. — к. э. н., доцент кафедры мировой политики и глобализации ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

E-mail: vipoksanka@yandex.ru.

Дебесай М. Г. — аспирант кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет».

E-mail: robeljan20134@gmail.com.

Журавлёва М. И. — к. ф.-м. н., доцент кафедры фундаментальной и прикладной математики ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

E-mail: zhurmari@mail.ru.

Кушнаренко Т. В. — д. э. н., зав. кафедрой бухгалтерского учета, анализа и аудита ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет».

E-mail: tvkushnarenko@mail.ru.

Ларионова К. А. — д. э. н., доцент кафедры экономической теории ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

Лопаткин Г. А. — аспирант кафедры коммерции и логистики ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

Макеев В. А. — д. э. н., профессор кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет».

E-mail: makeev951@mail.ru.

Миронова О. А. — к. э. н., доцент кафедры экономики региона, отраслей и предприятий ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

E-mail: lady.sensey2010@yandex.ru.

Новожилов А. С. — магистрант факультета компьютерных технологий и информационной безопасности ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

E-mail: A.Novozhilov@kavkaz.ttk.ru.

Пархоменко Т. В. — д. э. н., профессор кафедры коммерции и логистики ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

Полуянова Н. В. — к. э. н., старший научный сотрудник международной научно-исследовательской лаборатории пространственной экономики ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Пржедецкая Н. В. — д. э. н., профессор кафедры экономической теории ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

E-mail: nvpr@bk.ru.

Рязанов И. О. — магистрант факультета компьютерных технологий и информационной безопасности ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

E-mail: igor.ryazanov@icloud.com.

Череповская Н. А. — к. э. н., доцент Департамента менеджмента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

E-mail: Cherepovskaya777@yandex.ru.

РАЗДЕЛ 2. ЭКОНОМИКА И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

Будяков А. Н. — к. т. н., аспирант кафедры экономики и управления в топливно-энергетическом комплексе Грозненского государственного нефтяного технического университета имени академика М. Д. Миллионщикова.

E-mail: haskr@yandex.ru.

Гузенко Н. В. — к. э. н., доцент кафедры коммерции и логистики ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

Денисов О. Е. — аспирант кафедры маркетинга и рекламы ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

Димитриади Н. А. — д. э. н., д. м. н., профессор кафедры общего и стратегического менеджмента ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

Довлетмурзаева М. А. — аспирант кафедры экономики региона, отраслей и предприятий ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

Ермоленко О. Д. — к. э. н., доцент кафедры экономики региона, отраслей и предприятий ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

E-mail: OlgaErmolenko700@mail.ru.

Иванова Е. А. — д. э. н., директор Института магистратуры, профессор кафедры экономики региона, отраслей и предприятий ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

E-mail: s888pe@yandex.ru.

Иванченко О. В. — к. э. н., доцент кафедры маркетинга и рекламы ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

E-mail: iovkmr@mail.ru.

Кузнецов Н. Г. — д. э. н., профессор, зав. кафедрой экономической теории ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

Мартыненко О. В. — к. э. н., доцент кафедры менеджмента и торгового дела, Краснодарский кооперативный институт (филиал) АНОО ВО Центросоюза РФ «Российский университет кооперации».

Мелкумян А. С. — д. э. н., профессор, зав. кафедрой экономики труда Армянского государственного экономического университета.

E-mail: anahitmelkum@yahoo.com.

Миргородская О. Н. — к. э. н., доцент кафедры маркетинга и рекламы ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

E-mail: olyana_mon@mail.ru.

Морковина С. С. — д. э. н., профессор кафедры менеджмента и экономики предпринимательства Воронежского государственного лесотехнического университета имени Г. Ф. Морозова.

E-mail: tc-sveta@mail.ru.

Мухаммед Умар Инува — аспирант кафедры мировой политики и глобализации ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

Родионова Н. Д. — д. э. н., профессор кафедры экономической теории ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

Степанова Ю. Н. — к. э. н., профессор кафедры менеджмента и экономики предпринимательства Воронежского государственного лесотехнического университета имени Г. Ф. Морозова.

E-mail: julia_vrn@inbox.ru.

Тасуева Т. С. — д. э. н., профессор кафедры экономики и управления в топливно-энергетическом комплексе Грозненского государственного нефтяного технического университета имени академика М. Д. Миллионщикова.

E-mail: tamila75757@mail.ru.

Тяглов С. Г. — д. э. н., профессор кафедры экономики региона, отраслей и предприятий ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

E-mail: tyaglov-sg@rambler.ru.

Украинцева Д. В. — соискатель кафедры маркетинга и рекламы ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

РАЗДЕЛ 3. ФИНАНСОВО-КРЕДИТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ

Баланова М. М. — аспирант, ассистент кафедры мировой экономики ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

E-mail: milena_27@list.ru.

Бородина А. Г. — аспирант кафедры теории и технологий в менеджменте факультета управления Южного федерального университета.

E-mail: Borodina_a11@mail.ru.

Исраилова Э. А. — д. э. н., профессор кафедры мировой экономики ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

E-mail: elima84@mail.ru.

Лабынцев Н. Т. — д. э. н., профессор, зав. кафедрой бухгалтерского учета ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

Петров В. Г. — аспирант кафедры маркетинга ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный технический университет».

E-mail: ulsnab@mail.ru.

Уразова С. А. — д. э. н., профессор кафедры банковского дела ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

E-mail: urazova@inbox.ru.

Чухрова О. В. — к. э. н., доцент кафедры бухгалтерского учета ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫХ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК РГЭУ (РИНХ)»

Согласно решению ПРЕЗИДИУМА ВЫСШЕЙ АТТЕСТАЦИОННОЙ КОМИССИИ (ВАК) Минобрнауки РФ № 8/13 от 02.03.2012 «О перечне рецензируемых научных журналов и изданий для опубликования основных научных результатов диссертаций», в журнал принимаются статьи и материалы, соответствующие следующим требованиям.

1. Статьи должны содержать обоснование актуальности, четкую постановку целей и задач исследования, научную аргументацию, обобщение и выводы, представляющие интерес своей новизной, научной и практической значимостью; должны быть рекомендованы кафедрой (отделом) по месту учебы (работы) автора. Все статьи, представленные к печати в журнале «Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)», в обязательном порядке проверяются по критериям корректности предоставления научной информации, учитывая правила ее заимствования, рецензируются редакционной коллегией журнала и возвращаются авторам для ознакомления. Статьи предоставляются в формате «*.doc» или «*.docx».

2. Рекомендуется указывать место работы всех авторов и контактную информацию для переписки в Интернете.

3. Требования к оформлению научной статьи:

а) текст статьи должен быть набран шрифтом Times New Roman, кегль — 14, полуторный интервал, отступ первой строки — 0,75. Формат листа А4 (210 × 297 мм). На странице рукописи должно быть не более 30 строк, в каждой строке не более 65 знаков, включая пробелы между словами. Поля рукописи: верхнее, правое, левое — 25 мм и нижнее — 30 мм. Нумерация страниц в правом верхнем углу листа;

б) рисунки должны быть качественными, четкими, все надписи должны хорошо просматриваться (шрифт исключительно Times New Roman), необходимо указать источник или авторство каждого рисунка с помощью подстрочной ссылки на использованную книгу, статью или другие материалы;

в) таблицы набираются 12 кеглем через один интервал без выделения колонок (без заливки), необходимо указать источник или авторство каждой таблицы с помощью подстрочной ссылки на использованную книгу, статью или другие материалы;

г) редактор формул — MS Word, шрифт — Times New Roman, переменные — курсивом, греческие — прямо, русские — прямо;

д) заглавие статьи печатается строчными буквами. Инициалы и фамилия автора(ов) пишутся над заглавием статьи (для рецензии и информационных материалов в конце статьи). Заглавие отбивается двумя интервалами сверху и снизу (от текста);

е) в тексте статьи следует использовать минимальное количество таблиц и иллюстративного материала. Круглые скобки употребляются только в тексте;

д) ссылки на литературу оформляются в квадратных скобках, нумерация ссылок сквозная на протяжении статьи, подстрочные примечания помещаются в конце статьи (библиографический список) с точным указанием выходных данных;

е) иностранная литература оформляется по тем же правилам;

ж) статья обязательно должна содержать краткую аннотацию и ключевые слова, библиографический список. Указанные данные, Ф.И.О. авторов и название статьи приводятся на русском и английском языке;

з) общий объем статьи не должен превышать 12 листов в соответствии с указанными требованиями к оформлению.

4. К статье на бумажном носителе прилагается электронная версия, отдельным файлом сведения об авторе (имя, отчество, фамилия, место работы, учебы, должность, контактный телефон, e-mail, домашний адрес). Необходимо направить данные файлы также на электронный адрес — vestnik.rsue@mail.ru.

5. В соответствии с требованиями по включению номеров научного периодического издания «Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)» или его переводной версии на иностранном языке в системы цитирования Web of Science, Scopus, Web of Knowledge, текст статьи должен быть представлен в двух вариантах: на русском и английском языке.

Рукописи, оформленные без соблюдения приведенных выше правил, не рассматриваются. Редакционная коллегия оставляет за собой право при необходимости сокращать статьи, подвергать их редакционной правке и отсылать авторам на доработку. Датой поступления статьи, отправленной на доработку (если она была у автора), считается день ее возвращения в редакцию.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК РОСТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (РИНХ)

16+

№ 2 (70), ИЮНЬ, 2020

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор
АЛЬБЕКОВ АДАМ УМАРОВИЧ

Заместитель главного редактора
ВОВЧЕНКО НАТАЛЬЯ ГЕННАДЬЕВНА

Ответственный секретарь
ПАРХОМЕНКО ТАТЬЯНА ВАЛЕРЬЕВНА

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77–76371 от 02.08.2019
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Учредитель
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»

Адрес редакции журнала
344002, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69, к. 337.
Тел. (863) 237–02–75.
E-mail: vestnik.rsue@mail.ru

Адрес издателя
Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ)
344002, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69, к. 152.
Тел. (863) 261–38–02, 261–38–77, 266–42–34.
E-mail: ipkrinh@gmail.com

РЕДАКТИРОВАНИЕ, МАКЕТИРОВАНИЕ И ВЕРСТКА *ШМЫГЛЯ Э. В.*
КОМПЬЮТЕРНЫЙ НАБОР *ГУЗЕНКО Н. В.*
ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР *АКИМОВА Л. И.*

Изд. № 37/3584. Подписано в печать 30.06.2020. Дата выхода в свет 15.07.2020.
Объем 16,5 уч.-изд. л., 28,5 усл. печ. л.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 60×84/8. Гарнитура Times New Roman.
Заказ № 73. Тираж 1000 экз. Цена свободная.

Отпечатано
в ИПК РГЭУ (РИНХ)
344002, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69, к. 152.
Тел. (863) 261–38–02, 261–38–77, 266–42–34.
E-mail: ipkrinh@gmail.com

SCIENTIFIC EDITION

VESTNIK OF ROSTOV STATE UNIVERSITY OF ECONOMICS (RINH)

16+

№ 2 (70), JUNE, 2020

SCIENTIFICALLY-PRACTICAL JOURNAL

Editor-in-Chief
ALBEKOV ADAM UMAROVICH

Deputy Editor-in-Chief
VOVCHENKO NATALIA GENNADIEVNA

Executive Secretary
PARKHOMENKO TATIANA VALERIEVNA

Certificate on registration
ПИ № ФС77–76371 from 02.08.2019
is granted by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media

Founder
Federal state budgetary educational institution of higher education
«Rostov State University of Economics (RINH)»

Address of Editorial Board of Journal
344002, Rostov-on-Don, B. Sadovaya st., 69, RSUE (RINH), a. 337.
Tel.: (863) 237–02–75.
E-mail: vestnik.rsue@mail.ru

Publisher
Publishing and printing complex of RSUE (RINH).
344002, Rostov-on-Don, B. Sadovaya st., 69, RSUE (RINH), a. 152.
Tel.: (863) 261–38–02, 261–38–77, 266–42–34.
E-mail: ipkrinh@gmail.com

EDITING, LAYOUT BY *SHMYGLYA E. V.*
COMPUTER SET BY *GUZENKO N. V.*
ISSUER EDITOR *AKIMOVA L. I.*

Ed. № 37/3584. Signed in print 30.06.2020. Date of print 15.07.2020.
Volume of accounting and publishing sheets 16,5, conditionally printed sheets 28,5.
Offset paper. Digital printing. Format 60×84/8. Font Times New Roman.
Order № 73. Printing 1000 copies. Free price.

Printing by
Publishing and printing complex of RSUE (RINH).
344002, Rostov-on-Don, B. Sadovaya st., 69, RSUE (RINH), a. 152
Tel.: (863) 261–38–02, 261–38–77, 266–42–34.
E-mail: ip krinh@gmail.com